Жозе Линс ду Регу

КАНГАСЕЙРО

Жозе Линс ду Регу - КАНГАСЕЙРО

9 p. 45 k.

И * Л

Издательство

иностранной

литературы

*

José Lins do Rego

CANGACEIROS

ROMANCE

Rio de Janeiro 1956

Жозе Линс ду Регу

КАНГАСЕЙРО

РОМАН

Перевод с португальского

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва, 1960

Перевод
Н. ТУЛЬЧИНСКОЙ

Предисловие
В. ЕРМОЛАЕВА

Редактор
О. ПЛИНК

Художник
В. П. ВЫСОЦКИЙ

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В БРАЗИЛИИ И РОМАН „КАНГАСЕЙРО"

Роман «Кангасейро» принадлежит перу современного бразильского писателя Жозе Линс ду Регу. Книга появилась в свет первым изданием в 1953 году, но события, отображенные в ней, относятся к 1914—1928 годам. Основное содержание романа — показ жизни и борьбы крестьянства северо-восточных штатов Бразилии.

Линс ду Регу далеко не первым затронул эту тему. В 30-х годах в бразильской литературе появилась целая плеяда писателей, изображавших в приподнято-романтическом духе жизнь и борьбу крестьян северо-восточных штатов. Такого рода литература получила название литературы «Зеленого ада».

В повестях и романах изображались разбойничьи отряды и благородные мужественные капитаны, умиротворявшие этих бандитов, или, наоборот, жестокие капитаны, получавшие возмездие от разбойников. Пылкая любовь, поджоги и убийства являлись непременным дополнением к основному сюжету. Все это овевалось романтически-мистической дымкой, скрывавшей социальный смысл событий действительной жизни. Типичным в этом смысле был роман Ж. Аленкара «Сертанец».

Иначе подошел к этой теме двадцать лет спустя Жозе Линс ду Регу. Роман «Кангасейро» — это эпопея жизни миллионов бразильских тружеников. Оговоримся сразу. Линс ду Регу в своем романе не смог подняться до больших социальных обобщений, но благодаря своему художественному мастерству, яркому изображению реальной жизни он непосредственно подводит к этим обобщениям, показывает пружины антагонистической борьбы в бразильской деревне, вскрывает классовую сущность буржуазно-

помещичьего правительства, осуществлявшего карательные функции на службе помещиков и капиталистов в штатах и провинциях Бразилии.

В ту эпоху, к которой относится действие романа, господствующие классы Бразилии, пользуясь слабостью рабочего движения и неорганизованностью крестьянских выступлений, действовали методами прямого насилия, грубого подавления любых прогрессивных движений, направленных на ликвидацию или ограничение полуфеодальных привилегий господствующей помещичье-клерикальной верхушки.

Президент Бразилии Вашингтон Луис Перейра де Соуза, определяя политику своего правительства, в 1927 году открыто заявил: «Социальный вопрос в Бразилии — это дело полиции». Полицейско-армейская дубина шествовала по Бразилии, наводя ужас на обездоленные, влачившие жалкое существование массы трудящихся города и деревни.

Полицейский произвол, извечная нищета, голод и болезни были уделом бразильского крестьянства. Но измученный, задавленный нуждой народ не терял надежды на лучшее время.

Протест против нищеты, гнета и несправедливости непрерывно бродил и тлел в народной душе, вспыхивая временами ярким пламенем мощных локальных крестьянских движений. Виселицы для жестоких помещиков и зарево пожарищ наводили ужас на привилегированные группы и классы всей страны.

Северо-восточные штаты Бразилии: Пернамбуко, Баиа, Сеара, Рио-Гранди-ду-Норте, Мараньон и Пара — являются колыбелью бразильской цивилизации. Национальное самосознание бразильцев впервые пробуждалось именно на территории этих провинций.

На обширных плантациях сахарного тростника, в энженьо (примитивных сахарных заводах) и в крупных скотоводческих эстансиях, составлявших до начала XX века основу бразильской экономики, трудились сотни тысяч рабов-негров, поденщиков мулатов, индейцев и белых, а также десятки тысяч свободных крестьян-земледельцев и мелких скотоводов-полубатраков — вакейро.

В мае 1888 года в Бразилии было отменено рабство. Это событие совпало с бурным производством кофе в южных штатах, прежде всего в Сан-Пауло. «Господин

кофе» в своем победном шествии оттеснил все другие культуры и привел к упадку сахарное производство. Северо-восточные штаты начали увядать, хиреть, приходили к великому запустению. Массы бывших рабов, батраков, крестьян-земледельцев и вакейро повергались в пучину нищеты и бедствий.

Рабство пало, но положение трудящихся масс деревни оставалось невыносимо тяжелым. Жизнеспособность и экономическую мощь сохраняли лишь владельцы обширных сахарных плантаций и крупнейшие скотоводы. Земли свободных крестьян постепенно переходили в руки небольшой горстки крупных помещиков, сахарозаводчиков и скотоводов. Обширные земли скупались иностранными компаниями, усиленно внедрявшимися в это время в экономику Бразилии. Голод и нищета народа все увеличивались. На этой почве началось брожение среди крестьянства, вылившееся в ряд крупных крестьянских выступлений. В 1896 году выходившая в Рио-де-Жанейро газета «Журнал до Комерсио», выражая страх господствующих классов, писала: «...когда голод коснется всех, поздно будет кричать о помощи — наступят ужас и всевозможные трагедии... Нужно, чтобы правительство вспомнило, что голод слеп и его ужасные последствия могут оказаться непредвиденными».

Предостережение газеты было запоздалым. В то время в штате Баиа в районе Канудос уже бушевала крестьянская война. Крестьяне Канудоса под руководством Антонио Канселейро, Пажеу, Жоан Абаде и других руководителей повстанческих отрядов создали огромный укрепленный лагерь, они сами изготовляли ружья и боеприпасы. В открытых боях жагунсо (так называли себя бедняки-повстанцы) громили отряды солдат-карателей. Повсюду пылали помещичьи усадьбы. Окровавленные головы помещиков и офицеров-карателей, насаженные на колья по обочинам дорог, были ответом крестьян на неслыханные зверства помещиков.

Против крестьян Канудоса объединились все реакционные силы Бразилии. Шесть тысяч солдат с двадцатью пушками, пулеметами и совершенными для того времени ружьями под непосредственным руководством военного министра маршала Биттенкура были брошены на подавление крестьян. Героическое сопротивление крестьян Канудоса правительственным войскам продолжалось около

года. В октябре 1897 года весь лагерь был разрушен артиллерией, повстанцы были побеждены. Городок Канудос был сравнен с землей.

Власти пытались искоренить и вытравить память о крестьянском восстании. О Канудосе было запрещено упоминать.

Впервые о Канудосе правдиво написал великий бразильский демократ Эуклидес да Кунья (1866—1909 гг.), чье пятидесятилетие со дня смерти было широко отмечено по решению Всемирного Совета Мира в 1959 году. В своей книге «Сертаны», вышедшей в 1902 году, Эуклидес да Кунья нарисовал героическую борьбу жагунсо Канудоса, встав на защиту обездоленных против угнетателей.

Эуклидес да Кунья сыграл большую роль в развитии как романтического, так и реалистического направлений в бразильской литературе. В духе традиции, начатой Эуклидесом да Кунья, написан и роман «Кангасейро».

Зверская расправа над крестьянским движением в Канудосе горько отозвалась на судьбах бразильского крестьянства. Полицейский произвол и гнет помещиков усилились, нищета по-прежнему переходила от поколения к поколению. Церковь клеймила мятежников как страшных грешников, попавших под влияние сатаны. Используя поголовную неграмотность и невежество крестьян, церковные проповедники добивались у крестьян выдачи властям всех «бунтовщиков» и инакомыслящих. В этих условиях бразильское крестьянство в течение 10—15 лет после Канудоса не могло начать массовые выступления против господствующих классов за землю и свободу.

Новая волна мощных крестьянских восстаний поднялась накануне первой мировой войны. Правительства Эрмес Родригес да Фонсека (1910—1914 гг.) и Браз Перейра Гомеса (1914—1918 гг.), выражавшие интересы крупных помещиков и компрадорской буржуазии, крепко связанной с латифундистами, посылали одну за другой карательные экспедиции против бунтовавших крестьян. На официальном языке карательные экспедиции назывались «интервенциями».

Крупные волнения крестьян происходили в этот период в северо-восточных штатах, особенно в Сеара, Баиа, Рио-Гранди-ду-Норте и Пернамбуко В штате Алагоас вспыхивали индейские восстания. Но самым мощным движением была крестьянская война в южных штатах Бразилии

(1902—1916 гг.), в Санта-Катарина и Парана, известная под названием «Контестадо».

Это была одна из крупнейших внутренних войн в стране. В 1914 году крестьянская армия «Контестадо» насчитывала 20 тысяч вооруженных и хорошо организованных крестьян под руководством бывшего солдата, талантливого военного руководителя Жозе Мариа.

Борьба против голода и нищеты за свободу и землю, как и прежде, являлась основной причиной крестьянских восстаний в первой четверти XX века.

Другим не менее важным обстоятельством, поднявшим крестьян на освободительную борьбу, была широкая экспансия иностранных трестов и акционерных обществ, которые под видом колонизации пустующих земель захватывали огромные территории Бразилии, богатые природными ресурсами. Первая четверть нынешнего века ознаменовалась в этом отношении безудержным и наглым вторжением монополий США в Бразилию. Скупая по дешевке земли, они насаждали в Бразилии звериные нравы, присущие монополистическому капиталу.

Крестьянская война «Контестадо», как и последующие революционные движения бразильского крестьянства на юге и северо-востоке страны, была непосредственно направлена прежде всего против североамериканских трестов.

Антиимпериалистический характер движения «Контестадо» нашел яркое выражение в действиях отрядов жагунсо. Так, например, в сентябре 1914 года отряды повстанцев в четырех направлениях атаковали войска правительства. Заняв города Куритибанос и Рио-Негро, они вопреки протестам иностранцев перерезали линию железной дороги Сан-Пауло—Рио-Гранди-ду-Сул, напали на поселки американцев, сожгли дома и предприятия треста «Лумбер К°».

«Контестадо» было потоплено в крови, так же как движение крестьян в Канудосе и в северо-восточных штатах под идейным руководством священника Сисеро, обещавшего крестьянам рай на земле. В ходе этих крестьянских движений и особенно после поражения основных сил бедняки-жагунсо действовали партизанскими группами.

Маленькие летучие отряды партизан-жагунсо внезапно нападали на помещичьи имения или на правительственные

войска, нанося им большой урон. Такие отряды легко ускользали от карателей, удачно скрывались в каатинге и находили надежное убежище в деревнях. Правительство не в состоянии было направлять войска против каждого из этих летучих отрядов, оно посылало крупные соединения против массовых восстаний, таких, как «Канудос», «Контестадо». Зверская расправа с участниками крестьянской войны «Контестадо», доходившая до закапывания повстанцев живыми в землю, оказала определенное влияние на бразильское крестьянство. В умах крестьян стало складываться представление о том, что гораздо легче вести партизанскую борьбу мелкими летучими отрядами непосредственно против того или иного помещика или акционерного общества.

Земельные магнаты могли располагать лишь своей охраной, небольшими полицейскими отрядами или, в лучшем случае, батальоном войск из местных гарнизонов.

Представление крестьян об особой эффективности небольших летучих отрядов в борьбе против помещиков было крайне ошибочным, свидетельствовавшим о классовой ограниченности крестьянства.

Но эта форма борьбы и протеста против нищеты и гнета становится популярной среди крестьян. Постоянные обиды, притеснения, наказания за неуплату налогов и малоземелье порождали каждодневные вспышки протеста крестьян. Группы недовольных мстили обидчику, сжигая его усадьбу или убивая его вместе с охраной. Участники таких отрядов получили название «кангасейро».

В 1918—1924 годах в период революционного подъема в Бразилии, когда на арену политической жизни бурно выступил новый класс — пролетариат, отряды кангасейро действовали по всей Бразилии. В особенности много их было в северо-восточных штатах, то есть там, где зародилось и распространилось движение кангасейро.

Кангасейро (кангасо) — это движение угнетенных пролетариев бразильской деревни. Оно выражало стихийный, бунтарский протест крестьянства против господствовавшего произвола и нищеты. По своей природе — это революционное прогрессивное движение крестьян за землю и свободу. В то же время это движение уводило крестьянство в сторону от социальной борьбы против правительства помещиков и компрадоров за проведение аграрной реформы и коренное улучшение своего положения. Канга-

сейро дробили на мелкие части мощную потенциальную революционную силу бразильского крестьянства.

В период подъема рабочего и демократического движения в Бразилии, когда нарождалась и делала свои первые шаги революционная партия пролетариата, бунтарские выступления кангасейро в известной степени были выгодны господствовавшим классам. Это движение отвлекало крестьянство от массовой борьбы против гнета помещиков и монополий за аграрную реформу. Помещики и полиция нередко засылали к кангасейро своих агентов, натравливавших крестьян друг на друга, разжигавших расовую рознь между белыми и неграми. Иногда это приводило к тому, что отряды кангасейро превращались в банды грабителей, попадавшие затем на службу правительству или плантаторам. Так, например, отряды известного движения кангасейро под руководством Ферейра Лампиана выродились в грабительские банды, находившиеся на службе правительства Бернардеса (1922—1926 гг). Сам Лампиан, которому присвоили чин капитана, использовался властями для борьбы против «Колонны Престеса», возглавившей подлинно революционное крестьянское движение. В то же время часть отрядов Лампиана сражалась в рядах «Колонны Престеса».

Отряды кангасейро, возникавшие в результате социальных бедствий, в своих действиях руководствовались нередко не общими интересами крестьянства, а личными интересами своих предводителей или чувством мести.

Некоторые помещики, став в оппозицию к правителям штата, привлекали на свою сторону кангасейро, использовали их в борьбе за свои политические интересы. Придя к власти, те же помещики жестоко расправлялись с кангасейро. В романе Линс ду Регу секретарь суда, допрашивая капитана Кустодио, связанного с кангасейро, говорит: «Я бы не вмешивался в борьбу против лидера Жатоба. Сегодня он враждует с правительством штата, а завтра все может измениться».

Но было бы совершенно ошибочным понимать движение кангасейро как реакционное, инспирированное клерикально-помещичьей верхушкой, как несправедливо было бы считать его чисто революционным крестьянским движением. Противоречивое по своему характеру, движение кангасейро было величайшей трагедией мятежного бразильского крестьянства и всего бразильского народа. Это дви-

жение, не имевшее руководства со стороны пролетариата, было обречено на неудачу в силу ограниченности крестьянского движения, в силу господства религиозных и иных предрассудков.

Большой заслугой Жозе Линс ду Регу как писателя-реалиста является отображение противоречивости кангасо.

В романе «Кангасейро» представлена целая галерея образов и персонажей, живших и боровшихся в различных штатах северо-востока Бразилии.

В центре романа находится отряд кангасейро под руководством Апарисио Виейра. В обычное время отряд насчитывал двести человек и имел постоянные широкие связи разведчиков. В борьбе против этого отряда объединились правительственные войска трех штатов, и все же отряд продолжал жить и действовать.

Тип кангасейро удачно выведен в образе Апарисио и его ближайших помощников.

Жозе Линс ду Регу не пожалел красок, чтобы нарисовать суровый облик кангасейро, не останавливающегося перед насилием и зверствами. Кангасейро, одичавший, одетый в грубую одежду из сыромятной кожи, с длинной бородой и грязными волосами до плеч, с кинжалом за поясом, уже одним своим видом вызывал страх у обывателей. Автор осуждает кангасейро, людей «с сердцем тверже камня», за жестокость. Но в то же время он вскрывает причины, побуждавшие их к этим действиям. Сам образ жизни кангасейро делал их суровыми и жестокими: бывшие крестьяне, бежавшие от голода и произвола помещиков, они попадали в еще худшие условия. Нужда, голод, палящее солнце и засуха каатинги, колючие заросли, грязь и болезни, постоянные преследования — вот удел кангасейро.

Младший брат Апарисио Виейра Бентиньо — человек с поэтической душой. Он нежно любит дочь мастера-сахаровара Алисе. Бентиньо мечтает о мирной счастливой жизни крестьянина. Но его мечтам, видимо, не суждено сбыться. Негр Висенте — сподвижник Апарисио — заставляет Бентиньо трезво взглянуть на жизнь: «Придет день, и ты станешь жить так же. У брата кангасейро нет иного выбора. Солдаты не посчитаются с тем, что ты мирный человек. Для брата Апарисио — один выход: ружье в руки — и прощай навсегда мирная жизнь!» Автор подчеркивает, что обстоятельства вынуждают кангасейро быть жестокими.

Но Жозе Линс ду Регу отмечает в своих героях и положительные черты, присущие простым людям Бразилии. Отважно борется юный кангасейро Зе Луиз, отдавший свою жизнь в схватке с насильниками.

Людям «с сердцем тверже камня» не чужды были мечты о мирной жизни, о счастье, о семье. Даже негр Висенте, наиболее жестокий из кангасейро, мечтает о мирной жизни, о куске вяленого мяса и кружке вина. Сам Апарисио Виейра рыдал, как ребенок, узнав о смерти матери.

Слезы выступают на глазах кангасейро, когда народный певец Деоклесио поет о жизни и бедствиях народа. Образ народного сказителя в романе подчеркивает неразрывную связь движения кангасейро с народом, с его мечтами о лучшей доле. Певец сложил немало легенд о народе-богатыре. В своих песнях народный сказитель не скрывает жестокости кангасейро, он поет о суровой, но героической правде, о народном горе.

Жозе Линс ду Регу нарисовал суровую картину жизни бразильской деревни, но тщетно пытались бы мы найти у автора мысли о том, где выход из этой отсталой варварской действительности. Автор вместе со своими героями Бентиньо и Алисе пытается бежать от социальных бедствий. Он видит надежду в чем-то отдаленном, но в чем именно — в романе не показано.

В самом факте бегства юных героев в неведомый тихий не существующий край Бразилии сказался порок «локализма», присущий произведениям Линса ду Регу. Локализм чувствуется в языке и колорите всего романа. Однако наиболее остро он проявляется в социальной ограниченности романа, неспособности автора к обобщению социальных явлений жизни северо-востока.

Основное зло — гнет, нищета и голод, порожденные социальным строем, в котором господствуют магнаты капитала и монополисты земли, — не раскрыто автором. Сочувствуя обездоленным, Линс ду Регу не клеймит виновников их несчастья. Более того, рисуя образ великодушного фазендейро капитана Кустодио, Линс ду Регу пытается как бы затушевать классовый антагонизм в бразильской деревне. Но это ему не удалось, так как добрый помещик Кустодио был унижен и уничтожен жадными акулами той господствовавшей помещичьей среды, к которой он принадлежал. Художник-реалист в данном случае бьет сам себя — ограниченного мыслителя.

Со времени событий, описанных в романе, прошло более тридцати лет. За этот исторический срок Бразилия шагнула далеко вперед, превратившись из чисто аграрной и отсталой страны в довольно развитую аграрно-промышленную страну. Могучей социальной силой Бразилии стал ее пролетариат. Некоторые перемены за последние три десятилетия произошли и в бразильской деревне, где заметно укрепились капиталистические отношения. Но основное зло бразильской деревни — монополия горстки латифундистов и безземелье миллионов трудящихся — осталось незыблемым.

Миллионы неграмотных, забитых бразильских крестьян по-прежнему влачат жалкое, нищенское существование. Они, как и прежде, протестуют и борются против нищеты и бесправия.

Движение кангасейро изжило себя и исчезло. Методы партизанщины и акты мщения помещикам оказались явно несостоятельными.

Первый удар по кангасейро был нанесен еще «Колонной Престеса», продемонстрировавшей смелую попытку революционного объединения бразильского крестьянства в рамках всей страны.

Факел освобождения крестьян от помещичьего гнета, поднятый участниками легендарного похода, не угас. Бразильское крестьянство, все более организовываясь под руководством пролетариата, неотвратимо идет к осуществлению своих чаяний.

Подлинно революционный путь разрешения этого назревшего вопроса указывает Коммунистическая партия Бразилии. В своей программе она призывает к тесному союзу пролетариата и крестьянства как базы для создания в стране единого национально-патриотического фронта. Только тогда можно будет с корнем вырвать феодальные пережитки, покончить с нищетой народа и осуществить аграрную реформу. Бразилия освободится от иностранного экономического господства и встанет на путь всестороннего прогресса и самостоятельного развития.

В. Ермолаев

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МАТЬ КАНГАСЕЙРО

I

Синья Жозефина жила здесь уже более двух лет. Загнали ее сюда зверства солдат, разгромивших лагерь «святого» в Педра-Бонита. После долгих скитаний с сыном Бентиньо по каатинге* она осталась здесь. Лига** за лигой шли они, как бы отступая от фазенды к фазенде, вымаливая то у одного, то у другого горсть муки, чтобы утолить голод; ноги их были изранены шипами, глаза глубоко запали от страданий. Старший сын Апарисио спасся бегством и, когда уходил со своими людьми в каатингу, сказал ей:

— Мать, Бентиньо проводит вас в Рокейру, в поместье капитана Кустодио, там в горах найдется участок, и вы сможете прожить...

Но пули солдат, сжимавших кольцо окружения, не дали Апарисио договорить.

— Кум Висенте! — закричал он. — Усиль огонь! Держи пролом! Не упускай «собачников»! — И исчез на глазах у чуть живой матери.

Бентиньо и старуха бросились на земляной пол лачуги, в ушах у них шумело от свиста пуль. В лагере стоял крик, казалось, настал конец света. Огонь уже охватил хижины на горе. Бентиньо прижался лицом к земле, тело его обмякло, им овладел страх. Он плакал, и от слез его горячая земля стала влажной. Как далеко в эту трудную минуту был от него отец Амансио, его покровитель, стре-

---

* Каатинга — засушливая зона Бразилии с низкорослыми деревьями и кустарниками. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

** Лига — мера длины, равная 6600 *м*.

мившийся свершить святой подвиг *. И вдруг ему стало ясно, что теперь для него все будет иным, навсегда. Навеки потерян городок Ассу, словно он отдалился на тысячи лиг. Теперь он обречен жить среди пожарищ, мести и смерти.

Так они лежали много часов. Наступила ночь, все утихло, слышны были только стоны умирающих. Жозефина села, сжала руки сына в своих горячих, энергичных руках матери, сохранивших еще силы, чтобы защищать, и сказала:

— Дитя мое, да свершится воля нашего господа! Солдаты убили святого, кровь его вошла в землю, и эта кровь не высохнет никогда. Солнце может царить над миром, но и у него не хватит тепла, чтобы осушить эту несчастную землю. Сын мой, эта земля пропитана кровью и будет взывать к отмщению.

И замолчала. Звездное небо в ночной тьме миллионами своих глаз как бы созерцало трагедию обездоленной семьи. Отец Бентон умер за неделю до того, как Бентиньо прибежал из Ассу с вестью о грозившем семье несчастье. Отец умер внезапно, без единого стона. Жозефина посмотрела на гамак и увидела безжизненно свисающие руки Бентона. Когда она бежала к нему, она уже знала, что случилось. Муж отошел в иной мир, даже не подав ей знака. Сын Домисио горько плакал тогда. Пришли странники, окружили покойника, вопли у гроба заглушили песнопения женщин во время литании в хижине у святого. Жозефина не плакала, смерть мужа она не приняла к сердцу. Бентон, отрешившийся от всего земного, равнодушный ко всему, кроме своего козленка, и при жизни был уже для нее мертвецом. Тоскливо блеял козленок, будто оплакивая покойника, и казалось, что плачет какой-то хороший, сердечный человек. Домисио пришлось увести животное подальше и привязать в каатинге. Вот тогда явился в лагерь Апарисио. Жозефина увидела сына во главе кангасейро, в кожаной шапке, с ружьем на плече, с кинжалом за поясом. Хижины наполнились смехом, шутками, рассказами парней о стычках. Апарисио вошел в лачугу матери, принял

---

* Автор упоминает здесь о попытке священника Амансио, воспитавшего Бентиньо, «совершить подвиг», примирив враждовавшие городок Ассу, где помещались власти, и селение Педра-Бонита — цитадель святого. (Это событие Жозе Линс ду Регу описал в своем романе «Педра-Бонита».)

благословение. Держа шапку в руках, сел рядом с ней, кроткий, как ягненок, и мягко сказал:

— Мать, почему вы не уходите? Я получил сведения, что сюда идут солдаты, чтобы покончить со святым. Они убьют всех, мать. Ни одного человека не останется в живых. Я пришел сюда, чтобы посмотреть, что можно сделать для этого святого... Лейтенант Маурисио отдал душу дьяволу, но я не сжег гнезда мерзавцев, видно, не было на то воли божьей. Пусть же земля и урубу пожрут их трупы. Я знаю, войска правительства прибыли в Ассу и готовы к нападению. Я поговорю со святым. Люди здесь потеряли голову, даже Домисио верит в силу этого человека. Я знаю, мать, что на нашей семье лежит большая вина, ведь наш дед когда-то убил святого Себастьяна *. Но мое оружие не боится проклятья. Мать, уходите отсюда. Наш старик умер, брат Бентиньо в Ассу. В Рокейре находится усадьба капитана Кустодио. Там вы будете жить, скрываясь, и власти никогда не узнают, кто мать Апарисио.

Главарь кангасейро кончил, и старая Жозефина сказала ему:

— Сын мой Апарисио, сам бог послал тебя напомнить нашей семье, что тяготеющее над нами проклятье не снято. Твое оружие слабее четок святого. Ты своей силой заставляешь дрожать весь сертан **. Но это сила проклятых нашего рода, рода твоего отца, которого поглотит земля. Ты, Апарисио, никогда уже не сможешь остановиться. Уходи, сын мой, оставь меня, ведь это последние годы моей жизни на земле, и я хочу до конца нести свой крест. Иди к святому и приобщись к его силе. Твоя сила, Апарисио, в крови, что течет в твоих жилах, это сила твоего деда, который был тверже кремня. Пойди и поцелуй руку у святого, Апарисио. Пусть он возложит руки на твое ружье, коснется твоего кинжала, может быть, тогда бог войдет в твое грешное тело.

---

* В Бразилии распространена легенда о миссионерской роли св. Себастьяна, который вернется на землю и восстановит справедливость. Время от времени появляется какой-нибудь фанатик или шарлатан и объявляет себя св. Себастьяном или его посланником. Здесь автор ссылается на событие, описанное в его книге «Педра-Бонита»: дед кангасейро Апарисио Виейра, мстя за свою невесту очередному «св. Себастьяну», приносившему в жертву девственниц, привел в селение солдат правительства, которые разгромили лагерь и убили святого.

** Сертан — внутренние засушливые районы Бразилии.

— Мать, я хочу только твоего благословения.

Апарисио вышел из хижины. У входа собрались странники, чтобы поближе взглянуть на властителя сертана. Апарисио посмотрел на эту испуганную толпу и уже с полным сознанием своей силы крикнул:

— Нет, я не зверь, нет!

Толпа отпрянула, как от разъяренного ягуара, готового броситься на нее. Молодцы Апарисио подошли к главарю — они ждали его приказа. Но он снова опустил голову, потом оглянулся на хижину, где на сухой земле, молчаливая и скорбная, сидела его мать; она была для него всем в этом мире. По лагерю неслось пение женщин у святого. Апарисио продолжал стоять, и молодцы его тоже не двигались с места. Притихшая толпа все еще ждала, что ягуар вот-вот прыгнет на нее, но Апарисио не пошевельнулся. Вдруг в тиши каатинги раздался крик — тоскливее крика ночной птицы Это святой, изнуренный бдением, в длинной рубахе из синей нанки, с бородой по пояс, показался вдали. Его появление потрясло людей, и они в священном ужасе, давя друг друга, устремились к нему. Люди падали на колени, и заунывная литания понеслась по всему лагерю. Но Апарисио и его парни не сдвинулись с места. Тогда мать Жозефина поднялась и подошла к сыну:

— Апарисио, сын мой, не для того ты пришел сюда, чтобы прикончить меня, убить, плюнуть в лицо, надругаться над породившей тебя матерью. Апарисио, сын мой, вот сила, которая способна сделать больше, чем твое ружье, сила, которая ранит глубже твоего кинжала. Иди к нему, Апарисио.

Слова матери повели сына, как поводырь слепого. Святой кричал, хрипел в исступлении. Апарисио и его люди подошли к нему. Но он, окруженный тысячной коленопреклоненной толпой, даже не посмотрел на кангасейро, которые так и не сняли шапок с головы. Потом, будто прозрев, святой пристально взглянул на Апарисио и его молодцов. И, подобно тому как сильный ветер, утихая, переходит в легкий, ласковый ветерок, он смягчился и обласкал своим взглядом грозу каатинги. Теперь уже не как святой грешнику, а как человек человеку, он сказал:

— Бог на небесах и мой святой великомученик Себастьян привели тебя ко мне.

Затем, прокладывая себе путь среди припадавших

к его ногам странников, он направился к кангасейро, высоко подняв голову с развевающейся по ветру бородой. Апарисио, увидев святого возле себя, опустился на колени. Ружье выскользнуло из его рук, когда тот коснулся своими высохшими пальцами головы кангасейро Можно было услышать малейший шорох в тишине как бы застывшего мира. Мрачно, загробным голосом святой вознес свою мольбу к небу. Литания опять понеслась по всему лагерю. Многие кангасейро плакали, Апарисио с трудом сдерживал себя, он казался затравленным зверем в берлоге, которую окружила свора псов. Но вот он поднялся и, держа ружье в левой руке, посмотрел святому прямо в лицо. Потом взялся правой, унизанной кольцами рукой за рукоятку кинжала и во весь голос крикнул:

— Люди, я не боюсь!

II

Фазенда Рокейра расположена на берегу реки Мошото на склоне горы Камбембе. Это владение капитана Кустодио дос Сантос, происходящего из семьи потомственных поселенцев, некогда бежавших сюда от засух. Здесь земля щедрая, податливая.

Владелец Рокейры встретил старуху с сыном в своей фазенде как равных. Тотчас отвел им участок, обнесенный каменной оградой, с глиняной хижиной под черепичной крышей и небольшим амбаром рядом. Жозефина нашла здесь все, как будто была у себя в Аратикуме. Не хватало только домашнего скарба, но для двоих утвари здесь было вполне достаточно. И, когда на следующий день у хижины появился капитан Кустодио, она поняла, что ее не забудут. Старик сам привязал коня к жуазейро и подошел поговорить. Вначале он пытался скрыть свои намерения, но потом стал откровеннее

— Сеньора дона Жозефина, ваш сын Апарисио выбрал для вас этот дом. Если появится ваш сын, вы затаитесь здесь, у самой вершины горы, и никому в голову не придет, что Апарисио Виейра отсиживается в этих четырех стенах, набираясь сил для борьбы против правительства. И упаси бог, чтобы кто-нибудь проведал об этом! Мне нравится Апарисио, я знаю, он делает именно то, что должен

делать каждый настоящий сертанец. Это наши правители — насильники, сеньора Жозефина, это они виновны во всем, что происходит. Я живу так уединенно потому, что знать не хочу ничего. С того дня, как по приказу мерзавца Касуса Леутерио на ярмарке в Жатоба́ убили моего сына Луиза Фелипе, я ни разу не выезжал отсюда, здесь и помру. Мои люди говорят: «Тело Кустодио дос Сантоса поглотит земля Камбембе». Это правда, меня не повезут в Таракату́, я не желаю, чтобы хотя бы один из этих мерзавцев увидел мое лицо, даже после того как умру.

Синья Жозефина молча слушала рассказ капитана. Улучив минуту, когда он дружески обратился к Бентиньо, занятому чем-то внизу в гроте, она рассмотрела Кустодио: он был уже в летах, но вовсе не казался немощным. Голубоглазый, седые волосы расчесаны на прямой пробор, бородка аккуратно подстрижена. Одет он был в полотняный костюм в полоску, на ногах — сапоги до колен, из левого голенища торчала костяная рукоятка кинжала. Жозефина рассказала о тяжком пути и не находила слов, чтобы отблагодарить хозяина за оказанное внимание:

— Мой сын Апарисио сумеет, капитан, отплатить сторицей за все, что вы для нас сделали. Теперь о семье будет заботиться мой младший сын Бентиньо. Правда, он еще молод, но он разумный, тихий, характер у него хороший. Капитан может рассчитывать на него, он выполнит любую работу. Только бы всевышний уберег хотя бы этого моего сына от кангасо.

— Сеньора дона Жозефина, я знаю, отчего вы так страдаете, я хорошо понимаю, что значит быть матерью кангасейро. Сам испытал горечь потери родного сына. Я видел, как принесли моего мальчика в гамаке — на нем не было живого места от ударов кинжалом, видел, как моя дорогая жена, несчастная Мосинья, обнимала брошенное у нашего дома тело сына. Мне стоило тогда больших усилий овладеть собой. Вот этими руками я копал могилу для бедняжки, сам вырыл яму, сам засыпал ее землей. Она там, в углу за оградой. А ведь это был мой сын, все, что оставалось у меня после страшного восемьдесят четвертого года. Мой сын был молодец, мастер на все руки. Эту землицу в горах он обрабатывал, как легендарные великаны, некогда поднимавшие целину. За скотиной ходил, точно отец за своим ребенком. Могу уверить вас, сеньора, он никогда ничем не огорчил меня, если не говорить о его смерти.

Моего сына убили на ярмарке в Жатоба... Это Касуса Леутерио подстроил... Мерзавец хозяйничает во всем нашем несчастном сертане. Партии приходят и уходят, а этот мерзавец остается. Луиз Фелипе поехал в Жатоба, хотел посмотреть, как там обстоит с рападурой *, и один из бандитов Касуса Леутерио оскорбил его. Сын взялся за оружие, и бандит поплатился за обиду. От удара в левый бок негодяй свалился в пыль. Тогда солдаты набросились на моего мальчика. Сержант Донато выстрелил из карабина, а остальные кинулись на него, как на бешеную собаку. Потом, я знаю, ни одного солдата не осталось на месте, чтоб хотя бы рассказать, как все произошло. Убили моего мальчика, живого места не оставили на теле и подбросили в энженьоку ** с наказом от Касуса Леутерио: «Передайте капитану Кустодио, что эта жарарака *** не ужалит больше никогда прирученного быка». Это сын-то мой был ядовитой змеей, дона Жозефина! Нет, он был даже слишком безобидным работягой! Вот как все это произошло... Что я мог сделать? Не стало сына, но остался позор. А Касуса Леутерио по-прежнему преспокойно наживается, командует на выборах, в суде, в то время как ваш покорный слуга продолжает варить рападуру и разводить скот. Жил у меня один негр, он все время искушал меня:

— Капитан, разве вашей милости не известно, что у Касуса Леутерио есть сын, который учится? Ваша милость знает, что он ездит из Жатоба в Баиа и переправляется через реку на каноа Жока Лопеса?

Этот дьявол не давал мне покоя, но я не хотел связываться с Касуса... Моя жена Мосинья тихо угасала, как пташка. И вот однажды негр Фиделис исчез из Рокейры, не сказав мне, куда идет... Но неделю спустя какой-то гуртовщик, проходя через мою усадьбу в поисках заблудившейся скотины, принес весть: с негром Фиделисом случилась беда. Ночью в засаде у дороги, вблизи реки Сан-Франсиско, он прилег под жуазейро отдохнуть и, не выпуская из рук заряженного ружья, задремал. Проходившее рядом стадо напугало его, он вскочил, и ружье выстрелило бедняге прямо в грудь. Только по слетевшимся урубу́

---

* Рападура — неочищенный тростниковый сахар.

** Энженьока — небольшой сахарный завод вместе с плантацией сахарного тростника.

*** Жарарака — ядовитая змея.

и нашли его труп. Мосинья, узнав об этом, залилась в отчаянии слезами. Я никогда не думал, что она еще в силах так убиваться. Сеньора Жозефина, столько слез я никогда и ни у кого не видел. На другой день, лежа в постели, она призналась мне:

— Кустодио, это я послала негра Фиделиса. Но, видно, богу не угодно было, чтобы он выполнил мой приказ, и наш сын остался неотомщенным. К чему мне мучиться и жить, если он умер?

Мосинья лежала бледная, без кровинки. Через неделю она скончалась. Я похоронил бедняжку там же, рядом с сыном. А сын Касуса Леутерио закончил образование, и отец закатил пир. Три дня и три ночи плясали в Жатоба. Он командует на выборах и в суде. Правительство у него в руках. Только ваш сын Апарисио не подвластен ему.

Голубые глаза старика затуманились слезами. У Жозефины не хватило духу прервать тягостное молчание. Но тут подошел Бентиньо, и капитан поднялся, чтобы пожать ему руку:

— Мальчик, как же вы исхудали.

Бентиньо улыбнулся, потом сказал:

— Капитан, я здесь для того, чтобы работать. Моя мать, наверно, говорила уже с вами.

— Тут не о чем и говорить. Семья Апарисио Виейра — моя семья! Здесь, в Рокейре, вы у себя дома. Когда Апарисио посылал свою мать сюда, он знал, что может положиться на друга. Я и пришел к вам для того, чтобы договориться об этом. Сеньора дона Жозефина, у меня имеется какая-то сумма для передачи вам. Деньги прислал Апарисио с распоряжением вручить их вам в руки. Это его деньги. — Он вытащил из сапога пакет и передал его старухе. — Я не считал, сеньора Жозефина. Как получил, так и отдаю. Да, о том, чтобы не привлекать к себе внимания... Бентиньо лучше не показываться на людях. Работа для него у меня найдется. Никому и в голову не должно прийти, что здесь, высоко в горах, живет мать великого сертанца Пернамбуко. В доме никто ни о чем не будет знать. Я сказал, что приехали из Пажеу родственники Мосиньи, и все поверили. А Касусо Леутерио убежден в том, что капитан Кустодио дос Сантос — просто шелудивый пес, без стыда и совести и молча снесет любой пинок, любое оскорбление, как последний бездомный бродяга. Я знаю, и все в округе знают, что Касусо Леутерио

разбогател, переправляя контрабандой водку на другой берег. А тебе, мальчик, я хочу дать совет: оставайся здесь с матерью и не отходи от нее ни на минуту. Твой брат Апарисио говорил мне: «Капитан Кустодио, у кангасейро свои обязанности, но моя мать много перенесла горя из-за меня, и я хочу сделать все, чтобы она больше не страдала по моей вине».

Наступили сумерки. И, как только скрылось солнце, в этом заброшенном углу запели, закричали, завыли ночные его обитатели. Пение птиц становилось тише и все печальнее, как бы предвещая вечный покой. На прощание капитан сказал:

— Можете быть уверены, дона Жозефина, здесь никто не будет докучать вам. Сюда, на край света, не заглянет ни одна живая душа. В фазенде я сказал всем, что отдал этот участок вдове, родственнице Мосиньи. А тому, что я говорю, люди верят. Мальчик может приходить и работать, где захочет. Пусть только не болтает сам и не слушает болтовню других. Правда, у меня все люди проверенные, но все же нужно помнить, что в Апарисио Виейра — спасение нашего края. Если бы не он, то из каждого угла вылез бы какой-нибудь касуса леутерио.

Он простился и, уже сев на коня, церемонно взмахнул шляпой. Раздался топот копыт: в ночной тишине казалось, будто мчится целая кавалькада — вспугнутые птицы встрепенулись на ветвях жуазейро. Жозефина посмотрела на Бентиньо, взгляд ее сказал многое. Сын опустил голову, и до него донеслись суровые и грозные слова матери:

— Сын мой, бог осудил нас навсегда. Проклятие Апарисио, Домисио и твоего отца тяготеет над нами. И так будет до конца наших дней. Такова воля божья, все в его руках. Тебе лучше уйти от меня. На свете много мест, где человек может найти себе приют. Неужели моя жизнь станет для тебя наказанием?

Бентиньо не осмелился взглянуть в скорбное лицо матери. Ему хотелось обнять ее, целовать ей руки, но он был мужчина, глава семьи. И с мужеством отчаяния он ответил:

— Мать, господь дает людям железное сердце и неслыханную силу, чтобы вынести его кару.

— Нет, сын мой, бог покинул меня. Я видела, как кровь наших людей вошла в землю. Видела, как собаки лакали человеческую кровь. Кровь, всюду кровь на моем

пути. Апарисио убивает, Домисио, у которого была душа невинной девушки, убивает. И ты, сын мой, если не уйдешь от меня, кончишь тем, что начнешь убивать, как они.

Ночной ветер зашумел на вершине горы. Бентиньо зажег плошку, и туча москитов ворвалась в дом.

— Будет дождь, — сказала мать просто, обычным голосом. Это была снова мать из Аратикума.

III

С трудом привыкал Бентиньо к жизни, на которую толкнули его события в Педра-Бонита. Со дня расправы с паломниками душа его была в смятении. Он закрывал глаза, и перед ним вновь всплывали одно за другим события, в ушах опять гремели выстрелы, раздавались стоны, звучало пение литаний; дни, проведенные в дороге, голод, лишения — ничто не могло отвлечь его от мыслей, которые непрестанно возвращались к несчастьям, постигшим его родное селение. Сами они спаслись только чудом. Он вспоминал, как мать, словно окаменев, не замечала опасности, и, если бы он не заставил ее лечь на раскаленный песок, старой Жозефины не было бы теперь в живых. Наутро после катастрофы дым тлеющих хижин стлался по каатинге, как будто выжигали и выкорчевывали огромный лес. Даже издали, из-за валунов, за которыми они укрылись, было видно, как дым поднимается к небу и смешивается в вышине с облаками. Словно змеи, ползли они в глубь каатинги. Там, под сенью умбразейро, мать облегчила душу слезами, от которых у сына разрывалось сердце. В этот момент он страдал даже больше, чем во время зверств солдат в Педра-Бонита В этой изможденной старухе с ввалившимся ртом, с глазами, полными слез, катившихся по морщинистому лицу, была вся его семья, все, что осталось от родного дома. В тот злополучный день они уснули тут же у умбразейро под палящим декабрьским солнцем. Издалека, нарушая тишину сертана, доносились выстрелы — один, другой... Может, это Апарисио? А может, Домисио? Сопоставляя, связывая факты, Бентиньо восстановил картину событий и оценил положение. Он сразу возмужал, теперь он глава семьи и обязан довести мать до места, указанного ему старшим братом.

Увидев впервые Домисио среди кангасейро с обрезом и перевязью для патронов, сильного и неустрашимого, с злобно сверкающими, как у Апарисио, глазами и ожесточившегося, как старший брат, Бентиньо ужаснулся. Домисио — певец, робкий мечтатель, влюбленный в таинственную метиску из пещеры, — превратился в жестокого убийцу, подобно Апарисио, стал безжалостным, подобно деду из Аратикума. О том, как они добрались с матерью до Рокейры, страшно было даже вспоминать. Ужасные дни! Насмерть перепуганные, в изорванной одежде, голодные, они питались подаянием людей, протягивавших им из милосердия горсть муки или кусок мяса. Но были и такие, что, опасаясь гнева господнего, гнали их прочь, как только узнавали в них паломников, бежавших из Педра-Бонита. Весть о святом разнеслась по всему сертану и вызывала ужас. Те, что верили в святого, просили рассказать о событиях подробнее. Многие рыдали от одного упоминания о зверствах солдат. Другие поправляли Бентиньо, будто сами были очевидцами:

— Сынок, ты ничего не знаешь. Ты бежал и от страха ничего не видел. Святой не умер, нет. Солдаты расстреляли все патроны, но он ушел с Апарисио и уже собирает в другом месте паломников, чтобы свершить чудо. Пули правительства бессильны против него. Люди, что идут из Сеара́, уже несут о нем весть в Серра дас Русас.

Ему хорошо запомнился разговор с повстречавшейся им в дороге старушкой. Он с матерью остановился под тенью умбузейро, чтобы переждать, пока спадет жара. В это время к ним подошла, опираясь на посох, какая-то старушка и, приглядевшись к матери, спросила:

— Странница, ты не из Педра-Бонита идешь?

Мать ответила «да», тогда старуха бросила на нее гневный взгляд и крикнула в исступлении:

— Последний тот человек, у которого не хватило мужества умереть вместе со святым. Будьте вы прокляты!

Синья Жозефина не стала с ней ссориться и только ответила:

— Сеньора, мы здесь потому, что так предначертал господь. Я принимаю это как искупление и живу в этом мире, ибо такова воля всевышнего.

Так как мать не сочла за обиду гнев старухи, та тоже смягчилась и заговорила о святом чудотворце. Она говорила о том времени, когда сертаны будут вечно зелеными,

ручьи перестанут высыхать, горшки бедняков наполнятся молоком коров и коз и народ навсегда забудет о голоде. Все это свершится в день, когда посланец святого великомученика Себастьяна снимет заклятие и возвестит о чуде в Педра-Бонита, омытом кровью невинных. Она твердо знала, что все, кто сподобились увидеть лик святого, воскреснут для последнего воздаяния, для величайшего торжества всех времен.

— Мой сын Анаклето погубил свою жизнь в Жатоба и ушел в кангасо, теперь он в банде Апарисио... Говорят, Апарисио переправил святого в Сеара. Этот бандит обездолил весь сертан и губит сыновей добрых сертанцев. Анаклето был хорошим парнем, он провинился только один раз, в Жатоба! Мог явиться в суд, и полковник Касуса освободил бы его от наказания. Так нет же, ушел к этому мерзавцу Апарисио. Какая греховная тварь породила этого негодяя?

Старая Жозефина не ответила ни слова. Бентиньо пытался что-то сказать, но, взглянув на мать, сдержался. Позже, когда они остались одни, мать с горечью заговорила:

— Ты слышал, что сказала эта женщина: матерью Апарисио может быть только какая-нибудь греховная тварь! Она права, сын мой. Твой отец знал все это. Зло, которое творит Апарисио, идет от его деда. Все мы обречены страдать до конца, предуказанного всевышним.

Бентиньо ничего не ответил, он понимал, что лучше молчать и ждать, пока время залечит раны матери. Его мучили сомнения, и он отказывался верить в тяжкое предопределение судьбы своей семьи. Иногда он возмущался жизнью, на которую был обречен, и тогда назидания отца Амансио помогали ему.

Однажды после захода солнца — это снова было в пути — они постучались в дверь какого-то дома, у края дороги, и попросили приютить их на ночь. Вышла красивая девушка с печальным лицом и пригласила войти, дала поесть. В доме она была совсем одна. Девушка так пристально смотрела на Бентиньо, что тот не выдержал:

— Вы находите, что я на кого-то похож?

— Да, верно. Я никогда не видела, чтобы люди были так похожи. Это может быть только в одной семье, — ответила девушка и, повернувшись к старухе, спросила: — Вы идете из Педра-Бонита?

— Да, сеньорита, — ответила старуха, — мы спешим в Такарату, разыскиваем фазенду капитана Кустодио.

— А! Я знаю этого человека. У него убили сына в Жатоба. А юноша — ваш сын?

— Да, сеньорита, это мой самый младший.

— Понимаете, моя сеньора, я никогда не видела большего сходства, чем у вашего сына с Апарисио.

Бентиньо вздрогнул, но Жозефина спокойно ответила:

— Да, мне уже говорили об этом.

Девушка продолжала:

— Я увидела Апарисио впервые пять лет назад на празднике в фазенде Жозе Соареса, это в двух лигах отсюда. Погодите, я закрою дверь. — Девушка подбежала к двери и выглянула на дорогу, словно опасаясь кого-то. — Апарисио явился в фазенду с десятью молодцами, и случилось несчастье. Собралось много девушек, были и мужчины, но они даже не успели взяться за оружие. Апарисио вошел в дом и пригласил хозяйскую дочь. Девушка убежала в комнату и не хотела выходить, она заливалась слезами, как грудной ребенок. Потом все же вышла, дрожа, будто только что распустившаяся веточка. Апарисио приказал музыканту играть шоту и потащил за собой девчушку по залу. Вот тогда и случилось несчастье. Жука Новаи бросился из группы парней, но не успел он подбежать к танцующим, как один из молодцов Апарисио выстрелил и Жука как подкошенный свалился на пол. Танцы прекратились. Майор Соарес обратился к кангасейро, умоляя о милосердии. Апарисио ответил, что пришел сюда не для того, чтобы мешать веселью. «Мои ребята хотели только потанцевать немного, а эта собака бросилась кусаться. Мы сейчас уйдем и будем танцевать на площадке». Убитого оставили на полу, а сами тотчас же ушли и увели всех за собой танцевать до рассвета. Кангасейро не обидели ни одной девушки, и Апарисио сказал: «Майор Соарес! Мы ведь не солдаты, чтобы нарушать ваш покой!» Сеньора, я до сих пор помню его лицо. Это — лицо вашего сына.

Девушка рассказала, что живет здесь со своим отцом, который скоро должен вернуться домой.

Вскоре явился сам хозяин, и дочь сказала ему, что дала приют двум беженцам. «Они пробираются к фазенде капитана Кустодио».

Отец ничего не ответил ей, но, проводив мать и сына на ночлег в амбар, сказал:

— Моя дочь немного помешалась. С того дня, как Апарисио явился в фазенду кума Соареса, она только и говорит об этом проклятом бандите. Да, такая уж судьба сертанца: то засуха, то кангасейро или солдаты. — И ушел, оставив их в амбаре, где они укрылись от ночного холода. Старуха не обмолвилась ни словом о рассказе девушки, и Бентиньо обратился к ней:

— Мать, ты слышала, что говорила эта девушка? Она заметила сходство между мной и Апарисио... — Бентиньо не успел закончить фразу, как вновь появилась девушка. Она принесла лампу, соломенные подстилки, простыни и сейчас же снова заговорила об Апарисио:

— Кангасейро оставались до рассвета. Покойник лежал посреди комнаты в луже крови. Дона Синья, жена майора, приказала музыканту прекратить игру и обратилась к Апарисио: «Капитан Апарисио, у вас есть мать, она жива?» Кангасейро взглянул на нее и ответил: «Да, сеньора, слава богу, жива». «Тогда из любви к вашей матери позвольте людям унести отсюда этого христианина, он лежит, как собака, без свечей, которые осветили бы ему путь в иной мир».

Она хотела упасть к ногам Апарисио, но кангасейро не допустил этого. Он не произнес больше ни слова, никого не замечал. В патио было уже светло. В доме майора все плакали. Я видела кангасейро — их было больше десяти и во главе — Апарисио. Сеньора, можете мне поверить, это очень красивый человек. У него огромные глаза и черные волосы. Он сильный, высокий. А лицо — лицо вашего сына. Красивый, такого красавца, сеньора, я никогда не видела за всю свою жизнь. Я танцевала с ним и не боялась. А чего бояться? Кангасейро не звери. Апарисио — красивый мужчина, сеньора, и держал себя, как белый. На его молодцов я и не посмотрела...

Из дома донесся крик:

— Эстер, иди домой!

— Это мой отец. Он сердится, когда я вспоминаю об Апарисио, ему не по душе мои разговоры.

Девушка ушла, а мать и сын долго молчали. Первой заговорила на этот раз мать, в ее словах звучала тоска:

— И здесь то же самое. Повсюду Апарисио, как будто сам дьявол гонит его по свету. Если он не убивает, то калечит людей. На все воля божья. Домисио был другим человеком, и я надеялась, что он не загубит свою душу Но

что значит воля матери? От своей судьбы не уйдешь. Вот все, что я скажу тебе, не хочу гневить бога. Но я всегда чувствовала, что Апарисио появился на свет в наказание за грехи его деда. Твой отец был далек от всего. Он был как придорожный камень — куда упал, там и лежит. Но я знала, Бентиньо, знала, что на плечи ребенка, которого я носила под сердцем, ляжет проклятье семьи. В ночи смертельной муки, чувствуя боли в чреве, я не обманывалась, я знала, что это предзнаменование беды. Я не скажу больше ничего, ничего...

Бентиньо слушал мать. Вдруг из дома донесся крик: отец бранил дочь, и она плакала.

— Это тоже из-за Апарисио, — сказала синья Жозефина, — все зло идет от Апарисио.

На следующий день они поднялись чуть свет. Небо было обложено, с севера надвигались дождевые тучи, дул холодный ветер. Старик предложил выпить кофе, девушка к столу не вышла. Сам он сидел у двери дома и не проронил ни слова.

Путники торопились. Дорога на Рокейру шла вдоль берега Мошото, вдали вырисовывалась гора, на которую им предстояло подняться. Поблагодарив хозяина за все, они ушли, так и не решившись спросить о его дочери. Уже в пути, в густой чаще оитисики, они увидели, что кто-то догоняет их. Это оказалась девушка; ноги у нее были грязные, волосы растрепаны.

— Не пугайтесь, не кричите, — молила она. — Мой отец запретил мне говорить с вами. Ему повсюду чудятся люди Апарисио. Но я хотела только еще раз взглянуть на лицо вашего сына. Сеньора, он вылитый Апарисио. — Черные глаза безумной сверкали, выделяясь на бледном лице, так не похожем на обожженные солнцем лица сертанок. Вид ее испугал их. Но синья Жозефина, овладев собой, спокойно сказала:

— Да хранит тебя господь, дочь моя, нам предстоит еще долгий путь.

Девушка не шевелилась, она не сводила глаз с Бентиньо, будто искала что-то давно утерянное. Потом бросилась к ним, не замечая ранивший тело колючий кустарник. Приблизившись, она прошептала, как сокровенную тайну:

— У меня будет ребенок от Апарисио.

И пустилась бежать, словно спасаясь от преследования лесного зверя.

IV

После ухода капитана Кустодио синья Жозефина позвала сына, она хотела поговорить об Апарисио. Пакет с деньгами лежал на столе, и она попросила Бентиньо развернуть его. Денег оказалось много. Бентиньо насчитал десять банкнот по двести, двадцать по сто, и еще много по десять и пять мильрейсов, всего — больше чем на пять конто. Глядя на разбросанные по столу деньги, старая Жозефина сказала сыну:

— Видишь, Бентиньо, Апарисио прислал нам на жизнь деньги, которые отобрал у богатых. Это награбленные деньги, и я хорошо это знаю, но правительство разрушило наш дом и сделало несчастным весь Аратикум... Я могла бы не прикасаться к этим проклятым деньгам, но нам нужно есть и одеваться. Запрячь же их в какую-нибудь щель. Это — награбленные деньги, но ведь каждый час моего существования — сплошная мука, и ничего не изменится оттого, что я буду жить на деньги Апарисио. Я все время вижу перед собой девушку, которую мы встретили по дороге. Ты заметил, какая она была бледная? А как она смотрела на тебя, сын мой! Неужели Апарисио причинил зло этой бедняжке?

Складывая деньги, Бентиньо старался отвлечь мать от этих мыслей. Он не забыл ни девушки, ни ее отца, который сказал им о безумии своей несчастной дочери, и напомнил матери:

— Но, мать, разве вы забыли, что говорил старик? Ведь девушка помешанная!

— Это ничего не значит, сын мой, Апарисио делает людей несчастными по-разному, — ответила мать.

Бентиньо вдумывался в слова матери, и все протестовало в нем против них. Может быть, она говорит так только потому, что заметила мое несогласие с ней, все растущее восхищение старшим братом и мое уважение к нему? Ведь для этого достаточно видеть, как Апарисио внимателен к матери, как он заботится о ней. И в самом деле так это и было: стоило жене майора Соареса попросить о милосердии именем матери, как кангасейро смягчился. Всему миру было известно, что те, кто обращались к нему именем матери, получали все, что просили. Люди говорили, что владыка сертана склоняет голову только перед своей матерью, которую боготворит. Его могли заклинать именем

бога, и он оставался глух, но тем, кто молил именем матери, он давал все, что мог. И Бентиньо стал все больше задумываться над причиной ненависти синьи Жозефины к старшему сыну. Так было издавна, еще когда они жили в Аратикуме и Апарисио был совсем малышом. Теперь, казалось, все должно было быть по-иному, ведь богачи и правительство — все сильные мира сего были против Апарисио.

Шли дни за днями. Синья Жозефина мало-помалу приходила в себя и стала интересоваться домашними делами, она наводила порядок, которого здесь так не хватало. На вершине горы, где свидетелем ее жизни было только небо, она могла бы найти покой. Глиняная хижина вдали от мира, казалось, была создана для того, чтобы укрыть ее в несчастье. Сюда не заходила ни одна живая душа. Самый близкий дом, у грота, по дороге в Рокейру, отстоял на значительном расстоянии. В нем жили старики негры с двумя незамужними дочерьми. Спускаясь к подножию горы, чтобы постирать у водопада белье, синья Жозефина неизменно заставала их за тем же делом. Только тогда и слышала она человеческие голоса, рассказы о том, что творится на белом свете, и узнавала о вещах, которые поражали ее. Негритянки болтали без умолку:

— Сеньора, дорогая, как же вы забрались с сыном сюда, на край света?

Старуха должна была давать какое-то правдоподобное объяснение:

— Мы пришли сюда по совету родственников жены капитана Кустодио. Мы все потеряли в прошлогоднем наводнении.

Негритянки знали донью Мосинью.

— Она умерла от горя, сеньора, и не отомстила за невинного. Покойница была гордячкой, и она не жалела бедняков. А когда убили ее сына, такого хорошего, она не выдержала удара. Но у нашего господа бога глаза, как у кошки, он все видит и в темноте! Говорят, что капитан Апарисио обещал отомстить за убитого. Но полковник Касуса из Жатоба командует правительством. Сделал черное дело, и все сошло с рук.

Синья Жозефина не произносила ни слова, но сдержать болтовни негритянок не могла.

— Знаете, дорогая сеньора, мой старый отец живет здесь уже больше пятидесяти лет. Мой брат Фиделис по-

платился жизнью за эту семью. Погиб, бедняжка, в одном из оврагов на берегу Сан-Франсиско от случайного выстрела. Уходя, он сказал отцу, что отправляется исполнять приказ синьи Мосиньи. А по-моему, лучше бы ушел в кангасо. Апарисио бедных не грабит, а наказывает только богачей. Знаете, если бы был кангасо для женщин, я давно была бы уже там.

Иногда сюда приходили и другие женщины. Тогда негритянки оставляли сеньору Жозефину в покое и начинали болтать с ними. Женщины шли издалека к пресной воде, в которой не сворачивалось мыло.

Одна из них жила вблизи Такарату и рассказывала об Апарисио:

— Апарисио явился в Паус-дос-Феррос и жил там в доме префекта на широкую ногу, как полновластный хозяин. Его молодцы ели и пили в погребках. Но какой-то проходимец набросился на Апарисио — не иначе как хотел убить его. Вот тогда-то, милая, и разгорелся пожар. Не прошло и минуты, как завязалась драка. Апарисио бросился за проходимцем на улицу, и на мостовой остался лежать труп. Потом Апарисио крикнул своим молодцам: «Проучим этих стервятников!» И они действительно проучили! Не пощадили ни старого, ни малого...

— Пресвятая богородица!

— Так его самого ведь хотели убить!

— Нет, он зверь от природы! Какое отношение имели девушки к этой драке?

— Какое отношение? Когда кангасейро мстит, сеньора, для него человеческие законы не существуют. Говорят, что Апарисио схватил жену сборщика податей, некоего Фелисиано, и бросил ее на потеху своим парням... Теперь Паус-дос-Феррос обесчещено, и все население разбежалось, даже ярмарки там не устраивают.

Одна из женщин, не принимавшая участия в разговоре, разбросав для просушки белье, заметила тихую, не проронившую ни слова Жозефину и обратилась к ней:

— Знаете, сеньора, здесь, в этом сертане, людям не страшен Апарисио. Сюда, в Таракату и Жатоба, он и ступить не смеет. У полковника Леутерио большие силы, у него и в кангасо есть люди. Вот почему здесь так восхищаются удалью Апарисио. Я-то знаю, сколько бед натворил он в этом божьем мире.

У меня есть брат, дочь его зовут Эстер. Он вдов и живет у края дороги, которая ведет от Педра-Бонита сюда. Это очень хороший человек. После того как он овдовел, живет только для семьи. Воспитал без женщины в доме дочку, можно сказать — красавицу. Девочка такая воспитанная, как из благородных. Хотя я и видела ее всего один раз, но могу подтвердить, что она действительно красивая. И должно же было так случиться, что мой брат Деодато взял на горе себе дочь в фазенду Коио, принадлежащую майору Соаресу. В первый раз повел он девочку на танцы. Туда явился Апарисио со своими молодцами. Он застрелил тут же в комнате набросившегося на него парня и увел гулять своих ребят. На дочку моего брата Деодато все это повлияло, и она стала дурочкой! Да, сеньора, совсем дурочкой! Денно и нощно тоскует, всего боится. Не может слышать стука окошка, шороха ползущей ящерицы, сразу начинает плакать. Я как раз только вчера проходила мимо их дома: совсем девочка из ума выжила. Без умолку говорит об Апарисио. Апарисио да Апарисио — и все тут. И знаете что еще? Она вбила себе в голову, что зачала от кангасейро. Сама сказала мне: «Тетя Нока, у меня будет ребенок от Апарисио». Вот видите, сеньора, и нужно же было свалиться такой беде на моего несчастного брата!

Женщины отбивали на камнях белье. У подножия горы плескалась голубая вода источника. На склоне густо зеленел копим, распространяя вокруг благоухание. В глубине грота, в лагуне, куда стекали потоки с гор, крякали чирки маррека, разрывало тишину гоготание гусей. Женщины шумно отбивали о камни штаны из негнущегося брина или синей нанки, рубахи из хлопчатобумажной ткани — грубую одежду сертанца. Синья Жозефина не могла открыть людям сердце и молчала, только еще усерднее стирала, напрягая последние силы, вкладывая в работу всю свою истерзанную душу, на которую падало больше ударов, чем на камни, о которые отбивали белье. Одна из негритянок обратилась к ней с вопросом:

— Сеньора, вы не из Рибейра до Сан-Франсиско?

Синья Жозефина вынуждена была ответить, что она из Педра-Бонита, что вблизи городка Ассу

— А! — вмешалась в разговор другая негритянка. — Вы из тех же краев, что и святой? В этих местах родился Апарисио. Это — несчастная земля.

Опустив еще ниже голову, старуха намыливала белье.

Позже женщина, рассказавшая историю с девушкой, приблизилась к ней и спросила:

— Сеньора была с паломниками? Я слышала об убийстве. У правительства сердце жестче камня.

На этот раз синья Жозефина не смогла уклониться от разговора и мало-помалу рассказала женщине все. Слушая Жозефину, женщина позабыла о работе и плакала. Потом, потупив взор, призналась:

— Дорогая сеньора, я знаю, что люди из Педра-Бонита отмечены печатью божьего гнева. Мой покойный отец столько рассказывал о тех местах, о святом, который убивал девушек и детей, чтобы омыть кровью камень у входа в Педра-Бонита. Я все знаю, поэтому и верю, что бог смилостивится над людьми, перенесшими столько испытаний.

Наступил вечер, прачки спешили собрать развешанное на кустах белье. Мягкий ветер гнул растущий на склоне горы копим, в глубине грота сразу стало темно. Синья Жозефина, собрав еще влажное белье, медленно пошла с тяжелой ношей в гору. Отекшие, со вздутыми венами ноги едва передвигались. На душе у нее было тяжко от всего, что она услышала здесь о сыне, притаившемся, как ягуар, в каатинге. Неожиданно кто-то запел псалом, и вокруг разлилась печаль. Это одна из негритянок славила деву Марию. Сердце старухи разрывалось, как когда-то от мрачных молитв паломников. Тело матери, несущей свой крест, как бы истекало кровью невинных. На ее истерзанном теле Апарисио оставил своим ружьем и кинжалом следы кары господней. На фоне окружающей зелени согнувшаяся под тяжестью своей ноши старуха, освещенная лучами заходящего солнца, напоминала грубую копию с картины «Восхождение на Голгофу». Убитая горем женщина чувствовала себя последней тварью среди созданий божьих, ничтожным червем, пресмыкающимся.

V

Бентиньо днем работал в энженьоке капита Кустодио — упаковывал ящики вместе с двумя другими сертанцами из Вила-Бела. Это были молчаливые, печальные метисы, казалось, что, кроме работы, их ничего не интересует. Семей у них не было. Они жили в хозяйственной постройке капитана. Одного звали Терто, другого Жермано. О себе они

почти не рассказывали. Изредка один из них помянет о Вила-Беле, о засухе, разорившей их селение, и замолчит. Младший, Терто, через некоторое время сблизился с Бентиньо, а Жермано продолжал держаться так же отчужденно, молчал и интересовался только ящиками с соломой, в которые укладывали плитки сахара. И вот Бентиньо все же узнал историю братьев. Это произошло в тот день, когда Жермано отправился в лавку закупать провизию. Терто открылся другу: Жермано — его брат, раньше они жили в фазенде Серринья, принадлежавшей капитану Зе до Монте, в Серра-дос-Сиганос, вместе с отцом, скромным земледельцем из индейцев Серры-Тольяды. Однажды к ним зашел капитан Апарисио Виейра с отрядом. Старик встретил и накормил его, как мог. Угостил коальядой * и принял как почетного гостя. Но вскоре нагрянул с солдатами лейтенант Лопес, он уроженец Вила-Бела. Они схватили моего отца, избили его, потом привязали к жернову в амбаре. Сердце разрывалось при виде всего этого. Меня и Жермано окружили солдаты. Брат пытался сопротивляться, выхватил свой нож и вцепился в дуло винтовки, но солдат выстрелил в него — к счастью, задело только край уха. Я услышал крик сестер и увидел, как один из негодяев схватил сестру. Я бросился на него... Что было потом, даже рассказать не могу. Видишь этот шрам на голове... Над девушками надругались тут же, у нас на глазах. Старика увели в Вила-Бела, в тюрьму. Все в доме разрушили. Через два дня пришла весть: старик умер. Потом капитан Зе Монте вызвал к себе Жермано и потребовал освободить дом. Он не хотел больше видеть на своей земле людей, дающих приют кангасейро. Моя мать с несчастными дочерьми переехала к нашей тетке в Триумфо, у нее там дом. Жермано не мог больше смотреть на сестер. Однажды он даже сказал мне: «Лучше бы я сам, собственными руками, убил обеих. Обесчещенной девушке лучше не жить на белом свете».

С тех пор я никогда больше не видел улыбки на лице брата, оно словно застыло и не меняется ни днем, ни ночью. Теперь он все время твердит мне, что найдет покой только в отряде Апарисио Виейра. Но я знать ничего не хочу о кангасо. А он чуждается всех. Мы пришли в эту глушь и живем здесь на горе. Ненависть гложет душу брата. Мы

---

* Коальяда — кислое молоко, похожее на варенец.

никогда больше ничего не слышали ни о матери, ни о сестрах, Жермано и вспоминать не хочет о них.

Перед Бентиньо всплывали вновь все несчастья, постигшие его семью в Аратикуме. Ведь лейтенант Маурисио сделал с его семьей то же, что лейтенант Лопес с семьей Терто. «Слава богу, что у нас не было сестер, хотя бы эта горькая участь нас миновала».

Бентиньо все меньше понимал мать с ее нескончаемыми причитаниями, ее мукой из-за Апарисио. Для нее старший сын был только наказанием божьим, источником страдания, и она знала, что никогда от него не избавится. Бентиньо считал, что мать не права. Правда, если бы это зависело от него, он никогда бы не ушел из Ассу, а мать всегда хотела, чтобы он решительно порвал с семьей. Для этого она и отправила его во время большой засухи к священнику Амансио, надеясь, что там он выбьется в люди... Но все же он был уверен, что мать не права, и даже убийство паломников не может заставить его изменить свое мнение.

После всего пережитого сердце старухи омертвело. Она больше не молилась, стала точно каменная, не замечала ни солнца, ни луны, ни ливней. Ей даже не хотелось вернуться в родной дом. Здесь, в уединении, она все больше отдалялась от мира. Правда, Жозефина еще занималась хозяйством, целыми днями копалась, согнувшись, в огороде, ухаживала за своими коентро, мальвами, бредо. Но, благословив сына, она почти не разговаривала с ним. Исчезла прежняя сердечная близость. За месяцы, что они жили здесь, синья Жозефина вся высохла. С запавшим ртом, блуждающим взглядом, она стала совсем непохожей на властную мать из Аратикума и все меньше интересовалась житейскими делами.

Однажды, в воскресенье вечером, вновь появился капитан Кустодио. Привязав коня к жуазейро, он поговорил о том о сем и наконец сказал:

— Сеньора Жозефина, я приехал к вам с поручением от вашего сына, капитана Апарисио Виейра. Поручение передал мне гуртовщик Морено. Ваш сын просит вас оставаться здесь и сообщает, что Домисио был ранен в ногу, но сейчас, слава богу, уже почти здоров. Дело в том, что отряд Апарисио имел серьезное столкновение с солдатами Параибы. Укрываясь в фазенде Кристиано Перейра, он попал в окружение. Перестрелка длилась больше двух часов. С Апарисио было двадцать парней, и, если бы не получен-

ное от друга из Сеара за неделю до этого оружие, его отряд был бы совсем уничтожен. Видно, сам бог помогает вашему сыну, синья Жозефина. Солдаты лейтенанта Оливейра замешкались, преодолевая каменную ограду вокруг загона старого Кристиано Перейры. В этот момент ваш сын Домисио с двумя парнями прыгнул в самую гущу солдат и выстрелил в упор. Этим воспользовался Апарисио: он дал залп, прорвал окружение и исчез в каатинге. Отряд потерял двух человек, ваш сын Домисио был ранен в ногу. К счастью, рана легкая. Морено говорит, что погибло пять солдат, их похоронили в Принсесе. Старый Кристиано Перейра сидит в тюрьме в столице штата, но у него есть адвокат, некий Марколино из Принсесы, и старик скоро будет на свободе.

Мать старалась расспросить как можно подробнее о Домисио, но капитан ответил, что сообщил все ему известное, и, как обычно, заговорил о полковнике Касуса Леутерио:

— Сын его теперь избран депутатом. Дочь выходит замуж за инженера железнодорожной линии Пауло Афонсо. Теперь он будет распоряжаться и на железной дороге. Что ни день, он становится могущественнее и все больше добра захватывает в свои лапы. Я знаю, сеньора Жозефина, вам совсем не интересно слушать мои сетования. Но ведь моего сына убили, а меня, его отца, опозорили.

Капитан от волнения был не в состоянии продолжать, и синья Жозефина почувствовала, что может говорить откровенно с этим слабым человеком, изливавшим перед ней свое горе.

— Правда, капитан, моего сына не убили, но бог покарал меня иначе, и только мать знает, как тяжка эта кара.

Бентиньо, опасаясь, что синья Жозефина начнет клясть Апарисио, вмешался в разговор:

— Капитан, вы не знаете, рана не угрожает Домисио потерей ноги?

— Сынок, я ничего не могу добавить. Гуртовщик Морено сообщил только, что Домисио ранен, а больше ничего не сказал. Надеюсь, что твой брат уже опять при деле, — ответил капитан и вернулся к тому, что его мучило: — Касуса Леутерио воображает, что может распоряжаться всей жизнью в нашем сертане. На днях ко мне явился поговорить о политике уполномоченный по Алагоас де Байшо, молодой человек из влиятельной семьи Вандер-

леев в Триумфо. Но я сказал ему: «Сеньор доктор, Касуса Леутерио распоряжается здесь больше, чем правительство. Жатоба и Такарату — это как бы его фазенды. И тут не о чем говорить. Так велось во время монархии, так же осталось и в Республике. Был король, теперь президент, а власть была и есть в руках семьи Касуса, и тут не о чем говорить». Желая прекратить разговор, я сказал: «Я не хочу ничего знать о политике, сеньор доктор. Я был когда-то либералом, но либералы были бессильны против клики отца Касуса Леутерио. Я знаю, что на сегодняшний день право голоса ничего не стоит. На выборах и в суде командует Касуса Леутерио, а все остальное — просто разговоры. Мой сын погребен вместе с его матерью, и я не смею в глаза смотреть людям». Сынок, твой брат Апарисио Виейра — единственный настоящий человек во всем сертане. Он знает, что справедливость — в дуле его винтовки. Меня так и тянуло сказать этому доктору: «Старый Кустодио, живущий здесь в горах, выходит из дому только для того, чтобы «проголосовать» за капитана Апарисио Виейра». Но я сдержался и смолчал, считая свое молчание лучшим ответом. Вандерлеи из Триумфо рассчитывают справиться с Касуса Леутерио; мой сын в земле, а я только рассказываю здесь истории...

Выпив кофе, капитан Кустодио простился. Бентиньо пошел проводить его, и под жуазейро старик сказал ему:

— Сын мой, твой брат Домисио серьезно ранен в правый бок, но я не хотел говорить этого твоей матери, чтобы не растравлять раны бедняжки. Сейчас он находится у меня в доме и на следующей неделе придет сюда. Парень очень болен, и я опасаюсь за него.

Когда Бентиньо возвратился домой, мать стала расспрашивать, о чем говорил с ним капитан Кустодио.

— Послушай, Бентиньо, капитан скрывает от меня правду. Я чувствую, что с Домисио плохо. Несчастный рыщет по каатинге, как дикий зверь. — Она опустила голову и заплакала. — Я не смею ни о чем просить господа бога. Он там, на небесах, знает, что наша семья заслуженно несет свою кару.

Бентиньо решил скрыть от матери то, что узнал, и стал успокаивать ее.

— Он ничего не сказал мне, мать, вы ошибаетесь. Бог не покарает невинных. Какое зло вы могли совершить в этом мире?

Она ничего не ответила, только пристально взглянула на него, и ее страдальческий взгляд сказал больше слов.

В ту ночь Бентиньо не мог заснуть, ему не лежалось в гамаке, хотелось открыть настежь двери дома, вырваться на волю и побродить одному, чтобы собраться с мыслями. Домисио, его брат Домисио, израненный, пожелтевший, без кровинки в лице, ждал его. Если бы он мог броситься вслед за капитаном в каза-гранде и обнять любимого брата! Но он не посмел этого сделать. Необходимо было соблюдать крайнюю осторожность. Ведь по всему сертану выслеживают кангасейро, как зверя на охоте. Войска четырех штатов преследуют Апарисио, прочесывают каатингу, убивают и калечат людей. Только Апарисио, умный и сильный, может выдержать все это. Бентиньо знал, что мать сейчас не спит и думает о своем сыне, печальном певце, который своим пением брал за душу. Он был ее любимцем.

Теперь Домисио — закаленный кангасейро. Он стал в отряде Апарисио настоящим мужчиной, способным действовать против солдат с решимостью, о которой рассказывал капитан Кустодио. И он вспомнил прежнего Домисио, слабого, как девушка, чувствительного, со страхом прислушивающегося к пению таинственной женщины из пещеры Метисок.

Рассвело, а Бентиньо все думал... Свет проник сквозь щели в дом; тогда, распахнув дверь, он увидел небо, как бы залитое кровью. Казалось, что весь сертан поет на разные голоса. Умолкнувшие цикады, согретые теплым декабрьским солнцем, застрекотали вновь. Бентиньо сел на пороге. Мягкий утренний ветерок овевал глиняные стены дома, казавшиеся пурпурными. Ему хотелось оставить мать и поскорее уйти к Домисио. Но в это время донесся голос синьи Жозефины, выходившей из комнаты:

— Бентиньо, я не сомкнула всю ночь глаз. Я убеждена, что Домисио серьезно ранен. Не верю тому, что говорил здесь капитан. Если бы бог дал мне силы, я бы полетела туда, где находится мой сын. Я знаю, что душой Домисио не овладела злоба, как у Апарисио, эта болезнь не терзает его душу. Бедняжка одинок в каатинге... Апарисио не успокоился, пока не увел с собой моего сына, но в жилах моего Домисио не течет кровь семьи Бентона.

Они молча пили кофе. Бентиньо еле сдерживал желание уйти в Рокейру, а синья Жозефина сидела хмурая,

с блуждающим взглядом. Неожиданно до них донесся конский топот. Какие-то всадники приближались к дому. Старуха, сидя спиной к входной двери, не пошевелилась. Вдруг Бентиньо вскочил и с криком бросился навстречу человеку, спешившемуся под жуазейро. Тогда старуха быстро поднялась — в объятиях Бентиньо ей почудился призрак сына Домисио. Она провела рукой по глазам, чтобы убедиться, что это не сон. Потом, словно к ней вернулась молодость, побежала к всаднику и, всхлипывая, стала обнимать его.

— Сам бог вернул мне тебя, мой сын... Сам бог...

Домисио, обессиленный, задыхаясь, еле тащился к дому. Бледный, без кровинки в лице, с отросшими чуть ли не до плеч волосами, он был похож на паломника в его смертный час. Совсем ослабев, он только молча показывал на свою грудь матери и брату, которые вели его в комнату к гамаку.

— Мать, это конец... — с трудом прохрипел Домисио, глядя, не отрываясь, своими пожелтевшими глазами на совершенно преобразившуюся старуху.

— Бог с тобой, сын мой, ведь здесь твоя мать, и она залечит твои раны. Я еще жива и готова отдать свою жизнь за тебя. Бентиньо, принеси Домисио кофе.

VI

Всего неделя прошла с того времени, как Домисио явился в дом к матери, а он казался уже совсем другим человеком. Исчезла желтизна, появилась краска на лице. Бентиньо остриг его длинные волосы. Братья не разлучались и целыми днями бродили в чаще вокруг участка. Но еще разительнее была перемена в самой Жозефине. Она всем интересовалась, ни на минуту не переставала заботиться о сыне; теперь в этом безлюдном углу воскресла мать из Аратикума. Когда она вскоре вновь спустилась с бельем к водопаду, женщины сразу заметили происшедшую в ней перемену. Как обычно, сестры негритянки были там. Они уже знали о столкновении между Апарисио и лейтенантом Оливейра и, горячась, преувеличивая, рассказывали:

— Апарисио уничтожил весь отряд лейтенанта Оли-

вейра, не осталось никого, кто мог бы рассказать эту историю. Самого лейтенанта нашли в камнях с изуродованной головой, а из молодцов Апарисио никто не пострадал.

— Это сам бог с ними, матушка. Он прикрывает их тела, как прикрывал когда-то своих подвижников!

Другие женщины утверждали обратное. Сестра Деодато опровергала рассказ негритянки:

— Я слышала все от гуртовщика, ночевавшего у нас с каким-то чахоточным, который направлялся на лечение в Серра Камбембе. Этот гуртовщик — негр Морено из Крато — говорил, что Апарисио пришлось выдержать большой бой и среди его людей есть раненые. Чахоточный был похож на кающегося в свой смертный час грешника: весь желтый, с потухшим взглядом. Морено говорил, что этот несчастный идет из Вила-Бела подышать горным воздухом. Они допоздна шептались с моим мужем в амбаре. Всем известно, что Морено гуртовщик, но меня никто не разубедит в том, что этот негр неспроста бродит по свету.

Синья Жозефина, как и прежде, усердно стирала, но теперь подруги не замечали на ее лице выражения страдания и безразличия к окружающему.

Немилосердно жгло полуденное солнце. Голубая вода у подножия горы медленно растекалась по влажной земле, и в этом пустынном месте слышно было только, как женщины отбивали белье о камни. Вдали виднелась лачуга негритянок. Густой кустарник обрамлял лагуну, в которой крякали чирки маррека. В воздухе носились разноголосые стаи: попугайчики, канарейки, гало де кампина. Младшая из негритянок заговорила о чудотворце, появившемся в Серра дас Руссас, в Сеара:

— Огромные толпы людей устремились в те края. Святой из Педра-Бонита не умер... Он не мог умереть, как не умер наш господь бог.

Женщины притихли, бросили стирку и стали слушать негритянок:

— Его убили в Педра, а он вновь явился в Сеара, живехонький, с тем же лицом, и дает людям все, в чем они нуждаются. Он возвращает зрение слепорожденным, подымает прикованных к постели калек и вызывает кровь из тела.

Женщина, спорившая раньше с негритянками, теперь соглашалась с ними и рассказала историю немой по имени Лаурентина, знакомой семьи ее мужа. Девочка, как-то

испугавшись, потеряла речь и отправилась с паломниками в Педра-Бонита, и вот стоило ей увидеть святого, как она заговорила так, что не остановишь. Обернувшись к Жозефине, женщина вызвала ее на разговор:

— Вот эта старушка, ведь она была в Педра? Была же? Разве ты не видела чудеса святого?

Синья Жозефина была теперь более общительна и рассказала о калеке из Брежо да Мадре Деус, которую принесли на руках; как только та услышала крик святого, она поднялась с земли, и, хотя ноги у нее заплетались, как у начинающего ходить ребенка, подошла к нему.

— Я сама видела своими глазами и передаю это только для того, чтобы люди знали истинную правду, — уверяла старая Жозефина.

— Так, так, сеньора, — поддержала ее женщина, — не иначе, скоро наступит светопреставление. Моя мать мне всегда говорила: «Жди знамения. В сертан явится чудотворец, он будет властен над жизнью и смертью человека. А после этого наступит светопреставление. Говорят, что по небу будут летать звезды с огненным хвостом и в их огне сгорит все, даже вода большой реки».

Вечером синья Жозефина собрала белье и стала взбираться со своей ношей на гору. Она шла уверенно, словно освободилась от тяжести, которая все время так угнетала ее душу. Теперь дома ее ждет сын Домисио, почти здоровый. На лице его появилась краска, глаза утратили болезненную желтизну. Он далек от опасностей каатинги, далек от Апарисио. О будущем она не думала. Словно дерево, потерявшее на зиму листву, она набиралась сил, чтобы опять покрыться густым зеленым убором. Ни словом не обмолвилась она о жизни сына в каатинге. Казалось, что они все еще живут в Аратикуме и она ухаживает за больным, которому необходима ее забота. Для нее Домисио снова был ребенком, которого она выходила в восемьдесят восьмом году от лихорадки. Она не разрешала ему сидеть на солнцепеке, заставляла до наступления сумерек уходить в дом.

И вот прошло всего несколько дней, и Домисио совсем изменился.

Бентиньо отвлекал его от матери. Но, когда ему все же случалось оставаться с ней наедине, он робел, терял уверенность. Взгляд старой матери ранил его в самое сердце, глубже пуль солдат.

Братья уходили на ближайшую лесную полянку, за намбу.

И вот однажды во время прогулки Домисио заговорил о своей жизни в кангасо:

— Знаешь, Бентиньо, я сам не понимаю, как попал в кангасо. Я был в лагере Педра-Бонита, и святой повел меня за собой. Потом я видел зверства солдат, расправлявшихся с людьми... Помнишь, как накануне ты прибежал из Ассу, чтобы предупредить, что в Педра-Бонита идут солдаты. Говоря откровенно, я не поверил тогда тебе. Но они действительно пришли и начали стрелять, никого не щадя. Я находился далеко от шалаша нашей матери. Отца мы похоронили за неделю до этого. И скажу тебе, когда внезапно в Педра-Бонита появился Апарисио, я сказал себе: «Апарисио — в сговоре с дьяволом, и если он и святой пойдут вместе, то сильнее их никого не будет на свете».

И они встретились, но ты сам видел, что из этого вышло. Я бежал тогда с Апарисио. В первые дни я шел по зарослям каатинги, как помешанный. У Апарисио, братишка, нечеловеческие силы. Больше недели вел он своих молодцов. Лишь изредка люди выходили на опушку, на ходу высасывали несколько плодов умбу и опять углублялись в непроходимую каатингу. Альпаргаты на ногах у людей износились, а мы все продолжали идти. Шли, не останавливаясь, две недели. Однажды Апарисио отвел меня в сторону, подальше от спавших ребят, и сказал:

— Домисио, теперь ты кангасейро. Когда мы придем в Авелос, я дам тебе обрез, он принадлежал парню по прозвищу Зеленая Кобра. Его пристреливал один из моих самых храбрых ребят.

Слушая Апарисио, я весь дрожал. Мне безумно хотелось вырваться и уйти бродить по миру со своей гитарой, со своими песнями. Обрез был мне не по душе. Апарисио я ничего не ответил, но в голове у меня созрел план... На первом привале я свалился, как мертвый. Но я видел, как спал Апарисио. Он всегда был начеку. Стоило проскользнуть ящерице, как он открывал глаза и взводил курок. И во сне он не выпускал оружия, всегда готовый отразить нападение. Бентиньо, я убедился, что брат не такой человек, как мы. Нас родила одна мать, это верно. Но он сын Бентона, настоящий Виейра, а это совсем особые люди, Бентиньо.

Две недели продолжался этот мучительный бег. И вот однажды ночью мы остановились в каком-то гроте. Вдали мерцал слабый огонек. Ночь была темная, ни зги не видно. Я подошел к Апарисио, и он тихо сказал мне:

— Это дом Педро Фермина из Авелоса. Он доставляет нам оружие.

Люди расположились на отдых под имбураной, а мы с Апарисио вошли в дом. Мужчина разжигал огонь, его жена готовила мясо к ужину.

— Капитан, — обратился хозяин к Апарисио, — я так и рассчитывал, что вы сегодня будете здесь. Сюда заходил гуртовщик Морено и сказал: «Капитан ушел в каатингу около двух недель назад». Я тотчас же связался с Нена Силвино и оповестил его обо всем Вот уже три дня, как груз прибыл. Оружие послал полковник Жука Силвино, из Флореса, а доставил его сюда Беневенуто — тот, что торгует корзинами на ярмарке в Жатоба.

В углу комнаты стоял кожаный мешок с боевыми патронами. Апарисио распорядился ими, потом отозвал хозяина в сторонку.

— Я слышал, что метис Жозуе из Такарату арестован.

— Да, капитан, он убил человека.

— Ну, так вот, договорись с Жука Тринидаде, и чтоб Жозуе был на свободе!

Потом нас накормили бататом с вяленым мясом. Парни тихо переговаривались у дома, а Апарисио улегся в каморке в гамак и вскоре уснул. Я всю ночь не мог сомкнуть глаз. Наутро Апарисио вызвал меня и сказал:

— Это — обрез Зеленой Кобры, он погиб во время схватки с солдатами Параибы. Я знаю, братишка, что у тебя душа не лежит к кангасо, но ты брат Апарисио Виейра, и солдаты не оставят тебя в покое. Теперь тебе придется всю жизнь не разлучаться с обрезом. Этот паренек, по прозвищу Зеленая Кобра, ушел из семьи, когда ему было лет пятнадцать. Солдаты убили его отца во время раздела земли. Паренек был волчьей породы. Он умолял меня взять его в кангасо, а был еще безусым мальчишкой с нежным, как у девушки, лицом, и кум Висенте отослал его домой, к подолу матери: «Будешь потом плакать, малыш!» Но он не уходил, и никакими силами нельзя было оторвать его от меня. Он все твердил: «Я должен отомстить за отца. Никуда не уйду от вас, мать сама послала меня к вам». Я пожалел мальчонку и согласился оставить

его в кашеварах, пусть готовит фежоан* для ребят. Так он и остался. В мальчишку не иначе, как сам дьявол вселился. Он вскоре показал себя во время нападения на фазенду старого Зуза Пейшото. Этот Зуза вел себя нечестно со мной. Я целых два года собирался посчитаться с этой собакой. И вот наконец однажды дождливым вечером мы неожиданно налетели на его фазенду и рассчитались с ним сполна. Там я понял настоящую природу мальчишки. Звереныш обагрил кровью свой кинжал, вонзив его в тело одного из парней Зузы, и совсем озверел. Казалось, что он режет курицу. Сумасшедший мальчишка. Я даже отвернулся, чтобы не видеть лица парня в предсмертной агонии. Вот тогда-то кум Висенте и назвал его Зеленой Коброй, а я дал ему этот обрез. Он не разлучался с ним в течение двух лет, и не было такой стычки, в которой он бы не уложил одного или двух. Ты, наверно, слышал о налете на Тейшеру? Дело началось так: мы встретили какого-то спешившего в Сеара гуртовщика. Увидев Зеленую Кобру, он спросил:

— Не сын ли ты Терто Соуза, убитого при разделе земли? Послушай, Зе Паула, убийца твоего отца живет теперь богачом в Тейшере и работает на Дантасов.

С этого дня мальчишка ни о чем другом не говорил, а я к тому времени уже привязался к дьяволенку. Пробраться в Тейшеру было нелегко. Нужно было пройти через Принсесу — фазенду полковника Зе Перейра, а у меня был с ним уговор не появляться в тех местах. Но мальчишка не отставал от меня, и я позвал наконец кума Висенте (он сам родом из Монтейро), чтобы договориться об этом деле. Висенте предупредил меня: «Капитан, а уговор с полковником? Договор есть договор. После в тех местах никто не согласится помогать нам». Я ценил мальчишку и выполнил его просьбу. До Тейшеры мы шли больше недели. Зеленая Кобра обнюхивал каждый уголок, как настоящая ищейка, но безуспешно. Наконец мы задержали человека с грузом муки, который знал старого Зе Паула. Дом его находился на расстоянии лиги, возле грота. Парнишка был похож на ядовитую змею, готовую выпустить жало. Он не ел, не спал. В ту же ночь мы окружили дом Зе Паула. Вдали, за домом, находился загон с каменной оградой. Приблизившись, мы дали первый залп и сразу от-

* Фежоан — блюдо из черной фасоли.

четливо услышали поднявшийся в доме крик. А в загоне перепуганная скотина била копытом об изгородь... Из дома начали стрелять. Зеленая Кобра как будто только этого и ждал. Я должен сказать, что это была самая отвратительная расправа из всех, которые я когда-либо совершал. Не осталось ни одной птицы в курятнике. Зеленая Кобра прикончил старого Зе Паула и надругался над его трупом. Он уничтожал все, что встречал на своем пути, — волов, лошадей и даже собак. Потом поджег дом. К утру все было кончено, и мы быстро ушли в каатингу. На следующий день мальчишка сказал мне:

— Капитан, теперь я могу умереть. Моя мать просила меня отомстить, и я отомстил. Передайте ей этот золотой образок божьей матери, я сорвал его с груди жены убийцы моего отца. Теперь моя мать может успокоиться.

С того дня дьявол как бы покинул тело мальчонки. Он совсем притих и оживлялся только во время перестрелки. В бою мальчишка стоил двух десятков. Кум Висенте мне всегда говорил: «Капитан, с пятью такими парнями можно идти до самого моря». Но он погиб в жестокой стычке с солдатами Параибы. Это была горячая схватка с майором Жезуиньо. Пуля попала прямо в сердце, и паренек умер, точно подстреленная пташка. Кум Висенте целый день нес его труп на плечах, чтобы похоронить под камнями в Салу́. Мы поставили крест на его могиле. Смелый был мальчонка. Это оружие было его — теперь оно будет твоим.

Знаешь, Бентиньо, скажу тебе честно, что сердце у меня захолонуло, когда я услышал историю этого мальчика, и все же я молча взял обрез и вернулся вместе с Апарисио в дом. Парни отдыхали под деревьями. До того как солнце взошло высоко, Апарисио позвал негра Висенте и сказал ему: «Это мой брат Домисио, теперь он с нами. Поручать ему самые горячие дела!» Но у меня голова была еще занята святым. Я сам стал в Педра-Бонита почти праведником. Апарисио вырвал меня оттуда, и некоторое время я ходил, точно помешанный. Да так оно и было. На моих глазах убивали людей в Педра-Бонита. Я видел, как собаки лизали человеческую кровь на земле. Что стало со святым, не знаю. Знаю только, что меня несло с отрядом, как вырванный с корнями куст. Голова совсем не работала. Апарисио — самый упорный человек из всех, которых я когда-либо встречал. Он прижал меня в угол и не

дал слова сказать. Мы вынуждены были пробираться по каатинге, не останавливаясь, чтобы оторваться от отряда правительственных войск в двести человек. Колючки царапали в кровь, камни ранили тело, я испытывал мучительный голод и жажду, в горле все пересохло. Но когда отряд наконец остановился под оитисикой на берегу ручья, в котором еще не высохла вода, мне показалось, что я отдыхаю в нашем прохладном доме в Аратикуме.

Я расскажу тебе о первой стычке, в которой участвовал. Это было среди каменных глыб, вблизи Пажеу. Апарисио почуял опасность. Не явился его коитеро*, некий Зумба, который должен был доставить сведения об этой местности. Я слышал, как Апарисио сказал Висенте: «Зумба не подает сигнала. Это — плохой признак. Наверно, наткнулся на засаду солдат...» И все стали готовиться к встрече. Я притаился под умбузейро. Апарисио разделил отряд на три группы и расположился на выступах камней. Вверх по течению реки дорога сужалась. Так, не двигаясь с места, мы простояли всю ночь. Но, как только забрезжил рассвет, на подъеме показался первый солдат, потом еще с десяток. Когда они вышли на высокий берег реки, Апарисио зарычал, точно зверь, и началась пальба. Парни, стреляя, кричали. Солдаты, припав к земле, отвечали на выстрелы и тоже кричали. Первый залп кангасейро выбил из строя противника несколько человек. Я хорошо различал в этом шуме голос Апарисио, а голос Висенте покрывал даже треск выстрелов Так продолжалось больше часа. Потом вдруг наступила гробовая тишина.

Высокое полуденное солнце нещадно палило над камнями. Апарисио свалился на землю тут же, среди разбросанных патронов, и долго не мог отдышаться; глаза его были налиты кровью, дуло ружья раскалилось. Прошло немало времени, пока он обратился к Висенте: «Кум Висенте, на этот раз из наших, кажется, никто не пострадал. Хорошо сработали... Нужно посмотреть, не осталось ли кого в живых из солдат, чтобы не устроили засаду».

В эту минуту раздался выстрел. И мы увидели человека, бегущего с кинжалом к берегу реки.

— Это наш Дедé! — закричал Апарисио.

На берегу двое уже катались по земле.

---

*Коитеро — человек, предоставляющий убежище, пособник.

— Деде, оставь солдата!

Кангасейро впился в него, как дьявол.

— Наверняка пустит кровь этому негодяю.

Израненный солдат все же не сдавался. Борьба длилась больше пяти минут. Кангасейро исступленно кричали:

— Деде, кончай с этим сукиным сыном!

И вдруг все увидели, как солдат подскочил в воздухе и, когда Деде бросился на него с кинжалом, ловко, как кошка, извернувшись, выстрелил прямо в грудь кангасейро. Деде харкнул солдату кровью в лицо и тут же, испустив крик ягуара, опять накинулся на солдата, и оба свалились на землю. Апарисио подбежал поближе. Я тоже подошел посмотреть: оба тяжело дышали, и их кровь смешивалась на речном песке.

— Пусти, Деде! — закричал Апарисио и вонзил кинжал по рукоятку в горло солдата. Все парни последовали его примеру. Меня мутило от всего этого. Апарисио наклонился над Деде, осмотрел раны, прощупал его и сказал: — Молодец, парень, не помрешь, нет.

Деде попросил пить. Висенте наполнил свою кожаную шапку водой из реки и дал ему напиться. Кровь стала течь меньше, и Деде позвал Апарисио:

— Капитан, я узнал эту бешеную собаку. Это — Неко де Фелиш из Ингазейры. Он работал в Жатоба, на капитана Касуса Леутерио. Я заметил, как он прятался за выступом, и выстрелил — хотел убить капитана.

Апарисио знаком приказал ему замолчать. Убитых солдат оставили там же, под палящим солнцем, а так как их оружие военного образца не годилось кангасейро, то они вырыли яму в каатинге и зарыли его в землю. С солдат все сняли, у офицера забрали золотое кольцо с камнем и часы и передали Апарисио. Висенте, заметив у сержанта золотой зуб, изуродовал ему прикладом все лицо. Скажу тебе, Бентиньо, когда я уходил с отрядом в каатингу, я не мог слова произнести. Ночью Апарисио отозвал меня в сторону и объяснил:

— Каратель, Домисио, это зверь, даже убитый, он еще кусается. — Потом ушел спать в шалаш под умбузейро, и я услышал его храп. Тогда же я понял, какая жизнь меня ожидает. Вокруг стоял стон ночных тварей, а мне мерещилось размозженное лицо мертвого сержанта с золотым зубом. Образ святого, потрясавший раньше мою душу, не являлся мне больше. Верно, Бентиньо, сила Апарисио над

людьми очень велика. Я говорю тебе сущую правду. Лучше с ним не встречаться, встретишься — не выпустит.

Домисио умолк. Негритянка из грота у водопада пела псалом. Темная ночь поглотила мир. И только пение девушки напоминало о существовании человека в этом безлюдном углу.

— Старуха ждет нас. Упаси бог, если она узнает о нашей жизни.

— Она все знает, Домисио. Мать считает Апарисио сыном дьявола!

VII

Синья Жозефина знала, что своими заботами вернула сына к жизни, и не могла нарадоваться на него. Домисио совершил чудо и заставил вновь расцвести ее душу.

Так шли дни за днями, и вот однажды в дверь опять постучался капитан Кустодио.

— Сеньора Жозефина, — обратился он к старухе, — прежде всего я должен поздравить вас с выздоровлением сына. Парень прямо воскрес. Вот что значит забота матери! Но меня привело сюда поручение вашего сына Апарисио братьям. Ко мне заходил гуртовщик Морено, и от него я узнал о приказе вашим сыновьям. — Но, так как ни Домисио, ни Бентиньо не было дома, он все рассказал матери.

— Я полагаю, сеньора Жозефина может сообщить сыновьям, что капитан Апарисио ушел через Серрас дас Руссас в Сеара, там объявился новый чудотворец. Апарисио хочет, чтобы Домисио вернулся в отряд — гуртовщик говорил о двух месяцах — к посту.

Передав поручение, капитан опять заговорил о своих горестях:

— Сеньора Жозефина, правительство нашего штата своей политикой только подливает масла в огонь. Ходят слухи, что кто-то из «больших» людей готовится сбросить это правительство. Но для Касуса Леутерио это не имеет никакого значения. Он будет командовать этим «большим» человеком, как командует другими. Мой дорогой мальчик в могиле, рядом с матерью, а я здесь рассказываю истории. Морено говорил мне о Зеленой Кобре из отряда вашего сына Апарисио. Шестнадцатилетний мальчишка

взялся за оружие, чтобы отомстить за отца. И действительно отомстил. А я, Кустодио дос Сантос, владелец фазенды Рокейра, — просто старая кляча.

Синья Жозефина перевела разговор на другое. Она хотела подробнее расспросить о новом чудотворце:

— Это не тот ли, что был в Педра-Бонита, капитан?

— Дорогая сеньора, по правде, я и сам толком ничего не знаю. Слышал только, что паломники стекаются к чудотворцу в Сеара. Говорят, что он не ест, не пьет, подымает калек и что его молитвы имеют большую силу. У меня работают два метиса из Вила-Бела, они называют себя Терто и Жермано, парни уже сообщили мне о своем уходе в Сеара. Жермано все молчит, даже «здравствуйте» не скажет, солдаты убили его отца за то, что он дал приют вашему сыну Апарисио. Эти парни мне очень помогают по хозяйству, и я огорчен, что они покидают меня. Уходят в Сеара, к святому. Но такова уж жизнь в нашем сертане, синья Жозефина: терпим произвол правительства, молимся со святыми и мстим с кангасейро. Но я уже рассказывал вам: сын мой в могиле, с матерью, там у вершины горы. Убийцам моего мальчика покровительствует Касуса Леутерио. А я только говорю об этом. Но настанет день, и господь вспомнит о моем несчастье, явится человек, который смоет позор с моего лица, раз у меня самого не хватает на это сил.

Синья Жозефина почти не слышала слов капитана. Из головы не выходил наказ Апарисио. Она хорошо знала, что Домисио скоро должен вернуться в каатингу, и эта мысль не давала ей покоя. Попрощавшись, капитан ушел, и она осталась одна. Солнце садилось за горами. Вечер был тихий — деревья не шелохнутся, слышалось только пение птиц. Синья Жозефина взяла мотыгу и вышла в огород. Но она лишь делала вид, что работает, ее не покидала мысль о скорой разлуке с сыном. Он был опять здоров и казался ей прежним Домисио из Аратикума. Однажды в лунную и звездную ночь она даже слышала, как он пел свои песни. Она вслушивалась в его голос... Нет, это был голос не убийцы, не грабителя. Его пение радовало сердце матери. Он стал здоровым, сильным, и этого добилась она.

Согнувшись, старуха рыхлила землю. Коентро, лимонная трава, мальва, выхоженные ее руками, были такие же, как в Аратикуме. Гвоздика вечером распускалась, и теплый ветерок разносил ее благоухание. Но сердце старой

матери снова сжалось — в дом возвращался Апарисио. Она оставила работу, села на табурет перед домом и осмотрелась. Пташки торопились в свои гнезда, печально стонала, точно безутешная мать, так, что брало за душу, горлинка, свившая свое гнездо на крыше хижины. И старой Жозефине казалось, что птица мучается, как и она. В дом вернулся Апарисио! Это — кара господня!

Вдали промелькнули два силуэта — это приближались к дому ее сыновья. Она им все расскажет. Не возьмет греха на душу, ничего не утаит, даже ради Домисио. Такова воля господня, и да свершится она! А если промолчать? Если скрыть от сыновей приказ Апарисио? Нет. Она никогда еще не осквернила своих уст неправдой. Если Домисио погибнет, значит, такова воля всевышнего. И, как только сыновья переступили порог дома, старуха поднялась с табурета и сказала:

— Сыновья мои, Апарисио прислал предупредить вас о том, что к посту Домисио должен опять вернуться в отряд.

И больше не произнесла ни слова. Потом она зажгла керосиновую лампочку, и тогда первым заговорил Домисио:

— Мать, я знаю, вам будет тяжело расстаться со мной. Но вы должны понять, что другого выхода нет. Я — кангасейро. Это время я скрывался здесь, вдали от людей, но, если бы правительство узнало, что я здесь, тотчас явились бы солдаты и не оставили бы в живых ни меня, ни вас, ни Бентиньо; правительство убивает, и наши люди отвечают тем же.

Синья Жозефина, ничего не сказав, отвернулась и молча поставила на стол еду. Все трое поели. Потом Бентиньо обратился к брату:

— Такова судьба нашей семьи, Домисио. Или быть убитым, или убивать. Мать очень страдает, но она видела несчастье, обрушившееся на Педра-Бонита. Видела, как правительство расправлялось со всеми...

Старуха поднялась из-за стола и, гневно взглянув на сыновей, крикнула:

— Замолчи, Бентиньо, замолчи! Наставления отца Амансио, видно, не смягчили зверя, который живет в тебе. Если и ты хочешь уйти с Домисио, то почему не идешь, не оставляешь меня одну на белом свете? Иди, я не задерживаю тебя. Останусь одна, чтобы умереть. И ты будешь

убивать, будешь ползать, как ядовитая змея, по каатинге. Иди же. Зачем ты говоришь мне все это?

Сыновья молчали; по морщинистому лицу матери потекли слезы, как стекает смола с сохнущего дерева. Тягостное молчание вновь прервал Домисио:

— Мать, я знаю, что мне от рождения суждено расплачиваться за грехи других. Я понимаю, как тяжело быть матерью кангасейро. Но такова наша горькая участь. Правительство убило невинных в Педра. Я видел, мать, лицо мертвого святого. Видел его голову с длинными волосами в пыли, среди убитых паломников. Он не был святым, мать. Он был таким же человеком, как я и Бентиньо. Он лежал с открытым ртом, мертвый, как все смертные. Я ушел с Апарисио, потому что меня увели, я был как помешанный. Я погубил свою душу, мать, и должен был убивать, как другие. Я страдал так же, как страдаете сейчас вы, сеньора. А теперь стал тверже камня. Бентиньо все знает. . .

Голос Домисио терял свою грубость и становился мелодичным. Гитарист, распевавший тираны, хотел смягчить резкость своих слов:

— Мать, благословите своих сыновей.

Но синья Жозефина ничего не ответила и исчезла в своей комнате. Тогда Бентиньо и Домисио вышли из дому полюбоваться луной. Куда ни глянешь — все залито ее серебристым холодным светом. Обернувшись к брату, Домисио сказал:

— Как бы я хотел, чтобы Апарисио никогда не пришлось увидеть отчаяние нашей матери. Он только в нее и верит. Стоит ему заговорить о ней, как он весь меняется, даже голос становится мягче.

Все вокруг было тихо, и казалось, что весь мир принадлежит только им.

— Мать очень изменилась после смерти отца. Хотя он всегда молчал, ни во что не вмешивался, но много значил для нее. Теперь у бедняжки остались только мы. А это все равно что никого.

Бентиньо пытался отвлечь брата от его мыслей и стал расспрашивать о каатинге:

— Домисио, а негр Висенте еще молодой?

— Я бы не сказал, что он очень молод, ведь за плечами у него немало дел. Он из Монтейро из людей Санта Крус. Перешел к Апарисио еще с тремя ребятами, и у него уже

до этого была группа в Параибе. Он толковый негр, Апарисио очень ценит этого дьявола и никогда ничего не предпринимает, не посоветовавшись с ним. Вот я расскажу тебе случай: это было в Мата-Гранде, штате Алагоас. Все уже было подготовлено. Апарисио договорился с полковником Фонсека об уничтожении какого-то его недруга. С этим делом нельзя было медлить, и пришел приказ закончить все как можно скорее. Двое суток шли мы, огибая Сан-Франсиско. Миновали владение капитана Мануэла Фелипе, совсем близко от линии железной дороги. Апарисио оборвал телеграфные провода. И, когда люди хорошо укрылись в энженьоке в одной миле от Мата-Гранде и были уже готовы к атаке, негр Висенте отозвал Апарисио в сторону и что-то тихо сказал ему. Апарисио умеет прислушиваться к тому, что ему говорят. Посоветовавшись с Висенте, он подозвал меня.

— Домисио, кум Висенте предупреждает, что эта атака рискованна. Нас могли предать... Я знаю полковника, который прислал мне деньги за эту услугу... раньше я имел с ним дело... Все это верно... Но кум говорит о возможности измены, и нужно прислушаться к этому. Да к тому же человек, передавший мне это поручение, упоминал, что тут замешана политика... а полковник Фонсека теперь взял верх.

Апарисио остался со своей группой у подножия горы, у самой каатинги, а вечером мы поспешно ушли в Таболейро де Сантана. Думаешь, что негр был не прав? Так вот, вскоре явился гуртовщик из Бом-Консельо и все рассказал Апарисио. Оказывается, солдаты из Пернамбуко и Алагоаса устроили засаду, чтобы в день, назначенный для атаки, захватить нас врасплох и прикончить. Потом весь семнадцатый год Апарисио готовился отомстить за измену. Он специально пристроил своего человека на ярмарке в Агуа-Бранка. У него были люди по ту сторону реки, на утесах над водопадами. Проходил день за днем, а наш отряд все бездействовал, и парни даже стали тяготиться таким отдыхом. Кое-кто начал дурить... В отряде был один белый — красавец, не парень, а тигр. Звали его Лаурентино. И он стал распутничать. Вначале он подружился с Тете, и это была бесстыдная дружба. Апарисио не обратил на это внимания. Но однажды из-за него подрались двое ребят в отряде — Тете с Жоаном Патрисио. Драка была самой безобразной из всех виденных мною когда-либо: они

искололи друг друга кинжалами и утихомирились только тогда, когда оба истекли кровью. Меньше чем в полчаса — два трупа. Апарисио в это время был где-то далеко с Висенте. Я не хотел вмешиваться в эту историю. Да парни и не послушались бы меня, я был тогда еще в отряде новичком. Когда Апарисио узнал, он прямо взбесился, вызвал к себе Лаурентино и сказал:

— Сукин сын, ты дорого заплатишь за свое распутство. — И ударил его прикладом ружья по лицу так, что тот облился кровью. Негодяй бросился с кинжалом на Апарисио, но брат снова ударил его, и он свалился на землю. Тогда Висенте, лязгая зубами, закричал:

— Кум, оставь эту шлюху... мне, — и, выхватив кинжал, бросился на Лаурентино.

Он нанес ему больше двадцати ударов, потом вытащил окровавленный кинжал и снова воткнул его по рукоятку.

Парня похоронили в каатинге. Негр Висенте хотел оставить его на растерзание урубу, но Апарисио не согласился:

— Нет, кум, так нельзя. Налетят урубу и еще наведут солдат на наш след.

На другой день после разговора с Домисио Бенто взял у метиса Терто гитару и принес ее домой. Домисио вспомнил былые времена. Правда, его пальцы огрубели, и он долго перебирал струны, прежде чем в комнате зазвучала нежная мелодия. Воспоминания унесли его в Аратикум, и в душе воскресла старая любовь и тоска по таинственной метиске из пещеры. Песни Домисио тронули несчастную мать, и в ее измученном сердце затеплилась надежда. Бенто, не шевелясь, слушал песню брата, кроткого, как ягненок, и снова почувствовал себя мальчишкой, жившим у отца Амансио. Сейчас, как и все это время, когда они в тихие прохладные вечера сидели под оитисикой, брат был для него простым сертанцем, сводившим с ума своими песнями девчонок, подобно тому как бродячий певец Деоклесио укрощает своими «историями» даже самых необузданных кангасейро. Но Домисио вдруг резко оборвал катингу и отошел от дома. Когда Бентиньо приблизился к нему, он увидел, что брат плачет.

— Бентиньо, зачем ты принес мне эту гитару? Она только терзает мое сердце.

Синья Жозефина вышла послушать катинги Домисио и, увидев обоих сыновей (они не заметили ее), сразу по-

няла, что это было не что иное, как прощание. Она никогда больше не увидит Домисио.

В ее ушах звучали еще песни сына, но она знала, что он уйдет. В ее доме приказывал Апарисио, а она — только мать кангасейро.

VIII

Через несколько дней синья Жозефина снова спустилась к водопаду стирать белье. Там она увидела женщину, которая пришла сюда впервые. Одна из сестер негритянок без умолку говорила об Апарисио Виейра. Новенькой тоже было многое известно о нем.

— Не говори мне о нем, девочка. Я столько знаю об этом подлом человеке. Такого повидала и понаслышалась, что и не расскажешь...

Так как одна из женщин попросила рассказать об Апарисио, она дрожащим голосом начала:

— Это случилось в восемнадцатом году в Агуа-Бранка. Я пришла туда из Бом-Консельо. У нас свирепствовала черная оспа, и мой отец бежал со всей семьей. Он совсем обезумел из-за этой оспы, и мать успокаивала его: «Анаклето, человек не умирает раньше, чем это суждено всевышним». Мы остановились в Мата-Гранде, но, когда люди узнали, что мы из Бом-Консельо, они потребовали, чтобы мы поселились у самой дороги, в ветхой лачуге... Все избегали нас, и только священник Фирмино приносил нам пищу и разговаривал с отцом. Мать открывала рот только для того, чтобы попрекнуть отца. И вот однажды мы увидели, как со стороны высохшей реки приближаются вооруженные люди. Они спешились за домом, схватили отца и связали его. Прошло много времени. Парни лежали под кавассу, а мы дрожали в доме. Вдруг послышалась стрельба на дороге. Какой-то негр обратился к одному из своих парней: «Видно, кум Апарисио уже начал...» — и все побежали, оставив в доме одного из кангасейро, совсем мальчишку. Стрельба усилилась; не знаю, сколько времени это продолжалось. Знаю только, что негодяи, засевшие у дороги, начали бросаться на людей, как собаки. Один из них схватил мою сестру Франсискинью и тут же при всех обесчестил девочку. Мой отец взревел, точно бык, которого кастри-

руют. А мать, рыдая, все повторяла: «Разве я не говорила тебе, Анаклето? Разве я не говорила тебе?» Потом один из бандитов стал терзать меня и все время приговаривал: «Иди, старик, посмотри на твою овечку». Сестренка Франсискинья стонала от боли. Стрельба все усиливалась. Я ясно слышала, как один из бандитов сказал: «Теперь капитан Апарисио спустит живьем шкуру с полковника Жуки Фрейтеса». «Видишь, Анаклето, — причитала мать, — это страшнее, чем черная оспа в Бом-Консельо». Говорившие ушли к дороге. А когда наступила ночь, в Мато-Гранде не осталось ни живой души — все убежали в чащу. Апарисио поджег лавку Жуки Фрейтеса. Ну и пожарище было, девочки!

Франсискинья не могла от стыда оторвать глаз от земли. Наша мать плакала, а отец кричал: «Я уйду в солдаты, буду уничтожать этих бандитов в каатинге». — «Ты бы лучше справился с тем, кто опозорил твою дочь, старая вонючка», — отвечала ему мать. На следующий день рано утром разнеслась весть, что Апарисио освободил заключенных и все сровнял с землей. Я рассказываю эту историю только для того, чтобы вы знали, кто такой Апарисио Виейра. Несчастна мать, родившая этого негодяя.

Одна из сестер, Ассунсион, сказала:

— И все же никто не может справиться с ним!..

Вокруг царила глубокая тишина. Слышались только удары белья о камни и шум падающей к подножию горы воды, голубой и прозрачной; негритянки приумолкли, а женщина продолжала:

— Наша семья распалась. Старик отец через три дня исчез, а мы пошли по миру. Так и жили. Франсискинья не могла смотреть людям в лицо. Нас отовсюду гнали. Наконец мы постучали у дверей фазенды капитана Жозуе и там, слава богу, нашли приют. Я слышала, что у Апарисио жива мать и что она из Педра, из семьи старых грешников. Говорят, что это мать дает ему силы для грабежа и разбоя и что ее молитва оказывает большое действие и помогает скрывать видимое и видеть невидимое.

— Послушай, — вступилась младшая из сестер, — почему ты говоришь о старой матери Апарисио, как о каком-то страшилище? Я не верю твоим словам. Апарисио насилует девушек потому, что правительство не уважает ничьей доброты. Ты можешь быть против Апарисио, но я скажу тебе: лучше попридержи свой язык.

Другая негритянка хотела успокоить расходившуюся сестру:

— Поставь себя на ее место, Ассунсион. У нее так наболело на душе.

— Да, правда, — вмешалась сестра Деодато. — Эта Ассунсион понятия не имеет, кто такие кангасейро. Они хуже черной оспы, подружки.

Синья Жозефина сделала над собой огромное усилие, чтобы не открыться женщинам и не высказать всего. Ей хотелось рассказать обо всем, но она не сделала этого, чтобы не погубить сыновей, которые ждали ее дома. У нее было желание обернуться к рассказчице и сказать: «Твоя правда, девушка, мать, родившая Апарисио, — действительно несчастная женщина. Я выносила в своем чреве сына дьявола. Родила проклятье господне», — но она промолчала.

Прачки отбивали белье о камни и корни мармолейро. В эту пору птицы сертана особенно звонко распевали свои веселые песни, камни ослепительно блестели на солнце, ярко зеленела листва на деревьях. Голенастые жасананы укрылись в тиши лагуны, среди белых кувшинок. А в душу старухи входил Апарисио Виейра, как входил он в дом полковника Жуки Фрейтеса, все сжигая и уничтожая. У нее не было больше сил сопротивляться его воле. Синья Жозефина отошла от прачек. Негритянка Ассунсион продолжала говорить. Не замечая палящего солнца, мать села в отдалении на камень под оитисикой. Но и сюда доносился резкий голос Ассунсион. Вдали от мира, в этом глухом углу, который Апарисио избрал для ее заточения, она поняла, что ее ждет: она потеряет Домисио, потеряет и Бентиньо, останется одна со своим несчастьем, со своей печальной судьбой. Другие женщины могли говорить. Даже Франсискинья счастливее ее. Бандиты набросились на нее, погубили ее девственное тело, и все же она могла рассказать всем свою историю, и весь мир сочувствовал бы обесчещенной девушке. А она, она казалась себе более несчастной, чем Франсискинья и матери всех поруганных девушек. Они не выносили в своем чреве и не вскормили чудовища. Еле дождавшись вечера, она собрала белье. Теперь она могла уйти так, чтобы женщины не заметили отчаяния, охватившего ее душу: она породила сына дьявола!

Домисио помог старухе внести белье в дом. Вскоре пришел и Бентиньо, и брат сразу заметил, что тот хочет что-

то сказать ему потихоньку от матери. Как только представилась возможность, парни вышли побродить, и Бентиньо все выложил:

— Через Рокейру проходил скупщик сахара и сообщил о жестокой схватке Апарисио с солдатами Алагоаса. Это произошло в Серроте-Прето, и, по его словам, Апарисио был ранен, а лейтенант Олаво и еще с десяток солдат отправились прямо в ад. Теперь три штата объединились для преследования кангасейро. Прибыли даже регулярные войска из Бом-Консельо.

За ужином синья Жозефина не произнесла ни слова. Братья не сумели скрыть своей тревоги. Позже старуха позвала Бентиньо:

— Сынок, что это ты скрываешь от меня? .. Мне уж ничего и знать не нужно?! Ну что ж, я ведь старуха, мне остается только выносить за вами грязь.

Бентиньо рассказал ей все: в Серроте полно солдат, они преследуют Апарисио.

— Слава богу, что Домисио не с ними. Но в конце концов он все же уйдет туда.

Поздно ночью Домисио вызвал Бентиньо, и они долго разговаривали, сидя на пороге и любуясь луной, посеребрившей горы.

— Черт бы побрал эту историю с ранением Апарисио. В Серроте, кишащем солдатами, ему будет трудно найти безопасное место, чтобы укрыться. Бентиньо, я хочу только одного: попасть скорее в каатингу. Апарисио нуждается во мне, а я тут распеваю песни, размягчился, как банан. Но я не знаю, где теперь наши парни. Серроте-Прето — в штате Алагоас. У Апарисио там есть приятель — капитан Родригес де Пираньяс. Это — его закадычный друг. Может быть, Апарисио засел на побережье реки? Если в Серроте регулярные войска, то они могут и не посчитаться с капитаном Родригесом. Полицейские собаки не посмеют войти в его фазенду, но солдаты федеральной армии могут и не обратить внимания на него. Как ты думаешь, Бентиньо, не следует ли мне рискнуть?

Бентиньо напомнил о приказе Апарисио:

— Ты сейчас здесь, здесь и должен оставаться до получения нового приказа Апарисио. Идти наугад опасно, можно навести солдат на след отряда. Лучше дождаться вестей.

Домисио замолчал. На вершину жуазейро уселась сова.

При свете луны казалось, что ее выпученные глаза прикованы к Домисио.

— Прогони эту тварь, — попросил Домисио.

Бентиньо бросил камень, и сова с резким криком взлетела над домом.

— Старуха не может слышать этого крика Когда мы были еще детьми, она говорила, что он предвещает несчастье. Мать была в отчаянии, когда однажды Апарисио, убив сову, принес ее домой. Убить сову значит нарушить заповедь господню. Ну и шум поднялся тогда в доме! А на следующий год была засуха и прогнала всю семью из Аратикума, тебя отослали в дом священника. И мать считала, что всему виной сова, которую убил Апарисио.

Только поздней ночью братья возвратились в дом, но не успели улечься, как услышали шум — кто-то подъехал к дому. Бентиньо пошел открыть дверь и увидел капитана Кустодио. Синья Жозефина тоже поднялась, зажгла лампочку. Старик сообщил, зачем приехал:

— Я здесь, сеньора Жозефина, с поручением от вашего сына Апарисио. Мне передал его гуртовщик Морено. У капитана была стычка с солдатами из Алагоаса, и он нанес им немалый урон; гуртовщик сказал, что убито больше десяти солдат, и в том числе лейтенант Олаво Перейра из Пан-да-Асукар. Капитан Апарисио велел сообщить вашему сыну Домисио, что отряд скрывается в Агуа-Бранка у старого Лусиндо Луна. Ваш сын должен, не откладывая, завтра же отправиться на ярмарку в Пираньяс; там он встретит торговца табаком негра Мигеля, который укажет дорогу. С этим нужно поспешить. Морено говорил, что негр Висенте ранен в правую ногу, но, к счастью, пуля только задела бедро. Ваш сын Апарисио, слава богу, не пострадал.

Сообщив все это, капитан попрощался, но, дойдя уже до двери, вернулся.

— Чуть не забыл: у меня пакет для сеньоры. — И, вытащив его из сапога, передал деньги в руки синьи Жозефины.

В доме было тихо, как перед грозой Домисио и Бенто вышли во двор и молча стали прислушиваться, как бы ожидая чего-то. И вдруг из комнаты Жозефины донеслось громкое рыдание. Мать так кричала и плакала, что становилось страшно. Бентиньо хотел бежать к ней, но Домисио остановил его:

— Дай старухе выплакаться.

Так продолжалось до рассвета. Сыновья сидели у порога дома, легкий ветерок овевал их лица, пташки с радостным щебетом носились у своих гнезд. А в доме в смертельной муке рыдала мать.

— Бентиньо, завтра я должен идти в Пираньяс. Я возьму с собой альпаргаты, которые ты купил в Рокейре, и сотни две мильрейсов.

Не успел он кончить, как в дверях появилась мать, освещенная яркими утренними лучами солнца. Она очень изменилась, взгляд ее был суров, и трудно было поверить, что эта женщина недавно пролила столько слез.

— Сын мой, Домисио, почему ты не останешься с матерью? Почему не покинешь своего брата Апарисио? Почему не бежишь от этой проклятой судьбы? — Не слушая ответа, она лихорадочно говорила, все приближаясь к пооогу, где, опустив голову, сидел Домисио.

Рассвело, облака окрасились в пурпур, утренний прохладный ветерок доносил благоухание освеженной росой земли. Домисио все сидел, не поднимая головы. И старуха опять обратилась к нему:

— Сын мой, ради мук, которые принял Иисус Христос, умоляю тебя! — Ее хриплый голос прерывался, глаза опять налились слезами.

— Мать, — ответил Домисио, — я все понимаю и знаю, как вы страдаете. Но я видел голову святого на земле, его волосы были втоптаны в грязь, — Апарисио увел меня оттуда. Мать, это оружие сделало меня человеком. В сертане полно солдат правительства, они охотятся за людьми, чтобы замучить их до смерти. Апарисио может быть кем угодно, но он приказывает и никого не боится.

Старуха не слушала сына: приблизившись к нему, она, не отрываясь, некоторое время смотрела ему в лицо и как будто искала в нем что-то, возможно, черты сына из Аратикума.

Но через мгновение она отпрянула и убежала, словно спасаясь от смертельной опасности. И уже издали прохрипела:

— У тебя глаза того, другого, и ты стал сыном дьявола! — Потом, совсем обезумев от горя, она в бешенстве пронзительно закричала: — Я проклинаю тебя, брата Апарисио, сына Бентона, внука старого Апарисио!

И, как камень, свалилась на землю.

IX

Ушел Домисио, и жизнь совсем замерла в доме синьи Жозефины. Мать стала болеть. Бентиньо снова каждый день уходил на работу. В эти дни он встретил девушку, дочь мастера сахаровара Жеронимо, белого из Брежо. В Рокейру он попал, как ходили слухи, совершив преступление в городе штата Параиба. Арайе Жил он в глиняном домике, у самого края дороги, с женой и двумя детьми; младшей, Алисе, исполнилось шестнадцать лет. Проходя мимо дома мастера, Бентиньо видел, как девушка вместе с матерью и братом босая работала на маисовом поле, только и мелькало красное покрывало на ее голове. Сахаровару приглянулся парень, и однажды он спросил:

— Сынок, меня на этот край света загнала жизнь. А вот каким образом такой видный парень, как ты, мог попасть сюда — не пойму. Уж не грех ли какой совершил?

Но мастер Жеронимо был не из любопытных. Капитан Кустодио считал его толковым человеком и доверил ему энженьоку, а сахар Рокейры ценился повсюду. Жеронимо непрестанно восхищался здешней землей и при случае даже сказал Бентиньо:

— Этот старик и сам не знает настоящей цены своей земли. Живет только постигшим его горем, все у него валится из рук. Использует ничтожную площадь, а его земли в гротах могут дать больше трех тысяч мер рападуры. Сертанцы — народ тупоголый. Если бы эту землю да в руки капитана Кунья Лимы из Арейя, он нажил бы целое состояние.

Мастер поинтересовался, как живет Бентиньо. Тот рассказал, что он здесь вдвоем со старухой матерью, родственницей жены капитана Кустодио. Жеронимо одобрил:

— Правильно делаешь, сынок. Ради матери можно все вынести.

Однажды вечером, когда они вместе возвращались с работы, Жеронимо пригласил Бентиньо зайти в дом и выпить чашку кофе. Сначала парень отказывался, потом, не желая обидеть хозяина, сел за стол вместе с его женой и детьми. Алисе занялась каким-то делом, а сын заговорил об Апарисио:

— Недавно проходил здесь сертанец из Такарату и рассказал, что в Жатоба прибыли солдаты, вооруженные до зубов, и даже пушку привезли.

Бентиньо, сжавшись в своем углу, слушал. Но отец строго прикрикнул:

— Я не желаю, чтобы у меня за столом говорили об кангасейро. И не потому, что считаю его преступником, а просто, по-моему, кангасо — не дело для серьезного человека. Говорят, что Апарисио мстит за отца, но человек, у которого есть совесть, не может делать того, что делает он.

Алисе низко склонила голову над своей работой, но все время тайком посматривала на гостя. Мать, преждевременно состарившаяся женщина, жаловалась на постоянно мучавшую ее боль в пояснице. Позже Жеронимо вышел с гостем и, расположившись под густой пальмой, снова заговорил о капитане Кустодио:

— Я слышал и об убийстве сына старика, и об оскорблении. Поэтому-то фазендейро относится ко всему спустя рукава. А его имение — это жемчужина. Я не впервые имею дело с сахаром, но такого, как здесь, нигде не видел. Да к тому же в этом сертане люди сами приходят к тебе в дом и скупают все, что ты сварил. Конечно, эта история с сыном... В этих краях, если человек не отомстил за убитого, на него смотрят, как на дохлую собаку. Капитан Кустодио похож на покойника. Жена умерла с горя, и у него самого такой вид — краше в гроб кладут.

Алисе села у порога дома, мать вернулась к корыту. Девушка все смелее поглядывала на гостя. Вскоре Бентиньо, распрощавшись, ушел. Всю дорогу он думал о девушке. «Какая красивая... Ей, наверно, лет шестнадцать... Какая стройная... а взгляд... глаза черные-черные...» В эту минуту он готов был забыть и мать и братьев. Так девушка смотрела на него впервые... Неужели заметила, что он интересуется ею? Черные глаза Алисе, казалось, звали покончить с жизнью затравленного зверя; от ее взгляда сильнее билось сердце, не знавшее до сей поры любви к женщине. «Но разве я имею право даже думать о любви? На руках у меня мать.. Нужно выполнять приказы Апарисио... Я — брат кангасейро».

Домой он пришел засветло и застал мать на огороде — она возилась на грядках. Теперь она почти не говорила с ним. Когда она вернулась в дом, он, подняв руку, подошел под благословение, но в ответ услышал хриплый голос матери:

— ...бог благословит тебя!

С этой поры для Бентиньо начались страшные муче-

ния; он почувствовал себя покинутым, еще более покинутым, чем в доме священника Амансио, куда мать отдала его в год страшной засухи, спасая от голодной смерти. Один сидел он у дома в сумерки. День угасал, и вокруг разлилась печаль. За горой солнце еще освещало деревья, и цветы пау-д'арко купались в его последних лучах. Птицы торопились пропеть свои прощальные трели, и только одинокая горлинка на ветке жуазейро изливала, словно неутешная вдова, жалобу на свою горькую долюшку.

И больше ни звука. Тихо было и в скрытом в горах домике — убежище двух несчастных, преследуемых ненавистью правительств трех штатов, сотнями солдат, разыскивающих по всему краю эту семью, чтобы покончить с ней. Только теперь Бентиньо почувствовал всю глубину страданий матери — матери кангасейро, матери Виейра, тигра сертана. У Алисе нежный взгляд. Она так хороша и, может быть, полюбит его всем своим чистым девичьим сердцем. А он — он не смеет любить ее. Он не имеет права забыться в любви, он не имеет права ни с кем связывать свою судьбу. У брата кангасейро один путь — кангасо. Как посмел бы он приблизиться к девушке, рассказать ей все — и то, что он брат Апарисио Виейра? Нет, он никогда не посмеет любить по-настоящему, ведь он — брат Апарисио, его преследует правительство, и ему остается только молча страдать.

Сгущались сумерки, ночь обволакивала все своим темным покровом, и в истерзанной душе Бентиньо царила тьма. Через некоторое время синья Жозефина позвала сына пить кофе. Сегодня он даже хотел, чтобы она заговорила с ним о их жизни. Ему нужно было острее почувствовать горе матери, чтобы забыть о своем. Ждать пришлось недолго, мать, как обычно, начала свои причитания:

— Господь бог наш посылает мне силы жить, видно, чтобы я искупила грех нашей семьи, он обрек меня на мучение все видеть и все слышать. Я должна испытать боль, какую еще не испытало ни одно живое существо. Мой сын Домисио отправился в ад, и ты кончишь тем же. — И, взглянув на сына, точно раненая тигрица, она прохрипела: — Почему же ты молчишь, отчего не скажешь мне прямо: мать, я только и жду часа твоей смерти, чтобы уйти в каатингу к братьям?

Когда она умолкла, сын вышел из дому в надежде свободно вздохнуть, оставшись один. В эту звездную, полную

таинственных шорохов ночь он впервые почувствовал потребность облегчить душу и откровенно сказать матери:

«Мать, ведь правда, мы слишком тяжко расплачиваемся за чужие грехи. А мне бы тоже так хотелось быть далеко от всего этого, так хотелось бы породниться с семьей Жеронимо, жениться на его дочери, научиться его ремеслу и уйти из сертана на плантацию в Брежо, чтобы быть далеко, очень далеко от Апарисио. Вдали от братьев я бы зажил по-новому, с женой и детьми, по заповедям отца Амансио, человека с золотым сердцем».

Но перед глазами стояла мать с ее отчаянием. Он вспомнил брата Домисио. Разве он мог убежать от Домисио? Нет, видно, в самом деле в его жилах течет кровь проклятых!.. Но через минуту им снова овладели сомнения. Нет, нельзя верить таким вещам. Со дня ухода брата его все время, как и в эту ночь, мучило гяжелое раздумье. Но теперь у него была Алисе, что жила у края дороги, ее черные глаза так много обещали, и он заснул с верой в возможность иной жизни.

Утром Бентиньо проснулся бодрый, страдальческое лицо Жозефины не пугало его больше. Молча ожидал он за столом кофе, который готовила мать, и, не поднимая головы, ел жареный батат. Синья Жозефина обычно каждое утро попрекала его:

— Ты знал о намерении Домисио и ничего не сказал. Ты кончишь тем же, что и твои братья. Тебя ждет такая же участь: будешь бегать по каатинге, как сорвавшийся с цепи пес. А я обречена платить капля по капле за грехи других.

Но сейчас Бентиньо оставался глухим к упрекам матери. Он думал о девушке, живущей у обочины дороги. Выпив наспех чашку кофе, он выбежал из дому. Когда спускался с горы, на душе было радостно. Теперь он замечал вещи, мимо которых раньше проходил, как слепой. Его радовали деревья, пестрые полевые цветы у дороги, украшавшие землю, прохладная голубоватая вода у подножия горы, зеленая поросль, никогда не терявшая своей зимней яркости. Там, в сертане, все гибло, а здесь, на этой плодородной, пропитанной влагой земле засуха была бессильна. Мелькали пау де шейро в цвету, пунцовые гало де кампина и целебная манака́ — такая душистая, она словно просилась в рот. Выйдя на дорогу в Рокейру, Бентиньо остановился, чтобы глубже вдохнуть запах влажной земли. Ле-

том солнце начинало жечь с шести утра и дорога становилась сухой и твердой. Стаями садились попугайчики, и валуны казались зелеными. Пели желтые канарейки, горлинки изливали свою горькую жалобу. Теперь Бентиньо все видел и все слышал.

«Алисе с матерью и братом, наверно, уже за работой!» И действительно, издали мелькнул ее красный шарф. Бентиньо подошел ближе, сердце его тревожно забилось, он невольно замедлил шаг, будто чего-то опасаясь, и робко поздоровался. Старуха подняла голову и оставила свою мотыгу.

— День добрый, сеу Бенто. Жеронимо еще дома. Он просил вас зайти к нему. Всю ночь мучился — наверно, печень.

Алисе взглянула на Бентиньо. Как прекрасны были ее черные глаза, нежный рот, застенчивая улыбка. Но юноша не посмел задержаться здесь лишнюю минуту. Он пошел к дому, постучал в дверь и в ответ услышал голос мастера:

— Это ты, Бенто? Входи, сынок.

Жеронимо лежал в гамаке, к голове его были приложены листья.

— Иногда на меня нападает эта проклятая слабость. В Брежо один доктор говорил, что это печень не в порядке. Дня два схватывает так, что в глазах темнеет, а потом все проходит. Я сейчас встану и пойду с тобой. — Он с трудом вылез из гамака и пошел к глиняному горшку с водой. Прополоскав рот, сплюнул в сторону и продолжал: — С тех пор как я здесь, эта беда случилась со мной впервые и никаких особых неприятностей не было... Вчера, когда я уходил из дому, я даже сказал жене: «Вот, Анинья, видно, нам было суждено уехать из Брежо, чтобы встретить здесь, в этой затерянной среди гор фазенде, такого парня, как Бенто,— он так скромно ведет себя». Ну, пошли, энженьока Кустодио не работает сегодня, нужно посмотреть, что там случилось с котлом для варки сахара, видно, протекает.

Они шли берегом реки по обработанным заливным землям.

— Этот край мало отличается от Брежо. Поднимешься в гору — и ты как будто попал в Брежо. Так же холодно, как на плантации старого Лауренсо, где я вырос. — Вдруг Жеронимо остановился и спросил: — Ты родом из Педра-Бонита? Там было много всяких историй, много бед.

Я ушел из Брежо только из-за одного случая, о котором расскажу сейчас: я уже как-то говорил тебе, что работал на плантации старого Лауренсо. Жил я с семьей, и, можно сказать, неплохо, варил сахар, и меня ценили. На этой плантации собирали урожай в три раза больше, чем здесь. У старика было двое сыновей — Педриньо и Жоржи, задиристые ребята, но я любил их. Педриньо связался с одной красоткой, женщина была с огоньком. Но Жоржи это не понравилось, и он стал уговаривать брата прогнать ее с плантации. Тот послушался Жоржи — он был старшим. Но у красавицы был брат — жил он на плантации в Серра-Азул, — и он принял обиду сестры близко к сердцу. Однажды, когда мы все стояли в дверях лавки Шико Фария, явился этот брат и обругал Педриньо непристойным словом. У сеу Жоржи была в руках палка, и он ударил обидчика по лицу. Парень, рассвирепев, бросился на него с ножом. Я, недолго думая, вступился за сеу Жоржи, и парень занялся мною. Знаю только, что ему не повезло, я попал ему в грудь слева, и он свалился. После этого я явился в суд. Старый Лауренсо даже пальцем не пошевелил, чтобы помочь мне, и я очень обиделся на него. Если бы не доктор Кунья Лима, у меня не было бы даже адвоката на суде. Драку затеял хозяин, а тюрьмой расплачиваться должен был его слуга.

Когда они поднимались по откосу к энженьоке, они увидели медленно едущего на коне капитана с хлыстом в руке и в сапогах.

— День добрый, мастер! Еду по вызову в Такарату. Метис Жермано ночью был здесь, а к утру и след его простыл — брат говорит, что он бежал в Сеара. Вчера вечером явился ко мне судебный пристав старый Кинким с повесткой от судьи, вызывает для беседы. Не знаю, в чем дело. Кинким сам ничего не знает. Вернусь к вечеру, если, бог даст, все обойдется благополучно. — Потом старик обратился к Бентиньо: — Сынок, мне нужно сказать тебе пару слов: на обратном пути хочу посмотреть плантацию, скотина Зе Оливейры сильно потравила сахарный тростник, — тогда загляну и к твоей матери. Да, должны приехать скупщики за сахаром, мастер Жеронимо, займитесь ими. Цену они знают, нужно только получить с них деньги.

Позже Бентиньо повидался с Терто, и тот рассказал ему о брате:

— Ушел, не сказав ни слова. Но я видел, как он о чем-то шептался с гуртовщиком Морено. О чем они говорили, не знаю, но я заметил только, что Жермано после этой встречи очень изменился, как-то сразу повеселел. Чувствую я, сеу Бенто, что брат ушел в кангасо. Я всегда был уверен, что он успокоится только тогда, когда возьмет в руки обрез и уйдет к капитану Апарисио.

Мастер Жеронимо отправился в чащу за лианами имбе, чтобы законопатить дыру в котле, и Бентиньо задумался о Жермано. Он не сомневался в том, что Морено увел парня в кангасо. Апарисио нужны были такие озлобленные люди, как Жермано, а покладистых, как Терто, он не любил. Вскоре вышел Терто, он был очень взволнован.

— Несчастная жизнь у сертанца, парень. Ты ведь знаешь, что у меня никого не осталось на свете. Семья в Триумфо, сестры обесчещены, мать едва жива. Теперь ушел Жермано, и я стал братом кангасейро, а тут уже не миновать беды с солдатами. Скоро все узнают об уходе Жермано и начнут травить меня. Успокоюсь я, видно, только тогда, когда и сам уйду в кангасо.

Голос Терто прерывался от душевных переживаний. Подъехали возчики за сахаром. Их было десять человек, все из Сеара. Они распрягли животных и начали рассказывать новости:

— В Мошото нам повстречался летучий отряд, направляющийся в Сеара. Лейтенант расспрашивал об Апарисио. Он дошел даже до того, что грозил избить всех. Но проводник солдат узнал старого Мариньо и сказал лейтенанту: «Это — люди из Сеара, сеу лейтенант, можете отпустить их». Всю дорогу мы опасались перепалки кангасейро с солдатами, ведь Апарисио находился где-то поблизости.

Возчики разожгли костер, чтобы сварить на ужин сушеного мяса, и продолжали рассказывать:

— Солдаты трех штатов преследуют Апарисио. Ходят слухи, что младший брат кангасейро находится в Сеара с новым святым...

Позже один из возчиков, длинноволосый, белокурый парень, достал гитару и запел грустную катингу. Его приятный голос напомнил Бентиньо брата. Гитарист пел о далекой любви, и от чувствительных слов его песни на сердце становилось еще тяжелее. Вскоре подошел Жеронимо и заговорил с вожаком каравана. Вспомнили плантацию в Брежо, мастер стал расхваливать тамошние заливные

луга, проточную воду, обхождение людей. Скупщики от ярмарки к ярмарке исходили весь сертан и обо всем знали. Рассчитавшись с Жеронимо за все, что закупили в фазенде, они ждали восхода солнца, чтобы спуститься с горы. Бентиньо с мастером ушли, за разговором они незаметно приблизились к дому Жеронимо. Его жена и дети сидели у порога и наслаждались ночной прохладой. Увидев гостя, Алисе, смутившись, спряталась за спину брата.

— Сынок, зайди выпить кофе, — пригласила старуха. — Угощение небогатое, но один рот не объест нас.

Бентиньо стал отказываться: он торопится домой, мать заждалась... она совсем одна...

— Это верно, как она только может оставаться в этой лесной глуши одна! — удивилась синья Анинья. — Нужно иметь смелость мужчины!

Уходя, Бентиньо посмотрел на Алисе, и ее черные глаза осветились счастьем. Сердце юноши опять ликовало, и снова хотелось жить. Но он знал, что это ненадолго. В доме его встретит синья Жозефина — мать кангасейро, и угаснет вспыхнувшая надежда начать жить, как все люди. Так оно и было; не успел Бентиньо ступить на порог дома, как старуха набросилась на него:

— Где ты пропадал? Я уже подумала, не ушел ли ты шататься по свету.

Он рассказал ей о Жеронимо и историях скупщиков, которые задержали его. Сели за стол. Мать ушла в себя и некоторое время молчала, потом заговорила:

— Тебя так и тянет в каатингу...

— Мать, — ответил он, — вы ошибаетесь. У меня не хватит на это смелости. Я не создан для такой жизни.

— Нет, сын мой, меня не обманешь. Апарисио распоряжается судьбами многих людей, как же устоять против его воли тебе, его брату? Я знаю, что твоя жизнь, как и жизнь Домисио, — в его руках. В тот день, когда он этого захочет, он уведет тебя, как увел Домисио. Так оно и будет. Погибнут все мои сыновья.

Бентиньо внимательно посмотрел на мать и увидел, как изменилось это некогда такое спокойное лицо. Взгляд, рот, голос — все стало иным. Раньше старуха много рассказывала ему о прежней своей жизни, о своих страданиях. Это была жалоба, тоска раненого сердца, но в ее голосе звучали нежность, материнская отзывчивость. Теперь, когда она говорила, она становилась колючей, как репей. Мать,

любимая, многострадальная, бежавшая с ним из Педра голодная, с израненными о камни ногами, теперь смотрела на него с ненавистью. Чем он провинился, чем вызвал у нее такое отвращение? Он ведь жертвует для нее жизнью, обрекает себя на одиночество, а мог ведь остаться с сестрой священника и уйти навсегда из сертана. Но он сделал все, чтобы быть вместе со своей несчастной семьей, жить в Аратикуме, страдать вместе с ней. И вот теперь он здесь и ничуть не раскаивается. Только уж очень тяжело видеть отчуждение матери. Она возмутилась против Апарисио, грозы сертана, это еще можно понять, но почему она ненавидит его, хотя он живет только для матери?!

Он вышел из-за стола и сел у порога. Луна заливала кустарники молочным светом. Все живое подавало свой голос в пугающей тишине. Старуха осталась в доме. Он вспомнил Алисе, и словно нежная рука коснулась его горячего лба. «Какие у нее черные глаза, а ангельская улыбка, головка, повязанная красным шарфом! Красавица из домика у дороги».

Попреки матери изматывали Бентиньо, лишали его сил. Голоса ночи, простор освещенного луной мира вносили покой в его душу.

И вдруг раздался крик — это звала его мать. Он вбежал в дом и, увидев ее лицо, испугался.

— Сын, ты что-то скрываешь от меня!

Бентиньо, готовый на все, хотел поведать ей свою сердечную муку, но старуха не стала его слушать:

— Делай, как знаешь, уходи к брату, в твоих жилах течет та же кровь, что у тех дьяволов. Я останусь одна и буду нести свой крест до конца! — И она громко, неистово зарыдала. Казалось, что она старается выплакать все, что наболело на душе, и не может.

X

С этой ночи между матерью и сыном легла пропасть, и с каждым днем она становилась все глубже. Бентиньо изо всех сил старался вернуть доверие матери. Вначале он еще надеялся, что со временем синья Жозефина смягчится. Но теперь об этом нечего было и думать. Когда он бывал дома, она молчала. Если их глаза случайно встреча-

лись, старуха спешила отвести свой взгляд. Бентиньо считал свою жизнь загубленной и, если бы не его любовь к Алисе, дошел бы до отчаяния и предпочел бы смерть этой вечной муке. Глубокой ночью он слышал шепот Жозефины, и ему казалось, что она с кем-то разговаривает. Рано утром он наспех выпивал приготовленный матерью кофе и уходил, благодаря бога за то, что наконец избавился от убийственного одиночества. Всю дорогу он бежал, и чем ближе был к заветному дому, тем сильнее билось его сердце. Алисе и синья Аниньи работали на участке. Он останавливался, обменивался парой слов, выслушивал жалобы синьи Аниньи. Мастер был уже на работе; Бентиньо хотелось подольше побыть возле любимой, но девушка молчала, а он никак не мог найти слов, чтобы поддержать разговор. «Как она хороша!»

Перед глазами ее спокойная ангельская улыбка. Теперь он снова слышал пение птиц, замечал прелесть цветов. Все представлялось ему прекрасным, светлым, ласкающим взор, благоуханным. Алисе была рядом, и он верил, что она станет его женой. Все муки и сомнения брата кангасейро казались ему в этот момент кошмарным сном.

Терто после исчезновения брата уже не вел с Бентиньо задушевных разговоров. Метис ничем не интересовался и только жадно прислушивался к тому, что говорили об Апарисио. Он был уверен: Жермано с ним.

Капитан Кустодио, вернувшись из Такарату, рассказал Бентиньо о своей поездке:

— Речь шла о политике. Уполномоченный по Триумфо хотел выяснить через своего коллегу, может ли он рассчитывать на меня при выборах депутата. Я откровенно сказал этому доктору, что и знать не хочу ни о выборах, ни о политике. В этом сертане хозяйничает мой враг Касуса Леутерио, а я слишком слаб, чтобы вести борьбу против него.

В тот же день, попозже, капитан вторично вызвал Бентиньо и доверительно сообщил:

— Сынок, не показывай вида никому и не проболтайся, даже матери. В ближайшие дни Апарисио атакует Жатоба. Вот тогда старый Кустодио дос Сантос сможет спокойно умереть. Наконец-то я буду ходить по сертану, высоко подняв голову. Это твой брат Апарисио снимет камень с моей души. Капитан Апарисио не может подвести меня, ведь он хорошо знает о моем позоре. Я ему ничего не гово-

рил, но несколько лет назад, когда он отсиживался в доме, где теперь живет твоя мать, я имел с ним беседу. Апарисио сам сказал мне тогда: «Капитан Кустодио, я знаю, что у вас на душе старая обида». «Да, капитан Виейра, — ответил я, — мой сын, убитый по приказу Касуса Леутерио, хотя мальчик никого не обидел, по сей день не отомщен. У меня, капитан, не было сил сделать это, но я до сих пор не могу смотреть прямо в лицо честным сертанцам. Я — конченый человек, капитан» И тогда твой брат сказал мне: «Увидите, капитан, настанет день, и Касуса Леутерио сполна заплатит за все, что сделал». Вот что я скажу тебе, — продолжал Кустодио. — Судья в Такарату в сговоре с твоим братом Апарисио. Когда он говорил со мной о выборах, я понял, что за этим кроется что-то другое. Так оно и было. «Капитан Кустодио, — сказал он мне, — я знаю все, что происходит в сертане. Я пригласил вас, чтобы поговорить об Апарисио». Тут я задрожал, сын мой, думал, что конец мой пришел. Но все же не подал вида и заявил: «Сеу доктор, вы глубоко ошибаетесь, я ничего не имею общего с бандитами...» Судья улыбнулся и прервал меня: «Не затрудняйтесь, капитан, гуртовщик Морено был в этом доме и сидел в кресле, в котором сейчас сидите вы». Должен сказать тебе, сынок, что я не потерял способности говорить только потому, что судья тут же, не таясь, заявил: «Капитан Касуса Леутерио — большое несчастье для всего нашего сертана. И только Апарисио может с ним покончить». Я все же сделал вид, что ничего не понимаю, — ведь это могло быть и ловушкой для бедного старика. Но это было не так. Судья посвятил меня во все — это политическое дело. Он, оказывается, сын полковника Жануарио из города Каратинги, и могущество Касуса Леутерио стало поперек дороги этой семье. И вот они решили положить конец власти этого негодяя и взять третий округ в свои руки. «Да, вы правы, однако какое я имею отношение ко всей этой истории, судья?» И вот тут-то и вошел гуртовщик Морено. Этот чертов негр сболтнул лишнее, он сказал, что только я могу повлиять на твоего брата. «Помилуйте, сеу доктор, — ответил я тогда, — чем же я могу помочь? Капитан Апарисио волен поступать, как ему заблагорассудится, и сам знает, что ему делать». Но судья настаивал. Он в курсе всего, что здесь происходит, и даже уже беседовал с твоим братом Апарисио. Его отец покровительствует кангасейро и враг Касуса

Леутерио. Судья знает и о том, что твой брат Домисио был здесь, в Рокейре.

Разговор со стариком еще больше обеспокоил Бентиньо. «Если Апарисио действительно атакует Жатоба, это вызовет серьезные последствия. А где тонко, там и рвется. Этот судья такой же, как был судья в Ассу. Он уверен, что, безусловно, останется в стороне, удар правительства обрушится на маленьких людей. Как же Алисе?.. Солдаты ворвутся в Рокейру и все уничтожат, будут убивать и поджигать, оскорблять девушек... Даже судья заискивает перед Апарисио. Нет, не уйти мне от брата! Капитан Кустодио — и тот из мести стал сообщником Апарисио».

Гибель сына, безнаказанность преступления, покрываемого Касуса Леутерио, действительно толкнула мирного человека к кангасейро, и теперь капитан Кустодио только и живет мыслью о мести. Последствия его мало интересуют, только бы отомстить кровному врагу! Возвращаясь домой, Бентиньо все думал об Алисе, о брате...

Если Апарисио атакует Жатоба, он, конечно, в первую очередь уничтожит главу партии, Касуса Леутерио. И сейчас же сюда явятся солдаты, чтобы жестоко «проучить» всех живущих в округе. Семья Касуса Леутерио назовет имена тех, на которых прежде всего должна обрушиться кара. Погруженный в свои мысли, Бентиньо незаметно приблизился к дому мастера Жеронимо. Солнце зашло, и мать с дочерью отдыхали после трудового дня. Он остановился, чтобы побеседовать с синьей Аниньей, и Алисе осмелилась принять участие в разговоре. Аниньа жаловалась на жизнь в такой глуши. Муж не хочет и слышать о возвращении в Брежо, и все из-за истории с судом. Конечно, он, может быть, и прав. Но ведь люди живут не только в Брежо де Арейа, можно уйти в Варзеа до Параиба, там так ценятся сахаровары! Но что поделаешь с этой упрямой головой!.. Потом она кивнула в сторону дочери:

— Девочка ведь ходила в школу. А с тех пор, как мы здесь, она и книжонки ни одной не видала. Не могу понять, сеу Бенто, как человек, способный передвигаться на своих ногах, живет в этом безлюдном месте, среди гор. Я всю ночь глаз не сомкнула, все мерещатся кангасейро, ведь у меня взрослая дочь. Каждый день я твержу мужу: «Жеронимо, вернемся в Брежо... Забудь о том, что было... у тебя дочь...»

Алисе, улыбаясь, возразила матери:

— Но, мама, отец знает, что делает... Не так уж плохо жить вдали от мира.

Подошел Жеронимо и, увидев Бенто, пригласил зайти в дом выпить кофе.

— Чем богаты, тем и рады, сынок.

Алисе ушла в дом, а отец остался с Бентиньо.

— Сынок, у Кустодио что-то неладное творится с головой. Сегодня он целый день только и говорил о своем убитом сыне и Касуса Леутерио. Но теперь он смело смотрел мне в глаза и даже сказал, что в этом году будет сажать тростник. Но с этой чертовой плантации, с таким хозяином, раньше отдашь богу душу, чем соберешь урожай. Я ничего не ответил, хотя мне очень хотелось выложить ему все начистоту. Когда человек доходит до такого состояния, как он, наверняка скоро помрет. Терто только и думает о том, чтобы податься вслед за братом. Я слышал, как он сказал, что Жермано ушел к Апарисио. И если уж говорить откровенно, то он по-своему прав. Разве правительство не погубило его семью? У Терто душа не лежит к этим вещам, но брат его — человек другого склада, это сразу видно! Вот так-то. Правда, и Терто может измениться. Ведь говорят же, что и Домисио, брат Апарисио Виейра, был когда-то певцом и гитаристом и даже ходил с хоругвью, а теперь стал зверем. В душу другого не влезешь. Я знал на плантации доктора Кунья Лима одного парня: на вид был такой хилый, весь желтый, а смирный, как овца, вроде нашего Терто. Никто ломаного гроша не дал бы за него. Ты и представить себе не можешь, каким он был в действительности. Однажды, когда энженьо доктора окружил отряд Симона Лиа, он проявил себя. Во время жестокой схватки этот желтолицый совсем взбесился, даже пена у рта показалась. После этого доктор Кунья Лима дал ему дом, подарил хорошие сапоги и оставил его при себе. Теперь они даже покумились. Терто страдает из-за брата. Такая история — тяжелый удар для человека.

Бентиньо торопился попасть домой засветло, но, когда подымался в гору, наступили сумерки, и повсюду в предчувствии приближающейся ночи завыли, застонали обитатели чащи. Вдруг он ясно представил себе ожидавшую его мать и невольно остановился, как бы готовясь к встрече с опасностью.

Вокруг — ни души. Только издали, из глубины грота, доносилось заунывное, как псалмы паломников, песнопение Ассунсион. Бентиньо знал, что увидит сейчас мать с искаженным лицом, неподвижным взглядом и она будет злобно попрекать его... И в первый раз за все время мелькнула недобрая мысль о бегстве. Но он тотчас отогнал ее и зашагал быстрее. Когда он пробирался по тропинке, вившейся меж камней, поросших кактусами мандакару, у него опять мелькнула мысль: а ведь можно бежать! Забрать деньги, которые мать спрятала в комнате, выждать, когда она уйдет стирать белье, сложить вещи и уйти куда глаза глядят. Алисе, конечно, пойдет с ним. Но через минуту все это показалось ему бессмыслицей. Он никогда не сможет уйти от действительности, он — брат кангасейро. Нужно принимать жизнь такой, как она есть.

Когда Бентиньо пришел домой, старуха долго не показывалась из своей комнаты. Потом вышла на кухню готовить ужин. Он увидел застывшее, отчужденное лицо, горящий ненавистью взгляд. Но все, что шло от нее, он должен был переносить молча: это его мать, самая многострадальная из всех матерей. Неожиданно старуха начала торопливо говорить. Казалось, что мысли давно созрели в ее возбужденном мозгу. Слова лились машинально, безудержно, для нее не имело значения, слышит он ее или нет. Она словно обращалась не к нему, а к кому-то невидимому:

— Весь мир думает, что Апарисио — мой сын. И ты так думаешь, и Домисио, и твой отец так думал. Но Апарисио — сын дьявола. Сам дьявол силой овладел мной, и я родила сына дьявола. Я чувствовала нечеловеческие боли, когда носила его в своем чреве. Я должна рассказать об этом всему миру. Ты молчишь, потому что ты и Домисио связались с дьяволом и стали такими же, как Апарисио.

Старуха без конца повторяла одно и то же. Мысль ее вертелась вокруг этого абсурда, и она вновь и вновь повторяла те же слова.

Бентиньо хотел встать из-за стола, но побоялся. Он не понимал, что говорила мать, но ясно сознавал, что все потеряно — старуха совсем сходит с ума. Не вынесла страданий. Рядом с ним было существо, которое он привык всегда считать надежной опорой своей жизни. Даже во время страшной катастрофы в Педра-Бонита горячие руки матери уверенно поддерживали его. Да, это были горячие

руки его матери. А теперь он вдруг все потерял. Мать запуталась в своем несчастном бегстве от действительности! Бентиньо хотел пойти позвать кого-нибудь на помощь. Он вспомнил об Алисе, о синье Анинье, о старом Кустодио, о мастере Жеронимо и уже не слушал синью Жозефину... Вскоре она стала затихать, говорить медленнее и наконец совсем умолкла: сидела, не произнося ни слова, и смотрела, не отрываясь, в одну точку. Он понимал, что должен что-то сказать, попытаться преодолеть ее отрешенность, уничтожить разделявшую их пропасть. Но не произнес ни слова, только низко опустил голову. Неожиданно старуха вскочила с табурета — ему даже почудилось, что это мать из Аратикума: как прежде, она была молодой и подвижной — и исчезла в комнате. Бентиньо остался у дома и, сидя на траве, старался найти выход из неожиданно свалившейся на него новой беды. Что можно сделать для матери в таком состоянии?.. Уж лучше бы они погибли тогда в Педра! Зачем было проделывать весь этот страшный путь, столько страдать, чтобы добраться сюда, на край света... Правда, Домисио внес радость в их печальный дом. Но он ушел... А теперь случилось то, что случилось. Что делать?

Мертвая тишина царила вокруг. Только ветер шумел в ветвях жуазейро, от воя ночных зверей становилось страшно. Что делать? Он оперся о стену, прилег на холодную землю, и мрачные мысли, тесня друг друга, падали, как комья на свежевырытую могилу. Он чувствовал себя заживо погребенным. Казалось, что земля засыпает ему глаза, проникает в уши, покрывает голову. На минуту он забылся во сне, но, проснувшись, с еще большей силой ощутил весь ужас того, что случилось. «Рано утром нужно бежать и сообщить все капитану Кустодио. Его несчастная мать погибает». Над домом с резким криком пролетела сова. Бентиньо весь сжался от страха, ему казалось, что чем меньше станет его тело, тем меньше коснется его «дурной глаз». Что делать?

Он вспомнил девушку с распущенными волосами там, у дороги, — она сошла с ума, испугавшись Апарисио. Все пережитые страхи вернулись вновь. Но он опять подумал о Домисио: как он трепетал от ужаса перед метиской из пещеры, перед женщиной-призраком, а теперь стал сильным, способным защищаться и убивать. Но здесь, в двух шагах, случилось самое большое несчастье — гибнет мать,

она может убежать и бродить по миру, как безумная. Одна мысль об этом терзала душу, как острый кинжал! Безумная... Его мать — безумная.

Сова уселась на верхушке кордейро, и ее ярко блестевшие в темноте глаза казались глазами человека. У Бентиньо не хватало мужества спугнуть зловещую птицу. Он не смел пошевелиться, боясь, что малейшее движение вновь вызовет приступ безумия у затихшей матери. Так прошло много времени. Лежа на земле, он прислушивался к каждому шороху в комнате, но у него не было сил подняться. На ум приходили мысли одна мрачнее другой, одна мучительнее другой. Он теряет мать. И Бентиньо стал искать утешения: бог послал ему любовь Алисе. Он сможет жить даже здесь в Рокейре, жениться, обзавестись семьей. Нет, этого не будет! Ведь он брат кангасейро! Вспомнив об этом, он почувствовал себя связанным по рукам и ногам, окруженным со всех сторон опасностью. Как он будет жить с матерью, когда она в таком состоянии?

Медленно надвигалась ночь, окутывая все темнотой. Слышны были несмолкаемые голоса земных тварей, пугающий крик совы время от времени становился громче и заглушал звучавшие во мраке голоса. Бентиньо было страшно. А что если появится сейчас мать и со всей силой своего безумия набросится на него? Он вспомнил свои страхи в церкви Ассу у раки с мощами. О! Как жаждал он в этот момент дневного света, утренней зари! Он весь напрягся, чтобы не закричать, не броситься бежать. Но мало-помалу он собрался с силами, хотя холодный пот все еще покрывал его дрожащее тело, и попытался молиться. Вспомнил молитвы отца Амансио и стал, едва шевеля губами, читать «Отче наш». Однако молитва не приносила облегчения. Он шептал слова «Ave Maria», но мысли его были с матерью Жозефиной, здесь, на земле, и он не находил покоя. Не было молитвы, которая могла бы поддержать его. Тогда в отчаянии он припал головой к земле и вцепился в нее руками, всеми силами стараясь вернуть самообладание. Малейший звук, доносившийся из комнаты матери, казался ему криком. Он был не в состоянии определить, который теперь час. Шли минуты, тело его словно наливалось свинцом. Сейчас он хотел одного: чтобы все наконец кончилось, погибло навеки. Он вытянулся на земле, стремясь ослабить последний удар, и... заснул.

Проснулся он вместе с птицами, свившими гнездо на

крыше дома. Рассвет воскресил его. Он опять был человеком. И вдруг он увидел мать. Она подошла к двери, посмотрела на небо, постояла немного, будто чего-то ожидая, потом повернулась, пошла на кухню и стала разводить огонь в очаге. И вскоре по участку разнесся запах кофе. Неожиданно Бентиньо услышал сильный и властный голос матери:

— Сын, иди пить кофе!

XI

Теперь вся жизнь Бентиньо зависела от состояния здоровья матери. Вначале он считал, что это — случайный приступ. Он был в этом уверен, и, когда старуха после той страшной ночи позвала его пить кофе, он решил, что все войдет в свою колею. И действительно, на следующий день синья Жозефина не подавала повода к серьезным опасениям. Правда, она была сурова и замкнута, но разговаривала разумно и не проявляла никаких признаков так напугавшего его нервного возбуждения. Наутро после припадка он вышел из дому с твердым намерением поговорить с капитаном Кустодио. Спускаясь с горы, он торопился, чтобы как можно скорее поделиться с кем-нибудь, что было ночью с матерью. Он приблизился к дому мастера Жеронимо, но все пошло не так, как он предполагал. Неожиданно у поворота дороги он встретил Алисе — казалось, она поджидает его, и стоило ему увидеть ее светлую улыбку, черные живые глаза, загорелое милое личико, как он забыл все, зачем шел. Оказывается, Алисе действительно поджидала его. Когда она говорила, ее слабый голосок прерывался, тонкие губы дрожали:

— Сеу Бенто, мать хотела, чтобы вы переговорили с отцом о брате Зе Луизе. Отец собирается наказать его за озорство с сыновьями сеу Таржино, и брат убежал из дому. Мать знает, где Зе Луиз, и послала меня попросить вас добиться у отца прощения парню. Сама она не пришла к вам только потому, что не может сегодня даже подняться с постели от боли в пояснице.

Бентиньо был готов с радостью помочь ей, он обещал все сделать и даже вызвался разыскать мальчишку.

Девушка немного постояла молча под благоухающим

кустом манаки и ушла. Никогда Алисе, с ее фигуркой подростка, распущенными по плечам волосами, не казалась ему такой прекрасной. Юноше захотелось взять ее на руки и уйти куда-нибудь подальше от человеческой подлости. Но Алисе уже не было возле него.

Утреннее солнце заливало своим светом цветущий сертан. В июньские дни еще бурлили ручьи, коровы в загонах давали обильные удои, скот нагуливал жир, а на маисовых полях наливались початки. Утро, такое светлое, благоуханное, такое красочное, возвращало его измученную страшной ночью душу к жизни. Он не спускал глаз с девушки, пока она шла к своему участку, видел ее, склонившуюся с мотыгой в руках над влажной землей, как склоняются пеоны над своей полосой. Бентиньо постоял еще немного, наслаждаясь этой минутой; он был счастлив, как никогда в жизни. Теперь он знал: и он нравится девушке. Значит, бог не оставил его! В небе кружил над пташкой ястреб, а повсюду — на ветвях деревьев, в камышах, в траве, на столбах изгороди — радостно распевали птицы. Теперь он не чувствовал себя покинутым одиноким; у него был верный друг.

Юноша прошел немного по дороге и опять остановился, чтобы полнее почувствовать свое счастье. Нет, он не упустит его. Это ясно, Алисе просто придумала всю эту историю с братом, чтобы встретиться с ним и переброситься парой слов!

Пройдя немного, он увидел под оитисикой группу возчиков. Разлившаяся река преградила им путь. Проезжие спросили, не живет ли здесь сахаровар, некий Жеронимо, они должны ему кое-что передать из Брежо. Бентиньо указал им дом мастера, но старший в группе сказал:

— Сынок, этого Жеронимо, наверно, сейчас нет дома. Ты на обратном пути, может быть, заглянешь к нему, чтобы передать: ему посылает привет доктор Кунья Лима, а мы переждем здесь, пока вода в Мошото спадет и можно будет пройти дорогой на Жатоба. Скажи этому Жеронимо: доктор велел передать, что время возвращаться. Не забудь же, сынок. Это — дело серьезное.

Всю дорогу до каза-гранде Бентиньо колебался: «А что если промолчать, тогда все будет хорошо. Эти люди не знают меня, и молчание принесет мне счастье. Без Алисе я совсем пропаду!» Теперь ему казалось, что все силы небесные в заговоре против него. Все объ-

единилось чтобы погубить его мечту, его радость, его заветное желание. Все же, как только Бентиньо увидел у дверей каза-гранде мастера Жеронимо, он тотчас же поспешил к нему, чтобы передать поручение. Но тут же одумался: «Пожалуй, Жеронимо не понравится, если я скажу ему о таком деле в присутствии капитана» — и отложил разговор. Когда он все же наконец передал поручение, мастер очень рассердился:

— Тебе в самом деле велели передать то, что ты говоришь? Послушай, парень, ведь это ловушка. Я ни о чем не уславливался с доктором, а этот возчик может оказаться родственником покойного Казимиро, негодяя, который испортил мне жизнь. Раз уж ты кое-что знаешь, я открою тебе: за всю свою жизнь я был дважды под судом. О случае с сыновьями старого Лауренсо я уже рассказывал тебе. Второй случай — с покойным Казимиро, он имел большую власть в Кашоейра де Себола. Был даже начальником полиции и работал на одного магната в Кампина Это был очень заносчивый человек; произошло все в лавке, по дороге в Груматау. Он оскорбил меня из-за пустяка, стыдно даже рассказывать, но я сделал глупость, причем по вине других. Я вступился за друга, который был со мной, и покойный Казимиро, уже изрядно навеселе, недолго думая, ударил меня палкой по лицу. Он налетел первый, и я прикончил его. Потом явился в суд в Брежо де Арейя и был оправдан. Доктор Кунья Лима достал мне адвоката, но держать у себя побоялся. Так я очутился здесь. И скажу тебе: не жалею об этом. Семья моя хорошо устроена, и мне никто не угрожал до сих пор. Но вот явился ты с этим сообщением. Это может оказаться ловушкой. У Казимиро есть семья, которая только и ждет, чтобы расправиться с вашим покорным слугой. Это дело пахнет кровью.

Бентиньо остался в амбаре, где работал в этот день. Заметив его, капитан подозвал парня к себе и снова вернулся к истории с судьей в Такарату.

— Я получил от судьи новое напоминание и очень недоволен таким оборотом дела. Капитан Виейра доверил мне оберегать его мать, а настойчивость судьи может усложнить положение. Я ничего не хочу знать о политике. Мне бы только отомстить за смерть сына. Сам я немощный старик и не в силах этого сделать. В сертане все знают, что я ни на что не годен...

Бентиньо хотел рассказать капитану о том, что произошло ночью, но старик не умолкая говорил о своем несчастье:

— Какую роль способен играть в политике человек, который не может даже вспомнить об убийстве родного сына, смело глядя людям в глаза! Я просил передать судье, чтобы он подыскал себе кого-нибудь другого. Я не стану путаться в это дело. Правда, отец судьи — заклятый враг Касуса Леутерио и может свалить этого негодяя; до сих пор Касуса Леутерио не встречал себе равных по силе, но я не хочу связываться с этим судьей, не хочу иметь с ним никаких дел. Придет день, и капитан Виейра внесет мир в мою душу, и я умру, изведав эту радость. Мое дитя похоронено вместе с матерью. Жена умерла с горя, узнав, что ее муж не в силах отомстить за оскорбление!

Так в первый день болезни матери Бентиньо узнал историю брежонца Жеронимо и понял, что и в его жизни не все в порядке и что Алисе угрожает опасность. Вечером, когда Бентиньо вместе с мастером возвращались с работы, ни один из них не хотел касаться вопроса, который тревожил обоих. И все же Жеронимо не выдержал:

— История с поручением из Брежо мне не по вкусу. Забрался в эту глушь, на край света, и думал, что здесь буду в безопасности, а на деле оказалось не так. Родственники покойного Казимиро добрались и сюда. Я даже подумываю, не податься ли мне в Сеара. Но утро вечера мудренее. Я говорю с тобой, сынок, так потому, что ты мне нравишься. Вчера и Анинья сказала: «Этот Бентиньо не из породы иуд». Но что делать? Куда бы я ни ушел, эти негодяи находят меня. Может быть, лучше дождаться их здесь. Попрошу капитана дать мне оружие. Старик похож на облезшего кота, но оружие у него найдется. Поверь мне, первому, кто явится сюда со злым умыслом, я всажу пулю и похороню его на берегу реки.

В этот пасмурный вечер на обложенном тучами небе выглянуло, радуя глаз, солнце. Облака причудливой формы, словно чудовища, обрамленные пурпурной кромкой, уплывали за горы. Попугаи и анумсы прощались на все голоса с меркнущим днем. Улучив момент, Бентиньо заговорил с мастером о Зе Луизе.

— И в самом деле, я совсем забыл об этом. Ничего, ничего серьезного. Я хотел только проучить этого бодливого бычка. Завтра он вернется и спрячется за юбку

матери. Он неплохой мальчик. Тут ничего страшного не случится. А вот эта дьявольская история с возчиками не выходит у меня из головы. Скажи, тот старик был не рыжий, с зелеными глазами, со шрамом на лице?

Бентиньо не мог ничего сказать. Он помнил только, что это был крупный мужчина в кожаной шапке и с сумкой матуто * через плечо.

Мастер Жеронимо немного помолчал, потом властно сказал:

— Хорошо, прекратим этот разговор. Прошу тебя, никому об этом не говори. Семья моя ни о чем не должна знать!

Под оитисикой они увидели тлеющие головешки. На земле была рассыпана мука; мастер подобрал валявшийся клочок газеты:

— Ты ведь умеешь читать, сынок, откуда этот листок?

Бентиньо взглянул и ответил:

— Это — газета из Пернамбуко, мастер.

— Значит, сынок, старик умеет читать. Теперь я уверен, что это не тот, о ком я думал. Видно, и в самом деле здесь были матуто, спешившие на ярмарку. Должно быть, идут в Брежо за мукой и сахаром...

Они подошли к дому. Алисе ждала в дверях, у старого розового куста. Она взглянула на Бентиньо, подошла под благословение к отцу. Появилась синья Анинья, повязанная платком.

— Ты не узнал, где мальчик, Жеронимо?

— Послушай, жена, перестань играть в прятки. Сын твой шатается где-то здесь, и ты хорошо знаешь, где он, — сказал, смеясь, мастер. Алисе тоже засмеялась. Довольная Анинья обратилась к Бенто:

— Сеу Бенто, сегодня обязательно оставайтесь выпить кофе.

— Видишь, сынок, — обратился хозяин к Бентиньо, — старуха совсем извелась из-за сына. Но я предупреждаю тебя, Анинья, в первый же день, как он появится, он отведает кнута. Теперь я приберу его к рукам.

Потом синья Анинья сказала, что приходили какие-то возчики, просили напиться, спрашивали Жеронимо.

— Ты говорила с ними, Анинья? — спросил мастер.

— Старик выпил кружку воды и сказал, что они были

---

* Матуто — житель сельской местности.

в Брежо, и даже упомянул доктора Кунья Лиму. Тебя он не знает, но сказал, что передал тебе поручение через какого-то парня, которого встретил на берегу реки. Я знаю, что ты привязан к тем местам, но зачем бередить старую рану?

Мастер попытался заговорить о другом, но Анинья продолжала:

— Возчики рассказывали об Апарисио. Капитан занял Бом-Консельо без единого выстрела. В честь его устроили праздник, были танцы. Солдаты сбежали в заросли. Кангасейро выпустили всех арестованных из тюрьмы.

Жеронимо не произнес ни слова. Сидя во главе стола, он пил кофе, но мысли его были далеко. Когда Бентиньо уходил, он бросил прощальный взгляд на Алисе — девушка весь вечер не спускала с него своих черных глаз. Мастер вышел с Бентиньо и, как только они свернули на дорогу, спросил:

— Ты слышал, что говорила моя жена? Эти негодяи, оказывается, заходили сюда. Теперь я думаю, что это все же были люди покойного Казимиро. Да, мне необходимо оружие! Заставлю сторожить Зе Луиза. Подумать только, какая напасть! Суд оправдал, но меня выбросили на улицу, хотя я был прав. Ушел из Брежо, чтобы жить со своей семьей в этой проклятой глуши, но и тут не оставляют в покое! Что за дьявольское наваждение!

Бентиньо дошел до перекрестка и стал сворачивать к своему дому. На прощание мастер сказал:

— Поверь, если бы не жена и дети, я бы показал им. Не в моем характере покорно ждать, пока тебя заколют, как свинью. Я не хотел никого убивать, но этот проклятый Казимиро ударил меня по лицу, и я не мог стерпеть этого. Скажу прямо: я убил и не чувствую греха на душе, потому что поступил справедливо.

Ночь вступала в свои права. Когда Бентиньо подымался по откосу, уже смеркалось, вечерняя звезда показалась на небе, а в густой непроходимой чаще было темно, и это заставило его ускорить шаг. Он боялся этих зарослей, и, даже когда проходил тут днем, ему всегда становилось жутко. Здесь пролегала такая узенькая тропка, что по ней мог пробраться только один человек, да и то с большим трудом.

В этом горном районе сертанцы не знали, как умирают в засуху от голода и жажды. Внизу, у подножия горы,

в гроте плещется, как ласка божья, голубая прозрачная вода.

А в доме Бентиньо ждала мать. Прежде чем открыть дверь, он постоял немного, как бы собираясь с силами для встречи с врагом! Ему снова стало страшно. Когда он вошел, мать была у себя в комнате. Оттуда доносился скрип колец гамака. Лампочку облепили москиты. Было тихо, и дом казался необитаемым. Он прошел на кухню, увидел свой ужин на краю очага. Стараясь как можно меньше шуметь, он тут же поел. Потом вышел из дома. Проходили часы, а в комнате, покачиваясь, все скрипел гамак. Бентиньо вспомнил, что сегодня еще не получил благословения матери. Что делать? Он медленно поднялся и, стоя у двери комнаты матери, робко попросил:

— Мать, благослови.

На минуту скрип гамака прекратился, и он услышал злобный хрип старухи:

— Проси благословения у Апарисио. Твой ужин на кухне.

И снова заскрипел, раскачиваясь на кольцах, гамак.

XII

В тот день капитан Кустодио был не в духе. Он бранился с вакейро* Флорентино из-за пропавшей коровы. Сертанец стоял в дверях каза-гранде и, не обращая внимания на попреки капитана, все твердил:

— Вы ошибаетесь, ошибаетесь... Эти собаки обкрадывают меня, а потом, бессовестные, еще болтают невесть что. Сеу капитан, дело было совсем не так,— оправдывался он.— Корова вашей милости забрела на землю старого Толентино, а когда я пришел и потребовал скотину, тот набросился на меня, стал кричать, что он не вор, и даже грозил убить меня. Я сказал ему: «Простите, ваша милость, я пришел только за коровой и вовсе не собираюсь затевать ссоры».

Капитан Кустодио утих и позвал Бентиньо:

— Сынок, пойдем со мной.

Они спустились к запруде; убедившись, что вблизи никого нет, капитан заговорил:

---

* Вакейро — скотовод-полубатрак.

— Вчера здесь был гуртовщик Морено и сообщил, что твой брат Апарисио действительно договорился с полковником Жозуе, отцом судьи, о том, чтобы сбросить Касуса Леутерио. Морено говорил, что у этого человека — большая сила в столице штата. Все уже подготовлено. Вот тогда, сынок, мне, старику, можно будет спокойно умереть. Ты слышал историю с коровой? А что я могу поделать с этим вором Толентино? Ничего. Я ведь только опозоренный старик. Убили сына, а у меня не хватило смелости отомстить за него. Жена умерла от отчаяния. Вакейро Флорентино все это прекрасно знает. Если бы он работал у человека уважаемого, он бы не оставил корову вору. а вошел бы в его дом, как настоящий мужчина, он бы знал, что вступился за человека, который сможет спасти его от наказания. Сынок, твой брат снимет камень с моей души. Морено рассказывал, что капитан был в Бом-Консельо и в доме Зуза Абилио устроили в его честь праздник с танцами. Будь уверен, капитан Апарисио наведет порядок в этом сертане. В тот день, когда он войдет в Жатоба и покончит с могуществом Касуса Леутерио, я, Кустодио дос Сантос, смогу отдать богу душу, ничуть не сожалея о земной жизни. А мой сын там, на небесах, скажет: «Наконец свершилось, отец, теперь ваша милость может говорить в Рокейре во весь голос, ваша милость — снова достойный человек». Бедная моя жена умерла. Если бы она дожила до того дня, она бы перестала плакать и, не стыдясь, могла бы смотреть на своего мужа.

По неподвижной воде плавно скользили утки. Капитан Кустодио все говорил:

— Сынок, на днях мастер Жеронимо упрекнул меня: «Эта земля могла бы принести вам большое богатство. Здесь, в сертане, на вашей земле у подножия горы в гротах — топи, только и сажать тростник!» Я ничего не ответил мастеру, но мне очень хотелось сказать ему: «Мастер, богатство не для тех, кто не умеет им пользоваться. Я ведь беспомощнее паралитика. Для чего мне сажать столько тростника, варить сахар, если у меня душа еле держится в теле? Я ни на что не пригодный старик». Однажды — это было четыре года назад — в доме, где живет теперь твоя мать, жил Апарисио, я пришел тогда к нему. Мы поговорили о том о сем, а потом я сказал: «Капитан, ваш покорный слуга не достоин жить на белом свете». Твой

брат удивленно посмотрел на меня, а я продолжал: «Человек, который, как я, лишился чести, не достоин жить на белом свете». Твой брат все знал и сказал мне откровенно: «Пожалуй, капитан, в вашем деле только один выход — покончить с обидчиком. Но оставьте этого Касуса Леутерио мне. Придет день, и я расправлюсь с ним». Я знаю, сынок, что на себя не могу рассчитывать. Ах, негодяй, — голос капитана прервался от ярости, на глазах показались слезы, — ты прислал мне сына в гамаке, живого места не было на его теле от ударов кинжала, но ты, твоя жена, твоя невинная дочь — все вы заплатите теперь сторицей за все!

Кричали утки и гуси, пели птицы, и издали доносился скрип запряженной волами двуколки. Капитан сразу пришел в себя:

— Так вот, сынок, после того, что произойдет в Жатоба, на эту землю обрушится много бед. Не знаю, стоит ли твоей матери оставаться в Рокейре. Во всяком случае, гуртовщик Морено обещал передать указания капитана.

Скрип двуколки становился все слышнее. Капитан и Бентиньо поднялись в гору и застали мастера Жеронимо разговаривающим с плотником Косме, который явился по вызову капитана.

— Мастер, мне необходимо сменить лопасти на мельнице.

В это время к ним подошел капитан, и Жеронимо с Косме стали осматривать деревья, которые привезли в двуколке: это оказался первоклассный пау д'арко.

Возчик обратился к капитану:

— Сеу капитан, когда я был в лесу вашей милости, я видел Жасинто Торреса, плотника из Такарату, он вырубал там лес. Я спросил, кто разрешил ему это. Он ответил: «Никто». Тогда я сказал ему: «Человек, эта земля принадлежит капитану Кустодио». Но он не обратил внимания на мои слова и остался там с двумя мужчинами, один из них был вооружен.

Старик выслушал возчика и тут же обратился к мастеру Жеронимо:

— Мастер, посмотрите с плотником, пригодны ли эти деревья?

Вечером, когда они возвращались домой, Жеронимо поделился с Бентиньо:

— Капитан Кустодио — самый несчастный из всех

людей, которых я когда-либо встречал История со смертью сына мало-помалу сведет его в могилу. У него есть земля, но он не хозяин на ней. Он похож на женатого человека, у которого жена путается с другими. Он как неживой. Человек должен защищать свое добро. Этот негодяй Толентино крадет скот у капитана, и ему все сходит с рук. Скажу тебе: я готов уйти отсюда куда глаза глядят, только бы не видеть всего этого.

Бентиньо попытался все оправдать болезнью старика.

— После смерти сына старик свихнулся и только об одном и думает.

— Да, это страдание сделало его немощным. Лучше бы он погиб от ножа! — ответил мастер. — Как я слышал, здесь в округе хозяйничает некий Касуса Леутерио из Жатоба. Это он взял под защиту убийцу сына капитана, и теперь старик на стороне Апарисио. Сам он мне ничего не говорил, но я вижу, как этот гуртовщик Морено ходит туда и сюда и все шепчется. Поверь мне, в конце концов окажется, что этот негр — просто лазутчик Апарисио. И правильно делает капитан: Апарисио — кангасейро, но у него свой суд, и он признает правым того, кто прав. Я живу здесь больше двух лет и вот с некоторых пор стал кое-что замечать. Это началось с того дня, когда Морено прошел через Рокейру с каким-то желтолицым парнем. Я подумал тогда, что это какой-нибудь раненый кангасейро отправляется на поправку. Когда я еще жил в Брежо, Антонио Силвино прислал одного из своих парней подлечиться в фазенде доктора Кунья Лима — Крумагау. Как только я увидел желтолицего, я сказал себе: «Это, наверно, кто-нибудь из людей Апарисио». Потом я никогда больше не видел того человека. История с кангасейро полна всякой чертовщины.

Выйдя на дорогу, они заметили вблизи оитисики караван, переправившийся с другого берега реки. Это были контрабандисты, которые с водкой пробирались в Сеара. Приглядевшись, люди остановились поговорить:

— День добрый, дорогие друзья, спешим в Сеара. В Жатоба мы встретили много солдат. Не знаете, не мог бы человек, живущий на горе, приютить нас? У нас один парень заболел, и мы не хотим оставлять его на ночь под открытым небом

Мастер посоветовал подняться к дому:

— Капитан не откажет вам в ночлеге.

— Это не старый Кустодио?

— Да, сеньор, он самый.

— А, я знаю его, это мирный человек. А ведь весь сертан как в огне. Апарисио танцевал в Бом-Консельо, там был капитан Жезуино, и вот теперь правительство, переполошившись, нагнало солдат в сертан, как во время войны Канудос. Говорят, Апарисио явился в Флоресту с отрядом свыше ста человек, а расплачиваться, конечно, придется за все сертанцу. Невозможно спокойно работать. То засуха, то солдаты. А нет солдат — являются кангасейро.

Контрабандисты простились и ушли.

Сопоставив события, Бентиньо понял, что Апарисио не мог еще атаковать Жатоба. Но вызваны правительственные войска, возможно, раскрыли план Апарисио? Когда он остановился у дверей дома мастера, вся семья была в сборе. Алисс, увидев его, улыбнулась, и у него на сердце стало радостно. В этот вечер она приколола к спадавшим почти до пояса волосам цветок. Она ждала его. Он обратил внимание на то, что она надела ботинки — обычно он видел ее босой, с испачканными землей ногами. Говорили о караване, Зе Луиз особенно интересовался новостями и разговорами об Апарисио.

— Сынок, ты поменьше болтай с этими людьми. Среди них могут оказаться и шпионы. Когда я жил в Брежо, я знал одного нищего, он просил милостыню на ярмарке. А потом стало известно, что он был не слепой, не нищий, а шпион кангасейро, Антонио Силвино. Во время облавы лейтенантом Паулино Пинто Серроте нашли его тело, но и мертвый он не выпускал ружья из рук. В этом сертане люди всегда должны быть начеку.

Зе Луиз рассказал, что он схватился с каким-то прохожим.

— Кампинцы * такие! Будь поосторожнее с этими торгашами. Они только и живут тем, что разносят из края в край всякие истории. Я не хочу и говорить с ними. Здравствуйте и прощайте — вот и все.

Алисе не спускала глаз с Бентиньо, и, если бы он мог, он просидел бы здесь всю ночь. Но он отказался даже выпить кофе.

— Нужно прийти домой пораньше, чтобы не заставлять старуху ждать.

---

* Кампинцы — жители саванны.

— Видишь, Зе Луиз, вот это сын. Такой сын, как сеу Бентиньо, — радость для матери, — сказала синья Аниньа, обернувшись к Зе Луизу. — А ты скачешь, как бодливый бычок, и слушать не хочешь, когда я говорю тебе что-нибудь!

— Пойми, жена, ты сама во всем этом виновата.

Как только Бентиньо свернул с дороги к дому, мрачные мысли вновь овладели им. Он не мог забыть слов капитана Кустодио о том, что ожидает их всех после нападения на Жатоба. Произойдет то же, что в Аратикуме с лейтенантом Маурисио. Расплачиваться будут невинные. В Рокейру ворвется отряд, чтобы покарать капитана Кустодио — коитеро кангасейро, но озверевшие солдаты никого не пощадят — ни женщин, ни детей, им прикажут сровнять все с землей...

С этими мыслями он подошел к дому; там уже горела лампочка, синья Жозефина сидела у порога. Он попросил ее благословения, но она сделала вид, что не слышит. Тогда он быстро вошел в комнату. На кухне, в очаге, тлел огонь. Ему опять стало страшно. Близость матери наводила ужас. Стоя, второпях он проглотил свой ужин, словно сейчас должно было произойти что-то ужасное. Поев, он вышел к матери, но синьи Жозефины уже не было у дома. Из ее комнаты слышалось поскрипывание гамака. Ночь была лунная, все вокруг было прекрасно — небо ясное, легкий ветерок шевелил листву на деревьях. Бентиньо долго оставался здесь, любуясь окружавшей его красотой, — он старался преодолеть мучивший его страх. Всей душой стремился он зажить иной жизнью, вырваться из заколдованного круга. Покачиваясь взад и вперед, беспрерывно скрипел гамак. И вдруг Бентиньо похолодел от ужаса: наступила мертвая тишина. Он напряг слух и ждал. Так прошло больше минуты, он был едва жив, потерял всякую способность двигаться. Попытался встать, пройти несколько шагов и не смог, казалось, что ноги приросли к земле. И, когда синья Жозефина поднялась и он услышал шум, у него было такое чувство, будто он падает с большой высоты; тогда он закрыл глаза. В дверях появилась мать: ворот ее сорочки был расстегнут, на груди белели четки, она в исступлении кричала:

— Зачем ты явился сюда, дьявол, змеиное отродье, низкая тварь? Я не хочу тебя больше видеть, не хочу, чтобы ты оставался в этом доме!

У Бентиньо не хватило духу поднять на нее глаза. Точно окаменев, молча стоял он, пораженный в самое сердце. А старуха кричала все яростнее:

— Убирайся вон из этого дома, дьявол, я знаю все! Ты здесь для того, чтобы шпионить за мной. Ты и тот старик! Ты здесь, чтобы предать меня ему, чтобы схватить меня, как собаку! Убирайся из этого дома, проклятый!..

Бентиньо не шевелился; все тело его было скованю, он не мог собраться с мыслями. И все же, сделав над собой нечеловеческое усилие, он, разбитый, дрожа всем телом, пошел к матери. Но старуха убежала и заперлась в доме. И там кричала, кричала, не переставая.

При лунном свете дом казался белым. Из окна падал свет лампы... Бентиньо понял, что это — конец. Рвалась последняя связь между ним и матерью. Что делать? Он был один, совсем один, как никогда. Нужно было все решать самому. Он спустился по дороге к гроту и увидел: далеко, в доме негритянок мерцал свет — там люди... У тропинки, ведущей через чащу, которой он всегда так боялся, он остановился... Нет, он не имеет права оставлять мать одну в таком состоянии. Апарисио поручил старуху ему, доверил... И нужно же было случиться такому несчастью. На голову старухи свалилось столько бед, что она не вынесла и потеряла власть над собой... Сошла с ума... Завтра же он постучится у двери мастера Жеронимо и все расскажет. Нет, об Апарисио он не скажет. Когда он вернулся, дверь в доме была открыта. Но страшно было приблизиться... Собравшись с силами, он подошел к порогу. Гамак скрипел, покачиваясь. Бентиньо лег на землю, бесконечно тянувшиеся минуты были пыткой. Старуха опять начала кричать:

— Убивают!.. Дьявол... Острым... Железом!.. Сам дьявол дал тебе его!.. Топчешь породившую тебя мать!..

Потом резко захохотала... И опять наступила тишина, только слышен был скрип гамака. Бентиньо пытался сосредоточиться, обдумать, что должен сделать завтра: «Как только забрезжит рассвет, пойду к капитану и все расскажу. Надо как-то удержать мать дома. А если она все же уйдет бродить по сертану, как несчастная Шика Гранда из Ассу? Женщина металась, не могла найти себе места, сквернословила на потеху безжалостным мальчишкам, безумствовала в лунные ночи, была страшной во время кри-

зисов. Неужели и мать Апарисио будет скитаться, бродить по миру?

Рассвело, горлинка вылетела из гнезда и уже кружила вокруг в поисках корма для своих птенцов, а те, радуясь заботам хлопотливой матери, весело щебетали. А в доме, покачиваясь, скрипел гамак. Вокруг все купалось в ласковых лучах восходящего солнца, зелень сертана казалась особенно праздничной. Но Бентиньо был далек от этого счастливого мира. Что могли для него значить цветущие деревья сертана, вода, бегущая по канавам, поля в этом плодородном краю, если тут, рядом с ним, мать потеряла от горя разум, сходит с ума, не вынесла страданий за близких! Он подумал о том, что придется предпринять, и с ужасом представил себе, как он будет связывать свою мать, а она будет биться и кричать. Он поднялся, чтобы прогнать мучительные мысли. И опять услышал хриплый голос:

— Убирайся из моего дома, убийца, вор, убирайся в каатингу убивать невинные души божьи! Ты не поймаешь меня, нет! Ты не загубишь несчастную мать, которая родила тебя! Нет, ты не сын Бентона, ты сын Апарисио! Ах, бог мой, они хотят убить меня!

Рыдания заглушили слова, из глаз старухи обильно лились слезы, и эти слезы могли тронуть даже камень. Словно прорвав плотину, они хлынули с неудержимой силой. Так длилось около получаса. А потом настала тишина, и казалось, что всему пришел конец. Бентиньо стоя ждал повторения приступа, но все было тихо, даже не слышно было поскрипывания гамака. Тогда он решил выйти, чтобы хоть немного разрядить гнетущее нервное напряжение, но не успел переступить порог дома, как услышал голос матери:

— Бентиньо, не оставляй меня одну с ним, не оставляй меня одну с ним! Он здесь, в комнате... Беги скорее, Бентиньо... Беги скорее, Бентиньо!..

Бентиньо бросился к матери, она уже не казалась фурией с безумными глазами.

— Сын мой, он здесь, прячется!.. Он хочет погубить меня! Он хочет, чтобы опять родился от него сын дьявола!

Она рыдала в отчаянии, казалось, что каждая частица ее тела содрогается от охватившего ее ужаса. Сын обнял мать, он старался успокоить, защитить ее, но она с силой оттолкнула его и закричала:

— Уходи, уходи с ним, ты тоже собираешься убить

меня! Уходи, уходи, дьявол, уходи из этой комнаты, Апарисио. — И хотела вцепиться ногтями в сына, но он в страхе выбежал из дому.

Несколько мгновений он издали смотрел на покинутый дом, потом все же вернулся. Разве он мог оставить мать в таком состоянии?

Вблизи на деревьях пели птицы в этот праздник солнца на земле, приносящей плоды без боли, обильно и радостно. Старуха подошла к двери, переступила через порог и с еще большей силой закричала:

— Убирайся из этого дома, Апарисио, уходи убивать, насиловать невинных!

В гнезде на крыше дома жалобно пищали в ожидании матери, улетевшей за кормом, птенцы горлинки. Бентиньо стоял под жуазейро, а старуха, спустившись со ступенек, схватила в руки камень и стала гнать его:

— Уходи отсюда, Апарисио, убирайся, сын дьявола, сын порочной матери!..

XIII

Подходя к дому Жеронимо, Бентиньо был уверен, что Алисе и синья Анинья помогут ему в его горе... Несомненно, в этой хорошей семье ему будет легче переносить муки и будет не так страшно. Оставив мать, он пустился бегом по откосу. У дома негритянок он увидел группу людей. Какая-то женщина сообщила:

— Старый негр, отец девушек, умер этой ночью.

Но Бентиньо даже не остановился, своя беда гнала его дальше. Он пришел слишком рано, и дверь дома мастера Жеронимо была еще закрыта, пришлось ждать. Через некоторое время синья Анинья растворила окно, Бентиньо хотел тотчас броситься к ней, но сдержался. Ожидая у обочины дороги, он все обдумал спокойнее: «Нет, семье мастера ничего не нужно говорить... Прежде всего он разыщет капитана Кустодио, ведь Апарисио отправил его с матерью в Рокейру под покровительство старика. Нехорошо рассказывать о случившемся чужим». В дверях показалась полураздетая Алисе, она не подозревала, что ее кто-нибудь видит. Бентиньо скрылся за кустом кабрейра, и страх снова овладел им. Наконец вышел по пояс голый

мастер Жеронимо, посмотрел в сторону дороги... Тогда, осмелев, Бентиньо подошел и поздоровался.

— На работу в такую рань, сынок?

— Нет, мастер, в доме случилось несчастье. Ночью заболела мать, и вот иду посоветоваться с капитаном.

— А что с ней? Поговори с Аниньей, ручаюсь, она даст нужное лекарство.

— Понимаете, — глаза Бентиньо налились слезами, он говорил с трудом, — у матери плохо с головой.

— Что это, сынок, от лихорадки?

— Нет, у нее не лихорадка, мастер.

Жеронимо помолчал, потом позвал жену:

— Анинья, пойди сюда и послушай, что случилось у Бентиньо. У его матери с головой плохо.

Вышла Алисе, Бентиньо посмотрел на девушку в надежде найти утешение в своем горе.

— Бедняжка. Но, сынок, твоя мать, верно, пришла сюда уже больная; что она, душевнобольная?

Мастер нахмурился.

— Я всегда говорил Анинье: от такой жизни, какой живет мать Бенто, ничего хорошего ждать нельзя. Старушка нигде не показывается, ни с кем не разговаривает, а человеку нужно поговорить с кем-нибудь, отвести душу. Но все это может пройти.

— Конечно, сеу Бентиньо, пройдет, — подтвердила синья Анинья. — У меня была тетка, она заболела такой же болезнью, говорила дни и ночи, без умолку. Но как-то мой дядя Франселино чистил ружье, оно упало на пол и выстрелило. Тетка услыхала выстрел, закричала и свалилась, как мертвая. А после этого стала здоровехонька. Такие случаи бывают с женщинами.

Алисе смотрела на Бентиньо, и вся нежность, которую может выразить взгляд, была в ее любящих глазах... Когда Бентиньо собрался уходить, Анинья предложила навестить старушку.

— Благодарю вас, сеньора. Но моя мать будет недовольна. Она никого не хочет видеть, может даже оскорбить вас.

Алисе, покрыв голову шарфом, собиралась на работу, и они вышли вместе. Впервые Бентиньо был с девушкой наедине: синья Анинья осталась дома, а Зе Луиз не возвратился еще с похорон старого негра. Шагов двадцать прошли они молча, наконец Алисе сочувственно сказала:

— Бентиньо, мне очень жаль твою мать. Но мама ведь сказала, что она может поправиться. Бог милостив.

Они дошли до участка и остановились. Юноша не спускал глаз с Алисе, но был не в силах произнести ни слова. Теплота девичьего взгляда согревала его в это утро. Жгучие черные глаза Алисе могли воспламенить кровь, но ее черты, освещенные мягкой, ласковой улыбкой, говорили только о чистоте и нежной дружбе. И все же у Бентиньо, помимо его воли, в порыве чувства вырвалось:

— Алисе, я хотел бы жениться на тебе.

Ничего не ответив, девушка убежала. Ему показалось, что она обиделась, что его слова оскорбили ее. Но он не уходил с дороги до тех пор, пока на участке не мелькнула голова склонившейся над землей девушки.

После того как мастер присоединился к Бентиньо, они вместе пошли берегом реки к энженьоке.

— Анинья говорила мне, что зайдет в дом к твоей старушке посмотреть, как там она. Женщины больше понимают в таких вещах. Но, сынок, говоря откровенно, жизнь твоей матери теперь ничего не стоит, и даже скажу больше: лучше ей умереть. Она теперь совсем одна в этом мире. Хотя, конечно, у нее есть взрослый сын. Вообще безумные живут долго, и эта мука может длиться годы и годы. Ну, на все воля божья!

Под оитисикой они столкнулись с группой людей; стреножив коней, они пасли их. Мастер остановился, и они поздоровались. Люди прибыли с другого берега Сан-Франсиско. Они сообщили, что Апарисио ушел в штат Баиа, потому что из Пернамбуко прибыли солдаты. В Жатоба в распоряжении Касуса Леутерио тоже много солдат. Ходят слухи, будто арестовали какого-то гуртовщика по имени Морено, который ходил с поручениями Апарисио к судье в Такарату. Его посадили в тюрьму, и пришлось ему испробовать кнута. В сертане чего только не расскажут. Отец какого-то доктора покумился с Апарисио. Теперь капитан ушел в каатингу штата Баиа, и местное правительство не трогает его.

Мастер Жеронимо поинтересовался новостями из Брежо, но матуто давно уже не был в тех краях. Прокладка шоссе федеральным правительством меняет сертан. Куда ни глянешь, только и видишь инженеров, все измеряют землю; говорят, что теперь повсюду будут плотины.

По пути в Рокейру мастер продолжал:

— Черт бы побрал всю эту историю с судьей, с его покровительством Апарисио. Отец — кум кангасейро, а сын хочет вылезть на плечах Апарисио. В Брежо говорили, что кангасейро Антонио Силвино добился для одного судьи в Параибе докторского перстня. Кангасейро — это большая сила в наших сертанах.

Слова прохожего не выходили у Бентиньо из головы. Арест Морено будет иметь серьезные последствия для них всех. А что если негр все разболтает... Когда они поднялись на гору и Бентиньо все рассказал капитану Кустодио, тот пришел в отчаяние. Отозвав Бентиньо подальше от дома, он заговорил:

— Болезнь твоей матери — от дьявола. Когда капитан Апарисио узнает об этом, он будет вне себя от отчаяния. — Голос старика дрожал. — Он все сделал для того, чтобы мать могла жить вне опасности, вдали от преследования правительства. Не знаю, что и предпринять. А теперь ты еще пришел с этой новостью об аресте негра. Я уже подозревал что-то недоброе. Негр должен был принести мне сообщение о нападении на Жатоба. Хорошо еще, что я не захотел связываться с этим судьей. Теперь капитан в Баиа, и дело затянется надолго. Боюсь только, как бы негр не распустил язык; если этот дьявол сознается, мы все пропали. Сынок, Касуса Леутерио приказал убить моего мальчика, он повелевает здесь, как король. В Жатоба в его распоряжении много солдат. Все полетит к черту, если негр начнет болтать. И все же будь уверен: капитан, твой брат, еще посчитается с этим Касуса; если не сегодня, так завтра. Я молю только, чтобы бог дал мне сил дожить до этого дня. А потом пусть приходят сюда солдаты и уничтожают все, что у меня есть. Мой сын в земле, рядом с матерью...

На обратном пути к ним подошел Жеронимо поговорить о плотнике. Хозяйственные постройки никуда не годятся.

Но капитан не обратил внимания на его слова и прошел к себе в каза-гранде.

— Вот проклятый старик! У него мозги, видно, размягчились! Ему говорят о деле, а у него в одно ухо влетает, в другое вылетает, пропадает всякая охота работать на него. Да, что он сказал о твоей матери?

— Капитан думает, как и вы, что это безнадежное дело.

Вечером за отцом прибежал Зе Луиз и, с трудом переводя дух, рассказал:

— Мимо нас проходила мать Бентиньо. Старуха была не в себе. Остановилась у дома и наговорила много нехорошего. Мать послала меня, чтобы я поскорее все рассказал Бентиньо.

Бентиньо обеспокоился и хотел сейчас же бежать за матерью. Но в это время пришли капитан Кустодио и мастер, чтобы договориться с Бентиньо.

— Нужно быть осмотрительным, сынок, — сказал Жеронимо. — С такой болезнью шутки плохи. Я пойду с тобой, нужно как-нибудь увести старуху домой.

Бентиньо, бледный, с блуждающим взглядом, не в силах что-либо предпринять сам, молил капитана:

— Капитан, во что бы то ни стало надо найти мать.

— Не убивайся, сынок, я видел, как принесли в гамаке моего окровавленного сына, это было пострашнее.

— Да, капитан, дело это серьезное. Я пойду с парнем, поищу старуху. Она наверняка бродит где-то здесь поблизости, — сказал Жеронимо и увел растерявшегося Бентиньо.

— Мастер Жеронимо, мать может утонуть в реке, сейчас река разлилась, и это опасно.

— Успокойся и положись на меня.

Бентиньо не мог собраться с мыслями. На дороге не видно было ни души. Только валуны и зелень деревьев сверкали на солнце в сертане.

Дома синья Анинья немного успокоила их:

— Старуха вернулась с вязанкой хвороста. Все же лучше принять меры, сын мой, так не может продолжаться. Она способна сделать что-нибудь с собой. Алисе издали шла за ней и видела, как старуха бегом взбиралась к дому. Я хотела подойти к ней, но побоялась напугать.

Мастер Жеронимо и Бентиньо ушли, оставив взволнованную синью Анинью; дочь старалась успокоить ее.

— Доченька, ты не обратила внимания на глаза старухи? Никогда ничего подобного я не видела. А волосы? Я так испугалась, когда увидела эту женщину на дороге. Она явилась сюда, чтобы сделать нам что-то дурное.

— Мать, я чувствую только, как страдает Бентиньо. Старуха такого наговорила в бреду. Вы слышали, как она кричала, что это она родила Апарисио? Мать, а какой голос был у нее! Внутри у меня все похолодело от страха.

— Девочка, за ее словами скрывается многое. Ведь они пришли из Педра, где была эта история со святым. Может, в нее вселился дух метиса, а, если такое войдет в тело, его уже не выгонишь. Зе Луиз слышал, что к Бентиньо приходил какой-то человек, весь желтый, с длинными волосами. В лавке сеу Лукресио рассказывали Зе Луизу о дружбе капитана Кустодио с кангасейро. А старуха только и говорила об Апарисио.

— Она ведь сумасшедшая, мать, — сказала Алисе и замолчала.

Анинья продолжала:

— Я не слепая, доченька. Я хорошо вижу, что вы любите друг друга. Теперь Бентиньо будет трудно, у него на плечах сумасшедшая мать, а это на всю жизнь.

Мастер и Бентиньо встретили негритянку Ассунсион. Она возвращалась с похорон отца и была еще вся в слезах.

— Старуха, твоя мать, подходила к нашему дому и всех проклинала. Она не в своем уме. Так кричала, что люди даже испугались. Старуха очень плоха. Около трех часов пополудни она поднялась по откосу с вязанкой хвороста.

Мастер Жеронимо давал советы Бентиньо, как лучше удержать старуху дома.

— Сынок, это — не простое дело. В дверях нет запоров. Если ты закроешь ее в комнате, она изломает все и убежит совсем. Все может случиться...

Когда они приблизились к дому, уже начало темнеть. Бентиньо даже не заметил, как они миновали чащу. Он боялся встречи с матерью, боялся увидеть, как это дорогое ему существо гибло. Мастер не терял самообладания.

— Самое страшное, — говорил он, — если она испугается меня. Тогда останется только один выход — связать старуху. Это, конечно, тяжело, но тут уже придется забыть о жалости. Ты войдешь первым и, когда нужно будет, позовешь меня.

Ноги у Бентиньо подкашивались, тело похолодело, как у мертвеца, он шел крадучись, словно опасался кого-то разбудить. Переступив порог дома, он никого не увидел. Все было тихо. Тогда он прошел на кухню — огонь в очаге погас. Прислушался — ни звука. Осмелев, он приоткрыл дверь в комнату матери... И в ужасе закричал. Синья Жозефина висела в петле. Прибежавший на крик мастер перерезал ножом веревку, и окоченевший труп упал на пол.

Бентиньо обнял безжизненное тело матери и зарыдал. Мастер вышел из дому, чтобы не видеть всего этого.

Голоса ночи врывались через открытые двери в дом. Холодный северо-восточный ветер доносил запах шафрана с огорода синьи Жозефины. У Жеронимо разрывалось сердце, он не мог слышать рыданий Бентиньо. «Нужно сходить за синьей Аниньей и Алисе. Надо будет проводить покойницу с молитвой». Ничего не сказав, он быстро ушел оповестить своих о случившемся несчастье.

Бентиньо остался в доме один у тела лежащей на земле матери. Весь дрожа от страха, он ни о чем не мог думать; он не находил соломинки, за которую мог бы ухватиться. И тут он вспомнил о Домисио — о своем родном, любимом брате. Он уселся возле дома, и ему показалось, что он слышит скрип покачивающегося гамака. Тогда он вскочил и убежал к жуазейро. Но в темноте было еще страшнее. Он не знал, сколько времени провел в таком состоянии. Потом услышал голоса на дороге и, выйдя навстречу, увидел синью Аниньо и Алисе. Женщины прошли в комнату и зажгли светильник. Алисе села рядом с Бентиньо, а мать стала хлопотать на кухне, раздула огонь в очаге. Позже пришел капитан Кустодио. Обливаясь слезами, он обнял Бентиньо, потом отозвал его в сторону:

— Сынок, что скажет капитан Апарисио? Чего доброго, он обвинит нас во всем. Но ты должен утешиться — твоя мать умерла, и так лучше. А моего сына убили, и он похоронен там, наверху, вместе с моей женой.

Подошли еще люди. Покойница, покрытая белым покрывалом, лежала теперь на столе. Негритянки из грота принесли свечи, оставшиеся после похорон отца.

Потом началось отпевание, и по сертану понеслись скорбные голоса — это оплакивали мать кангасейро.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КАНГАСЕЙРО

I

от уже больше двух месяцев не было слышно о налетах Апарисио. Известно было только, что он ушел в сертан в штат Баиа и по ту сторону Сан-Франсиско для него открылись широкие просторы. Бентиньо покинул домик на горе и жил теперь в каморке при мельнице, где капитан Кустодио в дни процветания Рокейры хранил маис. С тех пор как умерла мать, парень совсем изменился. Когда не было Жеронимо, он говорил только с Терто — метис по-прежнему тосковал о брате. Бентиньо нашел в нем друга с такой же изболевшейся душой, как у него самого. Изредка об Апарисио доходили скудные вести. Негр Морено исчез. Проезжий скупщик сахара из Такарату слышал от кого-то, что негра очень били. Лейтенант Рапозо, чтобы добиться признания, истязал его так, что негр чуть не отдал богу душу. В конце концов его отправили в Ресифе, о нем писали в газетах и даже поместили его большой портрет.

Капитан Кустодио стал еще нелюдимее и уже не отзывал Бентиньо в сторонку, чтобы пооткровенничать. Мастер Жеронимо готовил энженьоку для приема нового урожая тростника. Бентиньо был так же подавлен. Он похоронил мать рядом с женой капитана и обложил могилу камнями, чтобы дикие звери не добрались до нее. Но он все время видел ее такой, какой она была, когда ее вынули из петли. Апарисио и Домисио ничего не могли еще знать о постигшем их несчастье.

Но вот как-то вечером капитан Кустодио долго разговаривал с каким-то матуто; человек, видно, пришел издалека. Его тощий конь отдыхал возле кормушки. Человек ушел только поздно ночью, а капитан еще долго сидел

один, низко опустив голову и не выпуская из руки палисандровую палку. Потом он позвал Бентиньо к себе, закрыл дверь с предосторожностью напуганного чем-то человека и наконец рассказал все:

— Апарисио прислал своего человека узнать, как живет мать. Чтобы поменьше попадаться на глаза, человек переправился через реку в Пан-де-Асукар. Капитан находится сейчас в Сержипе, в фазенде полковника Карвальо — сын полковника руководит политикой штата. Все идет очень хорошо, и капитан только ждет подходящей минуты, чтобы проучить главаря Жатоба. Арест негра Морено несколько спутал планы капитана, но теперь его обязанности выполняет другой. Речь идет о торговце водкой по имени Виктор. Это белый, у него есть примета — рассеченная губа. Капитан здоров.— Человек передал также привет Терто от Жермано, но Кустодио был не уверен, нужно ли передавать ему это. Пожалуй, лучше ничего не говорить, не то метис узнает то, о чем никто не должен знать.

— Когда я сообщал о смерти твоей матери, ком стоял у меня в горле. Я знаю, что капитан будет очень горевать. Но я должен был сказать ему все... Я велел передать, что ты теперь живешь у меня. Но, сынок, скажу тебе откровенно, я не верю больше, что все же придет когда-нибудь конец Касуса Леутерио. Капитан Апарисио забудет обо мне. У него теперь другие планы, и на такого старика, как я, уже нечего обращать внимания. Сын мой умер, и все останется, как есть.

Глубокий вздох заглушил последние слова капитана. Бентиньо увидел слезы в его глазах, печальное лицо старика осунулось, а морщины у рта стали глубже.

— Нет, я ничего не скажу Терто, нет. Для чего? Жермано счастлив в кангасо, и я ручаюсь, что в конце концов он отомстит.

Позже Терто говорил Бентиньо:

— Жермано наверняка находится в отряде Апарисио где-нибудь в глубине штата Баиа. Солдаты из Жатоба засели на берегу реки, но у капитана Апарисио голова на плечах. Будь уверен, мы не так скоро услышим о нем. Люди из Жатоба ничего не знают и просто болтают...

Бентиньо становилось ясно, что дальше так жить нельзя. После гибели Жозефины он сразу повзрослел. Смерть матери глубоко потрясла его, он не мог собраться с мыслями. Куда податься? Он носил с собой оставшиеся

деньги из тех, что Апарисио прислал им на жизнь. Стоит захотеть, и он уйдет с любым караваном в Брежо. Нужно только изменить имя, и где-нибудь вдали от сертана он заживет спокойно. Но в силах ли он уйти от Апарисио? Он засыпал, приняв твердое решение, а наутро им снова овладевало сомнение. Нет, ему не уйти, он навсегда связан с Виейра, с покойным отцом Бентоном, с братом Апарисио, с братом Домисио. Иногда он возвращался с работы вместе с Жеронимо и задерживался у дома поговорить с Алисе. Любовь их крепла, и в семье уже говорили о скорой свадьбе. Алисе вносила в его жизнь радость. Когда он был рядом с ней, мир казался ему совсем другим, и он даже решил, что не все потеряно и он не только брат кангасейро. Чувство его омрачала теперь только тайна, которую он должен был хранить. Он был недостаточно смелым и не настолько доверялся Алисе, чтобы все рассказать ей. Апарисио был сильнее его любви к девушке. Сила кровной связи заставляла его скрывать, кто он. Он был уверен: рассказать все Алисе значит потерять ее. Сомнения доставляли ему нестерпимые муки, и он стал избегать дома мастера Жеронимо. А ночью, в своей каморке, наедине со своими мыслями, он чувствовал себя обреченным. Если он тайно бежит с Алисе, мастер не поймет причины и осудит его. Нет, видно, до конца своей жизни он останется братом кангасейро. Неожиданно его обжигала страшная мысль: а что, если Апарисио втянет его в свою банду? Ведь и Домисио не был рожден для кангасо, а стал таким же, как другие, и убивает, как негр Висенте. В любую минуту может прийти приказ, и младший брат Апарисио покорно уйдет в кангасо. И тогда все будет кончено. Он навсегда потеряет Алисе, хотя синья Анинья и поговаривает о свадьбе...

Капитан Кустодио вернул его к действительности:

— Сынок, прежде всего нужно узнать, одобрит ли твою женитьбу Апарисио. Ты его брат, а братом кангасейро быть не так просто.

Да, он был не таким, как все. Он не смел даже любить... если узнают, кто он, его будут бояться, перестанут уважать, как любого другого. Он шел к Алисе, и казалось, что у них все, как у других влюбленных, но вдруг он вспоминал свое положение, и его начинали мучить угрызения совести: какой же я преступник, негодяй, обманщик! Если Алисе узнает все обо мне, она испугается и убежит

от меня. Правда, тут же он сравнивал себя с Жеронимо, который совершил два убийства, но был примерным отцом семейства, честным работягой, не пил. И все же юноша решил избегать любимой. Он долго не появлялся в доме, и вот мастер сказал ему однажды, что синья Анинья беспокоится:

— Сынок, старуха просила узнать, не заболел ли ты.

Бентиньо оправдался как мог и в тот же вечер опять пошел повидаться с Алисе. Они остались поговорить там же у дверей дома; синья Анинья сидела поодаль и вязала кружева — спицы так и сверкали в ее мозолистых руках. Явился Зе Луиз с новостями, которые услышал в лавчонке возле дороги. Приходил какой-то человек и рассказал об убийстве на ярмарке Жатоба парня полковника Леутерио. Убийца не сдался и погиб в поножовщине. Говорят, что он захаживал в дом судьи в Такарату и был подослан, чтобы покончить с полковником Касуса.

— Несчастные, — сказала Алисе, — только и живут тем, что убивают, или их убивают. Мне хочется одного, Бентиньо, — уйти отсюда подальше, чтобы даже не слышать обо всем этом. Зе Луиз следует примеру отца и не сегодня-завтра станет преступником.

— Девочка, не говори этого,— возразила мать,— жизнь наша будет до конца такой, как есть. Я бы желала тебе, чтобы все люди были похожи на Жеронимо. Правда, он способен убить человека и погибнуть сам, но все же у него золотое сердце. Таков сертан, девочка. Пойдешь в Брежо — и там то же самое. Тебе хочется быть подальше от этих людей, но это невозможно, нет. Видно, навсегда придется остаться здесь, и будь что будет!

Алисе ничего не ответила матери и вышла с Бентиньо пройтись по обочине дороги. Каменную ограду обвивали ярко-красные цветы. Тихий вечер был как бы создан для влюбленных. Они говорили о своей любви, но изболевшуюся душу Бентиньо грыз червь сомнения, и он даже не смел попросить Алисе помочь ему, облегчить его горе. Он старался быть правдивым, ему хотелось открыться во всем — он так нуждался в сочувствии людей, которые любили его,— но он не смел.

Когда Алисе настаивала: — Бентиньо, ты что-то скрываешь от меня, почему ты не откроешь своего сердца? — он отвечал:

— Ничего, Алисе, я просто не могу забыть мать.

Закрою глаза и вижу ее такой, как тогда, когда ее вынули из петли.

Но он лгал. Его преследовал не образ погибшей матери, он дрожал от страха не потому, что был слаб телом. Его мучила, отдаляла от Алисе злая судьба, уверенность в том, что он не в силах изменить ее. Ему казалось, что если он сознается во всем, то потеряет дружбу семьи мастера. Кто согласится сесть за один стол с братом кангасейро, кто согласится отдать свою дочь за него? И потом, рассказать обо всем значит выдать брата. Нет, он обречен на молчание. Все это отдаляло его от девушки. Как сохранить эту любовь, не открывая своей тайны? Но, несмотря на это, он все больше любил Алисе, и она отвечала ему тем же.

У него не было никого, с кем бы он мог поделиться своим горем. Иногда Бентиньо хотелось пойти к мастеру и все разом открыть ему. Но он тут же сдерживался: зачем перекладывать свою беду на других? Мать умерла от непосильного горя, горе подточило ее разум, а она была такой умницей. Нет, он не смеет обременять семью мастера. Не нужно ходить в дом любимой. Но какой предлог найти? В конце концов, ничего не придумав, юноша был не в силах сопротивляться своему влечению к Алисе, — он решил: будь что будет. На энженьоке готовились к приему урожая, и он весь ушел в работу. Он делал все. Терто не отставал от него, хотел, как и он, забыться в тяжком труде.

— Бентиньо, — сказал он однажды, — я кончу, как мой брат Жермано. Не могу больше. Я переживаю адские муки. Когда я лежу в гамаке без сна, за мной является мать. Будь на то моя воля, я бы, поверь, давно вернулся к семье. Я знаю, что сестры погибли. Жермано всегда говорил мне: «Терто, лучше бы они умерли». Люди не могут смотреть в лицо девочкам. И он был прав. Я все думаю о них. Но где же взять силы, чтобы вынести все это? Что-то поднимается во мне и шепчет: «Терто, твоя мать умирает с голоду. Терто, твои сестры умирают с голоду». И в сердце такая боль, что я не могу сомкнуть глаз. Послушай, Бентиньо, я уйду к Жермано.

* * *

Жизнь капитана Кустодио проходила в ругани с вакейро Флорентино, старик с каждым днем становился все мрачнее. Уже пришел октябрь, а о капитане Апарисио ничего

не было слышно. Наступило как бы всеобщее перемирие, и сертан отдыхал. Летучие отряды бездействовали, кангасейро набирались сил, а люди отдыхали от слухов. На ярмарке певцы пели только о делах минувших дней. Апарисио затаился в каатинге и, как змея, менял кожу. Потом опять набросится на людей и начнет жалить. Раньше капитан Кустодио только и жил слухами о налетах Апарисио. Так ему было легче переносить смерть сына.

Однажды ночью, когда Бентиньо спал у себя в каморке, туда пришел старик:

— Сынок, бездействие Апарисио заставляет меня задуматься. Со дня смерти твоей матери о нем ничего не слышно. Я передал известие с работником полковника Карвальо из Сержипе, но этот Виктор не появляется с ответом. Возможно, что капитан сердится и не хочет ничего знать обо мне — бедном старике. И он прав, знаешь, сынок, он, безусловно, прав. Даже жена моя умерла от горя. Да и как могла она жить в одном доме с обесчещенным, ни на что не годным человеком?

Голос старика прерывался от слез, и он безутешно зарыдал. Бентиньо никогда не видел старика плачущим. Пламя лампы колебалось от ветра; осунувшееся, обросшее лицо старика, его тяжкие вздохи напомнили ему покойную мать.

— Я уже ни на что не надеюсь, — говорил старик. — Ни на что больше не надеюсь, капитан позабыл обо мне.

Бентиньо пытался успокоить его:

— Я уверен, что пройдет еще немного времени и явится человек от Апарисио с хорошей вестью.

В глубине души Бентиньо чувствовал себя неловко в присутствии этого сраженного горем человека. В ту ночь Бентиньо не мог сомкнуть глаз. Неужели капитан сходит с ума? Он вспомнил слова старика, его постоянные разговоры о смерти сына. Может, он действительно помешался и уже несколько лет не в своем уме?! Мать ведь не выдержала страданий и свалилась, словно дерево от удара молнии. Собственно, капитана мучило то же, что и Жозефину.

Причиной их страданий были дети. Теперь, после смерти матери, только Домисио связывал его с прошлым. Бесполезно пытаться найти в Алисе силу, способную вырвать его у судьбы. Он одинок, совсем одинок, и ему приходится скрывать все от окружающих. Нет, он был не тем челове-

ком, за которого принимала его Алисе, он не был ни другом ее отца, ни поверенным дум Терто. Только капитан Кустодио говорил с ним, зная, кто он, зная о нем правду. Бентиньо как бы жил во сне и только воображал, что ходит по земле. Завтра он обязательно примет окончательное решение, как жить дальше. Он позовет Алисе и скажет: «Алисе, я — брат Апарисио, убийцы, грабителя, бандита». Сказав это, он поступит, как настоящий мужчина по отношению к Жеронимо, Терто, синье Анинье. Если Алисе будет любить его таким — хорошо, если же нет, то пусть уходит навсегда из его жизни. Мать его умерла, но он не свободен, он не чувствует в себе силы разорвать сковывающие его цепи. А такой сильный человек, как мастер Жеронимо, сумеет направить его на верный путь. После женитьбы все изменится: он будет жить вместе с Алисе, Аниньей, Жеронимо и Зе Луизом.

В это утро он проснулся с твердым решением. Но, поднявшись, он сразу увидел у двери каза-гранде коня на привязи. Ему бросилось в глаза исхудавшее животное, потрепанное седло, стремена из веревки. Вскоре появился капитан и, увидев Бентиньо, позвал его в дом. Они пошли в комнату, где уже находился человек с рассеченной губой.

— Сынок, этот человек прибыл с вестями от капитана. Он говорит, что Апарисио, узнав о смерти матери, пришел в отчаяние.

И тут, гнусавя, заговорил приезжий:

— Капитан сам не свой. Даже плакал. Полковник Карвальо сделал все, чтобы удержать его у себя, но он ни о чем не хотел слышать и ушел в каатингу. Я находился у себя дома, на границе штата Баиа, когда туда явился весь отряд. Капитан прислал узнать о парнишке, его брате. Он велел ему оставаться здесь до праздников и прислал этот сверток с деньгами, а также велел передать, чтобы братишка и не думал никуда уходить из сертана и чтобы был еще более осторожным.

Гнусавый голос этого человека раздражал, и, когда тот ушел, Бентиньо, взяв в руки деньги, с горечью сказал капитану:

— Вот видите, сеньор? Апарисио заботится обо мне, но это только потому, что думает, что наша мать умерла с мыслью о нем. А она умерла, потеряв веру в своих сыновей.

— Нехорошо говорить так, сынок. Твой брат теперь в отчаянии. Он думает, что мать умерла с мыслью о нем. Ты увидишь, как он будет неистовствовать. Я уже почти потерял надежду. Мой сынок похоронен там, на горе, а твой старый друг уже больше ни на что не надеется. Но после того, что мне рассказали о состоянии капитана Апарисио, мне стало легче на душе. На сей раз Касуса Леутерио придется почувствовать на себе силу твоего брата. Моего сыночка принесли всего в крови сюда, где ты сейчас стоишь. Принесли в гамаке, исколотого кинжалом. Касуса Леутерио велел мне сказать... Жена умерла с горя. И кто бы не умер, если бы с ним случилось такое несчастье? Только какой-нибудь совсем бесчувственный человек. А потом еще смерть этого негра Фиделиса. Вот как оно было. Но твой брат теперь покончит с Касуса Леутерио. И правильно сделает!

Пришел мастер, и капитан, прервав разговор с Бентиньо, весело поздоровался с ним:

— День добрый, мастер. Только что у меня был матуто и заказал двадцать мер сахара. С тех пор как вы взяли в свои руки энженьоку, рападура в Рокейре не залеживается.

И ушел к запруде. Мастер сказал Бентиньо:

— Бенто, Анинья встала сегодня совсем больная. Вчера она страшно расстроилась. Дело в том, что Зе Луиз подрался в лавке с каким-то парнем из Кинка Луна и пришел домой с разбитой головой. Старуха перепугалась, увидев окровавленного сына, и потеряла сознание. Я сходил узнать, в чем дело, и оказалось, что драка была пустяковой. Зе Луизу сделали перевязку. Мальчишка уже успел куда-то убежать. А Анинья теперь не может подняться с постели — уж больно она любит парня. Я говорил ей: «Жена, приложи арнику к голове мальчишки, и все пройдет». До него доходят эти вечные разговоры об Апарисио. Здесь в сертане не успеют у бычка отрасти рожки, как его уже тянет в кангасо.

Из энженьоки несся по всей Рокейре медовый запах. Волы вращали колесо пресса, и оттуда стекало сусло. Мастер Жеронимо приглядывал за всем, метис Терто подкладывал тростник, а Бентиньо подгонял медлительных животных.

В обеденный час Алисе принесла отцу поесть. Ее появление обрадовало Бентиньо. Пока мастер ел, влюбленные могли поговорить.

— Бентиньо, Зе Луиз принесет еще много огорчений матери. Он ушел спозаранку с разбитой головой за парнем, с которым подрался.

— Ничего не случится, Алисе. Парень как парень.

— Мама боится, чтобы это не кончилось убийством. Здесь только и говорят о кангасейро. Я каждый день твержу матери: «В тот день, когда мы уедем отсюда, я буду самым счастливым существом на свете».

При этом она взглянула на Бентиньо своими черными глазами с такой нежностью, что он не мог сдержать радости:

— Ничего, Алисе, все будет хорошо. Я уверен, что мы все уйдем отсюда.

В эту минуту Бентиньо искренне верил, что выполнит свое обещание. Медовый аромат проникал во все поры. Алисе была совсем близко. Утренняя свежесть бодрила, и сердце билось сильнее. Хотелось обнять, поцеловать девушку, убежать с ней от всех и где-нибудь в укромном местечке говорить только о любви, чувствовать себя хозяином своей судьбы. Как бы догадываясь о состоянии Бентиньо, Алисе, чуть отстранившись, спросила:

— Что с тобой, Бентиньо?

— Нет, ничего, — и от избытка чувств, переполнявших душу, он радостно улыбнулся.

II

Возвращение Апарисио в каатингу ознаменовалось невиданными ранее зверствами. В течение одной недели он совершил два нападения. Возчики ездили по дорогам, опасаясь кангасейро, которые беспощадно расправлялись с солдатами. Кангасейро напали на Журема, и так как отряд солдат ответил на выстрелы, то они не оставили ни одного из них в живых, прикончили даже всю семью начальника полиции майора Карезма. Ярмарки опять стали хиреть. Сертанцы страдали и от кангасейро и от налета солдат — там, где проходили солдаты, жертв было не меньше Люди от отчаяния теряли голову и не знали, куда деваться. Какой-то контрабандист, торговавший водкой, побывав в Пан-де-Асукар на следующий день после нападения, рассказывал семье мастера:

— Священник ушел в каатингу. Апарисио вошел в город и не пощадил ни одного дома, в каждом оставил свой страшный след. На паперти церкви изнасиловал жену сборщика податей. В народе говорят, что Апарисио зверствует так после смерти матери. Ходят слухи, что старуху погубил лейтенант Фаустино и теперь сын мстит. Все, у кого были дочери, в страхе попрятали их.

Выслушав эту историю, синья Аниньа обратилась к рассказчику:

— Может быть, сеньор слышал что-нибудь о миссии в Вила-Бела?

— Там никого не осталось, сеньора. Люди ушли в чащу. Апарисио не пощадил и монахов Пенья.

Когда контрабандист ушел, синья Аниньа не сдержалась:

— Если бы Жеронимо меня послушал, нас бы давно не было здесь. Нельзя быть уверенным, что Апарисио не явится сюда и не наделает бед. Родившую его женщину, верно, сам дьявол попутал. Несчастная мать!

Все замолчали, потом подошел мастер. Ночь была светлая, сквозь листву мерцала луна. Мастер, справившись о погоде, обратился к Бентиньо:

— Не дают людям жить мирно, сынок, даже о погоде нельзя справиться со спокойным сердцем. Вся эта история Апарисио с его отчаянием после смерти матери может свести людей с ума. Но я все же не вернусь в Брежо, нет. Я знаю, вернись я туда, семья покойного Казимиро не оставит меня в покое, а у меня дочь, сын, у меня семья. Нет, я не тронусь с места. В Брежо меня знают и, куда бы я ни пошел, повсюду будут напоминать мне историю с судом.

Ночь была холодная, Алисе и Бентиньо сидели рядом, прижавшись друг к другу. Жеронимо вышел на дорогу, а синья Аниньа молча примостилась на ступеньках дома. Бентиньо почувствовал, как Алисе взяла его за руку, и по всему его телу разлилось тепло. Алисе пожала ему руку.

— Дочка, принеси кружку воды, — попросила синья Аниньа.

И, когда девушка вышла, тихо сказала Бентиньо:

— Если бы я могла, я бы тотчас покинула с девочкой сертан.

Потом заговорили о другом. Ночь располагала к беседе. Пришел мастер Жеронимо и стал рассказывать о капитане Кустодио:

— Старик совсем погибает. Плачет из-за каждой ерунды. Сегодня я хотел договориться с ним о резке тростника, а он стоит с опущенной головой и даже не замечает меня. Когда я окликнул его, он поднял голову, и я увидел, что по его лицу текут слезы. Я хотел уйти, но он попросил меня остаться. «Можете остаться, мастер, можете остаться. Сегодня исполнилось восемь лет с тех пор, как принесли тело моего сына, вот сюда, все исколотое кинжалом. Люди Касуса Леутерио передали мне черт знает что... А я где был, там и остался. Мастер, моя жена умерла с горя, а все как было, так и осталось». Послушай, сынок, — сказал мастер, — мне жаль старика. Но я и зол на него, старый идиот не хочет ничего делать на такой земле, как эта. Возвращаясь к работе, я сказал себе: «Проклятая жизнь, когда у человека на сердце ненависть».

— А сын его был хороший парень? — спросила синья Анинья.

— Не знаю, жена, он был его сыном, этого довольно. Парня прикончили на ярмарке в Такарату, и это убило капитана. Касуса Леутерио мстил за то, что капитан не голосовал за него на выборах, и сделал его семью несчастной. Я не злой человек, но каждый святой день молю только об одном: упаси меня бог от оскорбления, особенно такого, какое нанесли старику. Убить сына, да еще плюнуть в лицо...

Мастер замолчал, а синья Анинья продолжала:

— Негритянка Ассунсион говорила, что жена капитана была гордой женщиной. И что брат Ассунсион, Фиделис, погиб из-за того, что жена капитана послала его на убийство.

— Ничего особенного. Она была совестливой женщиной и знала себе цену. Не успела отомстить за сына только потому, что умерла, не в силах вынести позора.

Бентиньо возвращался домой по залитой луной дороге, по счастливой, казавшейся молочно-белой земле, но им владели печальные мысли, и любовь к Алисе тускнела. Существовал Апарисио, и только Апарисио. Он знал, что в любую минуту Апарисио может позвать его к себе и он подчинится его приказу. Он пытался прогнать эти мысли и не мог. Сертан жил слухами о зверствах кангасейро. Смерть старухи, должно быть, еще больше озлобила Апарисио. Он мстил людям за свои страдания и уже убивал, не считаясь с тем, кого убивает. Мать ведь говорила, что он

сын дьявола. Да, он действительно стал дьяволом. Синья Анинья и все матери этой несчастной земли дрожали за своих дочерей. Когда Бентиньо вошел в свою каморку, в доме капитана еще горел свет. И только он собрался лечь, как в дверях появился капитан. Он был очень озабочен.

— Я ждал тебя. Пришли вести от твоего брата, их принес человек с рассеченной губой. Апарисио прислал денег и просит закупить боеприпасы. Сообщает, что ему очень нужны ружейные патроны. Атака на Журема была дьявольской. Противник потерял восемь солдат. Убили майора Карезма и его семью. Твой брат в отчаянии из-за смерти матери. Рассеченная Губа говорит, что я должен разыскать в Бом-Консельо некоего Лауренсо и что он будет дожидаться меня с боеприпасами. Я должен отправиться туда с возчиком, но у меня нет человека, которому я мог бы довериться. Думаю взять тебя. Это дело займет неделю с лишним. Мы скажем всем, что едем в Бом-Консельо покупать ослов, а на самом деле выполним поручение твоего брата. Я должен буду оставить потом этот «заказ» в доме, где умерла твоя мать. Мне кажется, что Апарисио будет в наших местах в конце месяца. Завтра вечером нужно выезжать. Ты скажешь всем, что едешь со мной покупать ослов.

После ухода капитана Бентиньо спокойно обдумал создавшееся положение. Он был уверен, что Апарисио в ожидании атаки на Жатоба будет отсиживаться в домике на горе. Сделает вид, что возвращается в Баиу, а на самом деле будет скрываться здесь, готовя нападение на наиболее могущественного человека во всем сертане.

На следующий день Бентиньо рассказал мастеру о том, что старик берет его с собой. Алисе не понравилось это.

— Рискованно ездить по этим дорогам, Апарисио не щадит никого.

Бентиньо стало стыдно, он почувствовал себя лжецом, обманывающим существо, которое любил больше всего на свете. Но он был вынужден поступать так и продолжал лгать. Несмотря на все обещания покончить с таким положением, у него не хватало на это смелости, он был в руках Апарисио. Только он один был властен над его жизнью. Было время, когда он не хотел верить разговорам матери о «крови проклятых», а теперь начинал верить. Да, видно, действительно в его жилах течет кровь проклятых богом.

Вечером он выехал с капитаном. Они оседлали двух лучших коней и отправились на рискованное дело. Капитан знал, что Лауренсо из Бом-Консельо владел кофейной плантацией, расположенной у поворота дороги на Брежо. Он был крупным торговцем в столице штата. Апарисио, повидимому, дав поручение приехать за «товаром», предупредил одновременно Лауренсо о прибытии капитана.

Они были в пути три дня. Останавливались, только чтобы отдохнуть. При выезде из каатинги они повстречали летучий отряд. Лейтенант задержал их и потребовал сообщить, откуда и куда едут. Но вид капитана внушал доверие, и офицер даже посоветовал им:

— Если везете что-нибудь ценное, будьте поосторожнее: бандит Апарисио обирает даже слепых нищих.

Бентиньо обратил внимание на одежду солдат. Внешне они ничем не отличались от кангасейро. Те же кожаные шапки, кинжал за поясом, на ногах альпаргаты из сыромятной кожи. Лейтенант, несмотря на длинную бороду, выглядел совсем юнцом. В первом же доме, где они остановились отдохнуть, хозяин поинтересовался:

— Вы не повстречали отряд лейтенанта Сабино?

И, узнав, что лейтенант обошелся с ними хорошо, удивился:

— А здесь, в доме, он вел себя, как сущий дьявол. Сеньор, я живу у самой дороги, на земле старого Тетеко, плачу, что следует с меня, за участок, который сеньор видит, и вдруг является какой-то лейтенант Сабино с угрозами. У меня жена и маленькие дети. Я живу только своим трудом. Лейтенант стал здесь, в дверях, и нагло заявил мне, будто ему известно, что Апарисио прибудет сюда. Я ответил ему: «Сеу лейтенант, я и в глаза никогда не видел этого человека. Да хранит меня и впредь пресвятая дева от встречи с ним». Но он не поверил и набросился на меня, как будто я сообщник кангасейро. Он наговорил мне всякой чертовщины. К счастью, вошла моя жена — она в положении, и это, как видно, смягчило лейтенанта. Солдаты расположились под умбузейро и даже стали петь песни. Они оставались тут всю ночь. И еще вчера утром перед самым уходом лейтенант угрожал мне: «Запомни, если я только узнаю, что Апарисио останавливался здесь, я вернусь и проучу тебя. Тому, кто укрывает кангасейро, я обрезаю уши». А теперь скажите сами, сеньор, как может поступить сертанец с Апари-

сио, если он явится к нему в дом? Принять, как короля,— и только.

Капитан попросил приготовить кусок мяса на ужин, потом они уселись отдохнуть под умбузейро. В костре, разведенном солдатами лейтенанта Сабино, еще тлели последние головешки.

— Я не знаю вас, сеньор, но вижу, что вы серьезный человек. Правительство посылает солдат, чтобы покончить с кангасейро, а эти негодяи издеваются над сертанцами. Вот почему люди тянутся к Апарисио. Всего несколько дней назад зашел ко мне в дом певец по имени Деоклесио и попросил приюта. Ночь была лунная, и он всю ночь напролет пел. Мои дочки не уставали его слушать. С длинными волосами, с гитарой через плечо, он казался мне кающимся грешником. Да, этот черт умеет петь. Я знавал знаменитого Игнасио из Катингейры, но Деоклесио не уступит ему. Этот дьявол сложил песню об Апарисио, и получилась замечательная история в стихах. Он пел о матери Апарисио, как она страдала в тюрьме Ассу, о брате Домисио, злом, точно цепной пес, и о пареньке Бенто, погибшем вместе со святым в Педра. Мои дочки до рассвета слушали его.

Покидая этот дом, Бентиньо вспоминал свое прошлое, воскрешенное рассказом хозяина о Деоклесио. Для народа Бентиньо был мертв. Деоклесио он знал еще в Ассу, теперь его фантазия оживила воспоминания о лучшей поре его жизни. Если бы он тогда остался с сестрой священника, он был бы все это время далеко от ада, в котором жил, от ужасных ночей, проведенных с безумной матерью, и не пробирался бы сейчас по жесткой земле сертана навстречу опасности. Если их захватят с патронами для Апарисио, их ждет верная смерть. Но Бентиньо пугала не смерть. Больше смерти угнетала его, приводила в ужас, подрывала силы мысль о возможности попасть в кангасо и переродиться, как переродился Домисио, превратиться, подобно брату, в очковую змею, а ведь у брата было такое доброе сердце и отзывчивая к красотам земли душа.

Они ехали еще два дня и наконец добрались до плантации Лауренсо. Богатый дом, выкрашенный яркой краской, высился среди фруктовых деревьев; хозяин ранчо, воспитанный человек, очень радушно принял капитана и долго беседовал с ним. Бентиньо отослали с лошадьми в конюшню. Потом накормили на кухне и уложили спать

в каморке рядом с конюшней. Там уже находился какой-то скупщик. Это был парень из Такуаритинги, он торговал на ярмарке свернутым в жгут листовым табаком. Некоторое время оба молчали, потом разговорились.

— Всегда, когда мне приходится вести торговлю в сертане, я останавливаюсь здесь в доме майора Синдульфо, — сказал сосед, и Бентиньо понял, что скупщик здесь по тому же делу, что и он, — видно, работает на Апарисио. Очевидно, это он привез откуда-то «товар», за которым они приехали с капитаном.

— Да, парень, тяжелые времена настали для торговли, — продолжал скупщик. — Все боятся нос показать на ярмарку из-за Апарисио. Не пойму, чего они боятся! Апарисио нападает только на своих врагов, а если ты ему друг, то можешь ничего не бояться.

Ночь была теплая, и они приоткрыли дверь каморки. Скупщик встал и вышел на воздух покурить трубку, и оттуда донесся его голос:

— У этого майора Синдульфо имение — прямо игрушка. Здесь, в районе Бом-Консельо, лучшего не найдешь. Одной кофейной плантации хватит, чтобы дать детям образование. А ты откуда идешь?

Бентиньо сказал, что идет из Такарату, и человек заметил:

— Это — настоящее змеиное гнездо! Правда, кое-кто говорит, что злые люди живут только в Пажеу. Но где там! Я слышал на ярмарке в Гараньюнсе, что какой-то Жермано из отряда Апарисио пришел из вашего края. Говорят, что он бьет людей, пока жилы у них не лопнут. Я работаю с майором Синдульфо больше пятнадцати лет, видел его детей, когда они были еще крошками, а теперь один из них — доктор в Ресифе. А чем ты занимаешься?

Бентиньо ответил, что работает у капитана Кустодио, что здесь они проездом — старик приехал покупать ослов. Скупщик промолчал, и разговор прервался.

— Завтра рано вставать, — сказал скупщик и снова улегся в гамак.

Бентиньо всю ночь не сомкнул глаз, он понял, что окружен и ему не уйти от Апарисио. Чуть забрезжил рассвет, сосед исчез. Бентиньо поднялся и подошел к двери. К складу фазенды примыкала железная галерея. Майор вел дела с Апарисио. Он получал большие доходы не только с кофейных саженцев и фруктовых деревьев, но и от

продажи Апарисио оружия для кангасо. Бентиньо, стоя у двери, дожидался старого Кустодио.

— Все готово. Дело сделано. Полковник продал мне двух ослов, чтобы наша поездка не вызывала подозрений, а боеприпасы уложат в глиняные горшки, которые ты повезешь как поклажу. Если встретим солдат, ты сойдешь за торговца посудой.

Погрузка была закончена до наступления утра, а утром они тронулись в обратный путь. Капитан ехал на значительном расстоянии от Бентиньо. В течение трех дней они подвергались серьезной опасности, но все прошло благополучно, и они не столкнулись ни с одним летучим отрядом. Только однажды, когда они остановились на постой и сгружали поклажу, чтобы накормить лошадей и дать им отдохнуть, разбился один горшок, и помогавший им парень заметил:

— Тяжеловаты ваши глиняные горшочки, — и засмеялся.

Капитан встревожился и снялся с места раньше, чем предполагал.

Через неделю они были дома. Рассказу о покупке ослов поверили. Бентиньо взялся сам переправить груз в горы.

Подъезжая к дому, он увидел свет и хотел возвратиться, испугавшись засады. Кто мог там быть? Привязав лошадь немного поодаль, он медленно направился к хижине и увидел человека, сидящего у порога. Заслышав его шаги, тот приподнялся, и Бентиньо узнал Домисио. Брат подошел к нему. Бентиньо, не веря своим глазам, отступил, но тот крепко обнял его.

— Это ты, Бентиньо? Я здесь со вчерашней ночи. Апарисио послал меня отдохнуть пару дней. Нет, я не болен, нет. Но после этой раны я стал уставать.

Они вошли на кухню, разожгли огонь, чтобы поджарить вяленое мясо. При свете лампы Бентиньо разглядел брата. Волосы опять отросли у него до плеч, борода темнила пожелтевшее лицо. Они сели у очага, и Домисио стал расспрашивать о болезни матери, о ее смерти. Бентиньо хотел рассказать ему все как было.

— Хватит, хватит, мальчик, — прервал его брат. — Я ни о чем не хочу больше знать. Апарисио в тот день, когда явились с известием к капитану Карвальо, пришел в отчаяние. Он отозвал меня в сторону, подальше от пар-

ней, и я увидел слезы на его глазах. После смерти матери он совсем обезумел. Ты и представить себе не можешь, каким он стал. На другой день мы атаковали Журема, я никогда не видел столько крови. Он сам подстрекал парней к жестокости. Даже мне стало не по себе. Это было уж слишком. Поиздевались над дочками начальника полиции, совсем девчушками. Я отозвал Апарисио и сказал ему: «Апарисио, прекрати это». Но он ответил мне: «Если ты боишься, отправляйся в миссию Пенья к монахам». Солдаты дали несколько залпов и с ними покончили. Скажи, Бентиньо, мать действительно умерла, потеряв разум?

Бентиньо рассказал, как бедняжка страдала, как она проклинала Апарисио.

— Апарисио не должен об этом знать.

Потом братья принялись прятать патроны.

— Этот капитан Кустодио из кожи вон лезет, чтобы угодить Апарисио. Всем известно, что у него свои счеты с полковником из Жатоба. Каждая пуля стоит больших денег, и майора Синдульфо из Бом-Консельо вполне устраивает такая жизнь, ему бы только содрать побольше денег с Апарисио за оружие.

— А как твое здоровье, Домисио?

— Да как тебе сказать? Я здоров, у меня ничего не болит, но я уже не тот. Я стал совсем стариком. Негр Висенте говорит, что я малокровный, и советует проливать побольше чужой крови. Он говорит, что, когда видишь, как льется чужая кровь, твое тело становится сильнее. Этот негр совсем бешеный, хуже Апарисио.

Братья просидели во дворе до поздней ночи. Лошадь капитана, привязанная к жуазейро, нетерпеливо била копытами о сухую землю, нарушая тишину.

— Я должен возвратиться в каза-гранде, Домисио. Завтра приду опять. Нужно принести провизии и поменять воду в кувшине. С тех пор как умерла старуха, моей ноги не было в этом доме.

— Скажи капитану, что за патронами приедут в начале следующей недели. Апарисио они очень нужны.

Желтизна на лице Домисио, вялость, медлительность в разговоре произвели на Бентиньо тяжелое впечатление. Он медленно спустился по откосу и подъехал к дому мастера, но там не слышно было ни звука, все уже спали. Тогда он подстегнул коня, чтобы поскорее добраться до

каза-гранде. Въехав во двор, он сразу заметил, что дверь в доме капитана открыта. Старик тотчас вышел к нему.

— Ты даже не знаешь, что произошло. Сюда приходил человек из Такарату, некий Мануэл Лопес, покупал сахар и рассказал, что умер твой брат Домисио «А вы знаете, капитан, — сказал он мне, — брат Апарисио умер от чахотки».

— Ничего подобного, капитан, это ложь, Домисио находится здесь, на горе, и даже принес поручение для сеньора от Апарисио. «За снаряжением люди придут в начале следующей недели».

Старик очень обрадовался вести и обнял Бентиньо.

— Нужно отнести провизию парню, — сразу забеспокоился старик и тут же ушел.

Бентиньо отправился спать.

Теперь для Бентиньо началась новая жизнь. Он знал, что Домисио поможет ему. Потом вспомнил об Алисе, и свежесть зимнего утра оживила его истерзанную душу.

III

Домисио под влиянием горного воздуха начал поправляться и совсем изменился. Бентиньо переселился в старый дом на горе, и ему снова стало казаться, что с приездом брата вернулась жизнь в Аратикуме, хотя отсутствие матери все время напоминало о горькой действительности.

Но вот Бентиньо стал уходить на работу, и с этой поры Домисио снова начал мучиться, чувствуя себя как бы приговоренным к смертной казни. Близость к Апарисио угнетала его все больше. Он убивал... был таким же убийцей, как другие, стрелял, в пылу схватки приходил в бешенство и ничем не отличался от кангасейро: негра Висенте, Пилао, Дейтадо, Жарарака. В кангасо нельзя мешкать. Если ты не убьешь, тебя убьют. В тот день, когда пуля впилась ему в грудь, он, лежа на земле, покрытой сухими ветвями, видел, как струилась алым ручейком по горячей земле катинги, подобно воде, сбегающей к подножию горы, его кровь. Ему было не больно, чувствуя приближение смерти, он с радостью ждал ее, как избавления. Но негр Висенте властно крикнул: «Пей кровь!» И Домисио стал собирать

рукой кровь, которая текла из его раны, и вливать ее себе в рот. Она была сладкой, очень сладкой. Потом его унесли, и по воле божьей он остался жив. Когда его положили под умбурано, Апарисио сидел у его изголовья: он взглянул вверх, на небо, оно было такое голубое-голубое, как одеяние святой, и он понял тогда, что не умрет. Целую неделю кангасейро просидели из-за него в каатинге. И в этом убежище, где он лежал, окруженный птицами, мелкой земной тварью, почти оборвавшаяся нить его жизни снова соединилась. Ему даже опять захотелось петь. Апарисио послал за лекарствами, и его больше не мучила лихорадка. Ему казалось тогда, что его снова окружает тихий Аратикум. Мягкие вечера пробуждали желание жить. Правда, он похудел, словно женщина после родов, стал желто-зеленым, но чувствовал, что жизнь, хотя и медленно, возвращается к нему. Если бы с ним была его гитара, он спел бы несколько строф, и на душе стало бы легче, и тело лучше бы сопротивлялось болезни. Парни тащили его на спине до дома коитеро, что в гроте Женипапо. Десять дней его отпаивали молоком и умбузадой*. Наконец жизнь победила и рана в груди стала заживать. Выпали дожди, и сертан зацвел. Он сразу почувствовал себя опять кангасейро, а пуля в груди ничего не значила. Такова уж его судьба. Его тело было еще слабым, но он пробыл некоторое время у матери — это укрепило его силы, он стал снова пригоден к делу. Каатинга под все сжигающим солнцем была адом, но стоило выпасть первым дождям, как сертан зацвел, все заблагоухало и вновь воскресло. А в душе снова проснулась злоба, опять очерствело сердце — он должен убивать! И, смертельно ненавидя, он снова стал убивать в жестокой схватке. Но тело его уже было не тем, что раньше. Болезнь матери еще больше подорвала его здоровье. Она была его опорой. Старая Жозефина всегда была такой выносливой и не поддавалась годам, не страшилась несчастий. У нее была светлая голова, и она умела приказывать. А теперь Бентиньо рассказал ему, как мать говорила всякие несуразности, кричала, злобствовала против своих сыновей. Узнав о смерти матери, Апарисио плакал. Брат, которого все считали зверем, плакал, и слезы текли из его воспаленных глаз. Но ведь есть другой брат — Бентиньо. Для него, Домисио, все уже решено. Он — в кангасо и в кангасо умрет. Но Бентиньо

---

*Умбузада — питательный напиток из молока и сока умбу.

не из той породы, кто скитается зимой и летом по каатинге, участвует в стычках, скрывается, выслеживает врага, проводит ночи в чаще, убивает людей, как дикого зверя. Здесь, один в этом затерянном в горах доме, не слыша человеческого голоса, Домисио тосковал по парням из отряда. Хотелось жить, а здесь он не жил, не чувствовал себя человеком, только мучился. Петь он больше не мог. Все окостенело в нем. Ему не хватало брата Апарисио. Ему был нужен он — его сила, его повелительный голос, его повадки, его приступы бешенства, его приказы. Да, он потерял вкус к обыденной жизни. Его уже не привлекали ни цветы сертана, ни певчие птицы. Но с той минуты, когда он был ранен в грудь, жизнь опять изменилась. Все хорошее ушло вместе с его кровью в землю. Он стал совсем другим человеком. Он мечтал о иной жизни для Бентиньо. Апарисио приказал ему идти сюда, и всю дорогу он думал о судьбе младшего брата, но до сих пор не смог поговорить с ним. Он решил со всей откровенностью сказать ему: «Братишка, уходи, уходи из сертана, это — ад. Здесь ты всю жизнь будешь только братом Апарисио. Люди будут бояться тебя, как дикого зверя. И ты кончишь тем, что возьмешь в руки обрез». Но у него не хватило сил прямо высказать все это. Бентиньо воспитывался отцом Амансио в духе любви, а кончит жизнь в каатинге, как кангасейро. Апарисио был не такой, как все. Он был настоящим Виейра, внуком человека, который убивал просто, не задумываясь. Но младший брат должен уйти от такой жизни. Он ведь говорил о девушке, думал жениться. А кто согласится быть женой брата кангасейро? Любой, узнав, что он брат Апарисио, сообщит солдатам, и ни в чем не повинный бедняжка поплатится за то, что делал старший брат. Домисио чувствовал себя среди кангасейро хорошо, у него была какая-то уверенность, что это — его судьба. По временам им овладевала тоска, как когда-то в Аратикуме. Ему становилось страшно, как в те ночи, когда он слушал пение таинственной женщины в пещере метисок, и сердце опять изнывало от тоски, он весь холодел, и хотелось бежать неизвестно куда. Но ужас сковывал все желания, и, обессиленный, с истерзанной душой, он сдавался. Но это был не страх перед смертью. Кангасейро не боится смерти. Он должен быть беспощадным, а если приходится умирать, то принимает это как неизбежное. Он потерял веру в бога и святых, не верил больше в чудеса. Апарисио говорил ему: «Домисио,

у тебя должна быть всегда злоба на сердце. Ты должен убивать, чтобы кинжалы солдат не прикончили тебя самого».

Однажды — это было, когда они пробирались к дому коитеро в Панела, — группа продвигалась медленно, во главе шел разведчик негр Релампаго, и вдруг он остановился: «Капитан, впереди люди, с ними женщина. В зарослях остался их запах». У негра был нюх, как у охотничьей собаки. На первой же остановке они увидели под оитисикой на берегу ручья отдыхающих путников — четверых мужчин и двух девушек. Их тотчас окружили. Они не успели и пошевелиться, как оказались среди кангасейро. Это была семья Фиальо, состоявшая в родстве с полковником Теотонио, которого Апарисио недолюбливал. Старший из мужчин обратился к Апарисио: «Капитан, денег у меня с собой нет, я везу дочерей в город Панелу, в дом брата, для обучения». Это были совсем молоденькие девушки. Отец очень спокойно рассказал о себе: он фазендейро-скотовод, небогат. Денег у него с собой нет, но то, что есть, он готов отдать Апарисио, только просит не обижать девочек. «Нет, старик, мне не нужны твои деньги, мне нужны твои дочери», — ответил ему Апарисио. «Капитан, не обижайте девочек», — молил старик. Между тем девушки убежали за большую оитисику, и, когда Апарисио намеревался броситься за ними, старик взвел курок и, весь ощетинившись, как дикий кот, закричал: «Капитан, только через мой труп... первого негодяя уложу...» Но он еще и рта не закрыл, как негр Висенте выстрелил ему в голову, а другие парни сделали то же с остальными мужчинами. Оставшись одни, девушки с плачем метались, как безумные. Апарисио показал здесь, кто он такой... Даже рассказывать, как все это было, нехорошо.

Домисио, вспоминая теперь об этом случае, опять видел все, как наяву. Ему чудилось, что негр Висенте терзает белое тело девушек и остальные парни набрасываются на них с жадностью голодных шакалов... и как потом наступила тягостная тишина. Они оставили младшую из сестер в ужасном состоянии, остальные члены семьи лежали недвижимо под сенью оитисики. Сертан затих, даже земные твари умолкли при виде этой мерзости.

Я шел, опустив голову, и, когда остался один с братом, не стерпел: «Апарисио, ты действительно такой и есть, как о тебе говорят люди. Ты страшнее, чем засуха семьдесят

седьмого года». Он улыбнулся и сказал: «Домисио, кангасейро должен так поступать, иначе он смягчится и потеряет силу. Если бы не Висенте, этот старик прикончил бы меня. Сертан должен бояться кангасейро, иначе с ними не будут считаться...» И ушел, не сказав больше ни слова. Обесчещенные девушки лежали грязные и истерзанные на земле. Три дня у меня из головы не выходила эта сцена. Я чувствовал себя виноватым, а кангасейро смеялись и подшучивали надо мной: «Парню не нравятся девчонки... Я бы справился с четырьмя». Ребята чертовски тосковали без женщин. И только во время стычки с сержантом Гомесом в оврагах Сан-Франсиско все это прошло. Дело было так: отряд собирался переправиться на другой берег, но разведчик Релампаго сообщил Апарисио: «Капитан, впереди солдаты». Апарисио позвал негра Висенте и что-то тихо сказал ему. Решили разделить отряд на две части. Сержант Гомес, несомненно, направлялся в дом нашего человека Зе Гуедеса, который жил на берегу реки и предоставлял отряду каноэ. План был тотчас выработан: негр Висенте с десятью парнями обойдет солдат по каатинге слева, а Апарисио последует за солдатами. Негр должен был успеть расположиться на валунах, за домом Зе Гуедеса, и поэтому ему предстояло приложить большие усилия, пробираясь через колючие кустарники. Но для негра Висенте в сертане не было секретов. Апарисио же последует за солдатами и, как только приблизится к оврагу у реки, откроет огонь. Сказано — сделано. Домисио оставался с братом и видел, как тот спокойно командовал людьми. Сержант Гомес был одним из храбрейших вояк Пернамбуко.

Так шли они навстречу решительной схватке. И случилось то, что должно было случиться. Апарисио остановился в двухстах шагах от дома Зе Гуедеса с отрядом в боевой готовности. Это был первый бой Домисио. Послышались выстрелы негра Висенте, солдаты ответили на выстрелы. В это время Апарисио ползком пробрался через кустарники и, с тыла обрушившись на солдат, дал залп. Крик парней почти заглушал гул выстрелов. Стрельба продолжалась менее получаса. Домисио дал первый выстрел, и потом оружие защелкало у него в руках. Он стрелял и уже не различал выстрелов, только ясно слышал крик Апарисио. Брат был рядом, его глаза налились кровью, по лицу катился пот, смешиваясь с бриллиантином, стекавшим

с волос. Он увидел, как Апарисио выхватил кинжал, потом крикнул своим парням: «Сержанта оставьте мне!» Сержант был еще жив, собрав последние силы, он крикнул: «Убивай, бандит, сукин сын, ты убиваешь мужчину...» Но Апарисио заткнул ему рот кинжалом, кровь хлынула на жесткую землю и потекла по камням. На этот раз Домисио смотрел на все это как на что-то обычное.

Закончив операцию, отряд направился в дом коитеро, и парни ели и веселились там всю ночь напролет, а потом улеглись спать под деревьями. Утром пили в коровнике молоко, спокойные и счастливые. Им предстояло переправиться через реку, чтобы попасть в Баию. Сержант Гомес и солдаты лежали распростертые на земле, Апарисио оставил свой знак в их распоротых глотках. Воспоминания о девушках, загубленных по дороге в Панелу, понемногу бледнели. Домисио стал привыкать к жизни кангасейро, и вот настал его день. Это было вечером. Отряд шел к убежищу, вблизи Кабробо. Апарисио вспомнил, что поблизости находится фазенда некоего Матиса, отца лейтенанта одного из летучих отрядов Пернамбуко.

Дождались темноты. С наступлением ночи переправились через ручей и оказались рядом с домом. Волы еще бродили по загону, а из открытых дверей падал свет Дали первый залп. Неожиданно из дома ответили огнем. Свет погас, и стрельба усилилась. Апарисио, укрывшись за пандарко, сказал негру Висенте: «Черти, успели приготовиться».

Чем больше стреляли кангасейро, тем сильнее было сопротивление. Животные ревели, на помощь могли подойти соседи. Апарисио не рассчитывал на это и еще больше обозлился. Тогда кангасейро Синдо подскочил к окну, лег на землю и закричал: «Эй, вы там, отродье потаскухи, от вас и следа не останется!» Осажденные не заставили себя ждать и тоже закричали: «Входи, конокрад, ты войдешь в дом, где есть мужчины» Стрельба усиливалась. Люди стреляли из дверей, из окон. В это время послышался крик Синдо: «Капитан, я действую кинжалом». Он вскочил в окно и начал размахивать холодным оружием. Кангасейро сомкнули круг и взяли дом штурмом. Женщины спрятались в комнатах. Фазендейро и трое его сыновей — один еще совсем мальчонка — были ранены. У старика хлестала кровь изо рта. Как это случилось со мною, сам не знаю, — вспоминал Домисио. — Я схватил тогда од-

ну из девушек... Мне почудилось, что меня обнимает таинственная женщина из пещеры метисок... Я не почувствовал ни жалости, ни угрызений совести. С этого момента жизнь стала казаться мне совсем иной Кангасо дал мне больше силы, чем стихи и песни в лунные ночи. Я почувствовал себя хорошо с того дня, когда меня ранили. А увидев близко смерть, я опять совсем изменился. Тело потеряло силу, и воля к жизни стала слабеть. А после того, как я побывал у матери — в те дни я был счастлив, как никогда, — я вернулся в отряд, и мне показались чужими и кангасейро и Апарисио. Брат даже сказал мне: «Домисио, после того как ты вернулся, у тебя лицо стало похожим на лицо женщины после родов». Да. Я видел смерть так близко, что потерял уверенность в себе. Это была не трусость, в схватках я отличался больше, чем раньше. Во время стычек мною овладевала страшная злоба. У меня не было теперь цели, к которой я должен был стремиться. Узнав о смерти матери, я не заплакал, как Апарисио, но внутри словно что-то оборвалось. Я ждал гибели от пули или от кинжала солдата. Только этого. Только смерти и ничего больше. Апарисио был не из тех, кто раздумывает. Он брал все, что попадало ему в руки. Ему всегда было всего мало. И поэтому он стал главарем кангасейро. Ружье в его руках не смолкало, а кинжал разил с молниеносной быстротой. Пролитая кровь вызывала в нем желание убивать, о смерти он не думал. Для Апарисио не существовало смерти. И негр Висенте был такой же. Достаточно было взгляда Апарисио, чтобы воля командира стала его волей. В день, когда пришла весть о смерти матери, слезы текли из налитых кровью глаз Апарисио, как из раскаленной печи. Но сердце его еще больше ожесточилось. Это были его последние слезы. Потом начались самые ужасные налеты, убивали богатых и бедных, как будто все сертанцы стали одинаковыми. Я говорил с ним: «Апарисио, народ будет против нас». Но командир отряда ничего не ответил, только еще больше замкнулся. Позже он позвал меня и приказал: «Домисио, тебе нужно отдохнуть. Отправляйся в Рокейру, там брат, ты поправишься. Боюсь, что твое здоровье не выдержит предстоящей атаки». Я подумал, что Апарисио не доверяет мне больше, и ушел, чтобы побыть с тобой, Бенто. Но здесь я почувствовал себя еще более одиноким, чем среди парней.

Потом Домисио стал вспоминать жизнь матери. Он увидел ее в Аратикуме, когда был еще жив отец, отрешенный от жизни; она управлялась с сыновьями, хлопотала по дому. Потом пришли засуха, бегство, страх перед голодом и вся эта история в Педра-Бонита. Он вспомнил избиение невинных, деда, который предал в свое время паломников. Вспомнил Апарисио, который пошел по следам деда-убийцы; свою тоску, страхи, горести глупого мальчишки, бегавшего слушать песни таинственной женщины в пещере. Мать была властной, управляла всем. А потом старший брат убежал из дому и стал самым большим человеком в сертане. С тех пор мать начала сохнуть, терять силы, ходила как тень. Она потеряла свою властность и больше не приказывала. Было время, когда он, Домисио, еще верил в святого из Педра, но Апарисио пробудил в нем силы для кангасо. Он вложил в него другую душу, бесстрашную. Апарисио сделал его другим человеком. Дни, проведенные после ранения рядом со старухой, снова воскресили прошлое. Появилось желание петь, песня лилась из глубины души, как будто из сухой земли забила струя живительной влаги.

Со времени атаки на дом старого Матиаса он почувствовал себя мужчиной. В теле пробудилась таившаяся в нем радость жизни. И он понял, что может жить, как другие. Теперь он не холодел больше от мысли, что сдастся и будет таким же, как все кангасейро. Много дней ходил он потрясенный своим освобождением от всех страхов. Кангасо принес ему свободу, он почувствовал всем своим существом прелесть жизни. Его не терзала теперь мысль о том, как жить. Он убивал, как другие, и его не мучили угрызения совести. Но потом, после ранения в грудь, он потерял много крови, появилась слабость. А, когда он вернулся из дома матери в отряд, тело отказывалось подчиняться воле, стало совсем немощным. Все — руки, ноги, голова — было как будто в порядке, но внутри погас огонь, исчезла настоящая жажда жизни. Брат понял, что с ним что-то творится, и решил отправить его к Бенто. В Апарисио были еще сильны родственные чувства, несмотря на смерть матери. Теперь, живя рядом с Бенто, Домисио наблюдал, как все вокруг приходит и уходит, а сам он как бы остается вне этого. Может, он не в своем уме? Может быть, это — наказание, возмездие за то, что он делал? Мать сказала ему в час рас-

ставания: «Ты станешь таким же, как твой брат. Придет твой конец. Тебя не бог сотворил».

Домисио ждал прихода Бентиньо. Горный воздух не залечивал ни обессиленное тело, ни израненную душу. Душа кровоточила, хотя никто не видел этой крови, и он не мог вернуть ее себе, она не давалась ему в руки.

IV

Мастер Жеронимо отозвал Бентиньо и рассказал ему, что к нему в дом явился какой-то скупщик и вел подозрительный разговор о Брежо. Его самого дома не было, и с матуто говорил Зе Луиз. Это был человек низкого роста, со шрамом на лице. По рассказу сына можно было догадаться, что это Жезуино, парень из приближенных доктора Лимы, — в то время политикой в Арейя верховодил противник доктора, Симон. Жезуино даже судился в Лаго Гранди за убийство.

— Мне так и не удалось узнать, что делает этот парень в нашем сертане, но я не сомневаюсь в том, что семья покойного Казимиро разыскивает меня. Так вот, сынок, скажу тебе, не хвалясь: здесь я работаю и думаю только о своей семье, но, если Жезуино станет мне поперек дороги, я не буду тратить слов попусту. Буду стрелять. Человек умирает только раз, и ничто не может заставить меня жить, опасаясь ловушки. Нет, я решаю свои дела сразу. А вот наш старик, у него просто не хватило сил на то, чтобы брать жизнь такой, как она есть, и теперь он бродит по свету, как неприкаянный, и мяукает, точно беспризорный кот на крыше. Дочь моя уже выросла, сын стал на ноги. Оставаться здесь, чтобы прятаться в кустах, я не собираюсь. Ты видел Жермано, как он ходил, опустив голову, жестоко оскорбленный. Он ушел к Апарисио и теперь гуляет по миру, дает выход своей злобе.

Потом пришел Терто: метис что ни день становился все печальнее. Мастер заговорил о работе, спросил Терто о листьях, которые велел просушить, и о корнях айвы для варки сахара. Терто, хмурый, пожелтевший, отчитывался в работе.

Оставшись наедине с Бентиньо, метис открыл ему свою душу:

— Ты, наверное, уже все знаешь о Жермано. Он принял имя Кориско — Зарница. При нападении на Пан-де-Асукар это он причинил солдатам больше всех хлопот. Настоящий зверь, но я горжусь Жермано. Его с детства тянуло в кангасо. Я помню историю «Бриантес» — ее рассказывала мне мать, это — история о белом человеке из Сеара, он был кангасейро. Ты и не слышал о нем, верно, а Жермано знал наизусть всю историю в стихах, и мать даже однажды сказала отцу: «С этим ребенком нам еще придется помучиться». Бедняжка не знает, что стало с ее сыновьями. Небось там, в Триумфо, думает, что нас и в живых-то нет. Но Жермано за все отомстит. Несчастный лейтенант, прикончивший нашего отца и обесчестивший сестер, еще попищит в руках у Жермано. Я никогда не забуду, как солдаты набросились тогда на сестер. Несчастная моя семья! А у меня не хватает духу пойти по стопам Жермано, и я прячусь здесь, словно старая баба, от всего мира. Бог не дал мне силы, чтобы уйти в кангасо. Я из той же породы, что и старый Кустодио, — способен только мяукать, как старый кот.

Бентиньо пытался отвлечь его от этих мыслей, но Терто заговорил еще откровеннее:

— Я знаю, Бенто, что в твоей жизни было много несчастий. Смерть твоей матери — большое горе. Старуха наложила на себя руки, а это ведь больно сыну. Мой брат хотел бы, чтобы вся наша семья вымерла. «Смерть не страшна, когда не смеешь взглянуть людям в лицо», — говорил Жермано. Я слышал, что ты любишь дочь мастера. Так вот что, друг, если женишься, не оставайся здесь. Скоро пройдут солдаты, появятся кангасейро, и тебе придется проститься с мирной жизнью и с молодой женой. По сертану только и знают, что колотят, как кузнец молотом по наковальне. Ты один, женись поскорее на дочери мастера и уходи с ними. И я в конце концов уйду отсюда к своей семье.

* * *

У капитана Кустодио была эризипела, и он не выходил из дому. Но случилось так, что Рассеченная Губа пришел с поручением от Апарисио. Он появился под видом скупщика сахара, а в самом деле принес приказ переправить снаряжение... Он сообщил, что отряд готовится в каатинге Сержипе к атаке. У Апарисио сейчас тридцать парней. Он хотел знать, что с Домисио.

— Сеу капитан, вы не можете себе представить, что на сердце у этого человека! — говорил, гнусавя, посланец Апарисио.

Старик лежал на покрытой кожами постели, больная нога была обернута тканью. При появлении человека с вестью от Апарисио он тотчас заговорил:

— Так вот, передай капитану, что я молю бога об одном: чтобы он даровал мне только один-единственный день жизни — тот день, когда я увижу гибель негодяя Касуса Леутерио. Мое дитя убили, и я похоронил его там, на горе, рядом с матерью Она умерла от горя, потому что ее муж оказался недостойным мужчиной и не сумел отомстить Так оно и есть. Но этот негодяй должен за все заплатить на этом свете.

Глаза капитана от жара неестественно блестели, губы дрожали.

— Я только и живу ради того, чтобы увидеть конец капитана Леутерио.

Приезжий испуганно смотрел на капитана. Бентиньо обратился к нему:

— Я провожу сеньора на участок, там на горе, а ночью сеньор сможет увезти патроны.

Бентиньо вышел в сопровождении посланца Апарисио. Тот сел на коня, а Бентиньо отправился пешком. По пути Виктор сказал Бентиньо:

— Старый Кустодио, видно, протянет недолго. Такие воспаления кончаются «горной болезнью» Опухает нога — и конец. Вот так-то. А Апарисио чертовски зол на полковника из Жатоба.

Бентиньо стал расспрашивать о брате. Рассеченная Губа был у него, когда он скрывался у полковника Рамальо.

— Капитан после смерти своей матери, царство ей небесное, потерял покой. Негр Висенте сказал мне: «Сеу Виктор, капитану нужен большой бой, чтобы успокоиться». Правда, мать его плохо поступила. Кангасейро нужна молитва, доходящая до бога. А мне говорили, что молитва покойной матери капитана имела большую силу.

Когда они проходили мимо дома мастера, Бентиньо остановился поговорить с Аминьей

— Алисе на работе, а у меня нет сил взять мотыгу в руки Боль в пояснице не дает покоя. А что это за человек?

— Покупает сахар. Капитан Кустодио просил показать ему участок на горе. Кажется, хочет продать.

Когда они свернули с дороги, Рассеченная Губа поинтересовался, что это за семья, и спросил:

— Эти люди не знают, что Апарисио — твой брат? Хорошо работает старый Кустодио. Вот почему капитан Апарисио сказал о нем: «Старик из Рокейры — надежный коитеро. Я всегда был спокоен за него. Моя старая мать умерла там, но старик не виноват. Я знаю, чего он хочет, и я это сделаю».

Домисио обрадовался вестям из отряда. Они проговорили до глубокой ночи. Потом переложили груз в горшки, и посланец Апарисио простился. Он поехал к дороге, что идет по берегу Сан-Франсиско. Напротив острова Мирим его будет ждать лодочник. Капитан рассчитывает на эти боеприпасы, и нельзя было задерживаться больше двух дней. Бентиньо и Домисио сидели молча, но думали они об одном и том же — о своей печальной судьбе. Ночью тишина в этом пустынном месте отзывалась болью в их истерзанных сердцах. Первым заговорил Домисио:

— Я все вспоминаю жизнь в Аратикуме, наше детство, отца с матерью, наши несчастья, думаю о судьбе нашей семьи. Видишь, кангасо не совсем убил во мне душу. Я хорошо знаю, что все потеряно, даже не могу больше петь. Да, братишка, все прошло, все кончено. Но вот сейчас я сам не знаю, что творится со мной. Я весь холодею, но не подумай, что это слабость или боязнь смерти. Нет, совсем нет. Умереть я уже мог много раз. Нет, это не страх смерти. Это на что-то похоже, а на что — сам не знаю. Когда я был с Апарисио в каатинге, со мной иногда происходило то же самое. Вот был такой случай: однажды наш отряд расположился под умбураной, чтобы переждать, пока спадет жара. Я улегся на сухих листьях. Даже зверюшки сертана разбежались из этого пекла. Не слышно было пения птиц, вся каатинга словно звенела от палящего солнца. И тогда, братишка, это нашло на меня, я весь трясся как в лихорадке. Сердце билось сильнее, и мне хотелось одного: петь во весь голос, на весь мир свою песню, но она была погребена где-то в глубине души. Мне хотелось петь, и я не мог. Хотелось почувствовать боль своего тела, как в прошлые времена, и я не мог. Ах, Бентиньо, ты не знаешь, что значит так страдать! Когда пуля солдата свалила меня на землю, я почти ничего не

чувствовал. Только хотелось пить, очень хотелось пить. А тут я так страдал, что доходил до отчаяния. Я зарывался головой в землю, чтобы парни не заметили по моему лицу, что со мной творится. Земля была горячая, и я ворочался с боку на бок. Она была горячее, чем солнце в полдень. Не скрою, Бентиньо, я плакал, и земля становилась влажной от слез. Я боялся, что Апарисио увидит меня в таком состоянии, а брат Апарисио не смеет быть слабым. Но я не думаю, что это была слабость, нет. Слабый бежит от пули, кинжала, а я не бежал. Скажу тебе, я бросался в самый жаркий бой, даже не сознавая, что делаю.

Эти муки продолжались до схватки в фазенде старого Матиаса на дороге к Кабрабо. После этого я действительно стал зверем. Я не мог забыть той девушки, ее длинных волос, пропахшего дымом тела. Я стал тосковать по женщинам. На привалах в каатинге, на валунах, в горах, у подножия горы я думал только о женщинах, мечтал только о женщинах. По ночам я покрывался холодным потом, тело слабело, как будто кто-то околдовал меня. И я успокаивался, только когда мы приходили куда-нибудь и я удовлетворял свое желание. Парни прозвали меня козлом и смеялись надо мной. Апарисио молчал. Думаю, что ему это даже нравилось. Но я сам чувствовал, что я просто болен. Я знал, что болен. Но потом на меня нашло что-то. Отряд вышел на дорогу, к берегу Сан-Франсиско. Это было под вечер, и Апарисио остановился в зарослях оитисики. Люди отдыхали стоя, и никто не смел двинуться с места. А мне до безумия захотелось прилечь. Я оставил оружие и вышел на обочину дороги. И вдруг увидел: идет мне навстречу девушка с распущенными волосами. Она казалась видением, и я даже испугался, не в бреду ли чудится мне это. Когда девушка приблизилась, я увидел, что она действительно очень хороша собой. Волосы ниже пояса — таких волос я никогда в жизни не видел. Ты помнишь, как я бредил метиской из пещеры на горе в Аратикуме. Так вот, она была живым воплощением моей метиски. Я хотел убежать от этого безумия, но девушка заговорила, и ее слова и голос показались мне музыкой. Она сказала мне: «Апарисио, подойди ко мне». Она звала ласково, сердечная. Я не смог убежать. «Апарисио, я ищу тебя больше года». Я молчал, боялся испугать... В моих руках она казалась нежно воркующей голубкой. Я не в силах рассказать тебе все это! Когда вспоминаю, все болит

внутри. Я овладел ею под сенью кабрейры, дул мягкий вечерний ветерок, и казалось, что весь мир хочет обласкать меня. Она была девушкой. У нее были глаза чернее ночи, и они горели ярче огня. Никогда я не встречал женщины более страстной. Пробыли мы с ней до ночи. Девушка все называла меня Апарисио. Она сказала мне такое, что испугало меня: «Твой сын у меня в чреве, уже совсем большой. Он появится на свет, Апарисио, станет взрослым. Мой отец убежит от него, Апарисио...» Тогда я не понял значения ее слов. Потом она ушла, а я вернулся к стоянке. Парни уже спали, но Апарисио, увидев меня, подозвал и строго сказал: «Кангасо — это кангасо, Домисио, и ты ослушался приказа! Брат может не послушаться, но кангасейро — нет». Я рассказал ему все. Я не мог скрыть радости, она владела всем моим существом. Апарисио слушал, не прерывая меня, а потом сказал: «Это умалишенная дочь капитана Глисерио. Девчонка повсюду рассказывает, что я овладел ею. Она бродит, безумная, по дорогам». И замолчал, а я ушел в сторонку, расстелил свою подстилку и улегся. Под оитисикой было холодно. Слова Апарисио привели меня в ужас. Я был близок с безумной. Послушай, Бентиньо, послушай, братишка, меня охватила злоба, хотелось кричать во весь голос. Я отошел от стоянки, была глубокая ночь, на небе мерцали звезды. Я был с безумной! От этой мысли мне становилось больнее, чем от раны в груди. У меня было такое чувство, будто я оскорбил святую в алтаре. Я обидел невинное существо, неразумное, ничего не сознающее. Я осквернил тело ребенка. Небо было глубокое и звездное, но я видел только беспросветную ночь. Тогда-то я и вспомнил нашу мать в Аратикуме, так боявшуюся, что я сойду с ума, когда у меня бывали приступы тоски. Ты помнишь? Какой-то голос внутри меня нашептывал: на твоей совести больше убийств, чем у Апарисио. Возле меня не было никого, кто бы понял, что творится со мной, я лежал и не мог заснуть. Самое лучшее для меня было бы погибнуть в бою, отправиться к дьяволу... И по сей день, Бентиньо, я чувствую поцелуи девушки на губах, чувствую ее волосы, такие шелковистые, как у овечки, мягкие, как не знаю что. Нет, она не могла быть безумной. Это все было злой выдумкой Апарисио. Долго я так томился, покрываясь холодным потом в бессонные ночи. Теперь я мучился не только от телесной боли. В груди зияла страшная рана, да, Бентиньо, откры-

тая рана, поражен был мой мозг. Лицо девушки все время стояло передо мной, я смотрел в кусты и видел ее, такую красивую, в своих объятиях, воркующую, как нежная голубка, благоухающую всеми ароматами земли. Нет, Бентиньо, все это должно было доконать меня. Апарисио, обладающий нечеловеческой силой, все видел... И однажды он сказал мне: «Тебе нужно отдохнуть, Домисио. Ты стал безумствовать, как в Аратикуме». Этот зверь понял, что мое сердце смягчилось, как никогда. Он опасался, что ружье выпадет у меня из рук. Но где там! То, что я расскажу тебе, произошло во время нападения на Жениапапо-Гранди. Когда началась перестрелка, мне дьявольски захотелось убить и тут же самому умереть. Я дрался с таким бешенством, что негр Висенте сказал мне: «Я до сих пор не видел воплощенного дьявола, а сегодня увидел». Могу сказать тебе, Бентиньо, что, убивая, я только и мечтал о том, чтобы самому умереть. Я чувствовал волосы девушки где-то рядом, они благоухали так, что ты не можешь себе представить. Тело мое ослабело, казалось, что кто-то высасывает из меня кровь. Слова Апарисио о девушке не давали мне покоя. Со временем я узнал все. Это оказалось правдой. Я связался с безумной, мой мальчик. Ты не можешь себе представить, что это такое.

Когда он замолчал, Бентиньо заговорил об Алисе, о том, что хочет жениться на девушке и покинуть эту несчастную землю:

— Послушай, Домисио, смерть матери сделала меня таким. Я всего боюсь, все наводит на меня тоску. Жизнь, которую вы ведете с Апарисио в кангасо, противна мне. Я хочу бежать, укрыться где-нибудь с девушкой, но у меня не хватает на это решимости. Ты хорошо знаешь, что я не рожден быть таким, как Апарисио.

Испугавшись, что он оскорбил брата, Бентиньо попытался смягчить свои слова, но Домисио успокоил его:

— Ты прав. Я останусь с Апарисио, я — это другое дело. Мы двое расплачиваемся за наших предков. Ты не имеешь к этому отношения. Ты жил у священника и очистил свою душу. Я знаю, что я должен идти по этому пути до конца. Да мне и недолго осталось жить. Вот только жаль девушку. Я ведь погружал свою руку в ее роскошные волосы, мягкие, как шерсть овечки, — а это были волосы безумной, невинного божьего создания, осужденной на

страдание души... Ты и представить себе не можешь, как мучительны такие мысли. Человек как будто жив — и не жив. Живет только тело, послушное орудие дьявола.

Братья умолкли. На небе, усеянном звездами, сияла луна, ее холодный свет озарял тихо шелестевшую листву.

— Бентиньо, ты должен уйти. Ты должен набраться сил и покинуть этот несчастный сертан. Апарисио уже не остановится. У этого человека дьявольская власть. Я даже думаю, что и сила святого из Педра-Бонита — в его ружье, ведь оно никогда не бьет мимо. Если бы ты видел Апарисио во время боя, это — сам дьявол. Глаза его, как две кровавые раны, как питанги, он лязгает зубами, кричит на парней, точно дикий зверь, и ни одна пуля не задевает его. Я видел Апарисио в перестрелке с лейтенантом Оливейра из Параибы, видел, как он подбирался к дому, где засели солдаты. Апарисио находился за колеей, под жуазейро, и крикнул лейтенанту, вызывая его на единоборство. Несчастный выскочил как сумасшедший из дому, но выстрел Апарисио сразил его при первом прыжке, и он свалился на землю, как гнилой плод. Было убито еще пятнадцать солдат, Апарисио выколол глаза у лейтенанта и закричал: «Теперь иди, подлец, и сообщи правительству все, что ты видел здесь, в Серроте Прето. Иди, сукин сын, и сообщи правительству, что Апарисио вырвал глаза у собаки».

Даже негр Висенте отвернулся, а Апарисио вонзал кинжал в тело, как будто это была кружевная подушка. Этот лейтенант Оливейра обещал правительству принести голову Апарисио. В этот день Апарисио не вымолвил ни слова, ушел далеко один, и Висенте сказал мне:

— Твой брат, мой кум, взбешен, он пошлет глаза лейтенанта коменданту Суассуне, чтобы видели, что наши люди хорошо знают свое дело.

V

В то утро, когда Бентиньо, покинув брата, спускался с откоса, на дороге ему повстречалась одна из негритянок, стиравших белье в лагуне. Заметив его, она остановилась поговорить:

— Парень, что живет на горе, не твой ли брат? Похож

на тебя лицом. Позавчера приходила стирать женщина из Такарату и рассказывала, что сумасшедшая родила сына. Она уверяет, что это от Апарисио. Женщина говорит, что девушка сама на себя не похожа. Все молчит и стала совсем старухой.

Бентиньо, перебросившись с негритянкой несколькими словами, хотел уйти, но она все расспрашивала о неизвестном с горы:

— Послушай, тот человек нехорошо выглядит. Он весь желтый, как плод смоковницы. Это — чахотка, парень. Давай ему пить настой из камбара. Моя сестра Шика начала кашлять и только этим спаслась. Камбара дает силу тем, у кого грудь болит.

Наконец Бентиньо ушел, но эта встреча очень обеспокоила его. Присутствие Домисио не осталось незамеченным, люди стали поговаривать, что здесь живет кто-то чужой. Когда он подошел к дому мастера, Алисе уже ждала его в этот прохладный утренний час.

— Я задержалась, только чтобы поговорить с тобой. Я даже не решаюсь сказать тебе это... — и девушка опустила голову.

— Я все знаю, Алисе, но ты должна верить в меня. Нам надо уйти отсюда. — Не успел Бентиньо произнести эту фразу, как уже пожалел о сказанном. Он сам не знал, как вырвались эти слова, шедшие из глубины сердца.

— Уйти... куда, Бенто?

Теперь он уже овладел собой и спокойно сказал:

— Я хочу, чтобы так было, Алисе, но сможем ли мы это осуществить? Ты нужна твоей матери здесь. У меня никого нет, кто бы мог нас приютить, а пуститься в путь, как беженцы, было бы безумием.

Алисе с минуту помолчала, потом, глядя ему прямо в глаза, спросила:

— Бенто, ты в самом деле любишь меня? Мне тяжело спрашивать тебя об этом, но я сомневаюсь, и это причиняет мне боль.

Юноша взглянул на нее, и девушка поняла, что он очень любит ее. Тогда она улыбнулась, и ее нежные губы невольно прошептали признание:

— Бенто, я не могу жить без тебя.

Их беседу прервал Зе Луиз:

— Мать в доме, она не в силах подняться с постели.

Старуха застонала, но, услышав, что Бенто у дверей, громко спросила:

— Это сеу Бенто, Алисе? Я хочу поговорить с ним.

Бенто вошел в темную каморку: Анинья сразу заговорила:

— Эти боли в пояснице убивают меня. Алисе, выйди, — обратилась она к дочери, — я хочу поговорить с Бенто.

Когда они остались одни, старуха зашептала:

— Сынок, прости мне мои слова, но человек должен сказать то, что должен. Жеронимо нужно быть очень осторожным. Я не хотела говорить об этом — жене незачем вмешиваться в дела мужа, — но за Жеронимо ходят люди из Брежо, чтобы убить его. Жеронимо — человек открытый, сердце у него золотое, но что-то подсказывает мне, что он не жилец на этом свете.

Она заплакала. Бентиньо попытался ободрить ее:

— Не беспокойтесь, синья Анинья, мастер сумеет защитить себя.

Но она не успокоилась:

— Ты знаешь, сынок, моего сына Зе Луиза. Если случится беда с Жеронимо, он уйдет в кангасо. У мальчика горячая кровь, и семья на этом свете окажется без опоры. Эта болезнь уже не отпустит меня, и Алисе останется одна.

Слезы еще сильнее потекли из ее глаз.

— Синья Анинья, вы ведь знаете, что я женюсь на Алисе.

— Да, сынок, я знаю о твоих намерениях, но разве ты не видишь, что на этой земле нельзя человеку жить? Здесь повсюду бродят кангасейро, солдаты правительства зверствуют, не щадят девушек, даже сумасшедших. Та безумная девчонка, что жила у дороги в Такарату, родила от Апарисио. Не знаю, где была у Жеронимо голова, когда мы уходили из Брежо. Если бы я была парнем, как ты, я бы ушла куда глаза глядят, только бы быть подальше от этого несчастного края. Раз ты собрался жениться на Алисе, женись и уходи отсюда, не то останешься без жены и кончишь кангасо.

Бентиньо, растерявшись, молчал, но затем собрался с силами и стал утешать обеспокоенную старуху:

— Это правда, синья Анинья, я и сам думал уже об этом. Я только жду, пока сеньора поправится; можете спо-

койно отдыхать, я женюсь на Алисе, и мы уйдем куда-нибудь и заживем, как люди.

— Да, я отдохну, только когда увижу это. Я хотела бы, чтобы бог дал мне силы дожить до того дня.

Бентиньо простился со старухой и подошел к Алисе, которая ждала его под пальмой

— Мать тебе что-нибудь говорила?

— Говорила. Она волнуется за Зе Луиза, боится, что мальчишка пропадет.

— А об отце она ничего не говорила?

— Говорила и обижалась, что мастер не слушает ее и не уходит отсюда.

— Это правда, Бенто. В тот день, когда он это сделает, мать воскреснет.

За словами Алисе что-то скрывалось.

— Я еще сказал твоей матери, что, когда мы поженимся, мы и дня не останемся на этой земле.

Девушка так обрадовалась, что не смогла сдержаться и бросилась на шею Бенто. Но сразу же образумилась, застыдилась своего порыва и, потупив взгляд, вся красная, заторопилась.

— Бенто, мне нужно идти работать.

Не простившись, она убежала — босая, с мотыгой на плече — к участку на берегу реки. Бенто еще задержался послушать рассказ Зе Луиза об Апарисио:

— Апарисио обстрелял Сержипе и обратил солдат в бегство. Матуто в лавке говорил, что в его отряде теперь больше двухсот человек. Интересно было бы посмотреть, как дрожит теперь этот зверь лейтенант Зека Таржино. Его солдаты не щадили и фазендейро. Говорят, он даже не считался с полковником в Жатоба. Осмелился схватить на ярмарке парня полковника и выпустить из него дух. Любопытно, какой у него будет вид, когда он встретится с Апарисио.

Они вышли на дорогу, и Зе Луиз продолжал:

— Мой старик выслеживает каких-то парней, которые являлись в дом с расспросами. Он уверен, что это люди из Брежо пришли расправиться с нами. Отец даже сказал мне: «Сын мой, это — люди покойного Казимиро. Я был вынужден прикончить несчастного, но я сам явился в суд, и меня признали правым. А теперь люди покойного Казимиро разыскали меня здесь, у них плохие намерения. Ты еще молод, но уже разбираешься во всем, как взрослый

мужчина. Я могу умереть, но раньше должен свалить одного негодяя на землю. У тебя на руках останутся мать и сестра».

— Но смотри не вздумай сказать кому-нибудь об этом, — предупредил Зе Луиза Бенто. — Мастер знает, что делает, это — его право.

— А я и не говорю никому. Но старик уже отдал мне свой револьвер — комбле, и я аккуратно чищу эту штучку. У старика оружие получше, он получил от капитана Кустодио маузер.

Бенто хотел уклониться от дальнейшего разговора, но Зе Луиз продолжал:

— В лавку заходил матуто и рассказывал новости об Апарисио: он говорил, что у солдат правительства появилось какое-то бесовское оружие с длинным гребнем, как лента. Один человек стреляет, как целая сотня. Стоит ему только нажать рычаг, и эта собака стреляет, не переставая. Вот так. Но Апарисио уничтожить им не удастся. Терто говорил мне, что Жермано в отряде у Апарисио, теперь его зовут Кориско. Вот настоящий парень, а Терто — размазня. Если бы я был на его месте, я бы тоже давно ушел к Апарисио. Только так и можно отомстить за свою семью. Ведь даже его сестру опозорили!

Когда подошли к подъему в Рокейру, Зе Луиз распрощался, и Бентиньо отправился дальше по заросшей тропинке. Он подымался на гору и все думал о Жеронимо: если с мастером стрясется беда, ему придется взять на себя заботу о всей семье, он очень любит девушку. Бентиньо знал, что мастер способен на все; Зе Луиз — тоже пропащий человек, его влечет слава кангасейро. Мальчишка кончит тем, что сбежит в кангасо: если отец погибнет в драке, он и дня не останется дома. Почему-то вспомнилась безумная, о которой рассказывал Домисио. Бентиньо опять увидел ее такой, как когда-то на дороге, когда шел с матерью в Рокейру, увидел ее нежный взгляд, услышал ее мягкий голос. А теперь явился Домисио со своей историей.

* * *

Мастера возмущал капитан Кустодио. Он попросил у него что-то для мельницы, а старик даже не обратил никакого внимания на него.

— Вот почему у этого болтуна ничего не получается. Чертов старик ни о чем не заботится. Живет только тем, что говорит о сыне, будто мертвый может что-то сделать. Я мастер и хочу работать.

В этот момент пришел Терто показать лианы, которые выбрал в чаще, чтобы связать корзину.

— Прямо сумасшедший дом, — сказал, рассердившись, мастер, — приходится смотреть за всем. Я уже говорил вам, сеу Терто, что мне не нужны такие толстые лианы. Хоть кол на голове им теши.

Метис ушел, а мастер все не унимался:

— Брат его хоть ушел в кангасо, а этот мямля ни на что не пригоден. Размазня. — Потом мастер опять заговорил о капитане: — Сынок, я ничего определенного не знаю, но чувствую недоброе. У этого старика какие-то тайные дела. Сюда частенько наведывается человек с новостями. Раньше приходил негр Морено, а теперь этот, с рассеченной губой. Не знаю, но здесь творится неладное.

Бенто почувствовал, что мастер что-то подозревает. Он хотел придумать какое-нибудь объяснение, чтобы отвлечь его подозрения от старика, но у него не хватало смелости солгать.

— Этот старик, чего доброго, путается с кангасейро и работает на Апарисио. Если это так, то все мы, живущие в Рокейре, несчастные люди. Настанет день, и все раскроется, явятся солдаты в фазенду и всех нас прикончат. У меня дочь молодая. Прямо чертовщина какая-то.

Успокоившись, мастер обратился к плотнику, который пришел чинить что-то на мельнице. Бенто стал слушать Терто, который все еще очищал зеленые лианы.

— Этот Жеронимо чего-то все бесится. А потом еще оскорбляет. Ты знаешь, Бенто, что я не ушел с Жермано только потому, что не гожусь для кангасо. Но когда-нибудь я всем покажу, на что я способен.

Опустив голову, он продолжал очищать лианы.

— Капитан Кустодио ищет тебя. Мне кажется, что у старика что-то творится с головой. Недавно он явился сюда за Жермано, но, когда я сказал ему: «Капитан, Жермано вот уже год, как ушел», — он стукнул себя по голове и ответил: «Действительно, он ведь с капитаном». Я даже побаиваюсь оставаться здесь. То мастер злобится неизвестно почему, то является сумасшедший, потерявший память старик.

Бентиньо молчал, а Терто все говорил:

— Зе Луиз рассказывал, что Апарисио обстрелял Сержипе, и уверял меня, будто Жермано в доверии у капитана Апарисио. Так лучше для него, он ведь этого только и хотел. Я мечтал лишь о том, чтобы собрать денег и уйти к семье. По своей воле я никогда бы не оставил мать и сестер одних на свете. Это Жермано так захотел. Да, я должен вернуться к ним. А ты, Бенто, как у тебя с женитьбой? Послушай моего совета — женись и уходи подальше от этого страшного места. Это — земля страданий. Не вздумай остаться здесь, друг. Девушка хорошая, она достойна тебя. Завтра прибудут сюда солдаты и сделают с людьми все, что захотят. Кангасейро тоже никого не пощадят.

В это время, волоча ногу, подошел капитан Кустодио:

— Пойдем, сынок, я с утра тебя ищу.

И они ушли к запруде. Старик был крайне взволнован.

— Не знаю, в чем дело. Но я потерял всякую надежду. Я так и умру, не смыв позор. Там, наверху, похоронен мой сын. Жена умерла с горя, а я остался, чтобы расплатиться за зло, которого никому никогда не причинял. Что плохого я сделал? Что я сделал, сынок?

Он замолчал, и в его глазах показались слезы.

— Твой брат Апарисио был моей надеждой. Да, у него сила, и он мог доказать Касуса Леутерио, что за убийство невинного нужно расплачиваться на этом свете. Но время идет, а твой брат топчется на месте. Никто не может справиться с Касуса Леутерио. Вчера мне говорили, что он сбросил уже судью в Такарату. Остается только поехать в столицу и поговорить с правительством, и будь что будет. Да еще этот мастер пристает, говорит, будто я потерял всякий стыд. А какой может быть стыд у старика, который оставил сына одного в беде и дал жене умереть с горя? Я вызвал тебя для того, чтобы сказать: я сам убью обидчика в Жатоба. Я не ушел до сих пор только из-за твоего брата Домисио. Капитан прислал его на мое попечение, и я должен был заботиться о парне, но я потерял сон, сынок. Если не боль в ноге, то мучит другая боль, не телесная, — душа болит, а это еще тяжелее. Там наверху сын, я похоронил его вот этими руками. И мне все время хочется зарыть самого себя в могилу к нему, чтобы превратиться в прах, как он. Говорят, ты собираешься жениться на дочери мастера? Так сделай это поскорее.

И если бы твой брат не был с тобой, я бы дал тебе совет — совет старика: уходи подальше, беги из этого несчастного сертана. Послушай, сынок... он там, лежит наверху, невинный... А отец ничего не сделал, чтобы отомстить. Только потому, что Касуса Леутерио этого захотел, все кончилось... Но твой брат Домисио нуждается в тебе, и он пришел сюда по приказу капитана. Если бы моя жена была жива, она бы полечила его, но она умерла со стыда. Да, сынок, я не могу открыть рта, чтобы сейчас же не заговорить о сыне и жене. У несчастного старика одно на языке. Но я сделаю то, чего никто не сумел сделать! Скоро я уйду отсюда, заряжу ружье и покончу навсегда с тем, кто мучил меня столько лет.

— Капитан, что поделаешь со всемогущими? Сеньор ни в чем не виноват. Полковник Леутерио распоряжается в сертане. У него такая же власть, как у правительства, даже вооруженные солдаты охраняют его дом.

— Сынок, тебе хорошо говорить, а я, старик, страдаю. Моя жена Мосинья хотела сделать то, чего не смог я, послала негра Фиделиса, и он погиб на берегу реки. Но я еще покажу всем... Бог на небесах должен узнать, что Кустодио дос Сантос однажды все же поступил как настоящий мужчина.

Глаза капитана лихорадочно блестели, губы дрожали, и из сморщенного рта, обросшего бородой, вылетало приглушенное рычание. Скрытая ярость как бы рвалась наружу из наболевшей груди и не могла вырваться. Но вместе с тем все это производило впечатление чего-то нарочитого, в приступе ярости капитана было что-то неестественное. И он сам, почувствовав фальшь, перешел к жалобам, которые больше подходили к нему.

— Никто не верит моим словам. Я знаю, никто не верит. Да и кто может поверить такому никчемному старику? Не верила жена, не верит и сын, который лежит там, наверху, в земле отца, в той земле, которая не должна была принадлежать такому отцу. К чему она?

Утки крякали в водоеме, заросшем зелеными листьями. В углу вокруг бадьи вода была чистая, на неподвижной поверхности отражалось голубое небо, плавали марруско. И вдруг на безлюдной земле наступила тишина. Старик не подымал головы, из его глаз катились слезы, падая на бороду, как капли росы на сухие листья. Бенто стало очень больно, сердце защемило от жалости. Он хотел найти

слова, чтобы утешить беспомощного старика, но перед глазами встала обезумевшая покойница мать, отец, отрешившийся от жизни, умирающий священник Амансио. И тогда ему самому захотелось плакать. Но показать старику в такую минуту, что и он был человеком, не приспособленным к жизни в этом сертане, среди людей с каменным сердцем, с сильными руками, не боящихся смерти, свободно владеющих оружием, — нет, это было бы ужасно. Бентиньо, так же как и капитаном, овладел страх. Они шли медленно. Им больше нечего было сказать друг другу. Старик даже казался юноше сильнее, чем он сам, — ведь старик открыл свои чувства, сказал все, что думал. А Бентиньо и этого не посмел. У него не было сил ни на что: ни чтобы расстаться с этой жизнью, ни чтобы бежать отсюда. Подойдя к энженьоке, капитан сказал:

— Так я и сделаю. Пусть Касуса Леутерио убьет меня. Но мой сын там, наверху, в земле, и моя жена скажут: «Кустодио, мы знали, что в конце концов ты отомстишь».

VI

Прошло немало дней, прежде чем Домисио почувствовал себя в силах покинуть дом и снова отправиться в каатингу. Однажды вечером, вернувшись домой, Бентиньо застал брата на ногах.

— Я ждал тебя, чтобы предупредить: на рассвете ухожу разыскивать Апарисио. Хочу добраться до убежища Зе Донато в районе Мошото. Здесь оставаться стало опасно. Сегодня утром после твоего ухода явилась какая-то негритянка и завела подозрительный разговор. Знаешь, что эта чертовка сказала мне? Безумная, о которой я тебе говорил, родила от Апарисио. Я ничего не ответил ей, но сердце замерло. Неужели эта несчастная знает что-нибудь о нашей жизни? Правда, она сказала, что пришла затем только, чтобы предложить мне лекарство, но я сомневаюсь в этом, лучше уйду. Чувствую я себя хорошо и — зачем скрывать правду? — даже скучаю по парням. Человек привыкает ведь и к аду.

Бенто не стал возражать ему и только рассказал об Алисе и беседе с ее матерью.

— Это верно, Бентиньо, уходи отсюда поскорее. Ты

знаешь, у Апарисио есть уговор с капитаном Кустодио, и он скоро нагрянет в Жатоба. После этого в фазенде капитана не останется ни одной живой души, чтобы рассказать, как все было. Для старика смерть — это покой. Но ты не рожден для жизни в сертане, ты не из тех, кто убивает. Тебе лучше совсем уйти с этой земли. Деньги, которые прислал Апарисио для старухи, все здесь, ты не тронул ни винтема. Возьми их все себе. Когда Апарисио узнает об этом, он только скажет: «Бентиньо нуждался в помощи и хорошо сделал, что взял деньги». Я, говоря откровенно, тоже буду очень доволен. Ты не годишься для нашей жизни. У тебя сердце не кангасейро. Уходи отсюда, Бентиньо.

Голос Домисио слабел и звучал, как в ночь, когда он мучился от любви к метиске из пещеры.

— Братишка, я уверен, что больше никогда не увижу тебя. Жизнь кангасейро короткая. Кангасейро умирает не в гамаке, а в бою. Умирать же от недуга, чтобы все жалели тебя, — это не смерть. Нет, братишка, раз я связался с такой жизнью, нужно выходить из этой беды с честью.

Бентиньо понимал, что Домисио храбрится. Брат с таким нежным сердцем и душой, в которой рождались печальные напевы, певший в былые времена, как птица, старался скрыть правду о том, что творилось у него на душе.

— Но, Домисио, — возразил Бентиньо, — я знаю, что все это не так, как ты говоришь.

— Послушай, малыш, ты ничего не знаешь. Только Апарисио знает. Это он распоряжается нами, и мне даже нравится подчиняться ему. Ты не слышал, что говорят о безумной? А ведь может быть, что она родила ребенка от меня? Когда негритянка рассказала мне о случившемся, я почувствовал внутри озноб. В этом сертане родился ребенок моей крови, человек, который будет очень страдать. Теперь я уже не один, Бенто. Если бы я был в силах, я бы пошел за этой несчастной и позаботился о сыне. Но что я могу поделать, братишка? Только Апарисио властен надо мною. Только он может распоряжаться моей жизнью и освободить меня от страха. По правде говоря, Бенто, я очень боюсь. Прошел почти год с тех пор, как я был с той женщиной, а мне до сих пор не по себе и сам не могу объяснить отчего. Это какое-то дьявольское на-

важдение. С тех пор как я здесь, не было и часа, чтобы я не видел перед собой эту женщину, как наяву. Бенто, она будто находится здесь, рядом со мной. Хочу бежать от нее и не могу. Часто, когда я лежу в гамаке, мне хочется кричать, звать тебя. Вот почему мне лучше уйти в отряд и покончить со всем этим. Я могу еще многое сделать. Апарисио я нужен, кангасо облегчит мои муки. Одно время я был праведником и сходил с ума по святому, тогда я мечтал о другой жизни. Но что поделаешь! Такова уж наша жизнь, поэтому надо покончить с ней, и чем раньше, тем лучше. А теперь на мою погибель появился еще этот ребенок.

Надвигалась ночь, и братья затихли. Бенто был грустен. Домисио прощался с окружающим миром. Медленно садилось солнце, дождевые тучи заволакивали небо.

— Будет дождь. Сертану не помешает хороший дождичек, — сказал Домисио. Но он сказал это только для того, чтобы скрыть, что действительно хотелось сказать брату. Птицы распевали свои последние песни. Бенто вдруг остро почувствовал, что Домисио — не жилец на этом свете; страшная боль сжала его сердце, и слезы хлынули из глаз.

— Послушай, братишка, — попросил Домисио, — перестань. Не заставляй меня еще больше страдать, дай спокойно уйти.

И, положив руку на голову младшего брата, он сказал, чтобы приободрить его:

— Братишка, я не хотел говорить тебе этого, но все же скажу: с тех пор как умерла наша мать, Апарисио не находит покоя. Он думает, что теперь некому за него молиться. Молитва старухи творила чудеса, даже когда мать гневалась на нас. Она была сильна духом, и в ее власти было оберечь нас от напасти. Апарисио очень верит в молитву, и ты не можешь себе представить, что такое кангасейро с подобной верой. Вот оттого-то он и изменился так. Я знаю, что теперь тело брата не защищено его верой, и вот поэтому я еще больше хочу быть возле него. На рассвете я уйду отсюда, а ты должен решиться и уехать. Возьми деньги Апарисио и уходи поскорее отсюда в далекий мир.

Домисио умолк. Наступила ночь, она окутала все мраком. Бенто пошел зажечь светильник. Домисио продолжал сидеть на пороге. Дул горячий ветер. Бенто хозяйничал

на кухне, а потом братья пили кофе, не смея взглянуть друг на друга. Домисио первый нарушил молчание:

— Бенто, эта история с младенцем не дает мне покоя. Я знаю, что тебе это трудно, но если будет возможно, договорись с семьей девушки и унеси ребенка подальше от этого сертана. Это было бы самым лучшим, не то он кончит тем же, что и мы. — Голос Домисио звучал глухо. — Он станет таким же несчастным, проклятие нашего рода падет и на него. Ах, Бенто, мы обречены искупать грехи наших предков. Даже наша мать не могла справиться с этим. Бенто, ты умнее нас, ты учился больше нас, уходи отсюда.

Он опять замолчал, встал с табурета и вышел из дому. Вероятно, он плакал, потому что все время подносил рукав рубахи к лицу. Бенто не мог вынести этого и убежал в комнату. Так лежал он до тех пор, пока защебетали первые птицы на деревьях. Домисио готовился в путь. С гамаком за спиной, в альпаргатах, освещенный красноватым светом восходящего солнца, окрасившего облака в пурпур, он был похож на паломника, который готовился в тяжкий путь искупления. Со спадавшими на плечи волосами, в хлопчатобумажной рубахе, его изможденное тело казалось еще более худым, он был похож на какое-то фантастическое существо.

Бенто подошел к брату и увидел его горящие, как раскаленные уголья, глаза. Этот огонь в глазах был единственным, что оставалось от Домисио. Он уходил навсегда за своей смертью. Братья обнялись, и из горящих глаз Домисио полились слезы, они жгли лицо младшего брата.

Потом Бенто услышал стук альпаргат по каменистой земле — это Домисио спускался с откоса, он уходил навсегда. Небо стало пурпурным, и птицы весело запели, радуясь жизни. Бенто прислонился к подпорке дома, и вдруг ему стало все безразлично. Он слышал шаги уходившего навсегда брата, но оставался безучастным. Через некоторое время, очнувшись, он почувствовал страшную боль, ему хотелось броситься вслед за Домисио, но он весь обмяк и не сдвинулся с места. Солнце высоко взошло на небе. Бентиньо даже не осмелился разжечь огонь и сварить кофе, ему было страшно одному.

После ухода Домисио в доме все пугало его. Потом Бентиньо услышал доносившийся снизу конский топот. Кто

бы это мог быть? Он попытался спрятаться, чтобы никто не увидел его в таком состоянии.

Это оказался капитан Кустодио.

— Сынок, вчера вечером мне прислали приказ капитана для твоего брата Домисио. — Узнав, что Домисио недавно ушел, старик расстроился: — Вот дьявол! А капитану так нужен твой брат в фазенде старого Пруденсио, в Пираньясе. Рассеченная Губа сказал мне, что это — подготовка к нападению на Жатоба. Да будет на то воля господня! Касуса Леутерио враждует с начальником полиции, тот в родстве с семьей из Триумфо, и мне говорили, что батальон солдат, присланный в Жатоба, будет отозван. Регулярные войска, охранявшие железнодорожную линию, уже ушли. Знаешь, этот человек сказал, что гуртовщик Морено на свободе. Его будто видели в Такарату в форме солдата. Я не верю этому, но если это правда, то горе нам! Негр знает наши секреты. Конечно, это может быть и делом рук судьи, который враждует с Касуса Леутерио. Так вот, сынок, для меня несчастного скоро пробьет последний час. Да поможет мне бог прожить хотя бы один день, хотя час, только бы увидеть конец этого негодяя. Мой сынок там, наверху, только и ждет этого. А твой брат получил какое-нибудь извещение от капитана Апарисио?

— Нет, капитан, Домисио поступил по своему усмотрению. Он спешил, чтобы застать отряд в убежище у Машото.

Капитан минуту колебался и потом приблизился к Бенто.

— Послушай, сынок, я скажу тебе нечто очень важное для тебя. Если ты действительно хочешь жениться на дочери мастера Жеронимо, не откладывай и женись сейчас же. И скажу тебе еще: уходи. Кто не может жить жизнью сертана, не должен делать то, что делаю я. Лучше уйти, чем страдать, как страдаю я. Мой сын погребен там, наверху, жена умерла от горя только потому, что у меня не хватало смелости, а я мирюсь со своим положением. Уходи отсюда. Мой час пробил. После налета капитана Апарисио солдаты правительства явятся в мою фазенду и сравняют все с землей. Но что мне до этого? Я хочу только видеть Касуса Леутерио с вырванными клыками, изрешеченного пулями. Когда это случится, все может погибнуть. Вот поэтому я тебе и советую: женись на девушке и уходи отсюда. Твоя помощь не нужна капитану. Ты не пригоден для его дела...

Помолчав, он простился и ускакал, топот его коня отдавался в ушах Бентиньо. Один в доме, где повесилась его мать, он почувствовал себя беспомощным, маленьким, неспособным выносить тишину, которая убивала дыхание жизни в доме. День обещал быть ясным, все было насыщено светом и яркой зеленью. Небо совсем очистилось, нигде не видно было ни облачка, в тишине слышалось только пение птиц. «Нужно бежать отсюда. Алисе ждет. Да, нужно бежать, откладывать больше нельзя», — решил Бентиньо.

Когда он подошел к дому мастера, было еще утро, и неяркое солнце мягко освещало деревья, омытые росой. Он хотел пройти мимо, но увидел под пальмой мастера Жеронимо.

— Я ждал тебя, Анинья всю ночь промучилась, и я опасаюсь, как бы чего не случилось! Корчилась на постели от боли так, что жалко было смотреть на бедняжку. Сейчас ей стало немного легче. Это камни, и боль отпускает, только когда камень проходит. В Брежо есть такая трава, из которой готовят чудодейственный настой против такой болезни. Название так и вертится на языке, а вспомнить не могу. Но я ждал тебя не из-за этого. Вчера я узнал, что у тебя наверху ходит по участку какой-то больной, говорят, что это — парень Апарисио. Тому, кто мне это сказал, я ответил: «Не верю, Бенто не похож на человека, который связывается с такими людьми». Сказал это мне какой-то прохожий, говорит, будто узнал все это от негритянки, что живет у водопада. И даже припомнил, что этот человек желтый, как плод смоквы.

— Да нет, мастер, это гостил у меня родственник матери из Ассу. Узнал, что семья живет в Рокейре, и пришел повидаться с матерью, пробыл всего два дня и ушел.

— Хорошо, хорошо, я-то уверен в тебе. Но беда, если эти разговоры дойдут до лейтенанта Виегаса: он избивает и преследует сертанцев за одно только упоминание имени Апарисио. Скажу откровенно: я считаю, что старый Кустодио слишком много шепчется с Рассеченной Губой. Сынок, если этот сумасшедший старик действительно путается с Апарисио, нам всем не поздоровится. У меня жена и дочь, и если я узнаю, что это так, то завтра же утром и след мой простынет. Ты понимаешь, какой опасности подвергаются люди? Сейчас же все раскроют, явятся солдаты и никого не пощадят. Кнут погуляет по спинам людей,

и не останется ни одной целой лачуги. Так поступать может только этот сумасшедший дьявол.

В дверях появилась Алисе, и Бенто показалось, что утро стало радостнее, ярче засветило солнце, подул освежающий ветерок. Он отошел поговорить с невестой, а мастер скрылся в доме, чтобы одеться. Теперь Бенто ничего не было страшно. Алисе улыбалась, такая цветущая, счастливая, ее черные-пречерные глаза обещали ему вечное блаженство.

— Бентиньо, мать всю ночь не сомкнула глаз.

— Да, мастер говорил мне. У сестры священника, отца Амансио, были такие же боли, врач, приезжавший к ней, говорил, что это почки. Нужно потерпеть, мать поправится.

Алисе собралась что-то ответить, но помешал подошедший мастер.

— Пошли, сынок, у меня много дел сегодня. Энженьока старика вся разваливается. Этот урожай котел еще как-нибудь выдержит. Совсем оброс внутри накипью.

Они вышли на дорогу. Мастер хотел поговорить с Бенто, но в лесу оитисики они увидели расположившийся на отдых караван. К обочине приближался какой-то парень в кожаной шапке:

— Друзья! — обратился он к ним. — Если не ошибаюсь, это имение старого Кустодио? Видите ли, я был на ярмарке в Такарату, когда убили его сына. Боевой был парень. На моих глазах он отбивался, как ягуар, а старик так ничего и не сделал... Негодяй, убивший паренька, расхаживает по Жатоба и скалит от удовольствия зубы. Мне даже говорили, будто он служит полицейским надзирателем в районе Эма. Вы, друзья, работаете на фазенде старика?

— Да, сеньор.

— А сахар у вас есть? Мы возвращаемся из Брежо. Урожай там неважный. Только своими кофейными плантациями и занимаются.

Мастер поинтересовался, где они побывали.

— Идем из Мата-Гранде. Оттуда все убежали, боятся Апарисио. В округе Ольо д'Агуа до Асиоли не тронули только стариков, девушек не оставили ни одной. Там есть такой Кориско, совсем бешеный. Я слышал, что он из ваших мест.

— Нет, нет, — ответил мастер, — мы не знаем такого.

Я живу в этих краях больше пяти лет и никогда не слышал ни о каком Кориско.

Подошли остальные матуто, и мастер Жеронимо увидел вожака каравана.

— Я знаком с вами, сеньор, — обратился он к Жеронимо. — Вы ведь мастер Жеронимо из Брежо де Арейя? А вы разве не помните меня? Я часто покупал сахар в энженьо доктора Кунья Лима. В ту пору сеньор работал у него.

Мастер хотел уклониться от этого разговора, но матуто продолжал:

— Я слышал о вашем деле с покойным Казимиро. Но у вас не было другого выхода, покойный сам виноват, такой уж был человек. Мастер, у капитана найдется еще сахар?

— Мне и имя вашей милости не известно, — вместо ответа сказал Жеронимо.

— Жустино, ваш слуга.

— Так вот, сеу Жустино, капитан все продал. Год был плохой, да здесь вообще снимают немного.

Они обменялись еще несколькими словами и распростились.

— Ты обратил внимание на них? Подозрительные люди. Они из Брежо и выслеживают меня.

Мастер замолчал, но Бенто чувствовал, что ему хочется поговорить с ним, и сам начал разговор:

— Мастер, я все время хочу вам кое-что сказать и не осмеливаюсь.

— Я догадываюсь о чем, сынок. Анинья мне все рассказала. Ты хочешь жениться и уйти отсюда. Как раз об этом я и хотел с тобой поговорить. Мне нечего дать за своей дочерью, вот разве только этот ясный день. Но, если ты хочешь жениться, все как-нибудь уладится. У меня припрятано немного деньжат из тех, что дал мне доктор Кунья Лима тогда, когда я уходил из его энженьоки. Я пришел тогда к нему и сказал: «Доктор, я знаю, что ваше положение политического вожака не очень завидное, и я не хочу оставаться у вас. Люди покойного Казимиро рано или поздно прикончат меня». Доктор стал уговаривать меня остаться. Но это были только слова. Я знал, что группа Симона взяла верх в политике. И я ему откровенно заявил: «Доктор, у меня жена и дети, и я не останусь здесь». Тогда он сказал мне: «Жеронимо, я не богат,

но я тебе помогу». Он вынул бумажку в двести мильрейсов и дал ее мне. Вот уже больше пяти лет я храню ее. Теперь деньги пригодятся для твоей женитьбы, и вы с девочкой сможете уехать. А мы все останемся тут. Я знаю, что Аниньа протянет недолго, мальчуган будет ухаживать за ней, он души в ней не чает. Если ты хочешь жениться, сделай это поскорее и уходи. Этому сертану еще немало придется вынести мук.

— Да, мастер, я так и думаю поступить. Но мне жаль оставлять синью Аниньа в таком состоянии, и не знаю, согласится ли на это Алисе.

— Должна согласиться, должна согласиться. Жена уже уговорила дочку. Мы останемся. Я уверен, что этот негодяй из Брежо пришел покончить со мной. Брежонцы все такие, злопамятный народ. Пусть будет, что будет! Одно скажу тебе: Жеронимо де Силва не умрет, как ягненок. Я потащу этого несчастного за собой.

Они подошли к каза-гранде. Капитан Кустодио ждал их у двери.

— День добрый, мастер. Я ждал вас. Вчера ночью сюда приходил скупщик из Такарату и говорил мне о вас. Это некий Лауренсо, торгует спиртом. Он рассказывал, что в Брежо ходят всякие слухи о вас, будто вы кого-то убили, защищаясь.

— Но, капитан, чего этот человек ищет? Если он пришел разузнать обо мне, сеньор должен был направить его ко мне домой.

— Нет, мастер, человек сделал это не со зла. Он просто сказал это к слову. Речь зашла о храбрых людях, и он между прочим упомянул: «Храбрый человек этот Жеронимо, что работает здесь у сеньора». И тут рассказал вашу историю.

— Капитан, скажу вам только одно: мне не по душе такая болтовня. Может быть, сеньор не желает, чтобы я жил на его земле, тогда прямо так и скажите.

— Мастер, я не для того говорю вам об этом случае. В моей фазенде вы у себя дома

Потом дрожащим голосом добавил:

— Поверьте, я человек слова... — и, как бы спохватившись, продолжил:

— Хотя сын мой похоронен и я не сделал того, что должен был сделать, чтобы отомстить за его убийство...

Мастер почувствовал себя неловко и опустил голову.

— Простите меня, капитан, у меня жена больна, она лежит в постели, и я плохо соображаю. Извините меня за такие слова, сеньор.

Мастер и Бенто ушли на сахароварню, а капитан продолжал стоять и смотреть вдаль, как бы в ожидании чего-то.

— Сынок, иногда человек, не желая, поступает по-свински. Зря обидел старика, а теперь мне самому тяжело.

Позже капитан вызвал Бенто.

— Я не все сказал, что слышал от скупщика из Такарату, мастер еще больше обозлился бы. Скупщик сообщил, что мастер совершил преступление и что в Брежо де Арейя его считали опасным человеком. Он не раз судился, и люди смотрели на него с опаской. А я только завидую ему. Сердце радуется, когда видишь сильного человека, который способен действовать сам, не дожидаясь, когда за него сделают другие. Вот это-то и заставляет меня так страдать. У меня убили сына, я видел, как его принесли окровавленного домой, а у меня не хватает смелости сделать то, что я должен был давно сделать. Позор. Но настанет день, и я решусь. Настанет день, и я все же пойду, куда должен пойти, и смою наконец с себя позор. Тебе незачем теперь возвращаться к себе на гору, в моем доме найдется для тебя комната, в ней жил раньше мой сын. И я скажу тебе: если бы наш сертан не был таким краем, ты мог бы жениться и жить со мной. Я один на этом свете, у меня был только сын, он похоронен там, наверху...

— Спасибо, капитан, но я уже решил. Женюсь на Алисе и уйду отсюда. Апарисио я не нужен. То же сказал мне и брат Домисио. И мастер Жеронимо согласен.

Они замолчали. Подошел вакейро Лаурентино, вся одежда на нем была из кожи.

— День добрый всем. Я иду с поля, капитан. Корова Лампарина пала вчера, и я продал шкуру одному сеньору.

Капитан ответил ему:

— Убирайся ты к дьяволу, бесстыжий негодяй! Эта тварь приходит только для того, чтобы сообщить мне какую-нибудь неприятность. Нашей эти деньги себе на хвост!..

— Но, капитан, почему вы подымаете такой шум? Я уже говорил вашей милости, что уйду с фазенды в любой день, когда сеньору будет угодно прогнать меня.

— Убирайся!

Но вакейро не пошевелился; держа шапку в руках, он улыбался, не придавая значения крикам хозяина.

— Все же, капитан, я на вас не обижаюсь. Я родился на этой земле и знаю, что капитан хорошо относится ко мне. Бранитесь просто так, чтобы отвести душу. Знаешь, сынок, — обратился он к Бенто, — капитан Кустодио может мне говорить, что хочет.

Но старик не обратил внимания на слова вакейро и ушел в дом.

— Он такой с тех пор, как я себя помню. Отец твердил мне каждый день: «Лаурентино, не смей и думать уходить из Рокейры». Мой старый отец был вакейро у отца капитана и умер на этой работе. Но теперь все изменилось. Капитан больше ничем не интересуется, даже не зайдет взглянуть на свой скот. С тех пор как убили его сына, он стал таким. Это от горя, паренек. Так будет до самой смерти. Скотинка все убывает. Так-то. Но я не уйду, я не обижаюсь на него за брань. Нет. Не обижаюсь...

Потом мастер Жеронимо раскричался на плотника Флориндо, и они чуть не вцепились друг в друга. Повздорили из-за жерди к мельнице, и Бенто должен был их успокаивать.

— Нет, я не останусь больше здесь! — кричал Флориндо. — Я плотник, мастер своего дела и не намерен выносить ничьих оскорблений. В этой Рокейре нет хозяина, который бы мне приказывал, а я пришел не для того, чтобы всякий поднимал голос на меня.

Мастер, успокаиваясь, уже более миролюбиво сказал:

— Делайте что положено.

Капитан зашел, чтобы узнать причину спора, и, молча выслушав жалобу каждого, повернулся и ушел, так и не произнеся ни слова. Он казался очень далеким от всего. Вакейро все еще ждал его у порога и, когда капитан входил в дом, подошел к нему.

— Капитан, я иду к себе и хотел бы только просить вашу милость выдать мне креолин для лечения скота от чесотки.

— Я уже сказал тебе, убирайся к дьяволу. Я не желаю видеть вора на пороге своего дома.

И повернулся к нему спиной. Вакейро только улыбнулся и пошел к сахароварне.

— Пусть я буду вором, — сказал, улыбнувшись,

Лаурентино, — но с этой земли я все равно не уйду, мастер. Даже кангасейро не прогонят меня отсюда. Старик просто выжил из ума!

После того как вакейро уехал на своем тощем коне, мастер Жеронимо обратился к Бенто:

— Эта тварь только тревожит капитана. Не проходит и недели, чтобы он не явился с известием о том, что пала корова. А этот чертов старик совсем пропащий. У него просто сил нет выбросить этого мерзавца на улицу. Даже работать на такого никчемного человека нет охоты. И подумать только — уйти с земли доктора Кунья Лима, чтобы попасть к этому болтуну.

Вечером они уходили вместе. Бенто отправился в дом на гору за своими пожитками. Проходя мимо дома мастера, он задержался у дверей поговорить с Алисе. Она, видно, готовилась к встрече: распустила волосы, черные глаза казались еще чернее, она ждала его... Мастер сразу прошел в дом, и молодые люди могли поговорить наедине.

— Я говорил с твоим отцом, все хорошо, — сообщил Бенто невесте.

Алисе радостно улыбнулась, и Бенто прижал ее к себе. Молодое тело девушки благоухало весенней свежестью. В этот момент прибежал Зе Луиз и, весь горя, стал рассказывать о нападении на Жатоба:

— Апарисио с отрядом больше чем в сто человек окружил город; перестрелка длилась больше трех часов. Новость принес какой-то вакейро, он все рассказал в лавке... Погибло много народу...

VII

Услышав о нападении на Жатоба, Бентиньо бросился разыскивать капитана. Он застал его в постели с приступом эризипелы.

— Я промочил ноги в водоеме — хотел вытащить из воды дохлую утку, после этого почувствовал боль в ноге.

Его воспаленные глаза глубоко ввалились под мохнатыми, похожими на раскинутые лапы паука бровями. От высокой температуры лицо пылало, но, как только старик услышал новость, он сел в постели и все его тело стало

содрогаться, как будто по нему пробегал ток высокого напряжения.

— Не говори, сынок... Не говори, сынок... Я убежден, что в этот час Касуса Леутерио уже понес кару за свои подлые дела... А кто принес эту новость? А это правда?

Сделав над собой невероятное усилие, он попытался встать, но не смог поднять распухшую ногу и от боли свалился, как мешок. Его всего трясло, но он продолжал, захлебываясь, говорить, счастливый, что наконец его мечта сбылась. Потом, совсем обессилев, умолк, но и тогда он пытался собраться с силами и заговорить, но мысли все больше путались. Температура поднялась еще выше, и он в бреду начал громко выкрикивать:

— Собака, уходи из моего дома, вор... Мосинья, пусти меня, дай мне убить эту собаку...

Пришла старая служанка Доната оправить постель и, увидев парня, не сдержалась:

— А, сынок, ты здесь. Вот в каком состоянии капитан. Когда у него болит нога, кровь бросается ему в голову, и он начинает нести всякую несуразицу. Это — «горная болезнь». Оставь его одного, сынок. Я позабочусь о нем.

Бенто ушел; возле сарая он остановился поговорить с Терто:

— Старик страшно кричит. Это — «горная болезнь», она развязывает человеку язык, он начинает болтать всякую чертовщину.

Бенто передал ему слухи о нападении на Жатоба, Терто отнесся к этому с интересом:

— Рано или поздно это должно было случиться. Полковнику не справиться самому с Апарисио, и он вызвал в Жатоба регулярные войска. Для Апарисио это не шутка. Ручаюсь, что потери у него огромные.

Ночь окутала Рокейру мраком, и снова проснулись голоса ночи. Терто молчал, Бенто стал обдумывать свое положение: в дом на горе он больше не вернется, будет ночевать здесь. «Сейчас же отправлюсь за гамаком и подвешу его в каморке Терто», — решил он.

Когда Бенто возвратился, Терто лежал уже в своем гамаке и, медленно покачиваясь, курил.

— Друг, я здесь все думаю о нападении на Жатоба. Точных сведений пока нет, поэтому трудно правильно судить обо всем. Ты представляешь себе, как это все могло

произойти? Полковник Леутерио, наверно, встретил отряд огнем, а этот человек может выдержать атаку; отряд Апарисио, должно быть, отступил. Потом сюда в сертан явятся солдаты. Полковник имеет такую же власть, как и правительство. Боюсь, что кнут погуляет по спинам в этом сертане. Ох, несчастная земля!..

Бенто не мог заснуть. Терто замолчал и вскоре громко захрапел, а Бенто все думал об Алисе, о болезни ее матери, об истории с Жеронимо. Мысли были все более мрачными, и у него становилось все неспокойнее на душе. Теперь ему сразу придется взять на себя ответственность за семью. Да, он все больше убеждался в том, что мастер не доживет и до конца года, уж слишком часто стали за последнее время появляться люди из Брежо. Значит, лучше ни на кого не рассчитывать. Как только они обвенчаются, на следующий же день он сделает все, что нужно. Деньги Апарисио, присланные матери, помогут ему устроить свою жизнь. Он никого не грабил. Увидев кучу денег, которые мать запрятала в стене дома, он испугался, но Домисио сказал ему, что эти деньги теперь его. А как будет с Алисе? Что если она когда-нибудь узнает все о его жизни? А мастер, который так не любит кангасейро? Мурашки по телу пошли от одной мысли, что Жеронимо может когда-нибудь узнать о его семье, о том, что он брат Апарисио!

Сон бежал от него, и все тревожнее становилось на душе. Покачиваясь, скрипел гамак, заглушая храп Терто, а Бентиньо все думал, хватит ли у Алисе смелости выйти замуж за брата кангасейро. Так пролежал он без сна до первых птиц. Потом вышел, оставив Терто в гамаке. Рокейра еще спала: дом старика, окутанный утренним туманом, и влажные, покрытые росой деревья. Вдали на горизонте со своего огненного ложа подымалось солнце.

А если Апарисио погиб в Жатоба? Мысль эта подкралась к нему, как вор на дороге. Он прогнал ее, но она снова засверлила его мозг. Смерть Апарисио принесла бы покой сертану, принесла бы покой ему. Не было бы больше разговоров о «проклятой семье». Все было бы покончено с семьей Виейра, и навсегда исчезло бы тяготеющее над ним проклятие. Он почувствовал себя подлецом за то, что желал смерти брату. Вспомнил Домисио, своего любимого брата, и так тяжело стало, что захотелось умереть.

Утро осветило Рокейру своим сиянием. Как только негритянка открыла дверь, Бенто поспешил справиться о капитане.

— Спит, температура упала. Зайди, кофе готов.

На кухне старуха разговорилась:

— Сынок, я здесь жила еще при покойной Мосинье. Старик очень страдает после смерти сына. Вон каким стал! Наверно, он недолго протянет. Приступы боли в ноге повторяются каждую неделю. Лихорадка изнуряет человека, его начинает трясти, в голове все путается. Я ничего не понимаю в этом, но с ним что-то творится. К нему то и дело приходит человек с рассеченной губой, раньше все ходил какой-то Морено, гуртовщик. Старик только и живет этими разговорами. Я не хочу утверждать, но я подозреваю: тут что-то связано с кангасейро. Капитану Кустодио только этого не хватает, прямо напасть какая-то. Даже страшно подумать.

Бенто поспешил уйти. Когда он вернулся к своей каморке, Терто уже сидел на корточках у дверей амбара и любовался утром. Как только Бенто подошел к нему, метис заговорил о вчерашней новости:

— Я все время думаю об истории в Жатоба, которую ты мне вчера рассказал. Видно, там действительно был настоящий бой. Богу было угодно, чтобы Жермано остался жив и невредим. Апарисио пришлось, видно, туго. Полковник Леутерио проложил подземный ход, а дом обнесен каменной стеной, точно крепость. Да, это было дьявольски трудное дело. Видно, брата Жермано хранит сам бог!

Подошел мастер Жеронимо, поздоровался с парнями, даже не взглянув на них, и сразу занялся старым котлом в сахароварне. Когда туда вошел Бенто, мастер, увидев, что он один, поделился с ним слухами:

— Мимо нашего дома проходил какой-то матуто и рассказал мне о нападении на Жатоба. Апарисио окружил город со всех сторон и обстреливал его больше двух часов. Полковник отбивался со своими парнями, был только местный отряд, солдат из батальона уже не было в Жатоба, и все же Апарисио города не взял. Человек говорил мне, что кангасейро дошли до главной улицы, но не сумели удержаться. Парни полковника устояли против натиска Апарисио, а на утро кангасейро и след простыл. Погибло много народу. Говорят, умер от ран какой-то вожак кангасейро. В Жатоба тоже убито немало и есть раненые.

Дочь полковника Леутерио отстреливалась вместе с мужчинами.

— Мастер, а матуто не называл имени раненого вожака кангасейро?

— Нет, не называл. Только сказал, что он был из больших. Если бы в нашем сертане был такой человек, как этот полковник из Жатоба, эти чумовые кангасейро не бросались бы на людей, точно сорвавшиеся с цепи собаки.

Выйдя из сахароварни, Бенто заметил на дороге у дома всадника. Присмотревшись, он узнал Рассеченную Губу. Человек спешился и пошел разыскивать капитана, но, увидев Бенто, отозвал его в сторону и сказал:

— Парень, ты должен вернуться в дом на горе, там я тебе все скажу.

Его гнусавый голос выходил с шипением через рассеченную губу. Узнав о болезни капитана, он опять обратился к Бенто:

— Ты должен захватить с собой провизию.

Вскоре Бенто отправился на гору, захватив с собой мясо и мешок муки. Он пересек дорогу у берега реки и обошел дом мастера. Ему не хотелось бы сейчас встретиться с Алисе. Всю дорогу он опасался, что застанет в доме смертельно раненного Домисио. Взбираясь по откосу, он даже не взглянул на прачек у водопада, а у самого дома у него сердце чуть не выскочило из груди от страха. Не успел он открыть дверь, как увидел лежащего в комнате на полу человека. Тихонько подойдя поближе, он увидел, что это негр. Тот, услышав шаги Бенто, попытался встать, но не смог удержаться на ногах и опять свалился.

— Ты брат моего кума Апарисио? — спросил он. — Твой брат прислал меня сюда. Я ранен в бедро, проклятая пуля прокусила меня насквозь!

Бенто догадался: «Должно быть, негр Висенте».

— По правде говоря, вначале даже не было больно, я почувствовал только, что пуля ужалила бедро. Потом рубаха пропиталась кровью. Видел все это Пилао Дейтадо, а я только почувствовал чертовскую слабость. Меня увели подальше от огня, а мой кум Апарисио приказал отступать. Я ему еще сказал: «Кум, не думай обо мне. Я помираю, кум...» А он приказал отступать. Правда, у него было несколько новых парней, которые ничего не стоили. Но капитан отступил только из-за меня. Когда он увидел, что я ранен, его взяло за сердце. И вот я здесь по

его приказу. «Висенте, — сказал он мне, — ты пойдешь в убежище капитана Кустодио. Там у меня брат, и он присмотрит за тобой». Негр с трудом говорил, и его голос звучал глухо.

Бенто подошел к Висенте совсем близко: глаза у него впали, борода отросла.

— Я, наверно, похож на кающегося грешника. За всю жизнь меня ранило всего один раз, в ногу, и то, когда я был еще мальчишкой.

Бенто пошел на кухню, сварил кофе, потом уложил негра в комнате в гамак.

— Сеу Висенте, сеньор отдохнет. Все уладится.

— Это не дело для кангасейро — лежать в гамаке и ждать выздоровления. Человек должен жить и умирать в бою. Вот только мне тяжело, что мой кум прекратил атаку из-за меня. А все оборачивалось для нас хорошо...

И вдруг, сделав попытку приподняться, он весь передернулся:

— Такая боль во всем теле. Но нет, это еще не конец. Нет. Я уверен, что на этот раз встану...

Когда Висенте взял чашку горячего кофе, Бенто коснулся его руки и почувствовал, что тот весь горит как в огне. Негр хотел что-то сказать, но голос его становился все слабее, и вскоре он заснул.

Тогда Бенто вышел из дому и увидел перед собой Рассеченную Губу. Чтобы не разбудить негра, он увел его под пальму.

— Ранение негра привело капитана в отчаяние, — рассказывал посланец Апарисио.— Кангасейро оставили много убитых на улице. Парни полковника Леутерио были вооружены правительством. Во время перестрелки я находился у выхода на центральную улицу. Накануне я был на ярмарке в Жатоба и принес капитану сведения об отзыве из города батальона солдат. Но оказалось все же, что у полковника под ружьем находилось больше людей, чем предполагал Апарисио. Сынок, это была бешеная атака. У капитана насчитывалось около ста человек, к нему пришли люди из Бом-Консельо, и операция была хорошо подготовлена. Потом я встретил отряд, когда он возвращался в каатингу. Негра несли в гамаке, и мне приказали доставить его сюда. Мы шли по каатинге окольной дорогой всю ночь. Нам повезло — негру стало лучше. Этот черт ни разу даже не застонал. Я положил его на ветки, и никто не

подумал бы, что он ранен. Капитан сказал мне: «Доставь кума Висенте в Рокейру, и через пятнадцать дней он будет здоров». Тебе он велел передать деньги. Теперь я поспешу в Такарату, там должно быть много новостей. Отряд Апарисио переправился через реку и ушел в Сержипе. Капитан Кустодио, когда узнал о случившемся в Жатоба, подскочил в кровати, как дикий кот. Я видел, старик лежит в своей постели — краше в гроб кладут; и все плачет. Старый Кустодио не в своем уме.

После ухода Рассеченной Губы Бенто осознал всю тяжесть своего положения. Он понимал, что на его плечи теперь легла большая ответственность. А что если негр умрет? Ему целые дни придется проводить здесь и быть негру Висенте слугой, матерью — всем. В доме ничего нет, кроме кувшина с настойкой арники, сохранившейся еще с того времени, как здесь жила мать. Ее пил Домисио после того, как был ранен. Бенто разыскал настойку — к счастью, осталось еще полкувшина. Ночью, когда негр проснулся, он дал ему выпить кружку воды с настойкой. Лицо негра пылало, руки были горячие как огонь.

— Это пройдет. Пуля оставила след там, где прошла. Завтра мне станет лучше. На этот раз осилю. Занимайся своими делами и оставь меня одного. Не обращай на меня внимания. У меня хватит силенок вынести это. Я уверен, что не умру в гамаке, — с трудом проговорил негр и замолчал.

Бенто был в тяжелом раздумье: «Если бы Алисе знала об этой моей жизни, она не согласилась бы выйти за меня». Он вспомнил, с какой злобой мастер говорил всегда о кангасейро. Безусловно, жениться — и все будет кончено. Он чувствовал себя подлецом за то, что скрывал от Алисе свою тайну. Любовь к ней, огонь, охватывающий его от одного присутствия любимой, — все меркло при мысли о тайне, которая может погубить его счастье.

Два дня спустя негр Висенте был уже другим. Температура упала, и, хотя он был еще слаб, во что бы то ни стало захотел «для порядка» встать и походить по огороду. Бенто видел, как он вставал: весь сгорбившись, как будто боялся, что внутри что-то оборвется. Шел он, с трудом волоча ноги.

— Вот так-то, сынок, видно, негру придется долго дожидаться, прежде чем все пойдет на лад.

Он сел в гамак и за весь день не прилег. Бенто приго-

товил ему вяленого мяса с маниокой; негр не сказал ни слова.

Висенте был ко всему безучастен и, казалось, потерял всякую связь с миром. Бенто оставил его одного и ушел повидаться с Алисе. Спустившись к подножию горы, он встретил Ассунсион:

— Женишься, паренек? Готовишь дом для молодой?

Бенто отделался первой пришедшей в голову фразой и собрался идти дальше, но негритянка не унималась:

— Паренек, говорят, что Апарисио опять вернется в Жатоба? И вернется! Парни полковника могут заказывать себе саваны! С Апарисио никому не справиться.

В доме мастера Алисе встретила жениха, как обычно, с радостью. В то утро семья Жеронимо узнала через матуто, попросившего напиться, что в Жатоба прибыли солдаты из трех штатов. Люди, проходившие на ярмарку в Такарату, рассказали Зе Луизу, что кангасейро переправились через реку и что у них было много раненых. У полковника Леутерио убили какого-то родственника, и больше двадцати человек было ранено. Правительство прислало из Пириньяса целый железнодорожный состав с солдатами из штата Алагоаса во главе с майором Лусеной. Зе Луиз слышал еще много разных историй; говорят, что негр Висенте умер, — кто-то видел, как кангасейро несли его в гамаке. Поговорив с Алисе, Бенто пошел проведать старого Кустодио: вот уже два дня, как он не был в энженьоке; но Бенто не застал капитана дома. Мастер беспокоился:

— Сынок, я уже собирался идти за тобой на гору. Думал, не случилось ли с тобой чего.

— Нет, мастер, ничего не случилось, просто из Ассу пришел один негр, он работал вакейро еще у моего отца. Беднягу треплет лихорадка, он идет в Брежо, пришлось остаться помочь ему. Но, слава богу, к утру все прошло.

— Сынок, откровенно говоря, я очень опасаюсь за капитана. Не иначе как старик ушел на могилу побеседовать с сыном. Вчера я видел, как он вышел из дому, мне оказалось с ним по пути, и я невольно пошел за ним следом. Остановившись на некотором расстоянии от него, я услышал, как он громко говорит что-то. Оказывается, старик разговаривал с сыном, я сам слышал, как он сказал: «Сынок, я отомщу. Твоя мать не верит, но я отомщу». Потом он зарыдал так, что сердце у меня разрывалось. Мне стало

даже совестно, что я подглядывал за ним. Он вправду страдает. Тоска старика безысходна, и он умрет, несчастный, не изведав радости. Я скажу тебе: теперь я не уйду отсюда. Наш старик, видно, совсем сходит с ума, и некому будет позаботиться о нем. Нужно иметь уважение к старику. Послушай, я крепкий, но и меня прошибла слеза. Я уверен, что вся возня капитана с кангасейро объясняется его сумасшествием.

В этот момент они заметили приближающегося к ним Кустодио, он с трудом волочил больную ногу. Бенто поспешил навстречу, и ему сразу бросилось в глаза, как изменился за эти дни старик: взгляд у него был отсутствующий, блуждал по сторонам. Капитан отозвал Бенто в сторону:

— Я должен поговорить с тобой.

Когда они спустились к запруде, капитан медленно, прерывающимся голосом сказал:

— Ты, наверно, все уже знаешь. Рассеченная Губа принес мне поручение закупить оружие. Но я больше ничего не могу сделать. Я совсем конченый человек, у меня ни на что больше нет сил, и я не знаю, как с этим быть. У меня никого нет, чтобы выполнить требование Апарисио. Касуса Леутерио распоряжается в сертане еще больше, чем раньше. Капитан не справится с ним. Никто не справится с ним. Такова правда. В ночь нападения мне даже приснился мой сын. Он был живой, совсем рядом со мной. Как сейчас ты, он протянул руку, чтобы я благословил его. И я благословил его. Он был живой. А он ведь лежит мертвый там, наверху, пронзенный пулей, пронзенный кинжалом. Я вижу все, как будто это происходит сейчас. Его бросили у двери моего дома с издевательскими словами этого негодяя Касуса. А я ведь ничего не сделал дурного, только не голосовал за Леутерио, потому что еще мой покойный отец, когда был жив, голосовал всегда за партию либералов. Это — старинная вражда. Он убил моего сына. Мосинья не поверила в мою решительность и умерла с горя. Капитан, твой брат, ничего не может сделать. Касуса Леутерио командует всем. А я здесь, все еще здесь, — старик, потерявший стыд, тряпка, человек без чести Жена умерла потому, что знала все это. Я поверил капитану и решил: будь, что будет! А теперь все кончено.

Бенто хотел подбодрить старика:

— Апарисио справится с полковником.

— Нет, не справится, сынок. Никто с ним не справится. Он слишком силен. Сын мой убит. Я увидел его во сне — он протягивал ко мне руку за благословением. Мне кажется, что я вижу его живым. Он был сильным парнем, сильнее тебя. Да, был сильным. Я знаю, что он был сильным. И его убили... Парни Касуса Леутерио убили его. Это правда. Я знаю, что это так. Мать умерла от горя, умерла... да.

Голос старика дрожал. Он хотел продолжать разговор и не мог. Рыдания сжимали горло, мешали вымолвить слово, из глаз текли слезы. Бенто, испугавшись, что старик упадет, хотел поддержать его, но тот оттолкнул юношу и направился к дому. Так шли они некоторое время рядом и молчали. Уже у дверей дома старик задержался и сказал:

— Послушай, сынок, здесь все считают меня никчемным. Я знаю об этом. Этот мастер Жеронимо смотрит на меня сверху вниз. Даже негр Лаурентино только смеется, когда я браню его. Это правда, все считают меня дерьмом. Я сам знаю, кто я такой. Но послушай, если капитан не может ничего сделать, то сделаю это я.

Он посмотрел на Бенто, как бы проверяя впечатление, которое произвели его слова.

— Ты не веришь. Моя Мосинья тоже не верила. Никто мне не верит. Несчастный старик должен молча умирать в своем гамаке. Нужно смотреть правде в глаза.

Весь сгорбившись, он шел, опустив голову. Потом из глаз хлынули слезы и потекли по бороде, он стал вытирать их рукой.

— Так вот. Я должен это сделать сам. Никто мне не поможет.

Волоча отекшую ногу, он с трудом поднялся по ступенькам и скрылся в доме.

Мастер Жеронимо поинтересовался, о чем говорил капитан с Бенто:

— Старик чертовски привязан к тебе и принимает тебя за родного сына. Несчастный совсем сошел с ума.

VIII

Негр Висенте казался теперь совсем другим человеком; отдохнув две недели, он уже говорил о возвращении в отряд и ждал приказа своего кума Апарисио. Но Рассеченная

Губа больше не давал о себе знать. После нападения на Жатоба в сертане только и говорили о зверствах солдат, и кангасейро отсиживались в каатинге, выжидая, пока немного успокоится правительство. Притих и старый Кустодио, целыми днями он не выходил из дому. Все чаще повторялись приступы эризипелы. Бенто чувствовал себя еще более одиноким. Мастер беспрестанно говорил о своих врагах в Брежо. Зе Луиз видел в караване из Брежо человека со шрамом на лице. Эти люди остановились у двери и попросили напиться. Человек со шрамом справлялся о мастере:

— Знаешь, твой отец был лучшим сахароваром в Брежо де Арейя, — сказал он Зе Луизу, — но характер, черт побери, у твоего отца бешеный. Уже двух отправил на тот свет. Здешний край — действительно подходящая земля для мастера Жеронимо.

Зе Луиз передал разговор отцу.

— Ты сам видел этого человека? Глаза зеленые, статный, говорит медленно?

Передавая все это Бенто, мастер уверял, что люди из Брежо готовят что-то против него:

— Мне угрожает опасность. Жаль, что у меня сын ненадежный. Иначе я бы сейчас посчитался с этим человеком. Я не кабан, чтобы так просто попасть в западню охотника. Но, черт побери, у моего сына нет головы на плечах. Боюсь, пропадет парень. Эта история с кангасо не дает ему покоя. Жена дома убивается. Вчера она позвала меня и говорит: «Жеронимо, твой сын пропадет». А кто может удержать бычка, когда у него отрастают рожки? Нужно дать ему перебеситься.

* * *

По мере того как негр Висенте поправлялся, он все больше удивлял Бенто, помнившего, каким пришел раненый негр в дом — весь серый, едва ворочал языком, валился с ног. Теперь он восстановил свои силы, стал богатырем, но оказался ничуть не похожим на того сильного кровожадного зверя, о котором ему столько рассказывал Домисио. Бенто даже заподозрил, что брат придумал все эти страхи только для того, чтобы подшутить над ним. Однажды утром, когда Бенто готовил кофе, в кухню вошел Висенте.

— Давай я это сделаю. Надоело до смерти сидеть без дела. Капитан, похоже, не нуждается больше в своем куме, хотя ему очень пригодился бы человек, который присмотрел бы за новичками. Не известно еще, кто отдал богу душу во время атаки на Жатоба. Я видел, как твой брат Домисио стрелял... После этой встречи с безумной девушкой его ничего больше не интересует. Он просто озверел. Со мной был паренек, по кличке Зеленая Кобра, из Монтейро. Когда он пришел к нам, ему было лет шестнадцать. Я в жизни не встречал человека более ярого в бою. У этого дьявола тело было точно заговорено. Вот и брат твой такой же. Издалека стреляют или в упор — ему все равно. Это от отчаяния. Когда меня ранило, я сразу почувствовал слабость в ногах и понял, что случилась беда. Крови вытекло немного, но все же я ощущал ее во рту. Плюнул и ничего не увидел, но вкус крови оставался во рту. Я упал возле стены дома, а там лежал Домисио, и я заметил: взгляд у твоего брата был не такой, как у всех, — это был взгляд дьявола. Вспышки выстрелов освещали темноту надвигавшейся ночи, и при свете их, падая, я все видел. Я знал, что плох, но что-то мне подсказывало, что мой последний час еще не пробил. Меня подняли, и кум приказал отступать. Я уверен, что он сделал это из-за меня. И плохо сделал. Кангасейро не имеет права думать о покойнике. Он должен драться. Умирать — это его профессия. Теперь я здесь, но мыслями я с ребятами. Поправился, здоров, а почему-то приказа кума все нет...

На следующий день, когда Бенто собрался в энженьоку, негр уже сидел на пороге дома.

— Сынок, я прямо готов бежать из этого логова. Скажу тебе: я немало побродил по свету, но нигде еще не видел более глухого угла. Весь день я один. Когда тебя нет, на меня находит сам не знаю что. Это не страх, нет. Но все внутри как-то холодеет. Не пойму, что это. В голову лезут всякие мысли. В кангасо я уже больше двадцати лет. С твоим братом, моим кумом Апарисио я вместе с тех пор, когда во главе отряда был еще Луиз Падре, и никогда не случалось со мной такой глупости. Скажу тебе откровенно: я думаю даже иногда, не сходит ли негр Висенте с ума. Вчера, после того как ты ушел, примерно в эту же пору, я не тронулся с места. И вдруг, не знаю почему, сжалось у меня сердце В голову полезла всякая чертовщина — я ведь никогда об этом не думал. Мне явился первый человек,

которого я убил, и это видение мучило меня до твоего прихода. Я жил тогда в Коите и был еще совсем мальчишкой. Мой отец пострадал от засухи и вынужден был отдать меня в дом некоего Малакиаса, негра, которого очень ценил капитан Деоклесио из Флореса. Этот Деоклесио занимался политикой, и ему нужны были свои люди. Он был очень властолюбивым человеком. У негра Малакиаса было двое сыновей, парни примерного поведения. Жена его обращалась со мной, как с родным сыном. Но вот однажды хозяин пришел домой и сказал нам: «Капитан предложил мне сегодня одно дело, мы должны будем заняться человеком, который взимает «десятину» Он сторонник майора Бонифасио. Видно, он оскорбил кого-то на ярмарке, а тому покровительствует капитан Деоклесио. Этот тип каждый вторник проезжает по дороге, ведущей во Флорес. Нам придется притаиться в камнях, не доходя Анжико, и дождаться его». Мы выполнили приказ капитана Деоклесио. Мне было тогда лет пятнадцать, но я помню все, как будто это случилось вчера. Мы вышли дождливым вечером и стали ждать... Вскоре показался человек на осле, плотно закутанный в плащ. Негр Малакиас прицелился и выстрелил из ружья. Человек свалился с осла, но все же успел вытащить оружие и в свою очередь выстрелил, но промахнулся; негр Малакиас подождал минуту и, увидев, что человек не шевелится, обратился к нам: «Хорошо, теперь нужно захватить доказательство для капитана» — и вытащил нож; человек еще дышал. Я до сих пор вижу его глаза, это были глаза испуганного телка. Пистолет валялся на земле, двуствольный комбле. Негр Малакиас приказал нам: «Отойдите в сторону, ребята. Может, эта тварь притворяется». Но человек не шевелился, как упал на бок, так и остался лежать. Негр приблизился к человеку, отрезал ему оба уха, и даже крови немного было. Потом завернул их в листья. На человеке была сумка матуто, но негр ничего не тронул. На другой день он отнес капитану «вещественное доказательство». Я и сейчас вижу их. Сыновья Малакиаса за все время не произнесли ни слова. Вернувшись домой, я не мог заснуть и всю ночь беспокойно ворочался, как только что вылупившийся птенец урубу. А теперь этот бедняга явился мне вчера и смотрел на меня своими печальными глазами. Чего хочет от меня этот несчастный? Через неделю после этого дела негр Малакиас ушел во Флорес на ярмарку вместе со своим сыном Дудой, очень смирным

парнем, он был совсем непохож на отца. Потом оказалось, что за ними следили. Как только они вошли к парикмахеру, в самом центре ярмарки, появился знаменитый в округе мулат Норберто; он выстрелил, и Дуда, не успев пошевелить рукой, замертво свалился на землю. Малакиас вытащил оружие и набросился на убийцу. Он дрался, пока не уложил мулата, но и сам при этом был ранен в правый бок. Его арестовали и посадили в тюрьму во Флоресе. Мы пришли повидаться с ним, он прожил всего три дня. Увидев меня, он сказал: «Висенте, оставайся жить с моим старшим сыном. Меня убили по приказу майора Бонифасио. Тут ничего не поделаешь. Приходится умирать. Мой час пришел, и не нужно слез. Идите к капитану Деоклесио, он не даст вас в обиду». Мы вернулись домой только после похорон. Капитан дал гроб для погребения Малакиаса, потом подошел к его семье и сказал: «Оставайтесь, где живете. Я очень ценил негра Малакиаса». И мы все остались. Сын Малакиаса, Нико, очень подружился со мной. Говоря откровенно, мне хотелось уйти, но я все же остался. Однажды Нико сообщил мне, что его вызывает к себе капитан. Когда мы явились, капитан обратился к Нико: «Сынок, Норберто — убийца твоего отца и брата, человек майора Бонифасио; то, что твой отец сделал, он сделал для меня. Нельзя допускать, чтобы всякий негодяй расправлялся с людьми, как ему вздумается. Отец оставил тебе оружие. Хороший был негр, он всегда угадывал мои желания». Это кончилось тем, что однажды ночью Нико ушел из дому и позвал меня с собой. По пути он рассказал мне, куда идет. Предстояло трудное дело. Майор обычно на рассвете проезжал по дороге на Флорес, у него была фазенда, и он каждую неделю ездил туда. Я рассказываю тебе все, как произошло тогда. В общем мы засели там. Нико — с ружьем, а я — с пистолетом старого Малакиаса. Должен сказать тебе, что мне было страшновато, и это единственный случай в моей жизни, когда я чувствовал страх. Мы расположились под пальмой, у обочины дороги. Никогда не видел такой звездной ночи. Я немного вздремнул, а Нико не сомкнул глаз. У меня было такое чувство, что я погибну, и я стал вспоминать всю свою жизнь: проклятую засуху и отца, отдавшего меня негру Малакиасу, убийство на дороге и «вещественное доказательство», слова покойника Малакиаса в тюрьме во Флоресе. Нико сказал мне тогда: «Послушай, Висенте, моего старого отца убили по приказу майора

Бонифасио. Я хотел уйти с этой земли и не могу. Капитан Деоклесио хорошо обращался с моим стариком, и я останусь с капитаном до конца, а ты, если хочешь, можешь уходить». Так мы сидели, пока не начало светать. Уже запели птицы, когда послышался топот коней в каатинге — камни гулко звенели под их копытами. Нико укрылся за валунами. «Там больше трех лошадей,— сказал он мне.— Стреляй только тогда, когда люди спешатся».

Всадники приблизились, первый из них был похож на белый бесформенный тюк. У меня забилось сердце, так билось оно только в то раннее утро! Всадники все приближались. Нико спустил курок, я услышал выстрел и увидел, как белый тюк свалился на землю. Всадник, скакавший позади, спрыгнул с коня, и Нико разрядил свое ружье во второй раз. Но человек откатился в сторону и выстрелил, потом стих. Мы услышали, как галька зазвенела под копытами коней. Топот раздавался все ближе. Мы бросились бежать. Ушли в каатингу и там ползли на брюхе, извиваясь, как змеи. Поручение капитана Деоклесио было выполнено успешно, и он остался нами доволен. Я сам ни разу не выстрелил, но мне казалось, что я стрелял, и эта смерть лежит на моей совести. А теперь явился мне этот убитый негром Малакиасом человек и смотрит на меня, как тогда. Взгляд покойника всегда преследует убийцу. Когда такая тварь падает с открытыми глазами, лучше закрыть их кинжалом. Вчера, лежа в гамаке, я немного забылся, и этот несчастный опять смотрел на меня, а я ведь не стрелял в него, это сделал другой.

Негр замолчал, и Бенто напомнил:

— Сеу Висенте, а как же Домисио?

— Сынок, когда твой брат пришел к нам, он был похож на невинную девушку. Был таким святошей, а потом, не знаю как, он превратился в зверя. В бою он бешеный. Кажется, что среди свиста пуль он хочет забыться. Твой брат Домисио — неспокойный человек. Вот Апарисио — настоящий мужчина. С тех пор как я с ним, я не видел, чтобы он вздрогнул, давая приказ. Я помню его еще в те времена, когда он был в отряде кума Луиза Падре. Совсем был мальчишкой, вроде тебя. Он стрелял, как бог. Потом стал хозяином всего и приказывал даже покойному Луизу. Одна негритянка в Пажеу родила сына от меня, вашего покорного слуги, и я взял твоего брата в кумовья. Не знаю, что сталось с негритенком, но мы покумились с Апарисио,

и я останусь с моим кумом до самой смерти. Во время боя в Жатоба он приказал отступить, и это было ошибкой. Увидел раненого негра на земле и смягчился. Нельзя так... У настоящего кангасейро не должно быть жалости. Дерешься — дерись, а смерть пришла — помирай, и все тут. Ты, сынок, не годишься для кангасо, но все может переменяться. Бывает, что человек садится за стол с неохотой, а потом такой аппетит разгорится. Придет день, и ты станешь жить так же: у брата кангасейро нет выбора. Солдаты не посчитаются с тем, что ты мирный человек. Для брата Апарисио одна дорога: ружье в руки — и прощай навсегда мирная жизнь!

Слушая негра, Бенто очень страдал. Опять вернулся страх, что ему не избежать судьбы семьи Виейра. Снова всплыл в памяти образ измученной матери, потерявшей разум, убитой горем. Он спустился к дороге с твердым намерением все рассказать Алисе. Он не смеет больше обманывать девушку, нельзя больше таиться, нужно открыть ей все, что он скрывает в душе. Если, узнав обо всем, она не оставит его — будет очень хорошо, но так больше продолжаться не может. Подойдя к дому мастера, Бенто увидел толпу у дверей. Мастер Жеронимо с кем-то спорил. Алисе подбежала к жениху.

— Ты не знаешь еще, что случилось!.. Зе Луиз ранил во время драки человека в лавке, и вот теперь пришел участковый надзиратель и с оружием в руках требует, чтобы отец выдал брата. Зе Луиз подрался из-за пустяка. Рана не смертельна, неглубокая, в спину. Невозможный мальчишка. Мать твердила ему изо дня в день: «Зе Луиз, успокойся. Чего ты носишься повсюду с оружием?»

Бенто подошел к надзирателю.

— Сеньор, вы сами видите, что парня здесь нет. Это — мальчишеская выходка, и все можно оставить без последствий.

Но полицейский считал это посягательством на его авторитет.

— Без последствий? А авторитет, молодой человек? Разве можно посягать на авторитет? Тогда для чего же существует участковый надзиратель? Мастер Жеронимо обязан немедленно сообщить, где его сын.

Мастер повысил голос:

— Я уже заявлял сеньору, что мальчишка сбежал в каатингу. Я уже говорил вам, что, если бы была моя воля,

он не сдался бы вам. И еще могу добавить: взять меня не так просто. Вздор. Я ничего никому не должен.

Надзиратель продолжал настаивать, но в конце концов убедился, что разговаривать с мастером бесполезно. Синья Анинья с трудом дотащилась до двери и обратилась к полицейскому:

— Инспектор, мой муж не хотел вас оскорбить. Мальчик совершил преступление и убежал из дому. Как же сеньор требует, чтобы мы выдали его?

— Но, сеньора, я представитель власти и пришел к вам не для того, чтобы выслушивать оскорбления.

— Я не оскорбляю вас, сеньор. Я нахожусь в своем доме и не укрываю сына, а сеньор требует, чтобы мы выдали его. Я уже сказал и опять скажу: в моем доме никто не может лишить меня моих прав.

Бенто решил вмешаться в спор.

Глаза Алисе были полны слез, старуха была не в силах говорить. Она опасалась, что муж, вспылив, дойдет до крайности. Бенто обратился к надзирателю:

— Господин надзиратель, я признаю ваш авторитет, но все же вы должны понять: прав мастер. В конце концов он честно сказал все. Здесь не было и ноги парня. Он совершил глупость и удрал. Мастер — человек слова, и сеньор должен считаться с ним.

— Правильно, правильно, молодой человек. Я люблю, когда все улаживается мирно, но мастер Жеронимо не оказал мне должного уважения. Я представляю власть в этой округе уже более двадцати лет, и никто меня никогда не посмел оскорбить.

— Вы правы. Но мастер дал слово. Сеньор — серьезный человек, и мастер тоже.

Жеронимо подошел к обочине дороги. В это время мимо проезжал матуто:

— День добрый, мастер. Слышал о выходке вашего сына. Его видели в Журема, он направлялся к реке.

— Вы скажите это вон тому сеньору. — Жеронимо во весь голос крикнул: — Надзиратель, послушайте, что говорит этот друг.

Представитель власти сразу почувствовал себя удовлетворенным и, позабыв об оскорблении, заговорил более спокойно:

— Все в порядке, мастер Жеронимо. Вижу, что сеньор не укрывает парня. Поверьте, я явился к вам в дом только

потому, что мне сказали, будто преступник направился сюда. Теперь я вижу, что ошибся.

— Надзиратель, вы не правы, парень не преступник. Не известно еще, как было дело. Если мальчишка взялся за оружие, защищая свою жизнь, то он сделал очень хорошо. Тот, кто так поступает, — не преступник.

— Мастер, я знаю о случившемся со слов очевидца, который присутствовал при драке. Парни повздорили из-за какой-то ерунды, и ваш сын, не будучи к этому вынужден, пустил в ход оружие. Так мне рассказали...

Наконец они договорились; полицейский, восстановив свой авторитет, задержался недолго. Алисе принесла кофе. Мастер с трудом дождался, пока наконец за надзирателем закрылась дверь и в доме был восстановлен покой. Только слышалось рыдание старухи. Она оплакивала гибель сына.

— Это ты во всем виноват, — упрекала она мужа. — Это ты дал мальчику в руки оружие, и вот что случилось. Теперь мой сын не увидит больше светлого божьего дня:

Мастер слушал жену, не произнося ни слова. Но позже, в разговоре с Бенто, сказал:

— Видно, эта история с мальчишкой дорого нам обойдется. Я живу на земле несчастного человека, и мой сын не имеет покровителя. Я предвижу, что парень уйдет в кангасо. Если бы это случилось в Брежо, владелец энженьо не оставил бы моего сына без защиты. Но в этой Рокейре нет порядка. Здесь нет кормчего у руля.

Они шли вместе, и мастер продолжал жаловаться:

— Посмотри только, Зе Луиз легкс ранил человека, а говорят, будто он его убил. Надзиратель врывается ко мне в дом и начинает рассказывать всякие небылицы. Скажу тебе больше: я сижу на месте только потому, что не знаю, где скрывается мой сын. Если бы у него была голова на плечах, он должен был бы пробраться в Брежо и все рассказать доктору Кунья Лима. Там полицейский не посмеет ворваться в твой дом и плести всякий вздор. Но я знаю, наш мальчик не пойдет туда. Ему вскружили голову рассказы об Апарисио. Ручаюсь тебе, что в этот час он уже в отряде кангасейро. Это не по мне. Я способен убить, сынок, но убить справедливо, а у кангасейро нет справедливости. Нет. Вижу, что у меня будут большие неприятности из-за истории с сыном.

Они поднялись к каза-гранде и застали там старого

Кустодио в бешенстве. Завидев их, он, хромая, направился к ним.

— Меня вызывают для объяснения в Такарату. Сюда приходил Фирмино, судебный исполнитель, с приказом судьи явиться для свидетельских показаний по делу гуртовщика Морено. «Это — приказ из Ресифе», — сообщил мне Фирмино. Я поеду. Поеду, я ничего не боюсь. Если хотят посадить меня в тюрьму, пусть сажают. Старику, неспособному отомстить за убийство сына, место только в тюрьме. Ах, я вижу сына... вон там... он весь в крови... Касуса Леутерио сделал, что хотел, и еще прислал оскорбительную записку. Мосинья умерла от горя. Завтра же поеду в Такарату. Я все выскажу им, пусть тогда сажают меня в тюрьму. Это Касуса Леутерио должен сидеть там. Проклятый убийца!

Но тут старик опомнился и, как бы устыдившись своей вспышки, так не вязавшейся с его слабостью, низко опустил голову. Мастер попытался немного успокоить его и стал рассказывать о своем горе.

— Это правда, мастер, я слышал уже об этом. Но все же ваш сын жив, а мой мертв. Ваш сын скрылся, и его отец способен вступиться за него...

Капитан говорил тихо и печально, как бы жалуясь:

— Мой сын там, наверху, мертвый, мать не выдержала позора, а я здесь, живой, стыдно взглянуть людям в лицо. Мастер, грош мне цена.

И ушел.

— Я не могу больше слышать этого старика. Берет за душу, и я готов принять его страдания на себя. Да, он действительно страдает. Сынок, вот я жалуюсь, но, видно, есть страдание более тяжелое, чем мое. Старик Кустодио несет страшный груз на плечах, и с каждым днем этот груз становится все тяжелее. Облегчение принесет ему только смерть.

IX

Вернувшись ночью, Бенто застал негра Висенте в тревоге.

— Сынок, ты ничего не слышал о моем куме Апарисио? Я не могу больше оставаться здесь, нет, не могу. Меня терзают тысячи дьяволов. Понимаешь, я никогда

раньше не боялся покойников, а теперь только о них и думаю. После того как ты ушел, у меня закружилась голова, стали являться люди, давно умершие, и я перестал понимать, где я. Как будто был с Нико на ярмарке во Флоресе. Это было возле табачной лавки, и Нико торговал пачку табаку, а в это время подошел какой-то тип в кожаной шапке. Я увидел, что Нико вдруг прислонился к стене, а парень вытащил кинжал и кинулся на него. Нико пригнулся и крикнул: «Висенте, уходи!» Но куда там! Кровь бросилась мне в голову, и парень не успел взмахнуть рукой, как я нажал собачку и комбле выстрелил. Я попал в цель. Люди окружили нас. Нико закричал им: «Уходите подальше!» Мы направились к берегу реки, многие побежали за нами. Когда мы добрались до каатинги, было уже темно. Нико сказал мне тогда: «Мы должны рассказать о случившемся капитану Деоклесио. Этот негодяй пришел во Флорес, чтобы прикончить нас, но ты опередил его, и пуля попала в голову мерзавцу». Теперь я увидел парня из Флореса, его лицо было будто живое. У этого негодяя были зеленые глаза. На голове кожаная шапка, на сапогах — шпоры. Клянусь тебе, что я за все это время ни разу не вспомнил о нем. А здесь все ожило, как будто было вчера. Мне явился первый человек, которого я убил. Я никогда прежде не думал о покойниках. Отправив кого-нибудь на тот свет, я не раскаивался и не молился за упокой его души, как это делал мой крестный Малакиас. Мертвый есть мертвый! Сейчас мне чудятся покойники. Если я останусь здесь еще хотя бы несколько дней, то сойду с ума.

Бенто рассказал Висенте о случившемся с Зе Луизом, и негр забеспокоился:

— Будь уверен, подымется кутерьма. В имение старика придут солдаты и все сравняют с землей.

Они проговорили до поздней ночи, негру хотелось облегчить душу, рассказать все о себе.

— Нико убили на ярмарке в Жатоба, я оставался дома, мучил проклятый нарыв. Нико ушел, парню не сиделось на месте. И вот ему вздумалось сцепиться с людьми полковника Касуса Леутерио. Мне рассказывали, что парень «стянул» что-то в лавке, а там оказался основательно подвыпивший солдат. Солдат хотел заставить парня заплатить, а Нико и не собирался. Стали решать дело силой. Появились еще люди и набросились на парня. Драка кончилась плохо — погибли Нико и еще двое. Узнав о случившемся,

я пошел к капитану. Он был взбешен: «Я ведь говорил этому мальчишке, чтобы его ноги не было в Жатоба. Я в дружбе с Касуса Леутерио и должен уважать его. Мой человек не смеет связываться с его людьми. Мальчишка умер потому, что сам хотел этого». Я вышел из дома капитана в бешенстве и тогда же решил уйти от него. Связал свой гамак, взял комбле моего крестного и ушел искать по свету человека, который помог бы мне. Мне говорили о некоем Жанота из Питу. И вот я пришел к нему и сразу выложил все. Он удивленно посмотрел на меня и спросил, откуда я. Я сделал глупость и назвал место и имя фазендейро. Человек сразу набросился на меня: «Нет, ты мне не нужен. От Деоклесио человек уходит только тогда, когда он уже ни на что не годен». Меня обозлили его слова, и я решил отомстить этой собаке. Я не знал, куда мне податься. Тут я повстречался с группой торговцев водкой. Вожак каравана спросил меня, не хочу ли я присоединиться к ним. Я откровенно заявил, что ищу иной работы Человек только улыбнулся: «Вот такие люди мне и нужны, паренек». Торговцы водкой ничем не отличались от конокрадов. Я хотел уйти, но с парнями шутки были плохи: «Послушай, негритенок, лучше помолчи. Мы идем в Брежо, и ты пойдешь с нами, там для тебя найдется серьезное дело. Брежонцы — люди с характером. Когда речь идет об измене или предательстве, у них крепкая рука». Я оставался с ворами до одного случая, который произошел в Бом-Консельо. Солдаты застали нас в гроте. Мы спали, но кони забеспокоились — мы проснулись и услышали выстрелы. Я понял, что выхода нет. Когда завязалась горячая схватка, я пополз между колючек на брюхе, словно змея. До меня доносились выстрелы, но я не хотел драться за конокрадов, сбежал и не жалею об этом. Потом я попал в дом полковника Зе Абилио, и он принял меня, как родного. Это — человек слова и умеет защитить. Но я был молодым парнем, и случилось то, чего я не мог предвидеть. В фазенде жила девушка, дочь вакейро Клементе. Она была белой и полюбила меня, негра. Да, влюбилась в меня Однажды я сидел у дверей конюшни и ни о чем не думал, просто наслаждался хорошим вечером, и вдруг вижу, что девушка, стоя в дверях амбара, поглядывает в мою сторону. Я подумал, что она смотрит на кого-то другого. Но нет, девушке приглянулся я. Она была белая, и вот случилось несчастье. Вакейро дознался до всего и обещал спу-

стить с меня шкуру. Спустить, конечно, не спустил, но поднял крик у двери каза-гранде: «Негр, ты мне дорого заплатишь за свою дерзость». Скажу тебе, что я не рассердился на этого человека, У него была дочь, и он защищал ее, но, когда я увидел, как взвился в воздух кнут, я понял, что беды не миновать. Я схватился за кинжал. Первый удар хлыста ожег мне лицо. В это время в дверях дома появился сам полковник Зе Абилио и крикнул мне: «Остановись сейчас же!» Но было уже поздно. В сердце вспыхнула злоба. Человек замахнулся во второй раз, но сейчас же отпрянул назад и стал отступать, подняв руку, как бы желая за что-то ухватиться, и сразу сквозь рубашку у него выступила кровь. Парни хотели наброситься на меня, но я прислонился к стене амбара и готов был уложить первого, кто осмелится приблизиться. В это время полковник Зе Абилио окликнул меня. Парни отступили, и полковник схватил мою руку. «Ты в своем уме?» — спросил он. Я не ответил. Я в самом деле был в тот момент не в своем уме. Мог убить любого, кто стал бы на моем пути. Полковник потребовал рассказать все. Я откровенно рассказал, как было. Я ни в чем не был виновен перед девчонкой. Я у нее был не первый. И на мне не было никакого греха. Но в фазенде я все же не остался после этого. Полковник отослал меня в другой край с поручением к своему другу. Там я должен был переждать, пока уляжется шум в связи с убийством вакейро. Девушку я больше не видел, только знаю, что она не очень оплакивала смерть отца Я ушел ночью, и мне даже не удалось поговорить с ней. Скажу тебе, тогда я мог изменить свою жизнь, успокоиться и навсегда остаться в фазенде полковника. Попутал дьявол, и всему виною — чванливость вакейро Клементе. Дочь его не была девушкой, и он возмутился только потому, что я был негром. Но, я скажу тебе, девчонка стоила многого. Какая женщина, мой мальчик! Сколько страсти!

Помолчав, Висенте вернулся к прерванному разговору.

— А что касается истории того паренька из дома у дороги, то должен сказать, что старый Кустодио не пользуется поддержкой правительства и в фазенду в любой момент могут нагрянуть солдаты и наделать бед. И мне, пожалуй, угрожает опасность. Понимаешь, когда солдаты являются за преступником, они зверствуют, избивают, не считаясь с тем, кого избивают.

Бенто рассказал ему, что старика вызвали в качестве свидетеля по делу гуртовщика Морено.

— Да что ты? Это нехорошо. Черт знает, почему до сих пор нет вестей от кума Апарисио!

* * *

На следующее утро, когда Бенто подошел к двери мастера, Жеронимо уже не было дома. Алисе была озабочена болезнью матери. Услышав голос парня, старуха спросила:

— Это не сеу Бенто там? Скажи ему, что я хочу поговорить с ним.

Она лежала пластом на постели.

— Сеу Бенто, эта история с моим сыном Зе Луизом подкосила меня вконец. Беспокойный парень. А я ведь каждый день твердила мужу: «Жеронимо, не сбивай мальчика с толку». Но этому человеку хоть кол на голове теши. И вот дожили. Совсем еще мальчуган — и уже преступление за плечами. Он погиб. Заладил одно: сертанцу место в кангасо. Только и говорил, что об Апарисио. Сеу Бенто, скажу вам всю правду, как мать, в свой последний час. Я знаю, что Жеронимо не сегодня-завтра выкинет что-нибудь. Он не из терпеливых. А что будет с нашей девочкой?

Бенто успокоил ее:

— Сеньора хорошо знает, что я женюсь на Алисе. Мы ждем, чтобы вы поправились.

— Нет, сынок, не ждите моего выздоровления. Я скоро умру. Здоровье все ушло.

Она замолчала. Бенто вышел из комнаты. Под пальмой его ждала Алисе. Она не слышала, как он подошел, и обернулась только на его голос.

— Мать говорила с тобой о Зе Луизе?

— Да, но она говорила и о нас. Она советует не медлить со свадьбой. Ты не думаешь, что она права?

Алисе опустила голову, ей трудно было отвечать. Потом, как бы преодолев что-то, сказала:

— Послушай, Бенто, нам надо поговорить откровенно. Ведь ты не хочешь жениться на мне, так зачем же ты это делаешь? Конечно, постоянно ты говоришь мне, что это неправда, но это так. Я достаточно тебя знаю. Ты любишь меня, но ты что-то скрываешь от всех.

Бенто, сделав над собой усилие, улыбнулся:

— Что ты, Алисе! Что я могу скрывать от тебя? Я никогда не любил ни одной женщины.

Он хотел приласкать ее, но девушка выскользнула из его рук. Бенто попытался вновь привлечь ее к себе и вдруг увидел, что Алисе плачет...

— Глупенькая Алисе... я так люблю тебя... — И прижал ее к себе. Вокруг было тихо, солнечное утро казалось их сообщником. Заливались канарейки, благоухали богарис и мальвы, все вокруг как бы сочувствовало их любви.

Он впервые целовал горячие уста Алисе, ее черные глаза, распущенные волосы, и близость молодой девушки вливала силы в измученное тело юноши Это было первое мгновение настоящего счастья в его жизни. Вокруг ни живой души, и только цветущая природа окутывала своим благоуханием влюбленных. Но это забытье длилось не более минуты. Вдруг Бенто увидел Домисио рядом с той «безумной» с ее несчастной любовью к Апарисио. Алисе отстранилась от него.

— Бенто, ты ведь не хочешь жениться на мне.

Он промолчал. В душе зашевелилось раскаяние. Но, собравшись с силами, он успокоил девушку:

— Нет, Алисе, я хочу только одного — жениться на тебе. Ничего другого я не хочу.

Голос его при этом дрожал, страшная тайна готова была вырваться из сердца. Ему хотелось открыть ей все, сказать, что он брат кангасейро, что на его семье лежит проклятье. Он снова взял себя в руки и постарался успокоить девушку.

Потом, когда он шел в Рокейру, тяжелые мысли не покидали его. Он был в отчаянии. Любовь и доброта матери оказались не в силах изменить судьбу его семьи. На перекрестке дороги он заметил всадника, поправлявшего деревянное вьючное седло. Он остановился, чтобы помочь человеку, и узнал Рассеченную Губу.

— Я переправился с другого берега реки и еду к тебе. Капитан хочет знать, как здоровье Висенте. Если он поправился, капитан приказывает ему присоединиться к отряду в фазенде Жука Лейте, в штате Сержипе. Атака на Жатоба нанесла большой урон силам капитана, не все еще оправились от ран. Даже твой брат Домисио сдал. Но, слава богу, теперь все улеглось. Позавчера я проходил

мимо дома старика, отца той безумной. Младенец уже ползает. Были слухи, что человек этот ушел к солдатам. Но где там! Старик похож на тень, все молчит... А девушка ходит повсюду и рассказывает, что она опять зачала от капитана Апарисио... Ну вот я и передал приказ. Негр Висенте знает это убежище, а я вернусь, не поеду дальше. Капитан послал меня еще к судье в Такарату. Тот ездил к отцу в фазенду, в Триумфо. После нападения на Жатоба все правительство встало на сторону полковника Касуса Леутерио. Ну, так вот. Поручение капитана я передал. Скажи мне еще только одно: старик закупил снаряжение?

Бенто рассказал ему о болезни капитана Кустодио. Потом Рассеченная Губа свернул с дороги и вскоре скрылся из виду.

Когда Бенто пришел в энженьоку, он встретил у плотины Терто:

— Я ждал тебя. Вчера ночью старик был похож на мертвеца. Он был в таком состоянии, что страшно было смотреть на него. Я услышал крик, пошел взглянуть, что там, и застал негритянку, которая силой удерживала старика в гамаке. Обезумев, он хотел бежать. Я никогда не видел ничего подобного. Глаза у него выкатились, пена брызгала изо рта. Негритянка сделала ему в пустой жестянке из-под керосина горячую ножную ванну. Старик сразу обмяк и лежал в своем гамаке, как мертвый. А сегодня чуть свет он уже снова на ногах. Я уверен, что тут замешана нечистая сила. У мастера Жеронимо был серьезный разговор со стариком. Что-то неладное происходит на этой земле, и я не ушел до сих пор отсюда только потому, что ожидаю одного торговца спиртом, который должен прийти из Брежо. Я пойду с ним в Триумфо. Мастер Жеронимо, как видно, тоже одной ногой здесь, а другой — там. После того как случилась эта беда с Зе Луизом, он вне себя. Со мной последнее время он вообще не разговаривает. Но сегодня, побеседовав со стариком, он подошел ко мне и сказал: «Сеу Терто, делайте свое дело и поменьше прислушивайтесь ко всяким разговорам». Я ничего не ответил. К чему? Мастер думает, что я подглядываю за ним. Он уже знает, что я собираюсь в Брежо. Послушай, Бенто, если бы я умел читать и писать, как ты, я был бы уже далеко отсюда.

Позже Бенто повстречался с мастером Жеронимо.

Терто оказался прав. Мастер был не в себе. Бенто сказал ему о болезни капитана; вначале он отвечал спокойно, потом заговорил резко:

— Сынок, скажу тебе коротко и ясно: Кустодио сошел с ума. Я подозреваю одну вещь: старик связан с людьми Апарисио. Из его слов видно, что сюда в эту фазенду приходят люди из кангасо. Если бы я был в этом уверен, то наутро след бы мой простыл. Скажу тебе больше: Рассеченная Губа — связной кангасейро. Подумать только: помимо моей воли я стал сообщником Апарисио.

Бенто молча слушал мастера.

— Явится полиция и все раскроет. Нас всех перебьют. Старый черт, трус! Убили его сына, и теперь он бегает за кангасейро, чтобы они отомстили за него. Я повторяю тебе: если бы я был во всем этом уверен, я сразу ушел бы от этой мерзости. Правда, за мной числится преступление, но я являлся в суд и был оправдан. Мой сын погиб, и жена винит теперь во всем меня Но не в этом дело. Здесь, в сертане, все парни только и думают об Апарисио. Бандит убивает всех без разбора, даже детей, бесчестит девушек — и хоть бы что! А все только и думают, как бы уйти в кангасо. Этот край не для порядочного человека. Вот только соберу урожай и тогда... Если хочешь, пойдем со мной — я здесь не останусь. Завтра в это имение войдет летучий отряд и прикончит нас всех. Мой сын погиб навсегда. Я знаю, что это значит. Если бы у него был покровитель, он бы не сбежал в кангасо. Ввязался в драку по глупости. Будь у него защитник, явился бы мальчишка в суд и его бы освободили, но с этим старым болтуном остается только бежать в кангасо. Если бы парень пришел ко мне, я бы ему сказал: «Держись сильных». Но мальчишка не хотел никого знать, кроме Апарисио, и вот погубил себя. Теперь ему уже никто не поможет.

Он замолчал и посмотрел в сторону мастера Фредерико, который прилаживал основание печи.

— Послушай, мастер, в Брежо делают большую тягу в печи.

Мастер Жеронимо занялся работой, а Бенто вышел и увидел сидящего у двери капитана. Он подошел ближе, но старик не обратил на него внимания.

— Здравствуйте, капитан.

— Здравствуй, сынок, — ответил старик и опять замолчал.

— Терто говорил мне, что сеньор плохо провел эту ночь.

— Правда, нога мучила, но теперь все прошло и я чувствую себя хорошо.

Когда Бенто собрался уходить, старик остановил его:

— От твоего брата нет вестей. Сегодня я должен ехать как свидетель в Такарату на допрос. Нужно, чтобы ты поехал со мной. Вчера ночью я думал, что пришел мой конец. Жар ударил в голову, и все завертелось у меня перед глазами. Ножная ванна принесла исцеление Негритянка Доната говорит, что я кричал, как роженица, а я ничего не помню. Но это все должно кончиться. Вчера я стоял там, где сейчас стоишь ты, и увидел распростертого на земле сына. Ах, негодяй! Неужели не найдется для него пули, которая отомстила бы за моего сына. Нет, найдется. Касуса Леутерио повстречается наконец с христианином, у которого хватит смелости послать его в ад.

Голос капитана зазвучал сильнее:

— Твой брат постыдно сбежал от него в Жатоба, я никогда не думал, что так может получиться. Касуса Леутерио только со своими парнями, без батальона солдат, без регулярных войск заставил бежать капитана Апарисио!.. Завтра на рассвете приходи сюда и поедем в Такарату. Я уже не знаю, как смотреть людям в глаза. Нога болит, словно внутри иглы колют, но я обязательно должен ехать. Все будут указывать на меня пальцами и, наверное, скажут: «Этот старик, видно, не умрет, пока не отомстит за смерть сына». Так и скажут. Да. Но они ошибаются. Пройдет время, погибнет вся моя фазенда, а я уверен, что и тогда еще будут говорить обо мне как о человеке, не смывшем позора. Говорят же так сейчас. Только смыв позор, сынок, старый Кустодио сможет уйти на покой. потому что жить так, как я живу сейчас, нельзя. Это не значит жить. Ах, я помню, как будто это случилось только сейчас. Мы были в доме, и моя жена сказала мне: «Кустодио, слышишь, кто-то идет по дороге». Я выглянул и увидел парней, которые что-то несли в гамаке. Это был мой сынок. Они положили его израненное тело у порога и передали наказ Касуса Леутерио. Нет, это невозможно, невозможно.

Капитан хотел закричать, но из горла вылетел только хрип — ярость мешала говорить. Его глубоко впавшие глаза горели. Бенто испугался, что со стариком случится

удар. Но вскоре приступ ярости прошел и он уже спокойнее обратился к Бенто:

— Ночуй у меня, завтра выедем на рассвете.

Бенто вернулся в сахароварню, к мастеру Жеронимо. Там он застал вакейро, улыбающегося по всякому поводу. Тот спокойно рассказывал:

— Сеу мастер, эта фазенда знала хороших хозяев. Мой покойный отец был вакейро у отца капитана, и он, бывало, говорил мне: «Сынок, капитан Костантино приказывает только раз». Сын не дорос до него. Я, конечно, ничего не имею против капитана Кустодио, но он все кричит, обзывает меня вором. И это только потому, что он не настоящий хозяин. Вот у этого паренька, у того, что умер, в жилах текла настоящая кровь. За это его и убили в Такарату.

Мастер не поддержал разговора, и вакейро, поняв, что его слова не встречают сочувствия, собрался уходить.

— Вот такие-то дела, — обратился мастер к Бенто. — Старик не в силах даже держать этого наглеца в руках. Ворует, а потом еще приходит и обливает хозяина грязью. — И, понизив голос, добавил: — Я уверен, что капитан Кустодио выкинет еще что-нибудь. Из разговора с ним утром мне стало ясно: старик что-то задумал. Он сам сказал, и я понял, что он говорит серьезно: «Мастер, я так не оставлю это. Умру, но уведу негодяя с собой. В этом сертане меня считают мертвецом. Но я покажу, что у моего сына отец еще жив». Старик способен отправиться в Жатоба и натворить там бед. В Брежо я знал одного такого. Его считали шутом, даже звали только по кличке Враль, и он откликался. Но однажды вечером на ярмарке в Брежо де Арейя на рынок явился какой-то человек и рассказал: «Наш Враль пустил в ход нож, и все бегут от него. Убил солдата. Прямо озверел». Вот как бывает. Когда старик сегодня заговорил со мной, я испугался, что он наделает бед.

Бенто рассказал ему о предстоявшей на следующий день поездке:

— Судья прислал судебного исполнителя за капитаном.

— Ты должен ехать, — посоветовал Жеронимо. — Я бы поехал. Все видят, что старик любит тебя. Он привязан к тебе, как к сыну. Но будь осторожен. Всем известно, что судья в Такарату занимается политикой. Отец его — влиятельное лицо в правительстве, и игра идет по-большому.

Этот доктор хочет захватить весь сертан в свои руки. Его семья делает все, чтобы сбросить полковника Леутерио. Не вздумай болтать лишнее. Я хорошо знаю, на что способны эти молодчики. В Брежо меня тоже однажды вызвали, чтобы выспросить о докторе Кунья Лима, но я прикинулся дурачком и они ничего из меня не вытянули. Этот судья хочет заставить старика плясать под свою дудку. Я даже пренебрегу осторожностью и вмешаюсь в это дело, открою старику глаза. Не люблю советовать другим, но что поделаешь, старик совсем сдал.

Вечером они вместе возвращались с работы. По обочине дороги зеленела поросль, цвели вьюнки. Птицы пели свои прощальные песни, на сердце у Бенто стало легче. Мастер шел молча. Подошли к лесу оитисики, там отдыхали какие-то люди.

— Не будем задерживаться с ними. Это — контрабандисты переправляются с водкой на другой берег реки. . . — Но не успел он закончить фразы, как кто-то позвал его по имени. Удивленный мастер остановился, и к ним подошел человек с сумкой через плечо.

— Лаурентино, ты здесь?

Они обнялись.

— Как видишь. Я занимаюсь торговлей водкой и остановился здесь, прослышав, что ваша милость живет в этой глуши.

— Сынок, а как там поживают все наши?

— Хорошо, крестный. Доктор Кунья Лима, правда, потерпел поражение, но не сдался. Я узнал, что вы живете здесь от одного матуто, он работает с Гильерме. Рассказывал, что даже беседовал с крестной.

— Пойдем ко мне, повидаемся с семьей. Мой сын ранил кого-то и ушел скитаться по миру, а твоя крестная все болеет, совсем плоха старуха.

Парень пошел предупредить товарищей и вскоре вернулся.

— Крестный, я торгую водкой вместе со старым Фаусто. Доставляю товар к берегу реки, а там нас ждут люди и принимают его. Черт бы побрал этих кангасейро. И летучие отряды не дают покоя. Но дело доходное, на это не могу жаловаться. Деньги хранятся у старого Фаусто. Покупаем водку по одному крусадо, а продаем по тысяче с лишним. Дело прибыльное.

С появлением парня мастер даже повеселел:

— Крестная не узнает тебя. Да, времени прошло немало.

— А как Алисинья, крестный?

— Совсем стала взрослой, сынок. Вот ее жених.

— Сертанец?

— Да, сертанец, уроженец Ассу. А ты женился?

— Где там, крестный. Мать не хочет. Говорит, что у меня еще сестра на выданье. Да и не явилась еще такая, чтобы захотела выйти за меня.

Приход гостя был настоящим праздником для семьи. Синья Анинья даже всплакнула. Алисе хотелось о многом расспросить Лаурентино. Он остался ужинать, а Бенто, попрощавшись, собирался домой. Когда он сказал Алисе о предстоящей поездке, она забеспокоилась:

— Бенто, будь осторожен. Этот судья способен подвести старика.

Оставив Лаурентино беседующим с родителями, Алисе пошла проводить жениха, и там, под покровом наступающей ночи, девушка прильнула к нему. Он поцеловал ее, потом, как бы испугавшись чего-то, бросился бежать. Девушка звала его, но он даже не обернулся. В эту минуту он вспомнил безумную дону Фаусту из Ассу и другую безумную, с распущенными волосами, страстную, с горящими глазами из рассказа Домисио; она бредила Апарисио. Он ускорил шаг: негр Висенте должен поскорее узнать приказ брата.

X

Негр Висенте остался один в доме, окутанном ночной тьмой. Бенто еще не вернулся из поездки с капитаном в Такарату. Получив приказ Апарисио, Висенте почувствовал себя птицей, выпущенной из клетки, свободной, но не способной летать. И действительно, он не мог жить без отряда, не мог сделать и двух шагов, не видя рядом товарищей. Услышав приказ Апарисио, он ни словом не обмолвился о своей слабости, хотя и сейчас негр не был уверен в своих силах, не чувствовал себя хозяином своей жизни. А может быть, это страх? Но он не допускал этой мысли, ведь негр никогда не боялся смерти. Но теперь воспоминания о прошлом наполнили дом призраками людей, которых

он убил, которых погубил в жестоких схватках. Ему мерещилось лицо человека, убитого на дороге крестным, его остекленевшие глаза, обрезанные уши. Раньше он никогда не вспоминал об этом и был уверен, что у него сердце тверже камня. Он видел сморщенное лицо старухи из фазенды Кандиньо Ново, сраженной пулей когда она бросилась вырывать дочь из рук Пилона Дейтадо. Он выстрелил тогда в старуху, и она в судорогах корчилась на полу. Его мучило это сморщенное лицо, растрепанные седые волосы в луже крови. Это предстало перед ним, он видел все так ясно, словно происходило сейчас. Не в силах больше оставаться в доме, он вышел, сел и начал прислушиваться, не поднимается ли по откосу Бенто. Он уже не дрожал от страха, но ему слышались странные звуки. Он никогда не верил в то, что души умерших являются с того света. Однажды ему даже пришлось в ожидании предстоящей атаки ночевать на кладбище в городе Коите. Он видел могилу, разрытую беззубыми тату, кости покойника на земле, и ему не было страшно. А ведь в ту ночь на кладбище один из их парней, Тоитисо, щелкал зубами от страха, плакал, как младенец, хотя был храбрецом, каких мало. А ему было хоть бы что. Почему же теперь он весь обмирает, слышит плач дочери Шико Морейры из Ливраменто, которую Фелисио проткнул кинжалом? Он слышал то, чего в действительности не мог слышать. Прошлой ночью Бенто спал с ним рядом, а он не мог сомкнуть глаз. Ему все казалось, что рядом с ним в гамаке лежит Маноэль Флоренсио из Инги. Он совсем забыл историю этого старого черта. А дело было так: Маноэль Флоренсио вел с братом Риберинью из Мотау спор из-за земли. Однажды на ярмарке негра отозвал Жустино де Дада и сказал: «Висенте, у сеу Риберинью есть дело к нам. Дело это тонкое. И мы выполним его». Это было лунной ночью, старик спешил в фазенду, и мы поджидали его у изгиба дороги. Послышался звон гальки под копытами его лошаденки. Жустино сказал тогда: «Я узнаю топот его коня. Это — Манивела старого Флоренсио». Двумя выстрелами мы свалили старика на землю. Конь ускакал, и мы стреляли ему вслед. Он хорошо помнил, как старик именем бога заклинал не убивать его. А теперь он слышал только крик старика, когда Жустино разделывался с ним. Они вытащили у старика из кармана пакет с деньгами. Ночь была светлая, луна заливала своим сиянием все кругом.

В его ушах стоял крик старика, хотя рядом с ним спал брат его кума Апарисио. Жустино де Дада дал ему тогда две банкноты по двадцать мильрейсов и сказал: «Слушай, негр, я не хочу тебя больше здесь видеть». Кровь бросилась Висенте в голову. «Почему, Жустино? Ведь мы все делали вместе?» Но Жустино не захотел ответить и свернул с дороги. Негр вскипел от ярости и снова обратился к нему: «Послушай, сеу Жустино. Я человек прямой...» Не успел он сказать это, как парень кинулся на него с кинжалом. Негодяй хотел забрать себе все деньги. Висенте прыгнул на свою жертву, как тигр, и нанес ему первый удар кинжалом. «Это был самый точный удар за всю мою жизнь», — вспоминал негр. Парень упал ничком. Мне не было тогда жалко этого негодяя. Я буквально искромсал его кинжалом. Нанес ему несчетное количество ударов. Потом повернул лицом кверху, чтобы лучше видеть этого мошенника; взошедшая луна осветила его искривленный рот и лужи крови повсюду. Когда Висенте лежал без сна, ему мерещился в ночной тишине не Жустино, а старик Маноэль Флоренсио. Висенте не боялся тех несчастных, которые один за другим являлись ему теперь в этом пустынном доме, он и не жалел их. Зачем жалеть мертвых?

А покойники все являлись ему. Он никогда не думал, что это возможно. Ему казалось, что с убитыми и их несчастьями все было покончено навсегда, а получалось не так. Ему мерещились их лица, он слышал крики, чувствовал их боль, видел их кровь. «Почему я не погиб во время схватки в Жатоба?» — спрашивал он себя. Теперь и следа даже не осталось от попавшей в него пули. Дело было не в ней — видно, негр Висенте все же боялся покойников. Да, это был страх. А Бенто все не шел. В доме было темно, и опять нахлынули воспоминания: поздно вечером отряд нагрянул в дом старого Эдуардо, это был уважаемый человек. Его сын даже получил высшее образование. Но Апарисио был другом его врага и пришел посчитаться за него. Они пришли в фазенду, когда уже стемнело. Апарисио направился к входу, а он, Висенте, в сторону реки. На первые выстрелы никто не ответил. Фазендейро появился лишь тогда, когда парни уже захватили все.

— Несчастный старик! — закричал Апарисио. — Ты умрешь!.. — Жена фазендейро бросилась к ногам капитана. Она была слепая и ощупью подползла к ногам Апарисио, но он отшвырнул ее. Тогда старик взялся за оружие,

и негр Висенте одним выстрелом уложил его. Старуха завизжала тоненьким голоском, как раненый зверек, и поползла к телу мужа. Дом сожгли, убили волов в загоне. Негр никогда не вспоминал об этом случае. А теперь, к его ужасу, ему вдруг почудился визг старухи.

Его не мучило раскаяние, нет. Но сейчас, оставшись один, он вдруг почувствовал себя другим человеком. Ему чего-то не хватало. Чего? Оружия? Нет, здесь было ружье Апарисио. «Что же мне нужно? — спрашивал себя в страхе Висенте. — Почему так долго не идет паренек? . .»

Ночь на вершине горы, стоны ночных тварей, видения совсем измучили негра. Он решил немного пройтись и пошел к жуазейро. Слабый свет светильника в покинутом доме казался свечой у изголовья покойника в черном гробу.

Он понял, что ему не уйти от видений. Тогда он сел на камень и весь сжался, как будто ожидал выстрела в грудь. И сейчас же увидел лицо девочки, пронзенной кинжалом, услышал ее стон, похожий на журчание ручейка; тихие струйки крови сочились из груди девочки и медленно растекались по земле. Как явственно видел он теперь это лицо!

И ему стало страшно, хотя он не убивал девочку. Апарисио не понравилось тогда это злодеяние парня. Но потом все забылось. Висенте снова посмотрел в сторону покинутого дома, на свет лампочки тучей налетели бабочки. Он закрыл глаза и опять увидел лицо стонущей девочки. Потом услышал, как сова взлетела над домом, как зашумели ее крылья. Он никогда не замечал этого раньше. Птица металась некоторое время из стороны в сторону, потом застыла в длинной полосе света, падавшего от светильника. Она смотрела на него в упор, уставившись своими выпуклыми блестящими глазами. Сова была похожа на человека. Да, она смотрела на него... Висенте схватил камень и хотел прогнать это чудовище. Но птица, как бы угадав его намерение, с резким криком улетела.

От этого крика Висенте пришел в себя и понял, что испугался совы. Негр Висенте испугался птицы! Он почувствовал слабость, земля уходила из-под ног. Не может быть, чтобы с ним случилось что-нибудь подобное, он никогда не терялся, даже в самые опасные моменты. Он вернулся к дому; ноги одеревенели, и он вынужден был присесть на ступеньке. Он оперся о холодную глиняную стену и закрыл глаза. Крик совы доносился теперь отку-

да-то издалека, и ему чудился тоненький голосок плачущего ребенка. Висенте опять показалось, что плачет девчушка, и ему стало страшно. Он попытался приподняться и почувствовал, что у него отнялась рука. Он задрожал от ужаса — это была правая рука, которой он стрелял! Тогда он быстро вскочил, и рука вскоре стала действовать. Просто она затекла. Сейчас он слышал только стрекот сверчков и голоса из глубины ночи. Он немного успокоился, но вскоре в голову ему пришла история с фазендой отца Оурикури.

Апарисио не собирался связываться со священником. Он даже сообщил майору Додо, что не намерен браться за это дело. И все же они отправились туда, правда, не для того, чтобы расправиться со священником, а только чтобы проучить его. Майор Додо решил доказать своему врагу, что политика не дело пономарей. Подожгли фазенду. Перестрелка была жестокой, священник оказался вооруженным до зубов. Более десятка людей залегли в каза-гранде. Апарисио сказал, что не собирается трогать их. Но случилось так, что, когда мы уже собирались уходить, шальная пуля попала в нашего парня Мансиньо и он упал как подкошенный к ногам капитана. Это взбесило Апарисио, и он обрушился на парней священника. Перестрелка длилась больше трех часов, и, когда все кончилось, на земле остались лежать несколько человек; раненые стонали, дом утопал в крови. Тех, кто еще оставался в живых, прикончили.

В зале помещалась маленькая церковка, вся заставленная святыми. Один из парней, видно, не в своем уме, выстрелил... Апарисио подскочил, и его воспаленные глаза чуть не вылезли из орбит. Пуля оторвала голову какой-то святой. «Несчастный! — закричал Апарисио. — Кум Висенте, убей этого грешника!»

Я выстрелил только раз. Потом взглянул в лицо мертвого: это был паренек с белокурыми волосами, по имени Годой, из семьи Годоев в Кажазейрос. Я видел его голову на земле, безжизненное тело, скорчившееся, как будто парню было холодно. Глаза были широко открыты, длинные волосы — в дорожной пыли. Но он обезглавил святую, а с таким грехом человек не может жить, и кум Апарисио приказал убить его. Он, Висенте, был не виновен в этой смерти. А теперь ему явился этот мальчишка с широко открытыми глазами, и они преследовали его в этом уединенном углу. Нет, он не виновен в этой смерти. Для него

преступление паренька не имело значения, он не верил в святых. Но кум Апарисио верил, он был убежден, что молитва его матери приносит ему успех. Не следовало связываться со священником!

Какого черта не идет брат кума Апарисио? Куда запропастился паренек? Он говорил о поездке в Такарату со стариком. Неужели что-нибудь случилось? Не открыли ли его убежище?

Негр стал обдумывать, как уйти на рассвете. Кум находился на другом берегу реки в Сержипе, в фазенде Жока Лейте. Он доберется туда в три дня и тогда освободится от всех мучивших его видений.

Ранним утром, чуть забрезжил свет, он стал готовиться в путь. Разжег огонь, сварил кофе, свернул гамак, деньги на всякий случай у него были. Приготовившись, он вышел из дому и пустился в дорогу.

Листья на деревьях были еще влажны от росы, утренний холод заставлял двигаться быстрее. Он прошел саженей двести и вдруг испугался, почувствовав, что ноги отказываются служить. Постоял немного. Это могло быть и последствие ранения. А вдруг на него нападут, испугался негр, и опять пошел, но тотчас понял, что не в силах двигаться. Ему нужна была поддержка, он был не в состоянии идти один. «Погибну, попаду в руки солдат», — подумал он. Негр Висенте не умел ходить без отряда, был не в состоянии ориентироваться, когда оставался один. Кангасейро остановился на краю дороги. Листья на деревьях уже сверкали в лучах солнца, пели птицы, вся щедрая земля цвела в этот прекрасный день конца зимы. Негр подумал: «Нет, придется все же дожидаться проводника кума Апарисио. Бенто, наверное, придет с новостями». И Висенте решил вернуться.

Дома он развернул гамак и почувствовал себя совсем беззащитным, заблудившимся ребенком, потерявшим дорогу, он был не в силах преодолеть слабость в ногах, хотя был испытанным ходоком. Вдруг Висенте услышал топот приближавшегося коня. Он поспешил укрыться в глубине дома и стал ждать. Ведь мог прийти кто-нибудь чужой. Но это наконец возвратился Бенто из Такарату. Увидев его, Висенте сразу успокоился и бросился к нему.

— Сынок, как я боялся...

Бентиньо соскочил с коня и стал рассказывать о поездке.

Капитан Кустодио не сможет больше выезжать из дому. По дороге, пока они ехали в Такарату, он чуть не умер. Но настоящие муки начались только после того, как мы приехали в город. Он вышел чуть живым из дома судьи, который допрашивал его о гуртовщике Морено. Но капитан показал, что он в здравом уме, ответив, что ничего не знает.

— Гуртовщик, — сказал он, — приходил в фазенду по делам, интересовался ценой на сахар.

Тогда доктор сказал ему тихо:

— Капитан, я не собираюсь никого обвинять, я знаю, что парни Касуса Леутерио убили у сеньора сына...

— Это правда, сеньор, — ответил капитан, — но я не злопамятный человек. Что было, то прошло.

Судья сразу перешел на официальный тон:

— Хорошо, капитан, потрудитесь дать свои показания секретарю Жозиасу.

Мы пошли к секретарю, и капитану пришлось отвечать на много вопросов. Старик на все ответил Но под конец секретарь не выдержал и обратился к Кустодио:

— Капитан, я знал вашего отца, он был избирателем либеральной партии. Буду с вами откровенен, все это — одна видимость. В действительности судья потерял голову и все время интригует против лидера Жатоба. Его отец — лидер Триумфо, и процесс, который он затевает, задаст мне дьявольскую работу. На вашем месте, сеньор, я бы не вмешивался в борьбу против лидера Жатоба. Сегодня он враждует с правительством штата, а завтра все может измениться. Знаете, сеньор, начальник полиции не поддерживает полковника Касуса Леутерио, а он все же силен, как никогда. Я знаю, что у сеньора есть причина быть недовольным. Я вел расследование по делу вашего сына. Капитан, говорящий с вами, не заинтересован в этом деле. Я старше вас, сеньор, и скажу: лучше бы вам оставаться в своей фазенде. Капитан, не поддерживайте судью:

— У тебя есть вести о куме Апарисио? — спросил негр Висенте.

— Нет, я ничего не слышал нового. В Такарату ходят слухи, будто Апарисио ранили во время атаки Жатоба. Люди ничего не знают и болтают, что придет в голову.

— Сынок, навидался же я чертовщины в этой трущобе на краю света. — Голос негра задрожал. — Мне даже всякая мразь мерещилась, и сегодня на рассвете я уже соби-

рался уходить, но не хватило сил. Рассеченная Губа не появляется. Я говорю тебе: лучше пропасть в каатинге, чем погибать здесь, на этой куче. В голову всякая чепуха лезет, когда человек остается один. Если бы ты знал дорогу, я попросил бы тебя проводить меня отсюда. Я не могу ни минуты оставаться без дела, становлюсь похожим на окотившуюся кошку.

И замолчал. Бенто занялся конем, а негр продолжал думать. И вдруг он увидел события с такой ясностью, как будто все озарилось вспышкой молнии.

— Ты рассказал мне о встрече старика с секретарем суда. И я скажу тебе только одно: летучий отряд скоро явится в эти места. У этого судьи план готов, и капитан Кустодио, вне всякого сомнения, окажется у него в руках. Мне, пожалуй, лучше всего собраться и уйти отсюда поскорее. Я вижу, что здесь я в опасности. Если солдаты войдут в фазенду, они явятся и сюда на гору. И этого не придется долго ждать. Соберись-ка с силами и проводи меня до реки. Переправившись на другую сторону, я найду дорогу. Только бы добраться до каатинги.

На следующий день утром Бенто ушел в Рокейру. Предложение негра свалилось на него как снег на голову, ведь он сам не знал, куда деваться. А что он скажет Алисе, мастеру? Он не находил себе оправдания. Он знал, девушка подозревает, что в его жизни есть тайна, — она сама говорила о своих подозрениях. Действительно у него была тайна, и Алисе чувствовала это. Жить так дальше нельзя. Он был не таким, как другие, как те, чья жизнь была у всех на виду. Так дошел он до дома мастера Жеронимо. Утреннее солнце ласкало зелень у дороги. Вскоре он увидел под жаузейро по пояс обнаженного мастера, он рубил дрова.

— Вот занялся, поджидая тебя, работенкой. Рассказывай, что было со стариком в Такарату.

Бенто повторил свой рассказ, и у мастера создалось такое же впечатление, как у негра Висенте.

— Посмотришь, нагрянут сюда солдаты. А у меня дочь и больная жена. Я не уезжаю сегодня же только потому, что старуха не выдержит дороги. Всю ночь кричала от боли. Да, проклятая жизнь!

В дверях появилась Алисе, и мастер пошел надеть рубашку. Молодые люди остановились у края дороги. У девушки глаза были красные от слез.

— Бенто, я знаю, что мать умрет. — Слезы потекли у нее из глаз, но Бенто не находил слов для утешения. Он сам был в отчаянии, чувствовал, что гибнет, но все же, собравшись с силами, сказал:

— Ничего, Алисе, все пройдет. Мастер Жеронимо говорил со мной, он думает переезжать отсюда.

— Переехать куда, Бенто? Отец носится с этой мыслью, все хочет возвратиться в Брежо. Но там опять всплывет история с дракой и судом.

Подошел мастер, и она замолчала.

— Пойдем, сынок. Наш каменщик ничего не понимает в этом деле. Так и я могу сказать, что я каменщик.

Они уже отошли далеко, когда увидели ехавшую навстречу им группу всадников. По-видимому, это были скупщики, направляющиеся на ярмарку в Такарату. Они посторонились, чтобы пропустить груз с мукой, но старший матуто задержался поговорить:

— Едем из Бом-Консельо, там ходят слухи, будто Апарисио умер... Но все это — вранье. Только вчера, когда мы останавливались у подножия горы Жаку, один торговец спиртом рассказал нам, что отряд Апарисио находится по ту сторону реки. Это не Рокейра капитана Кустодио? Говорят, что сын здешнего мастера-сахаровара, совсем мальчишка, вступил в отряд и стал прямо дьяволом. А Кориско — не уроженец этих мест?

— Приятель, — ответил мастер, — я живу в этой фазенде больше пяти лет и никогда ничего не слышал об этом. Много напраслины болтают.

Когда они отошли, мастер сказал Бенто:

— Это конец! Мальчонка, видно, пристал к отряду: пройдет немного времени, и сюда явятся солдаты, чтобы разделаться с семьей кангасейро. О мальчишке уже болтают повсюду. Значит, он действительно находится там. Теперь нужно срочно принимать меры, ведь у меня жена и дочь. Я вернусь в Брежо, там есть человек, который поддержит меня. Это не здешний облезший кот, который только и умеет мяукать. Послушай, можешь быть уверен, история с судьей не останется без последствий, и мы еще многое увидим. Я должен взять себя в руки и увести семью из этой земли. Там в Брежо я могу погибнуть, но по крайней мере моя семья будет иметь покровителя. Я знаю, что жена будет рвать на себе волосы, но здесь я не останусь ни минуты больше.

И, как бы желая поощрить Бенто, мастер Жеронимо добавил:

— Если хочешь, пойдем со мной. Доктор Кунья Лима не боится правительства, это человек, пользующийся уважением...

Бенто промолчал. Когда они пришли в энженьоку, Терто встретил их новостью:

— Старик, вернувшись из поездки, поднял дьявольский шум. Негритянка позвала меня помочь удержать его, он совсем с ума спятил. Горит как в огне и так стонет, что невыносимо слушать...

Мастер направился в каза-гранде и вошел в комнату капитана. Старик дремал, забившись в угол постели из кож, нога была завернута в листья. Негритянка Доната рассказала все как было:

— Капитан вернулся из поездки с воспалением, нога у него разболелась, как никогда. Я сделала ему ножную ванну, но и это не помогло. Сейчас он задремал. Сеу мастер, на этот раз приступ был очень сильный.

В этот день Жеронимо ни с кем не разговаривал. Угрюмый, он давал приказания каменщику, которого раздражала резкость его обращения. В конце концов каменщик не выдержал и сказал Бенто:

— Я слышал, что ты собираешься жениться на дочери мастера. Никогда не видел человека с бо́льшим самомнением, можно подумать, что он по меньшей мере хозяин этой фазенды. Только старый Кустодио способен терпеть мастера-сахаровара с такими повадками.

Терто тоже жаловался:

— Мастер день ото дня обращается со мной все хуже... Чего доброго, и к другим начнет так относиться. Я-то все одно ухожу и поэтому не хочу связываться с ним...

Вечером Бенто пришел к Кустодио. С потухшим взором, с изможденным лицом, капитан казался столетним стариком.

— Сынок, на этот раз эризипела схватила меня крепко. Тело ломило так, что все кости трещали, казалось, что мельничный жернов прошелся по мне, но, слава богу, к утру стало легче. Ночной ветер плохо на меня подействовал. Да, видно, мне нельзя больше выезжать из дому. И потом этот судья вывел меня из себя. Правильно сказал секретарь Жозиас, он хочет свалить все на меня, чтобы самому выйти сухим из воды. А твой брат все не подает

вестей, не знаю, что и думать. Да, я уже не в том возрасте, когда можно ждать. Вот умру, — голос его зазвучал громче, — умру не сегодня-завтра, но до этого я покажу всему сертану. Я отомщу за своего сына. Слушай, я помню, как будто это было вчера, я был там, когда жена позвала меня посмотреть... Касуса Леутерио, ах, это был он, негодяй!

Старик хотел приподняться с постели, но не смог пошевелить опухшей ногой.

— Черт, эта нога не дает мне сделать то, что я должен сделать. У меня нет сил встать. — И он попытался еще раз приподнять свое изможденное тело. — Да, у меня нет сил встать...

— Но, капитан, — попытался успокоить его Бенто, — завтра сеньор поправится, это — только приступ...

— Да, верно, я должен поправиться. Мне многое нужно еще сделать. Твой брат бежал от Касуса Леутерио. У этого негодяя в руках больше власти, чем у самого правительства.

XI

Наступила ночь. Бенто снова не было дома, и снова начались мучения Висенте. Грудь сжимала странная боль, и опять нахлынули страшные воспоминания. Да, он не смел оставаться один, он боялся темноты, точно маленький ребенок. Ночь спустилась на землю, а он все сидел, прижавшись к глиняной стене дома. Бенто все не шел... Негр чувствовал себя хорошо, только когда рядом с ним кто-нибудь был. Ему стало казаться, что он опять с Апарисио и еще с десятью парнями и что они идут на окружение отряда лейтенанта Матиаса из Сержипе. По дороге они должны были зайти в дом Шико Патрисио. Когда-то он помогал им, но потом отошел от дел. С тех пор как солдаты лейтенанта Лукаса проучили его кнутом, он не хотел иметь ничего общего с Апарисио. Когда кангасейро явились к нему, его не было дома. Жена и две дочери, увидев их, в ужасе схватились за голову.

— Не нужно бояться, девушки. Дайте лучше людям поесть.

Дочери Шико Патрисио были красивы, и парни не сводили с них глаз, а у девушек от страха все валилось из рук.

Висенте все теперь отчетливо видел. Одной из них было лет семнадцать; пухленькая, низенькая, она ходила, переваливаясь, как уточка. Апарисио не мог оторвать от нее глаз. Парни расположились под умбузейро и громко о чем-то говорили; шум стоял, как на ярмарке.

— Кум, — сказал Апарисио, — я восхищен этим бесенком.

Девушка поняла, что это означает в устах моего кума, и попыталась уйти... Но вскоре раздался нечеловеческий крик, это кричала одна из девушек — так, будто ее ранили. Тут же послышалось рычание кума. Он побежал туда, чтобы узнать, в чем дело: оказалось, что старуха бросилась с горящей головешкой на Апарисио и обожгла ему весь зад. Апарисио, словно разъяренный зверь, бросился с кинжалом на старуху, и та свалилась, как скошенная трава, на землю. Кум схватил младшую, а другая девушка спряталась в доме, но ее вытащили, набросились на нее и всю истерзали. Исцарапанная, в рваном платье, она лежала, тяжело дыша, под жуазейро. Апарисио был зол, как черт, боль от ожога не давала покоя. Он тут же дал приказ уходить, и они отправились к месту засады лейтенанта Матиаса.

Негр Висенте хотел бежать от воспоминаний, но память работала, как автомат. И он вновь видел все со всеми подробностями... Сейчас тут перед ним лежала на земле мертвая жена Шико Патрисио — Апарисио колол метко, как никто. Тут же были ее поруганные дочери. Что мог он предпринять, чтобы избавиться от этих мук? Темная ночь была полна голосов, в каатинге он никогда не обращал на это внимания. Неужели он теряет рассудок и не сознает этого? Да. Это может с ним случиться. Возможно, он сошел с ума, как Незиньо Новаис?! Он знал этого храброго, как ягуар, парня. Он прекрасно стрелял, был способен выдержать любой бой и вдруг стал дурачком: все время скалил зубы и пищал что-то нечеловеческим голосом. Он сошел с ума после того, как его прокляла одна женщина из Кабасейрос. Неужели и с ним будет так? Нет, этого не может быть! А брат Апарисио, когда явился в отряд после истории со святым, ведь он тоже был как помешанный! Да, с ним могло случиться такое же несчастье, как с Незиньо Новаисом. Вокруг светильника вились москиты — целая туча, затемняя свет. Душевная мука, ужасные воспоминания угнетали Висенте, неукротимого

зверя сертана. Не желая поддаваться невыносимым воспоминаниям, он вышел из дому: решил освежиться под мягким ночным ветерком. Простоял немного, вглядываясь вдаль, будто хотел увидеть что-то в темноте. Потом ему захотелось пройтись немного, но, как и в прошлый раз, ноги отказались служить. Да, это страх, не что иное, как страх. И опять ему померещился крестный Малакиас, негр, который убивал без всяких угрызений совести. Он видел лицо мертвеца и его отрезанные уши, переданные капитану Деоклесио как доказательство хорошо выполненной работы. Малакиас никогда не испытывал такого страха. Ноги его отказывались служить. «А если это случится со мной в бою, во время перестрелки с полицейскими собаками? — в ужасе думал Висенте. — И я не смогу действовать по своему желанию, а вдруг я стану таким, как Незиньо Новаис?!» Висенте начал ходить из угла в угол и сразу почувствовал, что походка его стала увереннее, но мысли снова и снова возвращались к прошлому: он вспомнил историю с Теодорико Лорето. Это было не так давно. В пятнадцатом году, во время страшной засухи. Тогда он еще не был вместе с кумом Апарисио. Жил как придется. Он и подумать не мог, что когда-нибудь станет кангасейро и вступит в отряд. Майор Солано после случая в фазенде полковника Зе Абилио привязался к нему. И даже сказал как-то: «Послушай, негритенок, ты можешь оставаться со мной на всю жизнь. Я беру тебя под свое покровительство. Мне нравятся такие решительные и боевые парни, как ты».

— Майор Солано враждовал со старым Теодорико Лорето, человеком состоятельным. Он тоже любил решать спор оружием, — вспоминал Висенте. — И вот однажды он сказал мне: «У Теодорико готов план против меня, но до того, как он нападет, нужно отправить на тот свет его самого». Майор Солано не любил тратить слов понапрасну. Однажды он вызвал меня к себе: «Висенте, в пятницу нужно будет выполнять то, о чем я тебе говорил». Я стал ждать. И действительно, в назначенный день, ночью, полковник вызвал меня. Мы отправились вместе с двумя парнями и на рассвете, еще до восхода солнца, подъехали к фазенде старого Теодорико. Тут майор приказал людям: «Ребята, кончайте с этой тварью». Вот тут и началась чертовщина. Мы окружили дом, волы в загоне поднялись на ноги. Майор Солано крикнул: «Огонь!» В доме никто не подавал признаков жизни. Только после второго залпа

послышался ответный выстрел. В семье был всего один мужчина. Но все же только через два часа мы смогли подойти к каза-гранде. Майор крикнул: «Отопри, старый пес!» Но не успел он закончить, как кто-то набросился на него. Это старый Теодорико выскочил в дверь и ударил майора кинжалом. Висенте выстрелил ему в ухо, и наступил печальный конец. Не пожалели ни единой живой твари во дворе фазенды. Скот забили и оставили от него только кости. Прикончили всех. Жива была только старуха калека. Эта чертовка, забившись в угол, жалобно мяукала, как окотившаяся кошка. Он стукнул ее по голове ружьем, и старуха замолкла навсегда. А теперь она смотрела на Висенте своими остекленевшими глазами.

Негр метался из угла в угол, но глаза убитой преследовали его повсюду. Он не мог убежать от этого ненавидящего взгляда. Вокруг — ночь и не видно ни зги. А Бенто все не приходил. Висенте был не в силах выносить дольше эту муку. У него было сердце тверже гранита, но, видно, вода подточила этот гранит, и он только казался таким твердым. Висенте снова сел на холодную землю. Он уже не сомневался в том, что с братом его кума случилась какая-то беда. Голоса ночи проникали ему в уши и сводили с ума. Казалось, кто-то стучит молотом по наковальне. И вдруг он, как в прошлую ночь, почувствовал присутствие какого-то сверхъестественного существа. Это не было существо во плоти. И Висенте задрожал с головы до ног. Никогда ничего подобного он не чувствовал, даже тогда, когда смотрел смерти в глаза, во время самых кровопролитных боев. Ему казалось, что на него надвигается что-то страшнее смерти. Он прижал голову к земле и жаждал одного: чтобы все поскорее кончилось. Хотелось превратиться в ничто, только бы не видеть этого ужаса. Он лежал на земле, как скотина в засуху, обессиленный, не в состоянии сдвинуться с места, оставленный на растерзание урубу. Ему начало казаться, что странное существо уже заполнило собой весь дом. Стало холодно, сильнее подул ветер. Он уже не различал, сон все это или явь. Тогда он еще плотнее прижался к земле. В таком состоянии он был не способен оказать сопротивление даже ребенку, не осмелился бы взять ружье в руки. И вдруг он услышал стон — это был опять голос девочки, пронзенной кинжалом. Нет, этого не может быть. Это, наверно, ему почудилось, это шум, доносившийся издали в затихшую каатингу. Он напряг

слух. Нет, это был голос умиравшей девочки, кровь сочилась из ее груди.

Сделав огромное усилие над собой, весь дрожа, он еле дотащился до двери и увидел: тут же, на суку дерева, сверкали в темноте глаза совы. Это она своими стонами сводила с ума негра. Оказывается, он испугался совы! Негр Висенте испугался поганой птицы и хотел бежать от почудившегося ему стона. Висенте взял себя в руки, пошел в комнату за оружием. «Надо прикрыть эти горящие в ночи глаза». Он взял ружье и прицелился. Дал первый выстрел — шум крыльев разрезал тишину ночи. Он промахнулся — видно, разучился стрелять... Тогда в бешенстве он разрядил в темноту весь магазин. Потом пошел в комнату и снова зарядил ружье. Прикосновение к курку сразу вернуло ему силы. Он опять стал самим собой. Так стоял он с заряженным ружьем в руках, готовясь выстрелить. Но в эту минуту до него донесся конский топот. Он укрылся за домом, опасаясь какой-нибудь неожиданности. Но это был Бентиньо в сопровождении лазутчика Апарисио. И он сразу стал прежним негром Висенте. Бенто и Рассеченная Губа принесли сведения об Апарисио.

— Он отправился в Жоазейро за благословением к отцу Сисеро*. Правительство штата Сеара хотело использовать Апарисио для борьбы с выступившими против правительства войсками. Апарисио передал Висенте приказ, чтобы он следовал за ним. Негр Висенте был нужен капитану.

— Сынок, скажу тебе, я здесь дошел до того, что потерял веру в свою пригодность для кангасо. Только что

---

* Жоазейро — городок в штате Сеара в трех лигах от Крато. Жоазейро известен в бразильской литературе как «крепость отца Сисеро», как «Мекка сертанцев». Отец Сисеро — чудотворец, легендарный вождь фанатиков. Сотни тысяч паломников стекались к нему, чтобы замолить свои грехи или умереть возле святого отца. Сюда приходили и кангасейро Лемпеон и другие. Поддержки отца Сисеро искали и различные политические деятели. Жоазейро объявил себя государством и имел свое правительство. Власти Бразилии организовали несколько крупных военных экспедиций против Жоазейро под командованием майора Ладислао, но сторонники отца Сисеро укрепили город и оказали вооруженное сопротивление, разгромив правительственные войска. Особенно известно сопротивление 1913 г., носившее название «Священной войны». Консервативная партия выставляла кандидатуру отца Сисеро в депутаты в парламент от штата Сеара. Жоазейро отца Сисеро нашло широкое отражение в фольклоре Бразилии.

стрелял в сову и не попал в проклятую птицу, сидевшую тут же, в двух шагах, на сучке. Совсем никудышный стал негр. Но стоило получить весть от кума, как я сразу переменился. Уедем сегодня же. В этом доме я не останусь ни минуты больше. Я боялся, что сойду с ума. Сейчас же пойду увязывать свой гамак.

Висенте собирал свои вещи, а Рассеченная Губа тем временем рассказывал об отряде Апарисио. Отряд вот уже больше трех недель отдыхал в фазенде полковника Карвальо в Сержипе. У Апарисио была опухоль на пальце, и врач — сын полковника — лечил его. Он выдавливал на пальце гной, а капитан даже не пикнул. К счастью, это было на левой руке. Солдаты в Сержипе и не догадывались, где он, разыскивали Апарисио в каатинге Баиа. Полковник Карвальо крепко держит правительство в своих руках, и ни один солдат не посмеет войти в его имение.

— Вот так, Висенте, мы должны добраться до реки у Пираньяса.

Они обо всем условились и назначили время отъезда на рассвете. Негр Висенте не мог сдержать своей радости. Сварил кофе и потом откровенно признался:

— Я не раз смотрел смерти в глаза — и ничего, а здесь, в этом доме, один в глуши, я дрожал от страха. Сам не пойму отчего. Испугался, и подумать только — совы. До вашего прихода я был в ужасном состоянии, у меня не было даже сил сдвинуться с места. Дьявольское наваждение, не иначе! Послушай, сынок, я участвовал в таких горячих схватках — я говорю тебе истинную правду, а не из хвастовства, — и никогда не дрогнуло у меня сердце. Расскажу тебе один случай: я был с кумом недалеко от Флореса. С нами было еще трое парней. Нас окружил ни больше ни меньше, как отряд сержанта Малкиадеса из Пернамбуку. И как окружили! Солдаты застали нас в доме фазенды и засели за каменной оградой. Апарисио и говорит мне: «Кум, есть только один выход — открыть окно и прорваться с кинжалом в руках». Сказано — сделано. Трое парней были настоящими мужчинами. Мы отстреливались свыше часа, а к утру, я хорошо помню, чуть забрезжил рассвет, кум сказал парням: «Пора!» — и открыл дверь. Мы все пятеро начали прорываться из окружения. Солдаты не ждали этого... И мы ушли в каатингу, а чертова западня осталась позади. Я и кум взобрались на камни и, к счастью, повстречали там матуто, ехавших с ярмарки, и на их ко-

нях добрались до Инко, фазенды старого Каземира. Я все это время не испытывал никакого страха. Кум сказал мне: «Старик, сержант Малкиадес чуть не спустил с нас шкуру». Я не верю в молитву, но кум верит. «Послушай, — говорил Апарисио, — наверно, моя старая мать молилась за нас в тот час. Только бог мог спасти нас от этого сатаны». А здесь, в этом доме, я лежал и дрожал от страха. И отчего, сам не знаю.

На рассвете Висенте ушел. Бенто видел, как они уходили. Негр сиял от счастья, а Рассеченная Губа был мрачен. Дорога была опасная, всюду сновали солдаты. Но Рассеченная Губа знал обходные пути, тропинки, по которым они могли пробраться незамеченными. Негр шел пешком, неся гамак за спиной, Рассеченная Губа ехал верхом на лошади с вьючным седлом, как ездят матуто на ярмарку.

Наступило ясное утро; небо было голубое, солнце ярко сияло над цветущими деревьями, во все горло заливались желтые канарейки, и жалобно стонали дикие голуби. А Бенто чувствовал себя одиноким, как никогда. Как ни странно, присутствие негра, за которым он ходил, связывало его с внешним миром. Висенте возвращал его к жизни в Аратикуме, к братьям, и прежде всего к Домисио. Рядом с ним был убийца, человек с сердцем тверже камня, разъяренный тигр, но он не боялся его. Ему даже приятно было его общество. Теперь он совсем одинок, ему более одиноко, чем раньше. И опять проснулись все сомнения. Он представил себе Алисе, ожидающую от него поддержки, мечтающую счастливо жить с ним вместе вдали от кангасейро, летучих отрядов, всех ужасов сертана. А хватит ли у него на это сил?

Он запер дом и спустился с горы. После недавних дождей в сертане все было в цвету. Вокруг не было ни одной сухой полоски, ни клочка земли, ни оврага, где бы не цвело все. Отовсюду несся сладковатый аромат мусамбе.

С негром Висенте Бенто чувствовал себя лучше, чем с мастером Жеронимо, — мастера он боялся. С тех пор как он сблизился с ним, он почувствовал себя за что-то ответственным. Недалеко от дома он увидел на обочине дороги поджидавшую его Алисе.

— Бенто, я пришла сюда, чтобы поговорить с тобой наедине. Отца словно муха какая укусила. Вчера он сказал мне: «Подозрителен мне твой жених. Я заметил, как он шепчется с гуртовщиком Рассеченной Губой. Черт знает

что!» Он рассказал мне о негре, который живет там, наверху, у тебя на участке. Я пришла поговорить с тобой, чтобы мне не пришлось узнать все от других. Отец подозревает, что здесь замешаны кангасейро. С тех пор как он узнал, что Зе Луиз с ними, он не находит себе места и страдает даже больше, чем мать. Отец чувствует отвращение к кангасейро. Бенто, он заладил одно, каждый день твердит: «В кангасо идут последние негодяи». Ты действительно знаешь что-нибудь об этом?

Бенто не в силах был сопротивляться любимой. Он хотел открыться, рассказать все, но в конце концов, сделав над собой усилие, пробормотал:

— Нет, Алисе, ты сама прекрасно понимаешь, я не гожусь для такого дела. Твой отец перестал мне доверять потому, что старому Кустодио нравится болтать со мной о кангасейро. Но это только сумасбродство старика.

— Да, Бенто, я уверена, кангасо тебе не по душе. Но у тебя есть какая-то тайна. Да, это так. Мой старик тоже подозревает, что здесь скрыта какая-то тайна. Я думаю, что ты многое скрываешь от меня. Я помню твою старую мать. Бедняжка, ее мучила какая-то тайна, как и тебя... Синья Жозефина страдала, скрывая что-то от людей. И ты таишься от меня. Я знаю, что это так...

Парень не ответил ни слова. Он с трудом подавлял желание все высказать. Но какая-то сила заставила его молчать. Он опасался, что от него будут бежать, как от прокаженного, Алисе и ее отец будут считать его предателем, проклятым от рождения. Страх сковал его и мешал признаться, а ему так хотелось это сделать...

— Нет, Алисе, я ничего не скрываю от тебя. — Голос его звучал неуверенно, как у человека, чувствующего за собой вину. Девушка недоверчиво посмотрела на него и сказала:

— Раз ты не решаешься довериться мне, я не хочу иметь ничего общего с тобой. Значит, я недостойна твоего доверия... — Девушка повернулась и ушла.

Бенто хотел бежать за ней, но что-то удерживало его, и он остался. «Что могу я дать любимой?» — думал он в отчаянии. Он будет ей в жизни только помехой. Ведь он — брат кангасейро!.. Из семьи проклятых!.. И Бенто продолжал неподвижно стоять, глядя вслед свернувшей с дороги Алисе, на его глаза навернулись слезы, и он усомнился в правильности своего поведения. Нет, нужно до-

гнать девушку, нужно победить страх, мучивший его всю жизнь. Он окликнул Алисе, она остановилась, а потом быстро пошла ему навстречу.

Бенто побежал к ней, они встретились и бросились друг к другу в объятия. Это чудесное июльское утро словно было создано для любви, которая наконец победила. Слезы текли из черных глаз Алисе, мешаясь со слезами Бенто. Вся цветущая земля дышала жаждой жизни...

На дороге показался какой-то человек — это подходил мастер Жеронимо. Его появление смутило влюбленных. Но старик спокойно сказал:

— Дочка, я ищу тебя. Иди к матери, ты нужна ей.

Когда Алисе ушла, мастер сказал Бенто:

— Вот уже два дня, как я хочу поговорить с тобой об одном деле: Метис Терто сказал мне, что ты в родстве с Апарисио, что ты из Ассу и был в Педра-Бонита. Мне нет дела ни до чьего родства. В этом сертане нельзя никого осуждать, но у меня душу воротит от людей, замешанных в кангасо. Мой сын ушел к ним... Если бы я был в Брежо, этого никогда бы не случилось. Мальчик совершил преступление, да и какое там преступление: если бы у него был покровитель, суд оправдал бы его. Кангасейро убивают и грабят, нападают на фазенды и бесчестят девушек — это дело для негодяев. У метиса Терто есть брат. Он взялся за ружье и говорит, что мстит за отца. Но нет, это нехорошо. Кангасо — плохой путь, а мой сын пошел по этому пути... Я вернусь в Брежо. Не могу я больше жить среди этих иуд. Пусть будет что будет, может быть, даже придет такой день, и я наделаю хлопот. Но я не буду чувствовать за собой никакой вины. Вот только жена не хочет двигаться отсюда из-за дочери. Но все равно я не останусь здесь. Девочка сама уже все понимает. Если хочешь идти со мной, пойдем. Я вижу, как старый Кустодио со дня на день все больше теряет разум и все больше слабеет. Но скажи: ты действительно в родстве с Виейра?

Бенто секунду помолчал в нерешительности, потом словно что-то в нем прорвалось, и он ответил, как бы беря на себя ответственность за все преступления своего рода:

— Да. Я — брат Апарисио.

Мастер ничего ему на это не сказал. Молча, не глядя друг на друга, шли они, и, когда приблизились к воротам, Жеронимо, повернувшись к Бенто, спросил:

— А твоя невеста знает об этом?

— Нет, мастер, не знает. Только капитан Кустодио, да вот сейчас узнали вы. Старик связан с ним, — ответил Бенто и тут же спросил: — Мастер, теперь вам все известно, скажите же мне, виноват я в том, что я брат Апарисио?

— Нет, сынок. Ты ни в чем не виноват. Только мне это очень горько. Я люблю тебя, как отец. Ну что же, у каждого своя судьба! Ты не похож на убийцу, у тебя душа хорошего человека. — И, заметив, каким печальным стало лицо парня, он дотронулся до его плеча и сказал: — Ничего, ничего. Алисе — моя дочь — может быть твоей женой. Только я должен уйти из этой фазенды, и как можно скорее. А тот негр, что жил у тебя на горе?

— Это был негр Висенте.

— Не может быть! Тот зверь? Он еще там?

— Нет, сегодня он ушел в отряд, на ту сторону реки. Он еле держался на ногах, когда пришел сюда, а теперь совсем поправился.

Распрощавшись с мастером, Бенто побрел к запруде: ему хотелось побыть одному и на свободе все обдумать. Он понимал, что, открывшись во всем мастеру Жеронимо, он сделал решительный шаг в своей жизни.

Бенто остановился у края дороги и только тогда вдруг почувствовал, какой огромный груз свалился с его плеч. Теперь он мог рассчитывать на чью-то помощь. Он уже не был бессильным рабом мучивших его страхов. И с болью вспомнил мать, сошедшую с ума старую Жозефину. Она кончила жизнь так печально потому, что не могла переложить на чьи-либо плечи часть непосильного груза, и он придавил своей тяжестью мать кангасейро. Мастер сказал ему, что собирается уйти отсюда. Да, они все уйдут с этой земли, спасаясь от грозящей им опасности. Мастер будет направлять их, и он отдохнет. «Теперь я не один», — с радостью подумал Бентино.

Утки весело плескались в воде. В это июльское утро небо было безоблачное; легкий ветерок шевелил листву журема, попугайчики стаями садились на зеленую поросль среди цветов. Бенто вдруг почувствовал себя, словно человек, который неожиданно выздоровел после тяжелой болезни. Скоро он будет далеко-далеко от своих несчастий. Но такое состояние длилось недолго. Он увидел, как, волоча опухшую ногу, навстречу ему шел старый Кустодио.

— Сынок, я уже посылал за тобой метиса Терто. Ведь ты же знаешь, что у меня кровная месть, и я все время ду-

маю об этом! А этот мастер Жеронимо оказался в заговоре с семьей, которая заинтересована в моей смерти. У меня есть родственники в Брежо де Мадре — мой племянник, сын брата Нонато; он обосновался там со своей семьей, после моей смерти ему достанется все мое имущество. Так этот Жеронимо в заговоре с ним. Подумай, какой негодяй! Пришел сюда с одним гамаком за плечами и так отплатил мне. Ах, сынок, не поступи и ты со мной так же, нет, только этого мне не хватало. Он уже давно подкапывается под меня. Брежонец не заслуживает доверия. Пригреешь его в своем доме, а потом окажется, что пригрел змею. Видишь, как это случилось: я взял к себе мастера, предоставил ему все, а этот предатель готовит мне западню.

— Капитан, — возразил ему Бенто, — вы глубоко ошибаетесь. Мастер уезжает, я ручаюсь вам, что он не останется в вашей фазенде.

— Неправда, сынок, все это для отвода глаз. Тут сговор... Да, они подкапываются под меня Негодяй Касуса Леутерио убил моего сына. Я до сих пор помню все, как будто это было сегодня. Я находился в доме, жена позвала меня. Люди принесли моего мертвого мальчика в гамаке и положили, всего исколотого кинжалами, у порога. Это был мой сын. Он был мертв. И это оскорбление... А что плохого я сделал этому подлецу? И весь сертан знает, что у Кустодио дос Сантоса, сына почтенного человека, не хватило мужества, чтобы отомстить за убийство родного детища. Твой брат ничего не смог сделать. Бежал от Касуса Леутерио. Все боятся его. Даже правительство считается с его силой. Старик стал задыхаться. Нельзя было разобрать слов, из горла вырывался только глухой хрип. Вокруг в сертане было тихо, только с водоема доносилось кряканье уток. Но вот приступ удушья прошел и Кустодио заговорил более спокойно:

— Но, послушай, во мне еще теплится жизнь, и этого достаточно. Теперь я рассчитываю только на самого себя. Моя старушка умерла от огорчения. Да. Но я должен покончить с Касуса. Нет, я должен показать, что я настоящий сертанец...

Ветер шумел в листве большой журема, над водоемом кружили урубу.

— Должно быть, там мертвая утка, — сказал старик.

Из его маленьких глаз, как вода из источника у подножия скалы, сочились слезы.

XII

В отряде негр Висенте застал новых людей. Среди них — парня, по кличке Бем-те-ви *. Этот худощавый паренек, совсем еще мальчик — на лице едва пробивался пушок, — чем-то напоминал Зеленую Кобру. Он был такой же сдержанный и очень смелый. Было известно, что он пришел из Такарату, из мест, где негр восстанавливал свои силы после ранения. Это был сын мастера Жеронимо, историю паренька рассказал ему младший брат кума Апарисио. Среди новичков был еще высокий, тощий негр, по имени Меладо. Висенте недолюбливал таких людей в отряде. Он знал только одного негра Дентиньо, дезертировавшего из полиции, — тот действительно был стоящим парнем, и он высоко ценил его. В окружении у Серроте Прето, которое прорвали кангасейро, он показал себя настоящим храбрецом. Кум Апарисио может сказать, что жизнью он обязан ему, его натиску в тот день; обрез в его руках палил, как пушка, а потом подошло время для кинжала, и негр колол, не щадя никого. Не то что другой негр, Тату, которого Висенте знал еще у покойного Гомеса. Тату был первоклассным бойцом, когда речь шла о перестрелке, но, когда начиналась схватка врукопашную, он отворачивался, чтобы не видеть крови. Нет. Такие люди не годятся для кангасо. Мужчина, который боится крови, слабее женщины. Кум сказал Висенте, что Меладо прибыл из Сеара, из отряда доктора Флоро. Он дрался против сил правительства на стороне отца Сисеро. Может быть, он и вправду стоящий парень!

Вначале Висенте еще чувствовал некоторую слабость в ногах.

По пути, когда он шел с Рассеченной Губой, не произошло ничего особенного. Они переправились через реку пониже источника, не встретив солдат. Свой отряд застали в условленном месте. По случаю возвращения друга Апарисио устроил праздник. Старые кангасейро обрадовались ему. Апарисио сейчас же рассказал другу о своих неудачах после нападения на Жатоба. Уединившись под умбураной, они все обсудили. Негр так отозвался о младшем

---

* Бем-те-ви — небольшая насекомоядная птица с желтым брюшком, которая водится в Америке. Кличка означает «желторотый птенец».

брате Апарисио: «Парень хороший, но чудак и для кангасо не годится».

— Кум Висенте, — обратился к негру в свою очередь Апарисио, — скажу тебе нечто похуже: не брату Домисио командовать нашими парнями. Тут случилась чертовщина, и я вынужден был проучить Инасио, хотя он и стоящий парень. Этот черт все искал повода к ссоре с братом. Мне говорили, что это из-за женщины, приглянувшейся обоим в фазенде Лоуро. Я вызвал парня и выложил ему все начистоту, а он вздумал ответить мне дерзостью. Тогда я прикрикнул на него: «Здесь повышать голос могу только я, и никто другой» — и проучил его. Брат Домисио все время ходит хмурый. Я его хорошо знаю, он слишком мягкосердечный, чтобы жить нашей жизнью.

Потом Апарисио заговорил о предложении доктора Флоро:

— Нас зовет к себе доктор Флоро, правительство штата не ладит с армией. Я не согласился, кум. Доктор обещает добиться амнистии правительства, но из этого ничего не выйдет. Разве можно верить их слову? Такова наша жизнь. Я кангасейро и хочу умереть кангасейро. Кстати, раз я уж заговорил о смерти: должен признаться тебе, кум, что весть о смерти матери не выходит у меня из головы. Брат Домисио сказал мне, что она лишилась рассудка, а старуха была крепкой. Теперь я совсем уже не тот. Скажу больше: у меня нет прежней уверенности во время боя. В день нападения на Жатоба я вспомнил старуху и почувствовал себя, кум, совсем одиноким. Какое-то затмение нашло на меня, и я не знал, что делать... Ведь я хорошо понимал, что полковник Леутерио не подготовлен к атаке, и все же заставил своих парней отступить. Потом ты был ранен, и я сказал Домисио: «Мой кум не должен умереть», — у меня в отряде ведь нет другого такого стоящего человека. Правда, храбрых парней у меня много, но человека с головой нет. Брат Домисио дерется горячо, но, когда нужно подсказать что-нибудь, молчит, как слабоумный. Он всегда был такой. У меня есть теперь еще негр, который пришел от доктора Флоро, похоже, что он решительный парень и умнее, чем кажется.

Негр Висенте заговорил о своей болезни:

— Знаешь, кум, я видел «курносую» рядом с собой в гамаке. Трясло меня дьявольски. Твой брат Бенто ухаживал за мной, точно мать родная. Хороший мальчишка...

Но у негра Висенте хватит сил выдержать еще многое. Потом меня одолел страх. Не иначе как подействовало одиночество! Хотел пойти разыскивать отряд, но подвели ноги. Мне даже мертвецы мерещились. Это не страх, кум, но все же порой я весь обмирал, как будто уже отправился на тот свет. Вот как бывает. Но все прошло, и теперь нужно думать о жизни. В сертане много солдат. То, что солдаты ищут повсюду «революционеров» *, может повредить нам. Лучше оставаться здесь, в Сержипе.

— Так-то оно так, кум, но парни не могут сидеть без дела, жизнь без стычек для них не жизнь, совсем зачахнут. Я все подумываю, как бы снова атаковать Жатоба.

— Кум, нужно выждать. Полковнику повезло один раз, второй раз будет наш, — ответил Висенте.

Глаза Апарисио были налиты кровью. Он не брился уже больше двух недель, волосы, обильно смазанные бриллиантином, спадали на уши, на пальцах сверкали золотые перстни, а на лице лежала печать страшной усталости.

— Кум, мне не нравится такое положение, — продолжал Апарисио. — Эти нелады между правительством и федеральной армией доставят нам еще немало хлопот. В сертане становится все теснее. Мои пятнадцать парней бездействуют, а это им не по нраву. Безделье им не впрок. Кангасейро не может сидеть сложа руки. Вот я и решил предложить тебе одно дело, все время вертится у меня в голове: коитеро Зе де Нана говорил мне, что старый Неко Силвино продал недавно сотню мешков шерсти. Его фазенда находится в районе Серидо, там наши люди не дали ни одного выстрела. Этот старый Силвино очень богат, и у него нет своих парней. Его сын враждует с полковником Поликарпо до Жардим — дело политики. Полковник Поликарпо умеет быть другом. Тебя, кум, еще не было со мной, когда я вел с ним дела. В его фазенде Кеймаде я пробыл с отрядом больше пятнадцати дней, меня трясла чертова лихорадка и со мной обращались, как с родным сыном. Я узнал о вражде старого Неко с полковником Поликарпо, а друг есть друг, кум! Наши парни бездельничают, и теперь, когда ты вернулся, можно прогуляться в штат Рио Гранди до Норти. А то от безделья все изведутся. Дорогу

* Автор имеет в виду группировки, боровшиеся против правительства, в которых большую роль играли военные.

я помню. Мне нужно только дождаться сведений от коитеро Зе де Нана.

Негр Висенте подошел к парням и заговорил о Жоазейро, об отце Сисеро, которого они видели. Заметив Домисио, похудевшего, с длинными, спадавшими до плеч волосами, Висенте пошутил:

— Каешься, грешник?

Они отошли в сторонку. Домисио хотел знать все о брате и молча слушал рассказ негра. Расспросил о предстоящей женитьбе Бенто на дочери мастера и потом сказал:

— Ах, Висенте, после смерти нашей матери у моего брата Апарисио в голове все помутилось. Хорошо, что вы вернулись наконец. Ему ничего нельзя было сказать, Апарисио не хотел слушать ничьих советов.

— Да, паренек, мой кум жил верой в молитву старухи. А когда человек лишается такой опоры, он совсем теряется. Ты не помнишь Зе де Соуса? У него тоже была мать очень богомольная. Драться рядом с ним было страшно, пули пролетали, не касаясь его, и поражали других. А когда он узнал о смерти матери, он совсем рехнулся. Во время одной перестрелки в районе Сан Жозе Эжито я видел, как он, свернувшись в клубок, точно змея, весь дрожал. Я подкрался к нему, а эта тварь даже не шевельнулась. Когда я крикнул ему: «Стреляй, подлец!» — он и головы не поднял. Бой был в разгаре, против кума дрались солдаты лейтенанта Левино, а я остался с пятью парнями, чтобы прикрыть тыл. Зе де Соуса лежал и не шевелился. Тогда я вспомнил о его покойной матери и крикнул ему прямо в ухо: «Что, боишься старой ведьмы, твоей матери?» Только тогда парень очнулся, прыгнул через камень, и я услышал его крик. Солдаты тотчас набросились на него. Я зашел слева с берега реки и стал стрелять в гущу солдат. Зе де Соуса свалился мертвым, а лейтенант Левино спасся бегством. Вот как бывает!.. Теперь кум задумал новое дело. В любую минуту может сняться с места. А этот негр, новичок, в самом деле храбрый?

— Такая за ним слава. Говорят, что он был у доктора Флоро. Брат Апарисио верит в него. На деле он еще не показал себя.

— Сынок, скажу тебе: хватит с меня таких негров. Не видел ни одного стоящего. У них слава, то, другое, третье, а когда дойдет до дела, боятся рискнуть. Я, может, конечно, ошибаюсь. Мой кум знает, что делает.

Парни громко хохотали, и казалось, что в тиши каатинги рычат дикие звери.

— Твой братишка Бенто создан для другой жизни. Он ходил за мной, как за родным братом, был мне самым преданным другом. Видно, что он белый и знает хорошее обращение.

На другой день еще до рассвета отряд переправился через реку и углубился в каатингу, впереди шел лазутчик Салустиано. Дорогу Апарисио знал хорошо. Идти предстояло немало дней, но кангасейро не пугали расстояния. Они делали короткие привалы в «убежищах» и наконец дошли до фазенды некоего Минервино в Эшу. Там они должны были отдохнуть перед предстоящей операцией. Старый Минервино хранил в горах оружие и давал пристанище отряду. Здесь Апарисио узнал, что правительственные войска только что прошли через штат Параибу и угнали всю сколько-нибудь пригодную для верховой езды скотину. Сертанцы были возбуждены. К счастью, в Эшу солдаты не заходили. Апарисио стал расспрашивать владельца Эшу о Неко Силвино, но тот уклонился от ответа.

— Капитан, я плохо знаю этого человека, и, по правде говоря, мне ничего не известно о его доходах.

Но Апарисио не унимался:

— Я должен расплатиться с этой собакой.

— У капитана есть какие-нибудь сведения об измене этого человека? — спросил Минервино.

— Нет, ничего такого, но сын старика оскорбил полковника Поликарпо до Жердим, а я не потерплю, чтобы оскорбляли моих друзей.

Парни расположились на ночлег в амбаре фазенды. Апарисио вызвал Висенте и сказал ему:

— Кум, этот Минервино, кажется, покрывает старого Неко. Я стал его расспрашивать, а он уклонился от ответа. Придется его крепко проучить.

Апарисио позвал Минервино и без обиняков спросил его:

— Минервино, без лишних слов, скажите откровенно: с нами вы или не с нами?

— Капитан, таких вопросов не задают...

— Тогда скажу я. Я спросил вас о Неко, а вы уклонились от ответа... Знаете, со мной нельзя вилять.

— Капитан, я честный человек и с вами работаю давно. У меня семья, и я не потерял стыда.

— Ну, ладно, я только предупредил вас, — сказал Апарисио. Потом он вызвал из дома негра Висенте:

— Завтра на рассвете мы уходим отсюда.

И дал указание лазутчику Салустиано:

— Отправляйся спешно. Маршрут у тебя есть. Посмотри, что делается в ближайших фазендах. Мне говорили, что Салданья сыт по горло правительством. Завтра мы остановимся в тех местах, вблизи Луис-Гомеса под деревом жатоба. Я хочу знать все, вот уже больше двух лет, как я не заходил в Серидо.

Вся семья Минервино ухаживала за капитаном и его людьми. На ужин зарезали кур, и парни ели, смеялись, шутили. Соблюдение уважения к хозяину и его семье в доме коитеро было нерушимым законом для кангасейро. Девушки знали, что их никто не обидит.

Апарисио вышел, чтобы продолжить разговор со своим помощником. До поздней ночи обсуждали они планы и приказы, но остальные ничего не знали до самого утра. Их вызывали по одному и давали задание только перед самой операцией — во время схватки каждый знал свое место.

— Кум, я не доверяю этому Минервино. Мы все же сначала займемся старым Неко. Коитеро доверяют до того дня, пока он служит беспрекословно. Не понравился мне разговор с этим Минервино. Неужели эта тварь связалась с солдатами?

— Кум Апарисио, приказываете вы, но мне кажется, что мы ошибемся. Минервино давно связан с нами. Кум хорошо знает, что у него запасено оружия больше чем на три года.

— Все же, кум, мы уйдем на рассвете. Салустиано должен принести сведения. Это — лучший лазутчик из всех, какие у нас были.

На рассвете отряд ушел. Но прежде чем уйти, капитан вызвал к себе Минервино:

— Вот что я скажу тебе: я недоволен твоим поведением.

— Но этого не может быть, капитан!

— Так оно и есть, раз я тебе говорю. Жизнью своей ты обязан куму Висенте. И запомни раз навсегда: человек, который работает со мной, должен быть, как верная жена, и с другими не путаться.

Еще не погасли на небе звезды, а отряд был уже в

пути. Парни шли строем, и только слышно было, как альпаргаты отбивают шаг по сухой земле. Никто не произносил ни слова. Апарисио и негр шли немного позади других. Когда рассвело, отряд укрылся в каатинге и продолжал медленно ползти через колючие кустарники, точно пресмыкающееся. В полдень они сделали привал и подкрепились вяленым мясом с мукой и плитками неочищенного сахара, которые несли с собой в мешках. Потом им пришлось спуститься к канаве у самого выхода на проезжую дорогу. Они остановились под оитисикой и там увидели догорающий костер: недавно здесь проходил караван. Они задержались, только чтобы напиться. Идти предстояло еще весь день и всю ночь. Лазутчик со сведениями будет ждать, как договорились. Апарисио все время молчал. Обычно он молчал до первого выстрела и только тогда начинал кричать, командовать и умолкал, когда все кончалось. Но на этот раз все было не так, с ним что-то происходило, а что, он и сам не понимал. Это был не страх и не нерешительность перед боем. С того времени, как умерла мать Жозефина, с ним что-то произошло, он чувствовал какую-то слабость, словно ему не хватало воздуха. Домисио вышел из его доверия, он считался только с Висенте.

Кангасейро пробирались через непроходимую чащу. Бем-те-ви, новичок в таких переходах, исцарапался до крови. Ветка острого «кошачьего когтя» поранила все лицо. Домисио шел с ним рядом и предостерег его:

— Паренек, ты не умеешь еще ходить по каатинге. Будь осторожен, такой шип может сделать тебя слепым на всю жизнь. — Потом Домисио заинтересовался: — Ты из Такарату, из фазенды капитана Кустодио — Рокейры? Бенто, наш брат, по словам Висенте, собирается жениться на дочери мастера Жеронимо. Когда я скрывался у капитана Кустодио, лечился там после ранения, братишка рассказывал мне об этом мастере. Ты не знаешь его?

— Это мой отец.

— Так, значит, ты брат этой девушки!.. Я бы хотел, чтобы Бенто сейчас не было в этом сертане, не годится он для этого. И тебе, мальчик, не нужно было идти в кангасо. Мой брат Апарисио очень не хотел принимать тебя в отряд.

— Да, так оно и было. Он не верил, что я справлюсь с оружием, но я доказал, что справлюсь. Мой отец дважды был под судом, совершил два убийства. Он все время твер-

дил мне: «Сынок, человек создан не для того, чтобы терпеливо сносить оскорбления». Я в кангасо, потому что не хочу попасть на каторгу только из-за того, что у меня нет покровителя.

Домисио смотрел на Бем-те-ви и вспоминал Бенто. Правда, брат был старше, чем этот мальчонка с большими глазами и совсем юным лицом. Он вспомнил Аратикум и почувствовал, как далек теперь от дней своей юности; казалось, что все это было совсем в другом мире. И вдруг его охватила тоска, захотелось опять стать таким, каким он был в юности, захотелось полюбить, хотя он и сам не понимал что.

К ним подошел негр Меладо.

— Бем-те-ви, хочу видеть тебя уже с ружьем,— и улыбнулся.

Юноша ничего не ответил, за него сказал Домисио:

— У парня, видно, есть хватка. А, когда человек только пришел в кангасо, никогда не известно, что из него выйдет.

Бем-те-ви улыбнулся.

— Конечно, Меладо, человека проверяют в деле.

С наступлением ночи отряд вышел на дорогу; выбрали полянку у самого изгиба реки и там расположились на отдых. Бем-те-ви и Домисио держались вместе. Парни разожгли под оитисикой костер и стали жарить мясо. Запах курева разнесся в тихой, безветренной ночи. Апарисио улегся на землю подальше от остальных, а Висенте подошел поговорить с парнями.

— Капитан собирается «поработать» завтра ночью. Дело не сложное. Зря патроны не тратить! Нужно проучить одного старика, чтоб не путался с солдатами. — И, заметив рядом с Домисио Бем-те-ви, обратился к нему: — Сынок, тебе уже пришлось побывать в огне?

— Нет, сеу Висенте.

— Ну, ничего, ты только не теряйся; люди думают, что это трудно, но это не так. Нужно только держаться крепко. Мне не пришлось видеть ни одного настоящего парня, который не растерялся бы в первом бою. Смелостью заражаются друг от друга.

Час спустя они снялись: им предстояло идти всю ночь. На рассвете они должны были достичь Луис-Гомеса. Апарисио знал каждый шаг, каждый кустик на этом пути. Они пробирались долго по узкой тропинке, почти совсем

заросшей кустарником, а когда вышли на открытую площадку, услышали топот кавалькады. Все бросились в кусты и прижались к земле. Это оказался караван матуто.

Апарисио остановил всадников выстрелом и крикнул:

— Кто у вас за старшего?

Вперед вышел старик с перекинутой через плечо сумкой и обратился к Апарисио:

— Я говорю с капитаном Апарисио?

— Ваш слуга, старик, — ответил Апарисио.

— Приказывайте, капитан.

Выяснилось, что караван шел из Луис-Гомеса, где они закупали зерно для ярмарки в Эшу.

— Капитан, эти лошади — все, что у меня есть...

— Мне от тебя ничего не нужно, старик, скажи только, видел ты там солдат?

— Летучий отряд мы не встречали, капитан, знаю, что лейтенант Камаринья окружил фазенду Лукаса Салданья и перестрелка длилась всю ночь. Лукас Салданья враждует с братом Антониньо. На ярмарке в Луис-Гомесе говорили еще, что ваша милость виделся в Жоазейро с праведным — отцом Сисеро. Капитан, я в вашем распоряжении...

Апарисио попытался выспросить его:

— А как старый Неко Силвино?

— Капитан, я ничего не знаю. Поговаривают о ссоре его сына с полковником Поликарпо. Человек он очень богатый.

Когда караван ушел, Апарисио сказал Висенте:

— Кум, надо торопиться. Солдаты на дороге к Сеара. Нужно поскорее покончить с этим Силвино. Салустиано должен ждать нас, как договорились.

Бем-те-ви шел рядом с Домисио и молчал. Разговор начал Домисио:

— Парень, ты ведь жил с отцом, что же привело тебя к нам?

Зе Луизу нелегко было ответить.

— Это правда, но отец не мог защитить меня. Он всегда говорил: «Сын мой, у нас в Брежо есть покровитель, который может освободить тебя от суда, а здесь, в этом сертане, я не вижу такого человека, как доктор Кунья Лима». Я ранил кинжалом одного негодяя, и мне ничего другого не оставалось, как бежать. Я ушел в кангасо, чтобы не попасть на каторгу.

— Но, паренек, здесь тебе не игрушки, придется немало перетерпеть, пока привыкнешь к нашей жизни. А теперь прежде всего нужно осилить этот переход.

Всю дорогу парень мучился. Слова негра Висенте и Домисио не подбодрили его. Он много слышал об Апарисио, и тот казался ему сказочным героем. А теперь, когда он увидел его так близко, с воспаленными глазами, обросшего, необузданного в своих страстях, не умеющего сдерживать свой гнев, он понял, что это совсем не герой его юношеской мечты. А чего стоила жизнь с этими грязными и распущенными парнями?! В отряд Зе Луиз вступил во время ярмарки в Арранале де Лимейра. Кангасейро уходили, разогнав торговцев. Тогда-то он и подошел к Апарисио:

— Капитан, я хочу пойти с вами.

Посмотрев на него, Апарисио ответил:

— Нет, мне не нужны желторотые птенцы.

Но на помощь пришел Пилан Дейтадо:

— Капитан, мы ничего не теряем, парень подходящий.

Зе Луиз пришел в отряд без оружия, и только к вечеру второго дня, в убежище Жозе де Марио, ему дали обрез и велели стрелять.

Он прицелился и попал. Опять прицелился и опять попал. Так он остался в отряде. И с той ночи, во время всего первого странствования по каатинге, тоска по дому не покидала его. Он вспоминал мать, Алисе, своего старика отца. Родные знали о нем только то, что он стал кангасейро. Потом он был с отрядом в Жоазейро, видел отца Сисеро, массу паломников, живущих в шалашах; ему вспомнились рассказы матери о чудесах старца. Он обратил внимание на его глаза, в памяти запечатлелись его страстные речи. Отец Сисеро благословил кангасейро у входа в церковь. В первые дни мальчику казалось, что все это — увлекательная игра, кангасо действовало на его воображение неотразимо. Но мало-помалу он стал приходить в себя и разбираться в том, как выглядит все это вблизи. Апарисио не разрешал никому рта раскрыть, и все в отряде беспрекословно подчинялись ему.

Однажды к Зе Луизу подошел парень, некий Жермано, и спросил:

— Ты не из Рокейры капитана Кустодио?

Зе Луиз ответил на все вопросы, и Жермано спросил его о брате Терто. Потом сказал ему:

— Послушай, парень, ты пришел сюда, не имея ни о чем представления, а здесь жизнь совсем не забава! Приходится убивать живых людей, лучше бы тебе оставаться с твоей семьей. Ты ведь не должен, как я, мстить за отца, за оскорбленную сестру.

Так началась дружба Зе Луиза с Жермано, по кличке Кориско — Зарница. Из уважения к Кориско парни оставили мальчонку в покое. Благодаря этому он избежал жестоких шуток над собой. Обычно новичка испытывали, нагоняя на него страх. Над одним парнем — он был из Пажеу и спасался в отряде от каторги за убийство — подшутили, подняв в первую же ночь ложную тревогу. Мальчик, испугавшись, вскочил, схватил ружье и спросонья начал палить, не разбирая цели. Одна шальная пуля попала в парня, по кличке Фогон, и ранила его в ногу. Сначала Апарисио взбесился, но, узнав о проделке своих ребят, ничего не сказал, хотя раненый потерял много крови. Зе Луизу дали кличку Бем-те-ви. И теперь он находился в отряде, хотя это ему было и не по душе, он сожалел о том, что ввязался в эту историю. Но отступать было уже поздно. «Со временем войду во вкус», — думал Зе Луиз. Кориско очень привязался к нему. Зе Луиз помнил Жермано и его брата Терто, так непохожего на него, еще по Рокейре. Когда в свое время он узнал, что Жермано ушел в кангасо, он восхищался им. И вот теперь они встретились. Кориско уважали в отряде, он пользовался славой «неустрашимого», «смельчака», «твердокаменного», и, если бы не эта дружба, Зе Луиз не вынес бы первых дней тяжкой жизни кангасейро. Он видел, как жили парни: терпели нужду, голод и жажду в каатингах, пробирались через непроходимые заросли, ползали по земле, выслеживая солдат летучего отряда. Но больше всего в кангасо его угнетала необходимость жить вместе с людьми, потерявшими человеческий облик, грязными, обросшими, вечно сквернословившими, распущенными. И, если бы не Кориско, Зе Луиз сбежал бы в первые же дни. Он был всегда печален, и парни подшучивали над ним: «Бем-те-ви шелушится, у мальчика корь». А ему хотелось бежать от всего этого, но не хватало сил. Оставалось жить, как кангасейро, стать таким, как все. Над верхней губой пробивались усики, на щеках появилась щетинка. Когда по лицу катился пот, саднила кровавая царапина, содранная «кошачьим когтем» в каатинге. Брат Апарисио,

сторонившийся всех, ни с кем не разговаривавший, однажды подошел к нему побеседовать. Зе Луиз с интересом слушал его: Домисио был непохож на остальных.

Скоро предстоял первый бой. Когда Зе Луиз был еще совсем мальчонкой, ему нравилось играть «в Апарисио». Он устраивал маневры, засады. Вооружившись самодельным ружьем, с деревянным кинжалом за поясом, он с криком бросался в бой. Матери не нравилась игра, она хорошо помнила, что его отец убил человека. Зе Луиз думал об отце: с ним шутки плохи. От сына он всегда требовал, чтобы мальчишка не ходил оборванным — ведь он сын известного храбреца, находящегося под покровительством владельца плантации. Отец покинул Брежо, только чтобы не быть вынужденным убить еще одного человека. Так они очутились в Рокейре без покровителя. И вот Зе Луиз оказался в кангасо. А здесь все было совсем иначе, чем он себе это представлял, и мальчику безумно захотелось домой. Но это было невозможно. Вскоре ему предстоял первый настоящий бой.

Незадолго до захода солнца Апарисио остановил отряд в каатинге. Встреча с лазутчиком Салустиано была назначена на горной дороге, под деревом жатоба, и он ждал только наступления ночи, чтобы выйти на нее. Негр Меладо гнусавым голосом запел об отце Сисеро:

Отец Сисеро — праведный,
Сам бог ему силу дал.
Иоанну Крестителю он подобен,
Так Христос предначертал.

Он пел о жизни святого, о его добродетелях, чудесах, несчастьях, постигших сертанцев. Пение Меладо в наступивших сумерках звучало, как литания, как скорбная молитва. Парни притихли, слушая эту печальную песню. Он пел о засухах сертана, об Антихристе, о беспросветной тьме, об оружии, которое нес отец Сисеро, — оно было всесильным. Отец Сисеро — праведник, прославляющий Христа. В руках у святого — пальмовая ветка господня, он обладает даром исцеления, неистовством пророка и милосердием святого Иосифа. Во время этого длинного перехода, в надвигающейся ночи, когда ветер шумел в листве умбуруны, у Зе Луиза, по прозвищу Бем-те-ви, стало на душе еще тяжелее, и им овладел страх.

— Хватит, Меладо, — прикрикнул на него Домисио, — у людей и так душа болит!

И голос Меладо задребезжал в воздухе, как резко оборванный аккорд. Потом в наступившей тишине раздался другой голос. Это пел Пе-де-Венто:

Кружевница, ах, кружевница,
Отдай кружева.
Что для меня ты плела.

Это была веселая плясовая, которую обычно пели на праздниках. Парни подхватили ее и запели хором. Но веселье прервал резкий окрик Апарисио:

— Прекратить забавы! Забыли, дорога рядом!

Парни примолки, как нашалившие ребята. Наступила ночь. Апарисио обратился к Висенте:

— Кум, я что-то сомневаюсь! Что это Салустиано так запаздывает?

Они стояли под жатоба у обочины дороги. Отсюда при свете луны был виден каждый прохожий. Вдруг промелькнула тень на дороге и послышался стук альпаргат по каменистой земле. Это был Салустиано. Он сразу стал докладывать:

— Я был, как приказано, в Серидо́, все осмотрел. Народ боится правительственных солдат. Больше шести часов они обстреливали фазенду Лукаса Салданья, потом, закончив свое дьявольское дело, начали громить все вокруг. Это — летучий отряд лейтенанта Фелипе из семьи Пенья. Известно, что он не уйдет так скоро из этого района. На ярмарку в Луис Гомес не явился ни один торговец скотом. Солдаты получили приказ покончить с людьми Салданья. Капитан, я считаю, что сейчас не время атаковать полковника Неко Силвино. Я говорил с полковником Поликарпо. После того как я дал себя опознать, полковник увел меня в глубину двора и сказал: «Передай капитану, что дела обстоят неважно. Лейтенант Фелипе явился с приказом оставаться в Серидо: правительство опасается Лукаса Салданья. Он находится сейчас в Параибе и формирует группу для нападения на своего брата Антониньо». — Капитан извинит меня, — сказал в конце своего сообщения Салустиано, — но на этот раз мне там пришлось дьявольски трудно, и я даже опасался, что меня задержат. Шел я по дороге и остановился в лавчонке на земле капитана Лауриндо, хотел что-нибудь перекусить. Там ко мне привязался какой-то тип, но я промолчал и не ответил на его приставания; парень,

видно, думал, что я человек Салданья. Капитан, время неподходящее для нападения на Серидо.

Апарисио приказал лазутчику присоединиться к отряду. Потом обратился к Висенте:

— Кум, видно, и в самом деле некстати мы все это затеяли. Я сомневаюсь в Минервино. Тот уклонился дать сведения, а теперь приход Салустиано грозит бедой. Его, видно, выследили шпионы летучего отряда.

Не успел Апарисио кончить, как на дороге появился большой караван, а за ним человек восемь солдат. Вначале шли матуто, а за ними медленно двигались вооруженные солдаты. В тишине был слышен только топот альпаргат. Апарисио и Висенте поспешили уйти с дороги и присоединились к отряду. Там Пе-де-Венто тихо рассказывал историю.

Негр Висенте резко прервал его:

— Тушите огни! На дороге солдаты! Ползком и поглубже в каатингу! Осторожнее с оружием!

Парни моментально перевесили гамаки себе за спину и поползли, как змеи, сквозь колючий кустарник, разыскивая у подножия горы тропинку, которую знал только Апарисио.

— Кум, а Минервино все же предал, и нам грозит опасность. Шпион шел по пятам Салустиано. Нужно укрыться в каатинге и к утру добраться до Серрате дас Онсас. Там легче будет ускользнуть.

XIII

Два дня провели они в каатинге, утоляя голод и жажду корнями растений. Апарисио все время повторял:

— Нужно потерпеть, пока оторвемся от солдат.

Впереди шел Салустиано. Слух и зрение у него были нечеловеческие. Он слышал и видел то, что не видели и не слышали другие, а нюх у него был острее, чем у ищейки. Пробираясь по каатинге, под умбурунами, Бем-те-ви понял, как невыносимо трудна жизнь кангасейро. Пе-де-Венто, задрав голову кверху, прикрыв глаза, все время рассказывал истории:

— Сынок, случилось это при дворе Карла Великого, во времена пэров во Франции. Бог словно направлял оружие

королевских воинов, а против них стояли турки, губившие христиан. И был такой воин Оливейро, вроде сын короля. Поднялись христиане против мавров...

Приглушенный голос рассказчика звучал среди колючих кустарников мягко и задушевно. Под этот голос мысли Зе Луиза уносились далеко. Ему не хватало матери, Алисе, отца. Сердце сжималось от боли, и тоска по близким мучила больше, чем голод и жажда. На привале Домисио и Кориско говорили:

— Приходится терпеть, а иногда прямо хочется, чтобы всему поскорее конец пришел.

Негр Меладо потерял голос, и уже не слышно было ни его гнусавого пения, ни стихов, которым он выучился у странствующих певцов. Голод и жажда напоминали о себе все сильнее. Только на третий день Салустиано принес весть, что солдаты ушли на Такарату. Апарисио интересовался движением на дороге.

— Все спокойно, торговцы ходят без опаски, — ответил Салустиано.

Тогда капитан поднял людей, они вышли из каатинги и направились к скалам в Серроте дас Онсас. Лица у парней были исцарапаны, глаза впали и лихорадочно блестели, израненные корнями губы пересохли. Отряд собирался передохнуть в доме коитеро по имени Но де Донинья в двух лигах от реки. Бем-те-ви не в силах был стоять на ногах. Израненные губы саднили, живот вздулся, голова горела. Он едва держал в руках ружье. Домисио подошел к нему.

— Потерпи, мальчик, уже близко.

Если бы Бем-те-ви был волен, он упал бы на горячую землю и не сделал бы ни шагу дальше. Кориско взял его за руку.

— Не показывайся в таком состоянии на глаза капитану, пристрелит без разговоров...

Солнце проникало через соломенную шляпу и жгло темя. Парень делал нечеловеческие усилия, чтобы не упасть. Кориско, шедший с ним рядом, поддерживал его, но мальчик чувствовал, как в глазах у него темнеет и все тело горит, точно в огне. В себя он пришел только в доме Но де Донинья и узнал, что в пути с ним было плохо. Кангасейро разговаривали на площадке у дома, хозяйка дома отпаивала Бем-те-ви мясным бульоном. Его лихорадило, болели глаза, ноги не слушались, а когда он попытался встать, то не смог удержаться на ногах и опять сва-

лился в гамак. Он был очень несчастен. Подошел Домисио.

— Ты болен, а мы должны покинуть этот дом. Брат Апарисио опять уходит в каатингу. По нашим следам рыщет летучий отряд, а у тебя нет сил двигаться. Это бывает с новичками.

Подошел Кориско.

— Бем-те-ви, чертовски скверно, но другого выхода нет. Тебе придется остаться у коитеро Но де Донинья, его жена полечит тебя, а на обратном пути капитан возьмет тебя с собой. Отряд вынужден опять скрываться в каатинге, капитан не хочет столкнуться с солдатами.

На следующее утро, на рассвете, отряд ушел. Вместе с пением птиц Зе Луиз услышал топот альпаргат по каменистой земле. Всем своим существом он вдруг почувствовал желание жить. Он обрадовался свободе и сразу решил, что вернется к родным. Нужно только окрепнуть, а там он найдет дорогу к потерянному дому.

Жар держался еще пару дней. Но понемногу силы вернулись к нему, и он стал передвигаться. Теперь он больше, чем раньше, дорожил каждой мелочью. Он наслаждался всем, что видел, всем, чего касались его руки, — и зеленой с круглой макушкой пальмой — он стоял под ее сенью, — и загону для коз, тут же рядом. От острого козьего запаха захватывало дух. Жена хозяина, еще совсем молодая женщина, отпаивала его молоком и старалась поднять на ноги. Женщина теперь не стеснялась его.

— Ты со своими волосами до плеч похож на зверя, — сказала женщина и заставила его вымыть голову. «Паренек, теперь ты уже сможешь помыться холодной водой», — сказала она в другой раз и принесла большой глиняный чан с мыльным корнем. Он сразу увидел, какой он грязный. Ему показалось, что это мать говорит ему: «Помойся, Зе Луиз! Иди, я хочу тебе вычесать голову, Зе Луиз».

И перед глазами проходило все его детство: арест отца, суд, слезы матери. Но он всегда гордился своим отцом — он был настоящим мужчиной и не боялся убить за оскорбление. Зе Луиз смыл с себя накопившуюся за много дней грязь. Жена Но де Дониньи Нока принесла ему немного радости в жизни. Он почувствовал себя с ней свободнее, особенно после того, как она как-то сказала ему:

— Паренек, ты что, с ума сошел? В твои-то годы связываться с кангасейро!

Он хотел ответить, что не желает и слышать об этой

несчастной жизни, и побоялся. Ведь Но де Донинья был лазутчиком Апарисио. Все это могло быть уловкой, чтобы погубить его. И он промолчал. Хозяин уходил из дому утром и возвращался только ночью. Уже через неделю Зе Луиз почувствовал себя совсем здоровым, оставалось только дождаться возвращения отряда. А он стал обдумывать план побега. Нока уходила на свое маисовое поле, он предлагал помочь ей, но она не позволила:

— Нет, сиди дома. Кто-нибудь еще пройдет по дороге и увидит тебя за работой, поинтересуется, кто ты. Капитан оставил тебя здесь лечиться.

Однажды утром, когда Но де Донинья ушел, а он лежал под пальмой, чьи-то руки вдруг обхватили его за плечи. Он обернулся: это была Нока. Глаза ее блестели, жадный рот манил. Вначале он испугался, но она ласково улыбнулась и увела его в дом. Женщина оказалась настоящим дьяволом. Потом она рассказала ему всю свою жизнь. Но де Донинья еще в молодости болел и по-настоящему уже давно не был ей мужем. Она страдала, чувствовала себя одинокой здесь, на краю света, и очень несчастной. Родные умерли там, по ту сторону реки. Она вышла замуж в засуху пятнадцатого года, когда они бежали из родного дома в селение, где жил Но де Донинья. Он работает на Апарисио уже много лет. Опасная работа, вечно в страхе, никогда не спишь спокойно, каждую минуту могут нагрянуть солдаты. Если схватят мужа, прикончат и ее. Она хорошо знала, что сделали с коитеро Апарисио из Пан-де-Асукар, неким Сориано.

Солдаты, убив хозяина, обычно расправляются со всей его семьей. Однажды Апарисио пришел к ней в каморку, она хорошо помнит, это было в месяц святого Иоанна, и овладел ею, как зверь, но она даже не поняла, что с ней было, так боялась она этого человека.

Когда Нока ушла на поле, Зе Луиз начал раздумывать. Нет, ему, видно, не удастся так скоро уйти отсюда. Солдаты не дадут передышки Апарисио, и он наверняка задержится с возвращением. Он думал и о Но де Донинья: «Это — смелый человек, не то не связался бы с Апарисио. Не боится смерти». Ночью, когда хозяин возвратился домой, Зе Луиз не решался взглянуть ему в глаза. Донинья принес новости. В городе говорили о налете Апарисио. Коитеро Минервино совершил подлость и получил по заслугам. Ни одной души в его доме не осталось в жи-

вых. Апарисио уничтожил всех — жену, двух дочерей — и сжег дом. В этом повинна подлость Минервино. Человек, связанный с Апарисио и предавший его, мог рассчитывать только на такой конец.

— Я с капитаном работаю вот уже пять лет, — говорил Но де Донинья, — поменял даже участок, чтобы лучше служить ему. В этой затерянной в горах дыре я живу больше двух лет. Сюда в мой дом однажды уже приходил капитан, лечился от дьявольского катара. Я не боюсь этой жизни. А вот Нока уговаривает меня бросить все это. Но я не могу. Человек привыкает к такой жизни и уже не может расстаться с ней. Вот только жалко Ноку, она еще совсем молодая. Мне совестно даже говорить с ней. Но я нужен капитану. И вот я живу в этой трущобе и делаю, что могу. В такую глушь не заглянет ни один летучий отряд. Капитан Робертиньо — небогатый человек, не имеет никакого состояния, но я работаю у него и живу скромно. Зато служу капитану Апарисио и удовлетворен этим.

Так Зе Луиз и остался здесь, забыв о своем решении бежать и покинуть навсегда несчастную жизнь кангасо. Если бы он мог уйти вместе с Нокой, было бы очень хорошо. Но это было невозможно: у него не было ни тестона в кармане, да и у Ноки не хватало смелости. Однажды он заговорил с ней об этом:

— Мы могли бы бежать из этого логова и жить в другом месте, как муж и жена.

Но она ответила:

— Где там, мой мальчик. Я связана с Но де Донинья до конца моих дней. Ты убежишь со мной, а расплачиваться будет он. Апарисио набросится на него и убьет бедняжку. Да и мы не будем счастливы. А ты должен бежать, у тебя еще вся жизнь впереди. Уходи отсюда, присоединись к какому-нибудь каравану и отправляйся как можно дальше в божий мир.

Она говорила это печальным голосом, чуть ли не плача, словно сообщала о непоправимом несчастье, и еще теснее прижималась к Зе Луизу, лежа в том же гамаке, где спал обычно Но де Донинья. Любовь сотрясала ее измученное работой тело, а парень не в силах был освободиться от плена страсти. Он весь горел, как в огне. Но всему этому должен был прийти конец. В один из дней постучится в дверь Апарисио, и Зе Луизу придется уйти в каатингу и снова ползать, как змея, среди колючих кустарников,

пока наконец пуля не настигнет его. Сидя один в доме Но де Дониньи, он искал выхода и не находил не только пути, но даже едва заметной тропинки, по которой мог бы спастись. У Ноки не хватало мужества осуществить то, что он предлагал ей.

Мало-помалу он преодолел в себе страх и стал упорно думать о бегстве, даже наметил план. Донинья упомянул как-то в разговоре о тропинке, пересекавшей гору: она выходила на дорогу, по которой гуртовщики гнали быков к берегу Сан-Франсиско. Там нетрудно будет присоединиться к каравану, направляющемуся в Брежо. Добравшись до Брежо де Арейя, он пойдет прямо на плантацию доктора Кунья Лима и там окажется в полной безопасности. Позже приедет туда и вся его семья — отец, мать, Алисе. Ведь мастер каждый день только и говорил о возвращении в Брежо. Зе Луиз отдавал себе отчет в том, что хотя Апарисио и задержится в Сержипе, но в конце концов он все же вернется сюда, и Зе Луиз надеялся, что к тому времени им с Нокой удастся вырваться из этого ада. Правда, все это было крайне опасно, могло оказаться дьявольской игрой и сделать его еще более несчастным. И все же он твердо решил бежать. Нет, он не изменит своего решения.

Но шли дни за днями, а у Зе Луиза все не хватало смелости осуществить намеченный план. С тех пор как он сблизился с Нокой, он потерял свою волю, в груди сильнее билось сердце, он любил со всем пылом юности.

— Мальчик мой, — сказала ему однажды Нока, — боюсь, что я забеременела. Знаю, что муж убьет меня за это. Но это ничего. Я все равно была мертвой. Только с тобой и ожила, а умирать придется каждому.

И ее глаза, запавшие от страданий, утомленные от всего пережитого, наполнились слезами.

— Дорогой мой, ты пришел и дал мне счастье, и я ничего больше не хочу!

В ту же ночь явился Но де Донинья и сообщил о нападении отряда лейтенанта Алвино на Такарату. Солдаты зверствуют. После того как капитан разделался с Минервино, летучие отряды окружили в этом районе все «убежища» Апарисио. Видно, этот мерзавец действительно предал. Один матуто рассказывал, что в Такарату люди больше не ночуют дома. Все ушли в лес, спасаются от солдат.

В эту ночь Зе Луиз не спал и все думал о полученных известиях, о судьбе своих родных. Он был уверен, что с ними приключилась беда. Ведь его отец имел из-за него столкновение с полицейским надзирателем из Такарату.

Среди ночи в загоне вдруг беспокойно заблеяли козы, и тут же раздался крик:

— Открой, собака, а то будем стрелять.

Донинья подбежал к Зе Луизу:

— Это — солдаты. Живым я не сдамся. — В руках у него было ружье.

— Придется всем помирать, но я не сдамся.

Голос у него был хриплый, сам он казался совершенно спокойным.

Зе Луиз дрожал с ног до головы. Рядом была Нока, и в темноте он почувствовал у себя на руке ее дрожащую руку. Зе Луиз взял свой обрез — оружие у него было, но патронов оказалось совсем мало. А Донинья уже кричал:

— Стреляйте, сукины сыны! — и лег на землю. — Там дыра в стене, — приказывал он Зе Луизу, — стреляй оттуда, а я останусь здесь и уложу первого, кто сюда сунется.

Зе Луиз был не в силах двигаться. Он вдруг представил себе всех, кого любил. У него было такое чувство, будто настал его смертный час. Когда он отвечал на первые выстрелы, палец дрожал на курке, но потом движения стали уверенными. Донинья кричал, заглушая треск пуль, пробивавших тонкие стены дома. Зе Луиз не знал, сколько времени все это длилось. В темноте он только заряжал ружье; рядом была Нока, тело ее пылало.

— Зе Луиз, — шептала она, — это конец. — И целовала его губы, горячие, горячее раскаленного ствола его ружья.

Он не думал больше о смерти. Казалось, что все происходит вне времени, в ином, бесконечном мире. Пули пронизывали дом со всех сторон, черепицы отскакивали, словно камешки. Донинья перестал кричать. Нока подползла к нему:

— Жена, кончаюсь, пуля попала в левый бок... Но эти сукины сыны... не возьмут меня живым, нет, не возьмут. Пойди посмотри, что с парнем. Этот щенок все же дерется. Не говори ничего, я погубил твою жизнь... Я знаю, ты беременна от него...

Ей хотелось сказать что-нибудь мужу, но она не смогла, слова застряли в горле. Все же, поборов себя, она прошептала:

— Мы все умрем, теперь всему конец! — И она обняла мужа; ей стало тепло — горячая кровь лилась из его раны, и это было последнее тепло человека, который давно уже не согревал ее. Почувствовав запах крови, она упала на тело умирающего мужа, который для нее уже давно был мертв. Потом, вспомнив о Зе Луизе, подползла к нему.

— Ты здесь? Патронташ почти пустой. Посмотри, как там у Но.

Она опять поползла к мужу и увидела, что он лежит без движения и уже почти не дышит. Она схватила патронташ и отнесла его парню. Перестрелка продолжалась.

— Уходи отсюда, Нока, эта сволочь стреляет по низу.

Голоса снаружи заглушали стрельбу:

— Сдавайся, сукин сын!

Зе Луиз ответил на это огнем. И вдруг он почувствовал, как Нока вся содрогнулась.

— Ничего, мальчик, ничего, — прошептала она.

Он пощупал ее лицо, грудь и почувствовал на руках горячую кровь.

— Ты ранена, без тебя мне ничего не нужно!

Он выпустил из рук ружье и обнял ее...

— Я не чувствую боли, может быть, это — кровь Дониньи.

Он нащупал руками рану и понял, что кровь льет из живота... И тогда он перестал понимать, что происходит вокруг. Он точно сквозь сон слышал, как взломали дверь, как лейтенант приказал:

— Оставить живыми! Дайте свет...

Лейтенант пренебрежительно толкнул ногой неподвижное тело Дониньи и, увидев Зе Луиза, лежащего рядом с Нокой, распорядился:

— Парня не трогать, хочу доставить эту тварь живым в Ресифе. Это, должно быть, Бем-те-ви.

Нока стонала и широко открытыми глазами смотрела на Зе Луиза, а он, казалось, совсем не сознавал, что творится вокруг него.

Солдаты перевернули в доме все вверх дном, думали найти что-нибудь.

Женщина тихо стонала, не в силах повернуть головы. Она умирала.

Тогда Зе Луиз в отчаянии крепко вцепился в ее тело...

— Связать бандита! — крикнул лейтенант. — На этом мерзавце я должен заработать нашивку.

Но де Донинью и Ноку вытащили во двор. Уже светало. Солдаты растаскивали имущество. Лейтенант отдал приказ сержанту:

— Сержант, отрежьте ухо коитеро, я обещал майору Лусена доставить вещественное доказательство. Минервино правильно навел на след этих мерзавцев.

Потом он отдал приказ сделать короткий привал. Перестрелка длилась два часа с лишним. Испуганные козы убежали и, взобравшись на камни, издалека смотрели на происходящее.

— Сержант! Оттащите эту падаль на свалку за домом.

Зе Луиза, связанного, бросили рядом со свинарником. Солдаты громко разговаривали, разожгли костер, чтобы поджарить мясо, вокруг распространялся ароматный дым, поднимаясь к ясному небу. День обещал быть чудесным. Щебетали птицы, заливались желтые канарейки, перекликались галос де кампина. Довольный лейтенант возбужденно говорил сержанту:

— Да, повезло мне с этим Бем-те-ви. Могу наверняка рассчитывать на повышение, и будет что рассказать. Я помню, как сержант Малкиадес только за то, что схватил живым мерзавца Лудовико из отряда Луиз Падре, получил чин офицера. Да, об этом мальчишке будет что рассказать. Он действительно сумасшедший, один выдержал такой дьявольский огонь. Я уверен, что только голод вынудил его сдаться. Майор получит не одно ухо коитеро: Минервино выдал в этом округе еще пятерых.

Солдаты расположились в тени жуазейро. Настало утро, сквозь ярко-зеленую листву деревьев просвечивало чистое небо.

XIV

О поимке Бем-те-ви писали газеты Ресифе: «Хищник сертана, почти ребенок, захвачен после жестокого сопротивления лейтенантом Алвиньо». Газеты говорили о «восемнадцатилетнем чудовище». Врачи-эксперты судебной медицины давали интервью. В экстренных выпусках поме-

щали фотографии Зе Луиза, а на ярмарках певцы распевали свои АВС* о кангасейро и о великом побоище. Образ молодого кангасейро возбуждал фантазию сертанцев. Лейтенант получил повышение и теперь свирепствовал со своим отрядом в каатинге.

Страшная история сына дошла и до семьи мастера Жеронимо. В одной из газетных заметок описывалась со всеми подробностями его жизнь: «Бем-те-ви — сын закоренелого убийцы из Брежо, скрывающегося от преследования правосудия Параибы. Теперь он проживает в одной из фазенд Такарату под другим именем и таким образом ушел от правосудия. Сын его, подобно змее, уже в своей крови носил яд преступности и, естественно, превратился в бандита». Мастер попросил Бенто прочитать «Листок».

— Подумай только, как врут негодяи. Я на свободе, оправдан судом и прибегал-то к оружию только ради самозащиты, а эти негодяи распространяют всякие небылицы. Анинья не должна ничего знать об этом. Бедняжка не в силах даже пошевелиться в постели от боли. У нее совсем отекли ноги. Мать ее умерла от той же болезни. А теперь певцы распевают эту историю. Превратили Зе Луиза в хищного зверя кангасо, а бедняжка даже с оружием обращаться не умел. Ручаюсь тебе, что во всех этих рассказах лейтенанта Алвиньо больше бахвальства, чем правды, и все для того, чтобы получить офицерский чин. Зе Луиз для него — только ступенька, чтобы взобраться повыше. — Старик задумался на минутку, потом решительно добавил: — Вот что я скажу: нужно как можно скорее уходить отсюда, не то за мной явятся солдаты. Эти чумные не способны по-настоящему бороться с Апарисио и вымещают свою злобу на сертанцах. Не знаю даже, стоит ли дожидаться, пока Анинья закроет глаза навсегда.

Подошел Терто, и мастер замолчал.

— Мастер, — обратился к нему метис, — старик ночью так кричал, что становилось страшно. Я пошел за негритянкой Донатой, и та сказала: «У капитана совсем не ризипела, у него с головой неладно». Он все время звал Апарисио. Отдавал приказы о том и о сем. Жар упал только к утру. Не знаю, мастер, но старик и вправду с ума спятил. А утром как ни в чем не бывало вышел, волоча за собой

---

* АВС — песни, в которых каждый куплет начинается с очередной буквы алфавита.

опухшую ногу, с хлыстом в руке. Негритянка сказала, что он собрался ехать в Жатоба.

Бенто отошел, а мастер продолжал разговаривать с Терто. Увидев капитана Кустодио у запруды — старик неподвижно стоял и напряженно смотрел в сторону леса, — Бенто хотел избежать встречи с ним. Но капитан, подняв палку, подал знак и сам потащился ему навстречу.

— Ничего, сынок, все образуется. Касуса Леутерио ни о чем не подозревает. Но поверь, сертан еще узнает, кто такой старый Кустодио. Я не хочу даже говорить с тобой об этом. Я был в доме, когда моя жена Мосинья сказала: «Послушай, кто это там на дороге?» Это принесли покойника в гамаке, мое дитя, моего сына. Он был мертв, весь исколот, и из гамака сочилась кровь. Ах, мальчик, ты и понятия не имеешь, что значит такой сертанец, как я. Так-то. Но всему приходит конец. Я уничтожу Касуса Леутерио. Да, уничтожу, и все тут.

Потом старик повысил голос, в утренней тиши он прозвучал, как крик:

— Да, покончу с этим сукиным сыном... — и стал угрожающе размахивать в воздухе палкой. Его маленькие глаза сверкали ненавистью, по грязной бороде текла слюна.

— Вон там мастер Жеронимо: это — враг, пробравшийся в мой дом. Жалкий брежонец, когда он пришел сюда, умирал с голоду, я дал этому вору кусок хлеба, а он только и думает о том, как бы убить меня. Но это ему не удастся. Я не допущу этого, я уже послал за негром Глисерио, чтобы помешать злодейству. Этот мастер дорого заплатит за предательство.

Бенто хотел возразить, но старик не слушал его:

— Мне хорошо известны планы этого негодяя, черт возьми! Касуса Леутерио распоряжается даже здесь. Мерзавец убил моего сына, но ему этого мало. Я все помню, как будто это случилось сегодня. Я был в доме, когда Мосинья позвала меня. Принесли моего сына, мертвого, в гамаке, изрешеченного пулями. Я жил и искал выхода Сертан не верит в меня. Да и кто может поверить старику, потерявшему стыд?! Жена моя умерла с горя. Я похоронил ее рядом с мальчиком. Но я не умру так просто, нет, не умру! Апарисио, твой брат убежал из Жатоба. Никто не в силах справиться с Касуса Леутерио, и, словно всего этого было еще мало, явился этот мастер и хочет убить

меня... Но сегодня же я выброшу этого подлеца за дверь. Скоро сюда придет негр Глисерио.

Бенто теперь сам убедился в том, что капитан не сознает, что говорит, а он знал, к чему это приведет. Он хорошо помнил свою мать, ее такие мучительные навязчивые идеи, нетерпимость к любому возражению. Испугавшись, он оставил капитана и поспешил предупредить мастера.

— Ничего, сынок, я хорошо знаю этих сумасшедших. Угрожают, а стоит им подойти к тебе поближе, и сразу начинают говорить по-иному. Со стариками всегда так. Но такой бестии, как этот старик, я еще не встречал, — ответил мастер и вернулся к работе.

Терто тут же готовил солому для ящиков под сахар и тихонько напевал старинную польку.

— Черт бы побрал этого метиса, совсем он непохож на своего брата. Я в жизни не встречал такого трусливого парня. Вот что, сынок, скажу я тебе: я здесь и месяца не останусь. Предвижу, что с каждым часом будет все хуже и хуже. Я знаю, что ты связан с людьми с той стороны, и поэтому советую: пойдем с нами в Брежо. Говорю тебе это не потому, что хочу, чтобы ты женился на моей девочке, — не в этом дело, — а потому, что оставаться тебе здесь никак нельзя, и вот по какой причине: твои братья в кангасо, а теперь и мой сын с ними. В этом сертане никто ни от чего не защищен. Командует здесь всем человек из Жатоба, а все остальные — такие же мокрые курицы, как наш капитан. С часу на час могут нагрянуть кангасейро, за ними придут солдаты, и погибнут ни в чем не повинные люди. Старуха моя в постели, но у меня нет другого выхода, я должен уйти подальше от этого несчастья.

Вечером они вышли вместе и по дороге встретили караван матуто. Вел их скупщик сахара Шико Лопес. В караване Бенто заметил знакомое лицо, но не мог вспомнить, где он его видел. Мастер заговорил с Шико Лопесом, и тогда прохожий сам обратился к нему:

— Парень, скажи-ка, не здесь ли родился Бем-те-ви?

По голосу Бенто сразу узнал говорившего и с радостью вскрикнул:

— Сеу Деоклесио?

— Парень, откуда ты знаешь меня?

Бенто почувствовал опасность.

— Не помню откуда, но уверен, что вы певец Деоклесио.

— Так оно и есть, парень, но ты не ответил на мой вопрос. Это — родина Бем-те-ви, мальчонки из отряда Апарисио, которого захватил лейтенант Алвиньо? Мне говорили, что он из фазенды старого Кустодио.

Теперь к их разговору стал прислушиваться и мастер, а Деоклесио продолжал:

— Видите ли, я шел сюда для того, чтобы поглядеть на места, где родился паренек. Зовут его Зе Луиз. Весь сертан говорит о нем. Случилось так, что лейтенант Алвиньо обстрелял дом коитеро Апарисио Но де Донинья, а там в это время лечился после ранения Бем-те-ви. Все газеты Ресифе только и говорят об этом. Пишут, что он хуже гремучей змеи. Мальчишке восемнадцать лет, а за спиной у него больше убийств, чем лет. Певец Лоуривал, ничего не зная о нем, сочинил АВС, и вышла никудышная история.

— А как парень, здоров? — спросил мастер.

— Здоровье у него богатырское. Ведь он сопротивлялся один свыше двух часов! Взяли его только тогда, когда у него не осталось ни одного патрона, но и после этого он пустил в ход кинжал.

Матуто собрались в путь, и Деоклесио обратился к ним:

— Братья, большое спасибо вам. Я должен задержаться здесь. Хочу проследить шаг за шагом жизнь Бем-те-ви. Певец не может отказаться от такого дела.

Деоклесио остался с Жеронимо и Бенто. Мастер стал расспрашивать его о сыне, а певец — рассказывать.

— Но, парень, откуда я тебя знаю? — обратился он к Бенто. — Где-то видел я тебя, а где — не припомню. Апарисио встретил меня в каатинге Эшу, и я пел ему всю ночь. На прощание он сказал мне: «Деоклесио, лучше тебя я знал только одного певца, это Игнасио да Катингейра». Там я видел и Бем-те-ви. Совсем мальчик, едва пробивается пушок на лице. Я поговорил с ним и все узнал. Он пришел в кангасо, чтобы отомстить за убийство отца. Он назвал себя Зе Луизом. Я знаю всю его жизнь, и вдруг явился Лоуривал и сочинил какое-то АВС. Осел он, вот и все.

Мастер встревожился и ускорил шаг.

— Друг мой, можете остаться переночевать здесь. Мой дом в вашем распоряжении, — обратился он к Деоклесио.

Алисе встретила незнакомого человека недоверчиво

и была сдержанна с Бенто. Но, услышав, что певец принес весточку о Зе Луизе, она осталась послушать его рассказ. Деоклесио взял аккорд на гитаре и запел. Печальная песня понеслась по дому. Старая Аниньа громко спросила из своей каморки:

— Девочка, кто поет там моды? *

— Мать, это странник...

Потом Деоклесио обратился к Бенто:

— Мне помнится, что я видел тебя где-то далеко отсюда. Ты уроженец здешних мест?

Бенто хотелось сказать правду, но уклонился от ответа. Деоклесио настаивал:

— Я где-то видел тебя, парень. Твое лицо мне очень знакомо.

Потом он опять заговорил о Бем-те-ви:

— История паренька запала мне в душу, и захотелось сложить песню. Я сочинил историю о «подвигах» лейтенанта Алвиньо, подробности узнал на ярмарке в Жатоба от капрала Кейшады. Лейтенант бахвалился, а газеты Ресифе печатали всякую чертовщину. Я даже видел портрет Бем-те-ви. Я узнал об окружении коитеро, о мальчишке-дьяволе, вооруженном ружьем и кинжалом, сдавшемся только тогда, когда не осталось ни одного патрона. Капрал рассказывал мне, что отец Бем-те-ви — уроженец Брежо, на его совести больше двадцати убитых.

Потом Деоклесио опять взялся за гитару. Мастер и Алисе подошли к двери, а он, настроив гитару, запел. Начал он издалека. Сначала пел об отце мальчика, о его семье. «Тихо и мирно жил Бем-те-ви с отцом, с матерью. Отец отдыхал после удалой жизни. Но напали солдаты из Пернамбуку. Незваные пришли они в селения Параибы и окружили отчий дом. Убили отца-молодца, прикончили мать родимую, обесчестили сестру-девицу. И ушел Бем-те-ви в кангасо». В голосе Деоклесио слышалась боль. Он звучал то как тихий стон, то ширился, словно река в половодье, то раскатывался, как рев дикого зверя; он пел о мести парня за смерть отца, за обездоленную семью.

Деоклесио пел о столкновениях, о том, как преследовал Бем-те-ви лейтенанта из Пернамбуку, разрушившего отчий дом, «и исполнилось ему всего-навсего шестнадцать годочков, а был он храбрый, как ягуар, рыскал, точно дикий

---

* Мода — любовная песнь.

зверь, по каатинге, по тропинкам среди валунов, по широким проезжим дорогам». Гитара умолкла. Деоклесио вдруг почувствовал наступившее в доме молчание. Потом мастер громко сказал:

— Певец, все, что ты пел, просто выдумка. Этот парень — мой сын, и здесь вся моя семья. Я никогда никого не убивал только ради того, чтобы убить, и был дважды оправдан законом, а если хочешь убедиться в том, что это правда, сходи в Брежо де Арейя. Убил, не отрицаю, но сам явился в суд, и меня отпустили, и ни один голос не поднялся против меня.

— Мастер, но ведь эту историю сочинил певец.

— Знаю, что это побасенка певца, но мне известно и то, что в конце концов это будут рассказывать, как быль. Зе Луиз — мой сын, он сбежал из дому после того, как наделал глупостей здесь неподалеку, в лавке сеу Лейтона. Просто мальчишка подрался, и, если бы это случилось в Брежо, судья оправдал бы его, но ему захотелось погулять по белому свету.

Деоклесио широко открыл глаза от удивления и спросил:

— Так Бем-те-ви — действительно ваш сын? Кто бы мог это сказать.

Из дома послышался дрожащий голос старой Аниньи:

— Зе Луиз не убийца, странник.

— Сеньор извинит меня, — обратился певец к Жеронимо, — я пел то, что мне рассказали.

Гитара умолкла. Наступило тягостное молчание, и Бенто предложил певцу:

— Пойдемте ко мне.

— Послушай, парень, — сказал ему в пути Деоклесио, — со мной никогда ничего подобного не случалось. Я пою вот уже больше двадцати лет, и только сегодня впервые случилось со мной такое. А может быть, это какой-нибудь другой Бем-те-ви? Может быть, кто-нибудь ввел в заблуждение эту семью? Нет, не может быть, у Апарисио я видел не их сына. Народ никогда не ошибается. Бем-те-ви действительно был таким, как в моей песне. Этот старик ничего не знает. Газеты Ресифе все рассказали. Я собственными глазами видел лицо кангасейро, вся его история написана на бумаге, мне ее читал Кирило, кассир из лавки майора Алманасио, в Такарату. Да и сам паренек рассказывал мне свою историю вот

такой, и я переложил ее на песню. Но послушай, а я ведь тебя знаю. Я где-то видел тебя. Ты тоже из Брежо?

Бенто снова хотел уклониться от ответа, но у него невольно вырвалось:

— Да, я тоже помню сеньора.

— Но послушай, — сказал ему Деоклесио, — уж не жил ли ты в Ассу, в доме священника? Ну, сынок, моя память мне не изменяет. Конечно же, я знал тебя там, когда ты был служкой в церкви, и, как мне помнится, там же я слышал, что брат твой в кангасо. Конечно, сынок, это ты и есть. Ты брат Апарисио. Но что ты делаешь здесь?

У Бенто не было выхода, он понял, что не может избежать разговора с Деоклесио, но в то же время отдавал себе отчет в том, что рассказать что-нибудь певцу — значит рассказать всему сертану. И опять промолчал. А Деоклесио все говорил:

— Парень, я пою АВС о жизни твоей матери и брата Домисио. Я сделал тонкую вещицу и могу сказать, не хвалясь, что во всем сертане нет никого, кто бы сделал лучше. Слушая мою песню, твой брат Домисио плакал в фазенде Каетано Калиштo, под Крато. Апарисио явился туда со своим отрядом после того, как ходил за благословением к отцу Сисеро. Это было на празднике у старого Каетано. Я только что пришел издалека и был расстроен после состязания с этим псом Луизом Мейа-Нойте. Два с половиной дня я пел, чтобы перепеть этого чумового негра. Крепкий зверь. Но как я уже говорил тебе, меня позвали петь перед отрядом. Когда я вошел в зал, Апарисио восседал там, точно король. Никогда я не видел столько колец на пальцах, и благоухал он, словно розовый куст. Твой брат потолстел: я видел его году в двадцатом, он очень изменился с тех пор. В то время он был совсем худым. Тогда он встретил меня в каатинге и заставил петь целую ночь. А теперь, когда я вошел в зал, он спросил майора Каетано: «Это не певец Деоклесио?» А я, не обратив на его вопрос внимания, сразу запел свои АВС о жизни его старой матери. В эту песню я вложил всю свою душу. Я пел о борьбе городков Ассу и Педра-Бонита, о страданиях семьи Виейра, об убийстве святого в Педра. И случилось то, чего никто никогда не видел. Апарисио плакал, парень, слезы текли из его глаз, как вода из-под камней в каатинге. Ах, паренек, я спою ее тебе, послушай.

Певец коснулся струн, и зазвучал рассказ о многострадальной матери кангасейро, перенесшей муки, муки страшные, из-за сыновей своих. «У самого подножия горы жила семья. Но явились солдаты правительства и, словно дикие звери, набросились на нее. Убили отца, разрушили отчий дом. Тогда старая мать подняла свой голос и призвала сыновей к мести: «Мстите, сыновья мои, мстите!» И пошли Виейра творить свои дела. А потом солдаты убили святого в Педра, и Апарисио отправился по свету мстить за отца. Святая молитва матери, ее дума о детях всюду сопутствовала сыновьям и хранила их тело от пуль, исцеляла от тяжких ран».

Бенто, не в силах больше слушать, попросил Деоклесио замолчать; слезы выступили у него на глазах, сердце разрывалось от боли.

— Да, мальчик, я умею брать человека за душу. Я вызвал слезы у Апарисио, а это все равно что заставить заплакать бесчувственный камень. Он подозвал меня тогда и протянул сто мильрейсов. Твой брат Домисио вышел вместе со мной и попросил дать ему гитару. Хорошо играет, бестия! Мы разговорились с ним там же, под тамариндом, и он спел для меня. У него сильный голос. Он спел несколько первоклассных лоас*. Я заговорил с ним о кровопролитии в Педра, и он оборвал разговор. Нет, у этого парня характер не кангасейро. Как я слышал, у него на душе нехорошо. Может быть, какая-нибудь история с женщиной, безнадежная любовь. Когда человек поет так, значит, у него в груди открытая рана. А ты что делаешь в этих краях? Послушай, парень, если тебя застанут солдаты, они разделаются с тобой, чтобы отомстить Апарисио. А этот капитан Кустодио знает твою жизнь? Скажу тебе, я бы на твоем месте не остался здесь. В любой день могут нагрянуть солдаты, схватят тебя, а потом начнут писать в газетах Ресифе. Поимка брата Апарисио принесет любому лейтенанту нашивку. Этот паршивый лейтенант Алвиньо, которого я знал еще в Брежо капралом, стал после захвата Бем-те-ви важным воякой, с тремя нашивками. Я хорошо знаю этих «героев» здесь в сертане. Ты не помнишь такого поручика Теофанеса, который захватил Антонио Силвино? Так вот, я никогда не видел более трусливую тварь. А теперь он на большой должности,

---

* Лоас — хвалебные песни.

в чине майора. Парень, твой покорный слуга не лжец и не двуличный человек. Поэтому скажу тебе прямо: оставь это болото и уходи подальше отсюда. Сертан никого не щадит, а для кангасо ты не годишься. Лучше всего отправляйся искать счастье в большом мире. Апарисио связался с правительственными войсками. Ты можешь присоединиться к одному из полковников и отправиться в другой край. А теперь, парень, мне нужно отдохнуть, не найдется ли в вашей фазенде места для моего гамака?

Они вышли вдвоем. Ночь скрыла дорогу во тьме. В пути Деоклесио снова заговорил:

— Старик, отец Бем-те-ви, как я посмотрю, неспокойный человек. Сразу видно, что он из Брежо. А брежонцы, известно, любят пошуметь. Набросился на меня со своими рассказами о суде, как будто убить человека ничего не значит, важно только, чтобы суд оправдал. Так вот я говорю тебе: история Бем-те-ви — чистая правда. Он может быть только отпрыском горного кота, и сам он дикий котенок.

Они поднялись по откосу. Бенто почувствовал, что рядом с Деоклесио становится другим. Что-то подсказывало ему, что с этим человеком он может говорить без опаски. И он рассказал ему о своей помолвке:

— Сеу Деоклесио, я помолвлен с дочерью мастера Жеронимо, и это удерживает меня здесь. Она хорошая девушка, и я дал слово. Нужно уходить из этой глуши, но, признаться, я даже не знаю, как это сделать: ведь брата кангасейро на каждом шагу подстерегает опасность.

— Парень, а почему бы тебе не присоединиться к тем, кто направляется на юг? В Такарату один человек ищет людей, и тебе нужно только захотеть. Но послушай: этот капитан Кустодио, я слышал, плывет по воле волн? Бездействует, а ведь у него был сын, храбрый парень, и его убили на ярмарке в Жатоба. Это — дело рук полковника Леутерио.

Поднявшись на гору, они увидели Терто, поджидавшего Бенто у дверей своей каморки. Взошла луна, осветив каза-гранде и почти опустевший загон.

— Бенто, старик совсем не в себе. Он так кричал на негритянку, а вечером вышел с железной клюкой и уверял, что приготовил пулю для мастера Жеронимо... Он спрашивал и о тебе. Не знаю, но это добром не кончится.

Заметив Деоклесио, Терто спросил:

— Проезжий?

— Зашел сюда переночевать... Это — певец Деоклесио, идет в Жатоба.

Вдруг они услышали крик. Должно быть, это кричал капитан.

— Сеу Деоклесио, располагайтесь в доме энженьоки, а я пойду посмотрю, что там с Кустодио, — сказал Бенто и вышел.

Старика он застал сидящим на лежаке, ноги он положил на табурет. Свет лампочки освещал его голову. Когда Бенто подошел, старик устремил на него пристальный взгляд. Его растрепанная борода спадала на неровно дышавшую грудь.

— Добрый вечер, капитан.

Старик застонал.

— Так вот, сынок. С тех пор прошло уже больше пятнадцати лет. Я стоял там, где стоишь теперь ты, Мосинья сказала мне: «Поди посмотри. Кустодио, что там такое». И я увидел бандитов, несших покойника в гамаке. Это был мой сын, мой мертвый сын, весь изрешеченный пулями и исколотый кинжалом. Черт бы побрал эту ногу, она не дает мне сделать то, что нужно. А теперь еще этот убийца расставляет мне западню. Я уже говорил сегодня метису Терто: «Я прикончу эту собаку». Не думай, что я так просто сдамся. Помру, но вырву один из клыков.

Потом он как-то сразу пришел в себя, опустил голову, замолчал.

— Капитан, там дожидается странствующий певец, просит позволения переночевать здесь. Вы разрешите?

— Что?

Бенто повторил свой вопрос.

— А! Может оставаться, сынок.

Вошла служанка и обратилась к Бенто:

— Сеу Бенто, капитан не должен делать того, что он делает. Целый день не присядет, а ночью, когда нужно спать, не спит, когда не нужно, спит...

Капитан не слышал негритянки, у него снова засверкали глаза, и он в бешенстве стал выкрикивать:

— Твой брат Апарисио сбежал от Касуса Леутерио, войска правительства бегут от этой собаки. Все бегут, но старик Кустодио не побежит. Ты можешь пойти и всем сказать — скажи и этому бездомному певцу, — что капитан Кустодио дос Сантос — сын мужественного человека. Этот певец может распространять по сертану все, что хочет; он

явился сюда, чтобы пронюхать все обо мне. Я знаю, что это так. Бандиты делают все, что захочет Касуса Леутерио. А как ты, мальчик? Остерегайся мастера Жеронимо, он убьет тебя.

Возвратившись, Бенто застал Деоклесио за оживленной беседой с Терто:

— Парень, знаешь, этот метис уверяет меня, что Кориско — его брат. Если это правда, то скажу тебе, парень: твой брат — настоящий человек. Я встречал его в отряде, рядом с Апарисио, это — видный метис, и никто не дает ему его лет. Но разве Кориско — уроженец этих мест? Мне говорили, что в нем течет кровь метисов из Вила-Бела. Я сочинил стихи о нем, и, когда спел их, парень залился слезами. Я пел о его отце, которого убили, о истерзанной матери, о сестрах, которых обесчестили. Все это было делом рук лейтенанта Жозуе. Кориско попросил меня не петь больше. В этот момент там были только он да я. Я перебирал струны гитары, и он сказал мне: «Мастер Деоклесио, сделайте одолжение, оставьте это», — и голос его дрожал от волнения, а мне ничего больше не нужно было от него. Это произошло в двадцать шестом году. Через три дня Апарисио окружил фазенду Зека Фирмино — «Форкилья». И произошла беда: кастрировали парня за то, что он оказал сопротивление, не оставили ни одной девушки, даже десятилетней девчушки не пощадили. Мне рассказывали, что в этот день в Кориско будто вселился дьявол. Рядом с ним негр Висенте казался сердобольной женщиной.

Терто слушал, не проронив ни слова. Но, когда певец замолчал, он подошел к нему.

— Сеу Деоклесио, я знаю, что вам все известно, не могли ли бы вы мне сказать: говорил Кориско о семье?

— На мою песню он ответил молчанием. И я отошел от него подальше. Потому что, признаться, лицо его совсем не располагало к разговорам.

Растянувшись в гамаке, Деоклесио задумчиво перебирал струны, потом запел тоскливо, как поет птица в сумерках. Его низкий голос передавал все оттенки песни. Он пел о красавице Леокадии, на свою погибель полюбившей вакейро в фазенде отца. Крепко любили они друг друга и ни о чем не печалились. Но вот жестокий отец обо всем дознался. И послал он двух злодеев из Пажеу подстеречь

возлюбленного. Злые люди напали на парня и закололи его, как колют молодняк. Узнав об этом, бедняжка Леокадия закричала отцу: «Несчастный, ты губишь в моем чреве сына, что оставил мне любимый, ты хочешь убить его любовь. Но она живет во мне». Мать прикрыла своим телом доченьку, но злодей набросился на несчастную дочь и рассек ее тело надвое. Вот тогда на крыше дома запела никогда не певшая колибри, и запела она голосом человечьим. Старик похолодел от ужаса, задрожали убийцы. А пташка все пела, надрывая душу своей жалобной песней. И не вынес этого жестокосердый старик. Замертво свалился на землю.

Голос певца сливался со стоном гитары. Когда он умолк, Терто спросил:

— Сеу Деоклесио, ведь все это неправда?

— Нет, правда, в песнях, которые поет народ, всегда только правда.

У Бенто не выходил из головы разговор с певцом: «Верно, лучше послушаться его совета и уйти навсегда отсюда и оставить все позади». Он долго ворочался в гамаке и не мог найти себе места.

— Что, не спится, парень? И я не знаю, что со мной. Всю жизнь странствую по белу свету, но иногда на меня находит такое, что я целую ночь не могу сомкнуть глаз. А ночь-то какая лунная!

Они открыли дверь и стали беседовать:

— Парень, я говорю тебе это не для того, чтобы только сказать: тебе и вправду нужно уйти из этого края. В скором времени сюда нагрянут солдаты, узнают, что ты брат Апарисио, и не миновать беды. Потащут тебя на показ и сделают с тобой то, что сделали с Бем-те-ви.

— Правда, сеу Деоклесио, я сам об этом думал. Но у меня есть девушка, с которой я связан словом, и уйти так просто я не могу. Я обещал и должен оставаться там, где нахожусь. Здесь я потерял свою мать, сеньор не может себе представить, как все это было. Несчастная лишилась рассудка и кончила жизнь в петле.

— Парень, потом сам будешь жалеть. У солдат нет сердца, они ворвутся сюда в фазенду и сравняют все с землей; этому Жеронимо давно бы следовало собрать весь свой скарб и бежать в другие края. Он ведь отец кангасейро. Я вижу приближение часа, когда сюда явится лейтенант и потащит всех в Ресифе. Я расскажу тебе, что сде-

лали с семьей кангасейро, по кличке Зеленая Кобра. Это произошло не так давно, и мне никто об этом не рассказывал, я сам все видел своими глазами. Солдаты Зе Пинто разыскали семью бедняги и напали на дом. Там оставались только женщины да двенадцатилетний мальчонка. Солдаты бесновались, стреляли. Но из дома никто не отвечал, а наутро, ворвавшись в дом, они застали бедняжек на полу. Двух девушек опозорили... Случилось, что я в ту пору шел в фазенду капитана Фаустино Лопеса — «Аурору». Вдруг слышу, стреляют, и говорю себе: «Это, верно, кангасейро. Лучше останусь здесь». В ту ночь я не сомкнул глаз. Пролежал под большим умбузейро, а чуть взошло солнце, пустился в путь. Передать тебе не могу всего. Дом несчастного находился у обочины дороги. Увидев пожарище, я подошел поближе. Одна из девушек была еще жива, солдаты поступили так же, как и кангасейро. Этот сертан, парень, столько страдает: спасешься от кангасейро, попадешь в лапы солдат. Но я ничего не боюсь.

Высоко взошла луна и озарила своим бледным сиянием как бы уснувшие деревья. Вокруг не видно было ни одной живой души.

— Сеу Деоклесио, я не могу уйти один. Если завтра уйдет Жеронимо, то и я с ним, у меня невеста, и я не оставлю ее без опоры в этом мире.

Они помолчали, но через некоторое время Деоклесио сказал:

— Я уже состарился, распевая песни, а у меня даже нет угла, где я бы мог спокойно умереть. Я живу от ярмарки до ярмарки, скитаюсь от фазенды к фазенде, народ слушает мои задушевные песни, а у меня нет даже смены белья. Горькая судьба! Моя мать мне, бывало, говорила: «Сынок, займись чем-нибудь другим». Но я не послушался ее. Я был послушен только голосу, гнавшему меня в мир, и желанию петь людям. Но я скажу тебе: моя гитара утешила меня. Да, это так! Она действительно утешила меня, и говорю это тебе не для того, чтобы ты позавидовал, сам я не завидую ничьему богатству.

— Сеу Деоклесио, а что это рассказывают о старом Монтейро, женившемся на девственнице?

— Не напоминай мне об этом, я до сих пор еще чувствую на губах вкус тех поцелуев. А волосы этой смуглянки, как они благоухали! Но были не только поцелуи. Случилось это много лет тому назад. Тяжко было мне тогда.

В Кампина Гранди со мной произошла большая неприятность. Не знаю сам как, но я встретил двух певцов из Тейшеры, и завязался у меня с ними спор. Я был уверен, что легко справлюсь с этими щенками. Но где там! Люди окружили нас, и с самого утра началось состязание. А когда наступил вечер, у меня уже не было сил ворочать языком, а парни все распевали как ни в чем не бывало. Потерпев такое поражение, я печально побрел в Соледад и по дороге остановился в лавке. Там какой-то человек предложил мне: «Певец, у меня в доме большой праздник, и я хотел бы, чтобы ваша милость порадовала моих гостей своими песнями». Мне понравилось обращение человека, и я пошел с ним. Не следовало мне идти туда. Там, оказалось, играли свадьбу. Дочь хозяина выходила замуж за какого-то дядю уже в летах. Я запел, и так, будто сам дьявол вошел в мое тело. Я пел лучше, чем пататива в зеленой чаще. И вот, что ты думаешь, эта чертова девчонка — а девчонке было всего восемнадцать лет — стала смотреть на меня и строить мне глазки! Праздник должен был длиться три дня и три ночи. Я все пел. Полюбил я эту девчонку, а бедняжку ждала жизнь с бородатым уродом. Взгляд ее карих глаз, парень, был нежным-нежным, как у горлинки, и мог смягчить даже камень. Я забыл и Кампину Гранди, и щенков из Тейшеры. Все забыл. Спать меня уложили с парнями из Соледада. Девчонки потешались над стариком: «Старый черт богат, владеет фазендой в Сан-Луиза, уже похоронил трех жен». Девушку продали старику. Говорят, что немалую роль тут сыграла сотня бычков. И тут, парень, почуявствовал я, как закипело у меня на сердце. Мне хотелось быть сильным, как Апарисио, и порешить этих негодяев. На другой день я уложил свою гитару в мешок и пошел проститься с хозяином дома. Так-то. Я не мог больше оставаться в этом доме ни часа. Девушка слышала, как я прощался. Связал я свой гамак и побрел, понуря голову. Но не успел пройти и сотни шагов, как возле самого берега реки, у зарослей кабрейры, услышал шорох. Обернулся, а там стоит моя красавица. Ах, парень, не могу тебе передать этого. Разве можно рассказать о том, что до сих пор живет в сердце? Девушка отдала мне все. И певец Деоклесио до сих пор чувствует на губах аромат чудоцвета.

Минуту помолчав, он добавил:

— А в такую лунную ночь, как эта, человеку хочется

бежать куда-то далеко-далеко и искать что-то, чего, может, вовсе и нет.

Рассказ Деоклесио прервал крик, и вскоре появилась негритянка.

— Сеу Бенто, зайдите к капитану, у него приступ.

И снова в ночной тишине раздался крик громче прежнего. С жуазейро вспорхнули потревоженные птицы.

XV

Деоклесио задержался в Рокейре. Мастер Жеронимо избегал разговоров с ним и даже предупредил Бенто:

— Эти бродячие певцы не заслуживают доверия. Я знал в Брежо некоего Кобриньо, парень неплохо разбирался в стихах, а в конце концов оказался самым обыкновенным вором. Отбывал наказание в тюрьме Марангуапе за ограбление лавки вместе с другим таким же бродягой.

Но Деоклесио не очень заботило недоверие мастера; весь день он проводил в гамаке с гитарой, тихонько напевая и пощипывая струны, подбирая тут же рифмы. А когда наступала ночь, он пел во весь голос свои надрывающие душу сертанежи, печальные кантиги; они смягчали душу Терто и отзывались болью в сердце Бенто.

Капитан после приступа эризипелы, увидев Деоклесио у дверей каморки, знаком подозвал его к себе.

— День добрый, капитан, — приветствовал его певец. — Я задержался немного в вашей фазенде. Надеюсь, что вы не будете в обиде на меня.

Старик посмотрел на Деоклесио и стал вспоминать Инасио да Катингейра:

— Я слышал, что Инасио сочинил стихи о моем сыне, но я сам не знаю его песни. А это случилось в такой же день, как сегодня. Я находился там в комнате, и моя жена Мосинья сказала мне: «Посмотри, Кустодио, кто-то идет по дороге». Несли гамак с покойником. Его бросили там в углу. И я увидел своего сына, истерзанного пулями и кинжалом. Мой сын был мертв, совсем мертв. И мне передали слова Касуса Леутерио. Ах, несчастный сертан! И нет здесь человека, который осилил бы этого негодяя!

— Он появится, капитан.

— Нет, не появится. Даже Апарисио бежал от него.

— Капитан, не сомневайтесь, Апарисио вернется. Это — вопрос времени. Полковник высоко вознесся, но этому придет конец. Я знал доктора Жардима из Гараньуса, все же умер он, скатившись вниз. Настанет день, придет новое правительство и так или иначе сбросит Леутерио.

Капитан молчал. Подошел обернутый в шкуру вола негр, по имени Фелипе. Держа шапку в руке, он обратился к капитану:

— Сеу капитан, я пришел с плохой вестью. Бык из вашей повозки Медалья, что от коровы Бониньи, вчера пал от укуса змеи. Я принесу шкуру, чтобы ваша милость сам убедился.

Старик не слышал слов негра. Деоклесио собрался уходить. Неожиданно капитан обернулся к вакейро и спросил:

— Отчего пал? Я не желаю знать о твоих подлостях, негодник. Убирайся отсюда.

На крик прибежали Бенто и Терто, Фелипе стал спокойно объяснять:

— Понимаете, как все было. Я прихожу к капитану и говорю, а он на меня набросился чуть ли не с кулаками. Но я не уйду отсюда. Здесь работал мой отец, он был вакейро еще у отца капитана.

Кустодио, волоча больную ногу, ушел к плотине, а негр продолжал стоять у дверей каза-гранде и все жаловался:

— Вызовите синью Донату и спросите ее. Я верный раб этой семьи. Моего кровного двоюродного брата убили, когда он выполнял поручение доны Мосиньи, а капитан так обращается со мной. Я терплю это только потому, что вижу: у него в голове помутилось.

Заметив мастера Жеронимо, негр обратился к нему:

— Сеу мастер, все очень хвалят ваш товар. Здесь, в Рокейре, всегда варили хороший сахар. Я хотел бы взять одну меру для лавки сеу Лейтона.

Мастер, ничего не ответив, ушел. Деоклесио хотел поддержать разговор:

— Вакейро, не могли бы вы мне сказать, как звали вашего покойного брата?

— Его звали Леокадио, и он погиб в одном из оврагов на берегу Сан-Франсиско, выполняя поручение доны Мосиньи — жены капитана.

Разговор оборвался. У дверей показался мастер Жеронимо, он прикрикнул на вакейро:

— Сеу Фелипе, прекратите разговор!

— Но, мастер, в конце концов не вы здесь хозяин. Я родился, вырос и надеюсь умереть здесь. Сеньор явился из Брежо...

Однако мастер Жеронимо не дал ему закончить:

— Так вот, сеу Фелипе, повторяю вам, я не намерен заниматься болтовней. С меня хватит старика с его вздором. Вы слышали?

Суровый тон мастера и выражение глаз говорили о том, что человек готов перейти от слов к делу.

— Вы правы, мастер, здесь распоряжаетесь вы, — поспешил согласиться вакейро и сверкнул белыми зубами. Потом медленно пошел по каменистой земле, позванивая на ходу шпорами.

У дверей каза-гранде появилась служанка Доната, и вакейро, присев на корточки, повел с ней долгий разговор.

Мастер Жеронимо, продолжая сердиться, обратился к Бенто:

— Сынок, мне не нравится, что певец все еще здесь. Что бы он ни говорил, я вижу его насквозь. Такой человек может оказаться и шпионом летучего отряда. Бродяги с гитарой за спиной не бывают порядочными людьми.

Бенто попытался отвлечь мастера:

— Мастер Жеронимо, мне нужно поговорить с вами: я хотел бы поскорее покинуть эту землю. Нужно поторопиться со свадьбой и уйти как можно скорее. Солдаты зверствуют и теперь, после того, что случилось с Зе Луизом, скоро явятся сюда.

— Сынок, я тоже думал об этом. Поговорил с женой, а она, еле переведя дух от боли, ответила: «Послушай, Жеронимо, дай мне раньше умереть. Как ты потащишь меня в таком состоянии?» Мне стало жаль бедняжку, и я успокоил ее: «Вряд ли солдаты правительства причинят зло честным людям. Я дважды был оправдан судом. Моя совесть чиста. Я не чувствую за собой никакой вины».

— Но, мастер, разве вы не знаете, что творят повсюду солдаты?! Они камня на камне не оставляют в сертане.

Мастер ничего не ответил, он прекрасно знал, что парень прав. Завтра начнется размол. Он добился в Рокейре хорошего урожая. Несмотря на все сумасбродства

капитана, этот год будет одним из лучших за последнее время.

Бенто ушел, а мастер задумался о тяжелом положении: «Парень совершенно прав. Он не сознался ему в этом, чтобы не показать своей слабости, хотя прекрасно отдавал себе отчет в том, что история с Зе Луизом еще не кончена».

Капитан, возвращаясь с плотины, прошел, волоча ногу, по энженьо, осмотрел все, но мастера словно и не заметил. «Сумасшедший», — подумал мастер и не придал значения выходке хозяина. Но все же, подумав, он понял, что дальше так продолжаться не может.

«Этот полоумный старик повсюду говорит обо мне всякую мерзость, черт знает, что наговорил он Терто. В один прекрасный день в припадке безумия он может что-нибудь выкинуть. Если бы жена не была прикована к постели, я нашел бы выход. Лучше всего поступить, как предложил Бенто, — уйти из этого змеиного гнезда и жить среди людей». Он готовил ремень для упряжки, а в душу все глубже заползала тоска по Брежо. «Не следовало уходить оттуда. Из-за семьи пришлось уйти. Не мог же он подвергнуть Алисе опасности называться дочерью заключенного, пока он добьется оправдания суда. Он был уверен: если бы он остался в Брежо, то или он убил бы, или убили бы его. И, несмотря на все, в эту минуту он раскаивался в том, что ушел из Брежо. Правда, доктор Кунья Лима ответил ему на сообщение о его намерении вернуться: «Кум Жеронимо, не делай глупости. Оставайся там. И пусть случится то, что должно случиться». Но он не хочет оставаться здесь. В этом сертане он потерял сына, и все потому, что не мог рассчитывать на то, что фазендейро защитит перед судом и добьется освобождения человека, живущего на его земле. А тут еще этот Бенто влюбился в дочь; теперь выяснилось, что он из семьи кангасейро, брат Апарисио, бандита, убивавшего, чтобы грабить людей. Правда, парень совсем непохож на брата. Кажется таким покладистым, таким робким. Девушка любит его, он мог бы быть ей хорошим мужем — толковый, не пьет, работяга. И вот оказался братом кангасейро. Рано или поздно правительство дознается о родстве и начнутся преследования. Если я останусь здесь, не избежать несчастья. Лучше уж вернуться в Брежо. И будь что будет! По крайней мере там есть покровитель! А придется предстать перед судом,

оправдают по праву и справедливости, которую докажет человек, умеющий говорить».

Размышления Жеронимо прервал Терто:

— Мастер Жеронимо, капитан сегодня совсем не в себе. Он подошел ко мне и сказал: «Метис, я все слежу за мастером. Если этот бандит скажет мне хоть слово, я пошлю эту тварь в ад».

— Иди работай, парень, разве ты не видишь, что старик не в своем уме!

Деоклесио, вытянувшись в гамаке, перебирал струны гитары и тихонько напевал. Бенто последовал за капитаном. Старик опять подошел к плотине, остановился и стал смотреть вдаль, словно ждал чего-то и не мог дождаться. Заметив Бенто, он подозвал его к себе:

— Послушай, сынок, я был в каза-гранде, когда Мосинья позвала меня: «Кустодио, взгляни на дорогу», — и я увидел покойника в гамаке. Его положили у порога. Это был мой сын, пробитый пулями и исколотый кинжалом. Это было делом Касуса Леутерио. Я похоронил сыночка там, наверху, а потом от огорчения скончалась и его мать. И все потому, что я никчемный, потерявший честь сертанец. — Из глаз старика покатились слезы, но он все продолжал:

— Подумай только, я живу в своей несчастной фазенде, является этот мастер и начинает следить за мной, чтобы предать. Сынок, я не могу больше спокойно жить даже в собственном доме. И все только потому, что Касуса Леутерио сильнее правительства и кангасейро. Твой брат Апарисио бежал от него, а регулярные войска пришли в Жатоба, чтобы помочь этому злодею. Ах, сынок, у старого Кустодио дос Сантос есть еще дело в этом мире. На что уж метис Терто — и тот смотрит на меня исподлобья; может, и он в заговоре против меня. Когда я недавно проходил мимо сахароварни, этот дьявол готов был наброситься на меня, точно взбесившаяся собака. Ты не видел вакейро Фелипе? Его тоже подослали сюда, я знаю, что подослали. Но будь уверен, старик Кустодио не даст себя зарезать, как ягненка. Ничего! Твой брат Апарисио бежал от Касуса Леутерио, у правительства не хватило сил справиться с ним. Но я знаю человека, у которого хватит сил. Весь сертан об этом узнает... Да, узнает.

Он замолчал. Его запавшие глаза почти не видели света заходящего солнца.

В водоеме, заросшем голубыми цветами, под безоблачным небом крякали, весело плескаясь в воде, утки. Бенто не в силах был произнести ни слова. Заметив слезы на глазах старика, Бенто вспомнил мать, такую же, как он, безумную, ей тоже повсюду чудились враги, и она мучилась ненавистью неизвестно к кому. Не выдержав, он заплакал. Но тут же отвернулся, чтобы старик не заметил его слез. Потом быстро спустился к воде, дожидаясь, пока старик уйдет. «И я, видно, такой же безвольный человек, — думал Бенто, — даже не посмел сказать мастеру прямо, что не могу больше оставаться здесь».

По дороге, ведущей к энженьо, приближался всадник. Всмотревшись, Бенто узнал матуто. Тогда он поспешно направился к дому и увидел, что это Рассеченная Губа. Капитан о чем-то разговаривал с ним. Бенто испугался, что старик что-нибудь напутает, но, к своему удивлению, увидел, что тот был уже не таким, как несколько минут назад. Рассеченная Губа привез вести от Апарисио. В фазенде Тотоньо Медейроса, в муниципалитете Флоресты имелась партия оружия, ожидавшая отправки. Капитан требовал выполнения этого поручения в кратчайший срок. Отряду нужны были патроны, он понес большие потери во время перестрелки с майором Лусена в Агуа Бранка. Старик говорил совершенно спокойно:

— Можете сообщить капитану, в каком вы меня застали состоянии. С такой ногой я не могу сесть на коня. Три конты капитана для уплаты за заказ я храню. Здесь со мной живет Бенто, но я уверен, что он один не справится с таким делом. Переправа снарядов — рискованное и очень тонкое дело. Сертан кишит солдатами.

Посланец решил остаться до следующего дня, и мастер Жеронимо начал расспрашивать его, откуда он идет. Рассеченная Губа ответил: «Ходил за семенами хлопка, чтобы перепродать их в сертане Параибы. Но проходил понапрасну».

Мастер вызывающе сказал:

— Мой сеньор, здесь нет ничего подходящего. Хороший для вас товар только в Серидо.

Рассеченная Губа насторожился и замолчал. В разговор вмешались Бенто и Деоклесио. Заговорили о воде для Сеара. В Параибу и Сеара прибыли машины всех размеров, и инженеры разворотили всю землю. Потом мастер ушел домой, и Бенто вызвал Рассеченную Губу на более откровенный разговор.

— Расскажите об отряде, — попросил Бенто.

— Апарисио возвратился от отца Сисеро и задержался в Сержипе из-за лихорадки, которую подхватил в Арарипе. Он поправился, но стал уже не тем. Теперь с ним в отряде женщина, некая Жозефина, очень жестокосердная, сущий дьявол, а не женщина. Дерется с оружием в руках вместе с парнями. Апарисио не может жить без этой ведьмы.

Знаешь, даже негр Висенте сказал мне как-то: «Дьявол вошел в тело кума. Эта женщина в дружбе с самим сатаной». Капитан ничего больше не замечает вокруг себя. Люди теряют вкус к жизни в отряде. Твой брат Домисио все грустит. Не стрижет волос, стал похож на монаха. Однажды я окликнул его, а он даже не обернулся. Висенте сказал мне: «Парень ни с кем не разговаривает, а после того как побывал у отца Сисеро, на него напала тоска. Чего доброго, его снова потянет к праведной жизни». Но скажи мне: вот тот — проезжий — не певец Деоклесио? Ты говорил с ним об Апарисио? Имей в виду: певец болтлив, всегда гремит, как пустая бочка.

Гнусавый голос Рассеченной Губы начал раздражать Бенто. Из головы не выходил Домисио с длинными, как у женщины, волосами, замкнутый, молчаливый — Бенто знал это молчание. Он вспомнил, как мать, бывало, говорила: «У Домисио голова не очень крепкая, зато у него сердце доброе...»

Оставшись один после разговора с Рассеченной Губой, Бенто пошел к плотине. Спустились сумерки. Мастер стучал молотом, этот стук разносился далеко по долине и возвращался глухим эхом. Бенто стал думать о приказе Апарисио. Но как его выполнить, если старик так болен? Поездка опасная: солдаты оцепили дорогу, никого не пропускают. Но все же нужно идти во Флоресту к этому фазендейро Тотоньо Медейросу. Апарисио сам не может появиться в этом районе. Бентиньо вспомнил свою поездку в Бом-Консельо — тогда они подверглись опасности, лейтенант чуть не задержал их, но капитан в то время был еще здоров. Однако через несколько минут Бенто забыл об Апарисио и видел только своего любимого брата. По словам Рассеченной Губы, бедняжка опять стал таким, каким был в Педра-Бонита. Видно, такова судьба их семьи. Старуха была разумной, сильной духом, доброй сердцем, а кончила тем, что, лишившись рассудка, бродила, не

находя себе места, ненавидела и проклинала всех. «Да, это судьба Виейра, проклятие, тяготеющее над родом», — решил Бенто. В отчаянии он возвратился домой. Там он застал Деоклесио. Растянувшись в гамаке, певец спокойно перебирал струны гитары. Увидев Бенто, Деоклесио заговорил о мастере:

— Мастер Жеронимо, по-моему, совсем свихнулся. Парень, запомни, что я тебе скажу: если брежонец вступил на плохой путь, никто его уже не остановит. Знаешь, меня много раз звали в Брежо, но моей ноги там не будет. Пришел я сюда, хозяин фазенды не прогнал меня, ты относишься ко мне, как к другу, а этот прохвост обращается со мной черт знает как. Он думает, раз у него сын в кангасо, так он уже важная персона.

Деоклесио тихонько запел. Бенто опять вспомнил Домисио и рассказал певцу все, что узнал о брате.

— Это даже хорошо, что твоему брату не по душе жизнь с обрезом. Ты мне говорил, что он играл на гитаре и сочинял душевные стихи. Когда я увидел его в отряде, я сказал себе: «Нет, этот непохож на кангасейро». Но потом мне говорили, что в бою он настоящий зверь. Не знаю, парень, но мне было трудно этому поверить. Твой брат мне казался не из тех, у кого на устах мед, а в сердце лед. Нет, я не думал, что он такой. Он поговорил со мной потом, попросил гитару, и стоило ему взять несколько аккордов, как я сразу решил: вот тихий человек, такой же, как ты, я, метис Терто. Но я ошибся в твоем брате. Кангасейро Сете Легуас мне рассказывал о нем вещи, от которых волосы на голове шевелятся, — в бою он страшнее Апарисио. А теперь ты пришел со своей историей. Это — судьба, парень, человек в конце концов находит свой путь, хотя идет к нему издалека. Это — воля божья, и дорогу эту не размоют даже льющие шесть месяцев подряд зимние дожди.

Бенто привел себя в порядок и отправился побеседовать с Алисе.

Войдя в дом, он увидел, что там полно народу. У старой Аниньи начался сильный припадок, мастер в это время был в Рокейре. Собрались соседи. Старуха корчилась от боли в пояснице, каталась по полу, потом потеряла сознание. Ее отхаживали горячими припарками, но она не приходила в себя. Отказались работать почки. Бенто понял, что это серьезно. Алисе он застал на кухне, она грела воду,

Увидев жениха, девушка подняла на него глаза, и слезы потекли ручьем; едва слышно она прошептала:

— Бенто, мать умирает.

Он хотел утешить ее, но не находил слов. В горле застрял ком, как в день смерти матери Жозефины. Он не мог ничего ответить, из глаз потекли слезы. Опустив голову, чтобы окружающие не заметили его состояния, он горько плакал.

В доме дымил очаг. Отец подошел к Алисе и прерывающимся от боли голосом сказал:

— Доченька, кончается наша мать. Спасения нет. Я помню: так же было с кумой Шикой, в Брежо. Это — предсмертные муки.

Входили все новые люди. Явились и негритянки из домика у водопада. Алисе была возле матери. Казалось, что старуха крепко спит. Время от времени она стонала, но все глуше и глуше. Мастер не шевелился, словно его ноги приросли к земле. В полночь кто-то попросил свечу. Он понял, что жена отходит, сам зажег ее и опустился на колени у постели умирающей. Наклонясь над Аниньей, мастер своими огромными руками соединил высохшие руки жены, потом вложил в них свечу, чтобы пламя освещало ей дальний путь в иной мир.

Женщины начали громко молиться; в доме поднялся разноголосый гул. А среди этого шума, в темной ночи, выделялся громкий и пронзительный плач Алисе. Бенто вышел из дому. Скоро стало рассветать, и запели птицы. В саду Алисе благоухали цветы — бонини, богари, розы на старом кусте, распустившийся после дождя шафран.

Пришли Деоклесио, Терто и старая негритянка Доната. Алисе сразу преобразилась и стала распоряжаться по дому. Теперь она была хозяйкой. Деоклесио отошел с Бенто к обочине дороги.

— Узнав о смерти старухи, я поспешил сюда. Я подумал, что в конце концов моя неприязнь к мастеру не имеет никакого отношения к покойнице. Когда наступает смерть, властен один только бог. Метис сказал мне, что ты собираешься жениться на девушке. Вот поэтому я и пришел сюда.

Бенто рассказал Деоклесио, как мучилась синья Анинья. История с сыном доконала ее. Хорошая была женщина. Так страдала из-за того, что муж убил двух человек, но никогда не жаловалась.

— Парень, я не из тех, кто любит давать советы, но повторяю тебе еще раз: уходи отсюда, уходи из этого сертана. Забирай девушку и беги отсюда поскорее. Ждать осталось недолго. Солдаты, как только узнают, что брат Апарисио находится в этих местах, явятся по твоему следу.

Заунывные голоса молящихся женщин вспугнули птиц и омрачили солнечное утро. Бенто и Деоклесио спустились к берегу реки и вдали под оитисикой увидели матуто на привале, их спутанные кони паслись на заливном лугу.

— Эти люди идут из Брежо.

Когда они подошли ближе, Деоклесио заговорил с одним из них:

— Откуда идете?

— Идем из города Гараньюнса. Что там, наверху, — покойник?

— Да, умерла жена мастера Жеронимо.

— Вот что. Прошлый раз, когда мы проходили здесь, я разговаривал с ней. Мастер дважды судился. Это — человек крепкой закалки. Мне нужно было сказать ему кое-что, касающееся Брежо. Дело в том, что некий Лауриндо, брат покойного Казимиро, отдал богу душу. Он умер от страшной болезни: во рту у него образовалась опухоль, и он свернулся меньше чем в два месяца. Это тот Лауриндо, что поклялся покончить с мастером. Он был в вашем сертане, разыскивал Жеронимо. Передай все это мастеру.

Путники готовили еду. Деоклесио стал их расспрашивать:

— Ну, что говорят об Апарисио? Много солдат в сертане?

— Чтоб сказать правду, на дорогах сейчас одни летучие отряды. Я видел капитана Алвиньо у входа в Мата-Гранди, он остановил наш караван, угрожал и требовал сообщить то, чего мы не знали. Об Апарисио говорят, что он ослеп на один глаз и что он связался с какой-то бабой, она с ним в отряде, прямо настоящая змея жарарака. Капитан Алвиньо получил повышение за поимку Бем-те-ви и чувствует себя хозяином сертана. Говорят, что даже не считается с крупными фазендейро. Эти командиры летучих отрядов, когда заважничают, ни с кем не считаются. Дождется, что при первой же стычке капитан Апарисио покончит с ним. Оливейра из города Сауза так же вот

чванился и убрался к дьяволу во время стычки в Серроте Претто. Я слышал, что Бем-те-ви — уроженец этих мест. Парню всего восемнадцать лет, а убийств за плечами больше, чем у негра Висенте. Взяли его только изменой. Говорят, он лежал больной в доме коитеро и его окружили. Парень один отстреливался от двух десятков солдат. Даже певец Деоклесио сложил АВС о нем. В Эшу на ярмарке один парень пел о геройстве Бем-те-ви. Капитан Алвиньо получил за его поимку еще одну нашивку. Так ты сможешь передать мое поручение Жеронимо? Не хочу подниматься к дому, чтобы не видеть покойника.

На обратном пути Бенто и Деоклесио встретили капитана Кустодио. Он сидел на камне под жоазейро в сапогах для верховой езды, в руках держал хлыст. Старик казался далеким от всего, и никак нельзя было предположить, что он гневается и явился в дом мастера для неприятного разговора с ним. Подозвав к себе Бенто, он сказал:

— Сынок, я тебя поджидаю здесь. Поручение твоего брата Апарисио — для меня приказ. Правда, обещанного мне он до сих пор не выполнил. Касуса Леутерио в Жатоба хозяйничает еще больше, чем раньше. Мой сын мертв, и моя жена Мосинья тоже мертва, они ждут меня. Но я человек слова и долга. Этот мастер Жеронимо действительно подкапывается под меня. Но я боюсь только одного господа бога. Я пришел, чтобы помочь, а этот черт мастер даже не поздоровался со мной. Негодная тварь готовит удар против меня. Но вот что я скажу тебе: я проснулся сегодня с твердым намерением выполнить поручение твоего брата. Певцу Деоклесио я не доверяю. Это последний прощелыга. Бродит по миру, ни одной юбки не пропустит, сколько людей сделал несчастными. Я не удивлюсь, если он окажется шпионом.

Бенто был не в состоянии разговаривать с капитаном и попросил его:

— Капитан, лучше поговорим о деле завтра, когда вы успокоитесь.

Старику такой ответ не понравился.

— Но, сынок, договор есть договор. Твоему брату необходимы боевые припасы, и нужно найти какой-нибудь выход. Если ты не можешь ехать сегодня, то я возьму с собой метиса Терто, — сказал капитан и направился к своему коню. Бенто не удерживал старика.

Мастер Жеронимо обратился в отчаянии к Бенто:

— Я не буду хоронить жену в гамаке. Гроб, принадлежащий церкви, занят, хоронят какого-то старика, и Анинья может остаться без гроба.

На помощь пришел Деоклесио:

— Мастер, я поговорю с викарием в Такарату, там у «святого братства» имеется гроб, и нам его дадут.

— Это у негров? Нет, не хочу, парень, ни за что не соглашусь, — запротестовал мастер.

Выход из положения нашел надзиратель:

— Не беспокойтесь, мастер, я сейчас же отправлюсь в Такарату, там в муниципалитете есть гроб, и вашу жену не похоронят без гроба, как какого-нибудь бездомного бродягу.

Мастер поблагодарил за помощь, и надзиратель, вызвав двух человек, отправился с ними в город. Оставшись наедине со своим будущим зятем, мастер не выдержал:

— Если бы я жил в Брежо, ничего подобного не случилось. Мне не пришлось бы хоронить жену как последнему нищему, собирая по крохам. Вот что значит жить на земле никчемного человека. Что с него возьмешь! Мой сын по глупости ранил человека и, чтобы не попасть на каторгу, должен был уйти в кангасо. А когда моя жена умерла, ее отправляют на кладбище в гробу для нищих. Так-то обернулось дело. Ушел из Брежо, чтобы не пришлось убить еще одного человека, и потерял все.

Сухие глаза Жеронимо лихорадочно блестели. У Бенто не нашлось в ответ ни слова утешения. Алисе хлопотала на кухне, готовя кофе для собравшихся проводить мать в последний путь.

Две восковые свечи освещали изможденное лицо покойницы. Она лежала посреди комнаты на подстилке вся белая, в саване из мадаполама. У тела усопшей всю ночь молились женщины.

XVI

Капитан вызвал к себе метиса Терто:

— Парень, Бенто не может сопровождать меня, ему нужно быть на похоронах матери его будущей жены, он должен остаться, чтобы утешить невесту. Мне необхо-

димо срочно выполнить одно дело, и я не могу ждать до завтрашнего дня. Иди оседлай коня, и отправимся в путь, к наступлению ночи мы должны добраться до верхней дороги.

На следующий день Бенто не застал в каза-гранде ни капитана, ни метиса и пришел в отчаяние. Деоклесио стал успокаивать его:

— Ничего не случится. В таком состоянии он далеко не уедет. Жаль вот только Терто! Старик может выкинуть какую-нибудь глупость и погубить парня.

Бенто рассказал Деоклесио, что их поездка связана с закупкой оружия для Апарисио. Опасное дело, на дороге повсюду солдаты.

— Твоя правда, сынок, затея рискованная. Я даже начинаю жалеть, что остался здесь. И опять повторяю тебе: уходи поскорее отсюда. Хочешь, я пойду с тобой в сертан, провожу тебя до места, где ты сможешь побыть некоторое время в безопасности. Потом пойдешь дальше, на юг, заработаешь денег и будешь жить, как уважаемый человек. Ты грамотный, умеешь читать, считать и человек, судя по всему, толковый.

Улеглись спать, но Бенто, не переставая, думал о словах Деоклесио и всю ночь не мог сомкнуть глаз. На следующее утро пришел мастер, лицо у него было мрачно. Деоклесио хотел помочь Жеронимо в беде, достать гроб для синьи Аниньи, а тот даже не поздоровался с певцом. Оказывается, мастер пришел поговорить с Бенто. Он вызвал его из дома и сказал:

— Сынок, я всю ночь думал и вот пришел поговорить с тобой о серьезном деле. Из твоей женитьбы ничего не выйдет. У тебя брат в кангасо, у меня сын пошел той же дорожкой, и поэтому нам нужно теперь держаться подальше друг от друга. Я сказал дочери то же, что говорю тебе, а она — в слезы. Плакала больше, чем после смерти матери. Я прошу тебя больше не встречаться с ней. Раз я так решил, значит, решил. Завтра же ухожу в Брежо. Если я буду вынужден пойти еще на одно преступление, там найдется судья, который оправдает меня. Я не желаю иметь зятем брата такого известного кангасейро, как Апарисио. Я пришел предупредить тебя. И говорю тебе все это как друг.

— Но, мастер, а Алисе согласна?

— Я согласен! Хватит с меня того, что жену пришлось

хоронить в гробу муниципалитета для бедняков. Недоставало еще, чтобы дочь моя связалась с семьей кангасейро.

Бенто хотел возразить, но мастер не дал ему даже рта раскрыть.

— Я сейчас узнал, что сумасшедший Кустодио уехал с метисом Терто по верхней дороге в направлении Флоресты. Этот сумасшедший связан с Апарисио. Я все знаю. Каждый раз, когда сюда приходил гуртовщик Морено, я подозревал что-то недоброе. Потом явился этот гнусавый. Я попал в гнездо коитеро. — И, не сказав больше ни слова, мастер направился в энженьо, собрал свои инструменты и ушел по дороге домой. Бенто удивила такая решительность мастера. Все это казалось ему бредом. Вчера только мастер говорил с ним так доброжелательно, а сейчас явился с камнем за пазухой. Бенто отыскал Деоклесио и рассказал ему о случившемся.

— Парень, положение твое трудное. А ты очень любишь девушку? Если очень любишь, нелегко будет вырвать из сердца. Рана сердечная мучительнее, чем от пули. Мастер — вообще неуживчивый человек, а теперь он еще в отчаянии из-за истории с сыном, и к тому же он уверен, что тебя ждет судьба твоих братьев. Брежонцы — люди своенравные. Девушка любит тебя, я прочел это в ее глазах. Видел, как она смотрит на тебя, парень. Если хочешь, то выход найдем. Нужно увезти ее.

Бенто сразу почувствовал себя опять совсем одиноким. Он был уверен, что отец заставит Алисе уехать далеко... Предусмотрительность мастера казалась ему бессмысленной. Но хватит ли у него сил последовать совету Деоклесио? В конце концов мастер — отец девушки, она в его власти, и он прав, опасаясь оставлять свою дочь в этом заброшенном сертане без защиты. Может быть, лучше примириться, подчинившись воле того, на чьей стороне правда? И больше чем когда-либо ему стало казаться, что он бессилен против своей судьбы. Всех Виейра ждет злая участь! Видно, кровь предков действительно всесильна! Видно, нельзя избежать возмездия Мать была права, когда во время своих терзаний называла их «отродьем змия», «отщепенцами», «родом проклятых богом». Он готов был сдаться и согласиться с потерей Алисе. Не было ни сил, ни мужества сопротивляться судьбе.

Шел дождь и, как бурный поток в суровую зиму, уносил все за собой. Бенто укрылся в доме энженьо. Мастер

тщательно приготовил все для приема урожая. Теперь он больше не увидит этого серьезного, распорядительного работягу, такого самостоятельного, человека с чистой совестью. Мастер бежит от него, видно, предчувствует, что бог покарает всех Виейра, и поэтому не хочет, чтобы его дочь связала свою жизнь с братом кангасейро, с семьей, в которой дед запятнал себя кровью в Педра.

И тут опять на помощь Бенто пришел Деоклесио:

— Парень, знай, что меня нельзя испугать неприветливым видом. Мастер явился сюда и отшвырнул меня, как котенка или истоптанный башмак. Он неправ, и я не проучил его тогда только потому, что считал его близким тебе человеком. Теперь дело другое. Эта сволочь увидел меня с гитарой и решил, что я какой-то бродяга, безродный. Послушай, я хочу проучить его. Увезем дочь, чтобы не бросался, как собака, на людей.

Сверху спустилась негритянка Доната, она хотела поговорить о поездке Кустодио.

— Я так уговаривала капитана не ехать, — горевала Доната. — Бенто, я не знаю, как этот человек только держится на ногах: он ведь ничего не ест. Одному богу известно, чем он питается, да к тому же у него больная нога. Если бы еще хоть вы были с ним. Так нет же, взял с собой этого беспомощного дурачка Терто.

Деоклесио, растянувшись в своем гамаке, бренчал на гитаре и время от времени что-то напевал. Бенто был не в силах спокойно обдумать все. Что можно предпринять, чтобы зажить спокойно? Послушать совета Деоклесио? Негритянка сказала, чтобы Бенто пришел за завтраком, и ушла, а певец все твердил свое:

— Послушай, парень, это было много лет назад. Я пришел в Серру Арарипе усталый после десятидневного перехода по опустошенному засухой сертану. Попросился на ночлег в фазенде одного старика; он был состоятельным человеком, у него даже была паровая машина на мельнице. Он был действительно полковником. Меня отослали спать под навес, где стояли повозки, и я устроился там. Ночь, уже поздно, и вот мне почудилось, что подъехала лошадь к тому месту, где я ночевал. Я поднимаюсь и вижу возле окна дома двух всадников. Сразу мелькнула мысль о налете кангасейро. Но окно открылось и оттуда выпрыгнула девушка. Светил месяц, и я ясно увидел, что это была девушка. Всадники подъехали поближе, девушка вскочила

на лошадь одного из всадников, и они пустили коней вскачь. Я не мог больше заснуть. Наутро в фазенде все стало известно. Оказывается, увезли хозяйскую дочь. Потом явился фазендейро и расспросил меня, откуда я и куда иду:

— Парень, — сказал он мне, — меня обесчестили. Вчера ночью сыновья Таржино Кавалканти выкрали у меня дочь. Хватит у тебя решимости на смелое дело?

Я понял, что человек принимает меня черт знает за кого.

— Полковник, — ответил я ему, — я певец и не занимаюсь никакими нечистыми делами.

Тут появился еще какой-то человек — он оказался сыном фазендейро — и громко спросил:

— Что делает здесь этот бродяга, отец?

Я не дал старику ответить и сказал сам:

— Я странник и остался здесь переночевать.

— Так вот, убирайся отсюда поскорее.

Парень был в бешенстве. Я ушел и позже узнал, чем все это кончилось. Оказывается, они отправились за девушкой в дом Лаурентино Гомеса, где она скрывалась, и по пути домой убили ее. Парень, который увез девушку, решил мстить. Говорят, что он напал с кангасейро на дом полковника. Страшное было побоище. Я все это рассказал потом в стихах.

Деоклесио взял гитару и запел о красной девице Фирмине и ее возлюбленном Лоуренсо.

— Таков сертан, парень. Посмотри только на этого мастера Жеронимо. Этот брежонец — бессердечный человек. Знает, что ты любишь девушку и она любит тебя, а все же губит вашу жизнь. Если ты собираешься увезти Алисе, ты должен прежде всего выяснить, согласна ли она. Не верю я девушкам из Брежо. Стоит отцу прикрикнуть на нее, как она от страха залезет под кровать. Мы должны с тобой взяться за это дело. Разве мастер не говорил, что не сегодня-завтра он уйдет отсюда?

Бенто нахмурился, но не ответил ни слова. Деоклесио не настаивал. Он улегся в гамак, и снова в тиши зазвучали нежные аккорды гитары. А к Бенто, как в страшные дни болезни матери, возвращалась уверенность, что ему суждено в жизни одно страдание. Он чувствовал себя одиноким, более одиноким, чем когда-либо. Алисе давала ему уверенность, рядом с ней он чувствовал себя человеком, еще способным бороться за жизнь. И вдруг сердце его

сжалось, он понял, что для него Алисе больше не существует. В этот час жестокий отец, вероятно, уже увез ее. Тихая песня Деоклесио напомнила ему о брате Домисио, который тоже покинул его. Бенто хотелось плакать, но он постыдился Деоклесио и ушел к плотине. Горячее полуденное солнце сверкало на камнях. Он увидел подъехавшего к каза-гранде вакейро Фелипе в наброшенной на плечи кожаной накидке. Увидев, что во двор вышла негритянка Доната, негр, даже не спешившись, повернул коня обратно, потом, заметив Бенто, направился в его сторону.

— Доброго денечка, сеу Бенто. Я пришел сюда к капитану, чтоб сообщить ему, что меня вызывают в Такарату. Я был на ярмарке и разговорился с Жокой Галваном, который торгует табаком. В разговоре зашла речь о мастере Жеронимо, и человек этот сказал мне, что Бемте-ви — уроженец этой фазенды. Я ответил: «Послушай, я родился и вырос в этом краю и никогда не слышал о таком». Тогда он сказал мне: «Так знай, кангасейро — уроженец Брежо и только жил в Рокейре. Отец его — сахаровар из Брежо де Арейя, на его совести не одно убийство». Я ничего не ответил, а вчера явился ко мне в дом пеон Жувенсио с вызовом в город, в полицию. Я спросил у посыльного, что случилось, и он только ответил: «Речь идет о старом капитане. Это — приказ сверху». Вот я и пришел, чтобы предупредить капитана, но он, оказывается, уехал куда-то. А мастер где?

Бенто что-то пробормотал в ответ.

— А тот певец, сеу Бенто, еще живет здесь? В лавке сеу Лейтана я слышал, что это — мастер Деоклесио. Капитан слишком доверчив. Этим певцам нельзя верить. Правда, здесь нет девушек. Если бы были, другое дело, он большой мастер на такие дела.

Когда вакейро уехал, Бенто понял, что тот приходил неспроста, и поспешил поделиться с Деоклесио.

— Я повторяю тебе все время: нужно поскорее уходить отсюда. Эта собака явился, чтобы пронюхать, что здесь творится. Я уверен, что это так. Пойди собери свои вещи, и к ночи выйдем отсюда. Пойдем по берегу Сан-Франсиско и доберемся до штата Сержипе. Там у меня есть друг. Ты переждешь в фазенде старого Анаклето Лопеса, а потом, когда придет время, направишься с каким-нибудь караваном на юг. У тебя есть образование, и ты сможешь устроить там свою жизнь. Оставь этот несчаст-

ный сертан мне. Я рожден для него и не могу без него жить.

Совет Деоклесио, вместо того чтобы успокоить Бенто, еще больше взволновал его. Он понимал, что в эту минуту решается его судьба. Он может раз навсегда освободиться от всех страхов. Но хватит ли у него мужества? И хотя сердце мучительно сжималось, но он все же начал сворачивать свой гамак. Потом вспомнил о деньгах, которые мать запрятала в стену их дома на горе. Денег там было много. Рассказать о них Деоклесио он не решился. Можно ли довериться в таком деле чужому человеку? С такими деньгами он мог попытаться зажить вполне обеспеченно, уйти из этого штата и навсегда спастись от преследовавшего его злого рока. Но все же в конце концов он решил сказать Деоклесио:

— Сеу Деоклесио, я должен сходить на участок на горе и захватить кое-какие вещи. Это дело займет не больше часа, и я вернусь еще до захода солнца.

Он быстро вышел, но все же не смог побороть страх. Ему нужно было пройти мимо дома мастера, но не успел он сделать несколько шагов, как увидел у края дороги какую-то фигуру. Это поджидала его Алисе. Он подумал, что она случайно увидела его и остановилась. Когда он подошел к ней, она обняла его, как никогда раньше, и горячо поцеловала, потом сказала:

— Бенто, отец не хочет, чтобы ты женился на мне. Он приказал мне больше не встречаться с тобой. Собирает вещи, чтобы возвратиться в Брежо. Сейчас ушел только в лавку за провизией.

Девушка плакала в его объятиях, и он понял, что бежать ему будет не так легко, как это казалось несколько минут назад. Они укрылись за придорожным кустарником и никак не могли оторваться друг от друга. Наконец Бенто выговорил:

— Ты должна бежать со мной. Будь готова сегодня ночью. Твой отец сердится на меня, за что, я и сам не знаю. Я уверен, что мастер способен покончить с нами обоими.

— Я согласна бежать, Бенто. Я тебя не покину.

И она прильнула к парню, словно на всю жизнь связывая свою судьбу с его судьбой. В эту минуту исчезли все ее страхи, она стыдливо потупила глаза, и счастливая улыбка заиграла на ее губах.

— Бенто, я не могу больше оставаться с отцом. Что-то подсказывает мне, что в конце концов он опять попадет в беду. Ты можешь назначить час, и я буду ждать. Мы уйдем далеко отсюда, ведь правда? У тебя хватит решимости?

В ответ Бенто крепко обнял девушку, и радость наполнила все его существо. Он поцеловал ее и почувствовал на губах ее соленые слезы. Сейчас впервые за все время жизнь показалась ему праздником.

— Я уверен, Алисе, что мы уйдем отсюда. Эта земля лишает человека всего. Ты будешь ждать меня ровно в девять Оставь окно твоей комнаты открытым. Я пройду по дороге снаряженный, как матуто, и, как только ты увидишь меня, сейчас же тихонько выходи и направляйся к дороге, к берегу реки. Там я буду тебя ждать. Сейчас я зайду домой, чтобы взять деньги, спрятанные еще матерью.

Расставаясь, они поцеловались. Алисе совсем преобразилась. Она уже не была робкой глупенькой девчушкой. Это была решительная женщина, готовая бороться за свое счастье.

Выждав, пока Алисе скрылась из виду, Бенто стал подниматься к дому на горе. Но, дойдя до откоса, он увидел караван, направляющийся в Такарату. Это были продавцы спирта, и они переправляли свой товар через реку. Вожак каравана обратился к Бенто:

— Добрый вам вечер, друг. Скажите: это не Рокейра капитана Кустодио? Так вот, вчера вечером по дороге проходил летучий отряд. Я был там и видел, как лейтенант Алвиньо вел связанного старика. Старик этот оказался капитаном Кустодио. Лейтенант приказал нам остановиться. Арестованный очень кричал, но с лейтенантом Алвиньо шутки плохи. Мне стало жалко старого сертанца, и я обратился к лейтенанту: «Сеу лейтенант, это — старый Кустодио из Рокейры, во всей округе Такарату его очень уважают». «Уважают? — закричал он на меня. — Я отведу этого мерзавца в Жатоба, там увидят, что за груз он вез. Патроны для кангасейро». Старик не сказал ни слова. Мне очень жаль капитана. Так вот, солдаты, видно, скоро будут здесь.

Бенто попрощался с торговцами и поспешил к дому. Дорога, по которой он шел, так густо заросла за это время кустарником, что не видно было даже узкой тропинки.

Подойдя к покинутому жилищу, он испугался царившей вокруг тишины. Дверь была настежь открыта. «Должно быть, ветер», — подумал Бенто. Он вошел в комнату матери и в отверстии, выдолбленном в глиняной стене, нашел завернутый в красную тряпку пакет с деньгами. Он даже не пересчитал их. Нужно было торопиться, чтобы подготовиться к бегству. Арест старого Кустодио в таком болезненном состоянии мог погубить их всех. И вдруг он вспомнил мать, лежавшую в комнате на полу, с веревкой на шее; мать, в бешенстве проклинавшую своих сыновей. И радости, пробужденной в нем недавней встречей с Алисе, как не бывало. Обезумев от страха, он бросился из дому, бежал по откосу, не замечая колючек, рвавших платье в клочья. Только внизу, у самой дороги, он остановился и перевел дыхание. Навстречу шла негритянка Ассунсион.

— Парень, что случилось с мастером Жеронимо? Я проходила мимо его дома не больше как две минуты назад и слышала чьи-то вопли. Я остановилась у дверей: мастер совсем взбесился, он бил дочь и обзывал ее скверными словами. Парень, старик совсем потерял разум.

Бенто, не дав негритянке договорить, бросился к дому мастера. Он подумал, что Жеронимо, наверно, заметил, как Алисе вышла поговорить с ним, и теперь бьет за это дочь. Он хотел сократить путь и быстрее добраться берегом реки, но не успел пройти и нескольких шагов, как увидел мастера. Он весь похолодел, сразу решив: «Мастер разыскивал меня». Как автомат, двинулся Бенто навстречу тому, чему суждено быть! И каково было его удивление, когда он услышал:

— Сынок, я хотел видеть тебя. Дело в том, что я был в лавке сеу Лейтана и мне сказали, что твой брат Домисио погиб во время стычки в Сержипе.

Бенто решил, что мастер хитрит:

— Мастер, вероятно, это просто болтовня. Я только что узнал от одного матуто, что летучий отряд захватил капитана и повел его в Жатоба.

Жеронимо сначала ничего не ответил Бенто и только еще больше нахмурился. Потом все же сказал:

— Видишь, что получается, когда связываешься с кангасейро. Теперь капитан попробует кнута и посидит в тюрьме. Сумасшедший старик!

XVII

Когда арестованных привели к воротам тюрьмы Жатоба, весь город сбежался посмотреть на них. Капитан Алвиньо прошел с двумя связанными сертанцами по центральной улице. В течение одного месяца у него было две удачи, о которых много говорили. Теперь он вел двух коитеро, задержанных при перевозке оружия для кангасейро. Возле тюрьмы собрались любопытные. Сдав арестованных, лейтенант поспешил в дом полковника Леутерио. Глава партии сидел у дверей магазина и беседовал с друзьями:

— Ну, капитан, еще одна услуга?

— Да, полковник, мне повезло. Поймал старика на месте преступления. Негодяй вез ружейные патроны. Это некий Кустодио.

Услышав имя, полковник Леутерио даже привстал.

— Что вы говорите! Так это капитан Кустодио из Такарату?

— Мне сказали, что это он. До сих пор этот негодяй только болтал всякую чушь, но это — человек с положением: у него есть даже, как мне говорили, энженьока в горах.

Полковник встал и обратился к офицеру:

— Послушайте, капитан, ведь повсюду станут говорить, что это я преследую своего политического противника. Сенатор Жозе Фуртадо, как только узнает об этом, побежит к начальнику полиции и начет интриговать против меня. Этот капитан Кустодио из Рокейры — мой политический враг. Его отец был врагом моего отца. У капитана убили сына, какой-то забияка связался с ним, чтобы меня скомпрометировать, и с того дня этот старик повсюду болтает обо мне черт знает что. Я знал, что он в дружбе с Апарисио, но никогда не хотел ничего предпринимать против него. Сенатор Жозе Фуртадо теперь во дворце. Сюда он не сунет носа, но, говоря откровенно, меня не радует эта ваша услуга. Сеньор должен был посадить старика в Такарату, там судья, сын старого Вандерлея из Триумфо, мой враг. Теперь я попрошу вас только об одном: хорошо обращайтесь со стариком Если с ним что-нибудь случится здесь в Жатоба, то можете не сомневаться в том, что будет назначено специальное расследование этого дела.

— Но, полковник, мне даны неограниченные права в борьбе с бандитами.

— Тогда увезите этого человека в Ресифе. Я не хочу, чтобы он оставался здесь. И прошу, капитан, обращаться с Кустодио хорошо, и не потому, что я жалею этих коитеро, просто не хочу лишнего столкновения с сенатором.

Старого Кустодио вместе с другими бросили в тюрьму, и теперь его била лихорадка. У него был приступ эризипелы. Глаза вышли из орбит, он с трудом дышал и, лежа, скорчившись, в своем углу, громко стонал. Другие арестованные сторонились больного старика.

— Не выдержит, скоро протянет ноги, — сказал кто-то из арестованных, — здесь скоро будет покойник. Стаскивай со старика сапоги.

Метис Терто подошел к хозяину. Ему были хорошо знакомы эти приступы, и он надеялся, что это пройдет через пару часов.

— Нет, это не смерть, нет, это — приступ эризипелы. Потом он успокоится, — говорил окружающим Терто.

В дверях показался тюремщик.

— Старик кончается, сеу Жока, — сообщили ему арестованные.

— Подождите, сейчас вызову капитана.

Офицера тюремщик застал в лавке у полковника.

— Капитан, у арестованного старика приступ. Хорошо бы позвать Флорентино из аптеки.

Полковнику Леутерио не понравилось это сообщение.

— Если этот человек умрет здесь, в Жатоба скажут, что его убили по моему приказу. — И полковник Леутерио с досадой добавил:

— Капитан, должен сказать вам, что в своем муниципалитете я не нуждаюсь в вооруженных отрядах полиции для борьбы с кангасейро. Недавно они побывали здесь, и я сам прекрасно с ними справился.

— Полковник, можете быть уверены, что я пришел сюда не с намерениями создавать какие-либо затруднения. Завтра же отправлю старика в Ресифе.

— И не думайте этого делать. Как только он прибудет туда, газеты подымут шум. Я не могу там рассчитывать на начальника полиции. Это — ставленник сенатора. Угодно вам, капитан, сделать мне одолжение? Увезите этого человека в Такарату.

Явившись в тюрьму, капитан Алвиньо убедился в том, что старик очень болен.

— Что с этим чумовым?

Он вошел в камеру и ткнул хлыстом, который держал в руках, в бесчувственное тело капитана и злобно прошипел:

— Жаль, что я не прикончил эту подыхающую тварь в пути!

Тюремщик предложил перенести больного в свободную камеру.

— Хорошо, перенесите, — согласился капитан. — Если не помрет, завтра отправлю его в Такарату.

Позже пришел аптекарь.

— У старика приступ болотной лихорадки. Это — дело двух дней. Я пришлю хинин, сеу Жока, пусть выпьет.

На следующий день капитан проснулся с высокой температурой, он не сознавал, где находится, и стал громко звать негритянку Донату. Голова была будто свинцом налита. Он посмотрел на дверь, через которую проникал в камеру дневной свет, и так как никого не увидел там, то стал изо всех сил кричать. Теперь он звал метиса Терто. В дверях появился тюремщик.

— Капитан Кустодио, я жил в Такарату еще при жизни вашего покойного отца и знаю вас.

Старик ничего не понимал.

— Как? Что ты говоришь? Где негритянка Доната? А метис Терто? Терто, Терто!

Мало-помалу капитан утих и стал рассматривать стоявшего перед ним тюремщика.

— Послушай, сынок, я был в доме, когда Мосинья позвала меня: «Кустодио, пойди посмотри». Это был покойник в гамаке. Бросили тело моего сына на пороге. Он был мертв, весь истерзан пулями и кинжалом.

Потом, почувствовав, что он говорит с незнакомым человеком, капитан пристально посмотрел на тюремщика и спросил:

— Где я?

— Капитан, вы арестованы и находитесь в тюрьме Жатоба.

Старик закричал, выскочил из гамака, но не удержался на ногах и упал на пол.

— Арестован в Жатоба? Боже мой, я пропал!

Лежа на полу, как смертельно раненный зверь, старик делал неимоверные усилия подняться, но безуспешно.

— Касуса Леутерио! — пробормотал он, опустил голову и замолчал.

И даже тогда, когда тюремщик с трудом укладывал его в гамак, он не поднял головы. Словно маленький ребенок, он подчинился тюремщику и только прикрывался гамаком, чтобы не видели его слез.

Через некоторое время в камеру вошел офицер с каким-то человеком — это был секретарь полиции.

— Старик, говори! Сейчас же говори все! Бандит, что был с тобой, уже во всем сознался. Ты ничего не выиграешь от того, что будешь молчать.

Но капитан Кустодио даже не взглянул на него. Он лежал, прикрыв глаза, спутанная борода падала ему на грудь, он весь сжался в своем углу, как намокшая под дождем птица.

— Говори же, старик, я занят.

— Послушайте, — обратился к нему Кустодио, — я был в доме, когда Мосинья позвала меня: «Кустодио, там несут покойника в гамаке». Бросили тело парня на пороге. Это было тело моего сына, все истерзанное пулями и кинжалом. И сказали: «Вот то, что прислал тебе полковник Касуса Леутерио!»

— Замолчи, старая бестия, я тебя не об этом спрашиваю. Я хочу знать: для кого вы везли оружие? Где закупали патроны?

Старик некоторое время смотрел на него молча, потом закрыл глаза и отвернулся к стене.

— А полковник не разрешает мне допросить эту мразь по-настоящему! Под ударами кнута он бы заговорил, как миленький. Пойдем, допросим его парня. Я ему уже всыпал для начала, но он уверяет, что ничего не знает. Я не действую, как должно, только чтобы не перечить полковнику, не то старик заговорил бы у меня.

— Но, капитан, — вмешался Жока, — я слышал, что старик не в своем уме. В этом сертане каждый знает, что капитан Кустодио после смерти сына помешался.

Они ушли. Когда тюремщик Жока появился позже с завтраком, он застал капитана в том же положении: он лежал, повернувшись к стене и прикрыв голову краем гамака.

— Капитан Кустодио!

— Кто здесь?

Увидев тюремщика, он приподнял голову и спросил о метисе Терто:

— Что с метисом? Нужно дать ему поесть. Офицер

еще там? Теряет понапрасну время, сынок, теряет время. Я никогда не видел никакого Апарисио. Скажи Донате, чтобы она приготовила мне кофе. Ах, да! Ведь ее здесь нет. Скажи мне одну вещь: я слышал звон колокола, я действительно нахожусь в Жатоба?

И когда тюремщик подтвердил это, он громко и уверенно сказал:

— Это — дело рук Касуса Леутерио. Я только потерявший честь сертанец, даже не отомстил за смерть сына. Жена моя умерла с горя.

Он замолчал и даже не дотронулся до тарелки с фасолью; тюремщик ушел. А в городе стали говорить, что капитан Кустодио — сумасшедший, что офицер арестовал безумного старика, приняв его за коитеро Апарисио. К полковнику Леутерио явился с ходатайством о старике викарий.

— Сеу викарий, — ответил ему Леутерио, — только вчера здесь, в моем доме, я говорил с офицером и сказал ему прямо: «Сеньор сделал ошибку, приведя этого старика сюда». Все знают, что Кустодио — мой враг, и по всему Ресифе пойдут разговоры. Сенатору не нужно лучшего повода для интриги против меня. Я просил капитана Алвиньо убрать старика отсюда. Я не нуждаюсь в полицейских частях, чтобы защищаться от кангасейро. Вот все, что я могу вам сказать, отец Шико. Я не желаю, чтобы этот человек оставался хоть один день здесь, в Жатоба.

Между тем дошли вести из Пираньяса о том, что Апарисио атаковал город Пан-де-Асукар, убил сержанта отряда, вытащил на улицу семью Фиделиса Соуса. Парни замучили его жену до смерти. С Апарисио было более ста человек, он налетел на город неожиданно.

Капитан Алвиньо готовился к выступлению и перед уходом зашел в тюрьму распорядиться: «Арестованные останутся здесь до моего возвращения».

Отряд спешил на соединение с майором Лусена из Алагоаса. Ему предстояло столкнуться с кангасейро, которые, видимо, попытаются переправиться на другой берег реки.

Перед уходом капитана полковник Леутерио сказал ему:

— Сюда кангасейро не войдут, можете спокойно дать Жатоба отдохнуть, у меня хватит своих сил, чтобы защитить город. А что касается старика, то сеньор сделает мне большое одолжение, если немедленно уберет его отсюда.

Как я уже говорил вам, у меня давняя вражда с этим человеком, это — семейное дело. Завтра не будет недостатка в людях, которые скажут, что я преследую силами полиции своих врагов. Нет, сеньор, сделайте мне это одолжение и уберите отсюда Кустодио.

— Полковник может быть спокоен. Послезавтра старика здесь не будет, — ответил капитан Алвиньо. — Тюремщику Жока дан соответствующий приказ.

После ухода отряда из города тюремщик взял все в свои руки. Он поговорил с Терто и все узнал. А вечером его вызвал к себе полковник Леутерио и сказал ему:

— Послушай, Жока, завтра на рассвете освободи обоих. Если лошади арестованных в плохом состоянии, пойдешь в дом Алфредо и предоставишь в их распоряжение пару коней. С капитаном я потом сам разберусь... Здесь, в Жатоба, распоряжаюсь я. Этот офицер летучего отряда может командовать другими, но не мной.

Тюремщику понравилось такое решение. Он был уверен, что капитан не мог быть коитеро, и если он что-нибудь и делал для Апарисио, то не больше, чем любой вынужденный обстоятельствами сертанец. Как мог фазендейро вступать в спор с кангасейро? С приказом полковника он отправился к капитану Кустодио, тот сидел в гамаке, вытянув распухшую ногу.

— День добрый, капитан.

Старик с трудом поднял голову и вместо приветствия ответил:

— Все хорошо, Флорентино, все хорошо. Зима хорошая. Мосинья хочет продать запаршивевшую корову. Можешь сбыть ее торговцам в Такарату. — Потом старик встал. — Послушай, я не хочу скрещивать мой скот с одичавшей скотиной Шико Лауриндо.

Он прошел несколько шагов, волоча за собой ногу, потом снова сел в гамак.

— Моему отцу не нравилась такая помесь. Вакейро, твой отец хорошо знал об этом. Я и слышать не хочу о скрещивании. Ты едешь на ярмарку в Такарату? Мой сын Зека говорил мне, что фасоль поднялась до двух крузадо за меру. Деньжищи! Это наделал голод в Брежо. Это наделали оспа и лихорадка в Брежо.

Он замолчал и закрыл глаза, как будто хотел набраться сил, чтобы продолжить разговор. Потом опять открыл глаза и в ужасе устремил взгляд куда-то поверх тюрем-

щика. Он снова сделал попытку приподняться и с невероятным усилием опустил ногу на пол.

— Я был в комнате, когда Мосинья позвала меня, чтобы сказать: «Послушай, Кустодио, там несут покойника в гамаке». И я в самом деле увидел покойника. У порога моего дома бросили труп моего сына, истерзанного пулями и кинжалом.

Тюремщик от страха не шевелился.

— Да, это был труп моего сына, и мне передали слова Касуса Леутерио. Да, мне передали его слова. Я сам слышал эти слова. Они звучат до сих пор в моих ушах, и я никогда их не забуду. Но зачем говорить об этом! Моя жена Мосинья умерла от горя. Может, не умерла? — Но тут же сам ответил:

— Нет, умерла, умерла, потому что ее муж — потерявший честь сертанец. Разве не так? Нет, это так. Я действительно сертанец, потерявший честь. Но, сынок, твой брат Апарисио отомстит за меня. Ты хорошо должен это знать. Капитан Апарисио держит свое слово. Только он один в силах справиться с Касуса Леутерио. Я знаю, что он отомстит, войдет в Жатоба и не оставит там даже грудного младенца на развод. Я знаю, что он вернется. А что, не вернется?

Тюремщик хотел уйти и не решался. Потом сообщил:

— Капитан, завтра на рассвете сеньор и метис могут возвратиться домой.

— Я вам расскажу, как все это было: Мосинья умерла с горя, и я похоронил ее у вершины, рядом с сыном. Ах, Кустодио дос Сантос, ты в самом деле ни к чему не пригоден. Но теперь всему придет конец. — И, повысив голос, он стал приказывать:

— Флорентино, оседлай моего рыжего коня. Доната, принеси седло и сапоги. Я сейчас проучу этого Касуса Леутерио!

Старик так кричал, что слышно было на улице:

— Флорентино, приведи моего рыжего коня, неси седло, подушку, Доната! Я не хочу больше знать Апарисио, не хочу больше знать Апарисио; всякий, кому вздумается, будет еще мной командовать! Я сам убью Касуса Леутерио. Я помню все, будто это было только сегодня: Мосинья позвала меня, чтобы показать мне... Флорентино, седлай же наконец коня. Эта чертова негритянка не идет с подушкой. Флорентино! Доната! Энженька гибнет. Этот мастер Же-

ронимо не усмотрел за сахаром. Флорентино! Доната! Откройте эту дверь. Кто такой Апарисио? Никто! Я сам не трус. Откройте двери! Мосинья, это Зека? Мосинья, нет, ты не видишь, это не Зека, нет!

И старик, задыхаясь, бросился к открытой двери. Тюремщик пытался удержать его, но старик вырвался из камеры и побежал, волоча за собой ногу. Арестованные бросились к ограде, на улице собралась толпа. Тюремщик обхватил старика и приказал солдатам:

— Не стреляйте, это сумасшедший!

А капитан продолжал кричать:

— Отпустите меня, Флорентино, я убью этого ублюдка! Мосинья, убью, ты слышишь? Убью!..

С большим трудом его вернули в камеру. Капитан Алвиньо уже ушел с солдатами, и о поведении Кустодио сообщили полковнику Леутерио.

— Видите, что натворил офицер. Я прикажу немедленно отпустить этого человека. Идите, сеньор, к Жоке и скажите, чтобы отпустили старика и его человека. Я не желаю, чтобы эти люди находились в Жатоба.

К вечеру тюремщик освободил капитана. Когда он вошел в камеру, казалось, что старик спит, прикрыв лицо бахромой гамака, он даже не пошевельнулся при входе тюремщика.

— Капитан!

— Что такое? Кто там?

Он приподнял голову, глаза его были воспалены, провалившийся рот дрожал. Терто уже освободили, и он ждал у двери.

— Что такое?

Тут заговорил метис:

— Капитан, мы можем возвращаться домой.

— Что? Что случилось? Мы можем возвращаться? Ах да, возвращаться... Принеси мои сапоги, мы выедем до захода солнца и еще засветло попадем домой. Все готово? Да, все готово!

Старик поднялся с гамака.

— Нога отказывается служить. Этот чертов сапог не налезает. Мосинья велела мне купить керосин для дома. Да, керосин. Ярмарка уже кончается, а я так и не узнал цены на муку. Кажется, я видел муку по крузадо за мерку. Это от голода в Брежо подскочили цены, правда, Флорентино? Это голод в Брежо. Хорошо, едем.

Воспаленные глаза, перекошенный рот придавали капитану странный вид. С трудом поднявшись из гамака, он пошел к выходу.

— Где конь?

У дверей тюрьмы толпились любопытные.

— Много народу на ярмарке в Такарату, Флорентино? Хорошо, когда много народу. Всего доброго, до скорой встречи. Мука по крузадо. Голод в Брежо. Флорентино, поехали...

Когда старик проходил, люди низко опускали головы.

XVIII

Бенто ушел еще засветло, а мастер Жеронимо отправился на берег реки. Там он увидел участок, который обрабатывала дочь: поросли иняме *, окученный батат. Известие об аресте старика взволновало его. Он прекрасно понимал, что так сильно скомпрометированная фазенда неминуемо подвергнется налету солдат. Было даже удивительно, что офицер до сих пор не явился громить ее. Ведь солдаты правительства, преследуя кангасейро, делали то же, что и бандиты. Мастер шел по дороге и думал о судьбе своей дочери. Это правда, он поступил с девушкой не так, как ему самому хотелось. Он отстегал ее ремнем и наговорил ей того, чего не следовало говорить девочке, которую он так любил. Что скажет на это его покойная жена на небесах? Если бы она была жива, этой беды никогда бы не случилось. Но что сделано, то сделано.

В сертане начало все высыхать, листья пожелтели. Кусты окрасились в цвет сухой земли, только большие деревья еще сохранили зелень. Мастер укрылся в лесу оитисики, где обычно останавливались отдохнуть караваны. Дул мягкий ветерок, и Жеронимо еще острее почувствовал, как он одинок и несчастен. У него оставался только один выход — вернуться в Брежо. Там живет человек, который в силах защитить его и добиться для него оправдания в суде. Там Алисе сможет выйти замуж за тихого парня из хорошей семьи. Мысль о дочери не выходила из головы. Конечно, это плохо, что он поднял руку на нее. Но он сей-

* Иняме — растение со съедобным корнем.

час вернется домой и поговорит с ней, скажет, что был расстроен, уверит ее, что выпил немного, чего в действительности никогда не делал, соврет, только бы она простила его. Тут все уладится! А вот арест старика — дело посерьезнее. Нужно уезжать, и поскорее, до того как случится беда. В Рокейре живет брат Апарисио, а когда еще узнают, что он, Жеронимо, — отец Бем-те-ви, какие только беды не обрушатся на них! Нужно не откладывать решение и сейчас же бежать в Брежо. А как Алисе? А что скажет на все это дочь, с которой он так плохо обошелся? Когда он запретил ей встречаться с парнем, она так начала кричать, что ему только и оставалось ударить ее. Он никогда до этого не прикасался к девочке. А теперь был вынужден поступить так нехорошо.

Когда Бенто пришел в энженьоку и рассказал Деоклесио об аресте старика, певец испугался:

— Парень, мы попали в настоящий муравейник. Лейтенант набросится на фазенду, как взбесившийся пес. Кого мне действительно жаль, так это метиса Терто! Нужно же было сумасшедшему старику затеять всю эту историю и так подвести всех! Чует мое сердце... что здесь все плохо кончится. Ты видел Алисе?

Бенто рассказал о разговоре с невестой и о ее согласии бежать, о том, каким сердечным притворился мастер при встрече с ним.

— Нужно торопиться с подготовкой побега. Я остался здесь только ради тебя и не скрою — рискую жизнью. Но дружба дороже этого. А девушка действительно готова бежать? Женщины ведь народ ненадежный.

Бенто передал ему слова негритянки Ассунсион, слышавшей плач в доме мастера, поднявшего руку на дочь.

Деоклесио помолчал немного, потом стал опять уговаривать Бенто:

— Я знаю этот сертан, как никто. Я знаю здесь всех безумных, каждую корову, каждую тропинку, каждого человека с его надеждами и враждой В этом капитане Кустодио все перемешалось. Он сумасшедший и в то же время мыслит здраво. Ты видел, как он отправлялся по делу Апарисио? За несколько минут до этого казалось, что он совсем невменяем, и тут же взялся за такое дело. Ну, хорошо, на разговорах далеко не уедешь. Уведем девушку в назначенный час и отправимся в далекий мир. Ручаюсь, что нас никто не догонит. Я весь этот сертан знаю, как

свои пять пальцев. Наш путь я уже наметил. Прежде всего тебе нужно будет жениться на девушке. В районе Сан Жозе де Боа Морте, вблизи Флоресты, есть миссия — Фрай Мартиньо. Там ты и обвенчаешься, ждать нельзя, когда имеешь дело с девушкой. Сделаем это быстро, потом тут же в Сан Жозе де Боа Морте у Флоресты найдем приют у моего старого друга. Иначе нельзя, арест старика погубит эту затерянную в горах землю.

Бенто ушел в каза-гранде, там он застал Донату в слезах.

— С тех пор как синья Мосинья умерла, в этом доме нет покоя. Капитан весь день только и говорит о сыне, рассказывает все одно и то же. Только растравляет свое горе. А потом, Бенетиньо, я ведь знаю все, знаю и о делах капитана с Апарисио. Он при мне разговаривает сам с собой, будто рассказывает покойной жене о том, что делает. Мне даже становится страшно. Но на следующий день после приступа с него все как рукой снимает. В моем присутствии он стал разговаривать с женой только в последнее время, после того как заболел эризипелой. Как только начинается у него приступ лихорадки, так он и начинает все выбалтывать. А я ведь его предупреждала: «Капитан, не ездите», — но он не послушал меня и теперь сидит в тюрьме Жатоба, во власти полковника. Сынок, почему бы тебе не съездить в город посмотреть, как он там?

— Синья Доната, вы должны знать, что солдаты могут явиться сюда в любую минуту и увести нас всех в тюрьму. Капитана арестовали с оружием для Апарисио.

— Я знаю все это, сынок, я знаю и то, что ты брат Апарисио.

Вернувшись домой, Бенто передал Деоклесио разговор с негритянкой.

— Видишь,— сказал ему Деоклесио,— как опасно оставаться тебе здесь. Сегодня же нужно уходить отсюда.

Когда все сборы были закончены, Деоклесио растянулся в гамаке, взял гитару в руки и запел старинную моду. Это была песня о какой-то Гильде, «самой жестокой из красавиц». Из чудовищного каприза она потребовала у сына сердце его матери. Голос певца напомнил Бенто все пережитое. Он вспомнил свою мать, и ему стало страшно, пропало желание бежать. Кантига Деоклесио отзывалась болью в сердце. Он хотел попросить Деоклесио замолчать и не решился. Настал вечер, и он вышел посмотреть на пе-

чальный сертан, послушать пение птиц на деревьях; казалось, что и они с чем-то навсегда прощаются. На душе было грустно, и он увидел далекий, уже почти забытый образ Эуфразии — сестры священника Амансио, опять слышал ее мягкий голос, многому научивший его, снова был в тихом, уютном доме своего крестного. Это напомнило ему о существовании широкого мира... Нет, он ни за что не останется здесь. Он уже не чувствовал себя братом Апарисио, у него не было ничего общего с его миром.

Пройдя немного подальше, он увидел обмелевший водоем: стоячая вода покрылась зеленью и заросла кувшинками. Только крякавшие утки оживляли этот печальный ландшафт. Деоклесио прав. Нужно бежать отсюда. И как можно скорее. Словно спасаясь от самого себя, Бенто поспешил к другу. Он застал его в гамаке. Некоторое время Деоклесио молча покачивался, потом сказал:

— Мне уже больше сорока лет, а как я прожил их? Гол как сокол, вот только гитара — единственное мое богатство, но я все равно останусь в этом сертане, так же как и другие. На долю каждого человека выпадает хоть какая-нибудь радость! Вот, бывает, брожу я, на душе печально и пусто — и вдруг блеснет что-то! Иногда это пташка запоет, иногда мелькнет цветочек, и мир сразу начинает казаться прекрасным. Да, вот как оно бывает. Но теперь тебе нужно бежать поскорее отсюда. Я певец и не хочу расставаться с этим краем, а тебе непременно нужно уходить. Ты имеешь образование, и душа у тебя лежит к другой жизни.

В эту минуту они услышали топот коней Вышли на дорогу и увидели медленно подъезжающих капитана и метиса Терто. Бенто подбежал, чтобы помочь старику спешиться. Капитан, не сказав ни слова, даже не поздоровавшись, потащился к дому. Терто подошел и стал рассказывать:

— Я только довез сюда нашего старика, потом уйду сразу в лес, солдаты, наверно, следуют за нами. Старик бредит со вчерашнего дня. Он сумасшедший и даже выбегал в Жатоба на улицу.

Когда метис рассказывал об их аресте, голос его дрожал.

— Мы ехали с грузом, солдаты приказали остановиться. Видимо, старик сам хотел сдаться. Лейтенант кричал на него, а он молчит, как будто это не к нему относилось, а ведь мог поговорить с человеком. Но где там! Понес вся-

кую несуразицу. Один солдат стал осматривать груз и, когда увидел патроны, стал избивать меня — я и теперь еще не могу спины разогнуть. — Терто снял рубашку и показал кровавые рубцы на спине.

— Несчастный старик будто преднамеренно губил нас. Досталось и ему от солдат, но он словно и не заметил этого. В Жатоба полковник приказал отпустить нас, но я уверен, что это — только ловушка и следом за нами идут солдаты. Говорили, что Апарисио напал на Пан-де-Асукар. Тюремщик рассказывал, что даже священнику досталось там. Голого викария посадили в каноа и пустили вниз по реке. Теперь лейтенант отправился туда со своими солдатами. Но Апарисио они не поймают и тогда явятся сюда. Бенто, сегодня же я ухожу из фазенды. Переночую в лесу. Старик помирает.

Терто ушел связывать гамак и собирать свои пожитки. Деоклесио позвал с собой Бенто и по дороге настойчиво потребовал от него:

— Солдаты совсем обезумеют после нападения Апарисио на Пан-де-Асукар, нужно сегодня же уходить. С девушкой ты условился на девять часов, так? Хорошее время. Утром будешь у берега Сан-Франсиско.

— А вы, сеньор Деоклесио? Вы пойдете с нами?

— Пойду. Я оставлю тебя на том берегу реки после того, как вы обвенчаетесь. Нужно поскорей добраться до миссии Фрай Мартиньо, а потом ты уже и сам найдешь дорогу. Женишься, и жена направит тебя на путь истинный. Этот чертов мастер способен погнаться, как ищейка, по вашим следам. Нехороший он человек.

Не успел Деоклесио кончить, как в воротах появился сам Жеронимо. Солнце уже зашло, но его последние лучи еще озаряли двор усадьбы. Жеронимо быстро подошел к Бенто и спросил:

— Бенто, капитан у себя?

— Только что пришел, мастер.

— Я хочу сдать ему все. Завтра на рассвете отправляюсь в Брежо.

В это время на пороге дома показался старый Кустодио. Он пристально посмотрел на группу, начал было спускаться вниз по ступенькам, потом раздумал. Мастер решил подойти к старику, но тот закричал:

— Не подходи! Это ты, Жерминиано? Да, конечно, ты. Доната! Скажи Мосинье, чтобы она встретила Жерминиа-

но, — обратился капитан к негритянке, потом быстро скрылся в доме. Но очень скоро снова появился. Мастер стоял у порога дома недоумевая.

Кустодио закричал на него:

— Не смей переступать порога моего дома, убийца! — Эти слова вывели Жеронимо из себя, и он в бешенстве стал наступать на капитана.

— Кто убийца, говори, старый сумасброд!

Кустодио немного опешил, но тотчас опять закричал:

— Флорентино! Держи этого негодяя! Вяжи убийцу! Флорентино!

Деоклесио, сообразив, что все это может плохо обернуться для них — старик способен выкинуть что угодно, — бросился на капитана и вырвал у него из рук железную клюку, которую тот прятал за спиной.

Мастер, успокоившись, наблюдал за всей сценой и только немного отошел дальше. Потом сказал Бенто:

— Видишь, сынок, вот так оно и бывает. Достаточно одной минуты, и человек погубит себя на веки. Я ведь видел, как старик прятал оружие за спиной. Стоило ему меня ударить, я не стерпел бы и ответил тем же. А потом снова оказался бы убийцей на этой чужой мне земле, без защитника в суде. В этом проклятом сертане я оставляю могилу жены. Тяжело мне. Ты хотел жениться на Алисе, и она тоже хочет этого, но, сынок, я опять повторяю тебе: в твоих жилах течет кровь кангасейро. Рано или поздно тебя поймают. И, хотя ты не годишься для жизни в кангасо, правительство изловит тебя и поступит с тобой так же, как поступило с моим Зе Луизом. Я вернусь к доктору Кунья Лима и там найду своего покровителя. Если семья покойного Казимиро начнет мстить, я тоже не буду сидеть сложа руки. Но там у меня будет покровитель. А здесь я не останусь. Девочка не хочет уходить из-за тебя, но ей придется уйти. Я прошу тебя только об одном: не становись мне поперек дороги. Мне всегда нравилось твое поведение, и я знаю, что тебе можно верить. Вот я и пришел тебя предупредить: не становись мне поперек дороги!

Не сказав больше ни слова, он ушел, ни с кем не попрощавшись. Деоклесио возмутился:

— Никогда не видел человека более высокомерного, чем этот мастер Жеронимо.

После того как Бенто рассказал ему о предупреждении мастера, певец сказал:

— Такой он и есть. Я удержал старика только потому, что побоялся, как бы это не помешало нам с тобой. Если бы капитан убил или ранил этого гордеца, хлопоты могли бы задержать нас здесь. А у тебя действительно хватит смелости увезти девушку?

— Это зависит только от нее. Я назначил на девять часов и ровно в девять часов буду на месте. Думаю, что все обойдется без помех, ведь мастер считает меня нерешительным и не станет стеречь ее.

— Ушел убийца?

Это опять явился капитан с другой железной клюкой в руках.

— Флорентино, скажи Зеке, чтобы окружили бандита. Эта тварь должна умереть на острие ножа. Сюда, на землю Кустодио дос Сантоса, не ступит нога подлого убийцы. Пойди, скажи Зеке, Флорентино. А вы что здесь делаете? Хорошо, понимаю — вы парни моего Зеки.

Дона хотела увести старика в дом.

— Капитан, пойдемте, ужин на столе. Здесь сыро, капитан.

Опершись о плечо негритянки, едва волоча ногу, старый Кустодио стал медленно взбираться по ступенькам. Стемнело, и Рокейра казалась еще более оторванной от всего мира. Деоклесио и Бенто с нетерпением ждали назначенного часа. Пришел попрощаться Терто.

— Я буду ночевать там, внизу, в каатинге. Опасаюсь оставаться здесь даже до рассвета.

В наступившей тишине слышался только голос Кустодио.

— Сеу Деоклесио, не знаю, как и благодарить вас за все, — сказал Бенто.

— Благодарить — за что, парень? Ты мне нравишься, правду говорю, нравишься, и я остаюсь с тобой до конца. У меня только и есть, парень, что эта моя жизнь. — И оба замолчали.

Внизу, в водоеме, надрываясь, квакали лягушки, в тишине их кваканье звенело, словно металл.

Вдруг громко хлопнула калитка. Кто бы это мог быть в такой час? Бенто и Деоклесио вышли во двор и увидели, что кто-то спешит к каза-гранде. Это оказалась Алисе; еле переводя дыхание, она рассказала:

— Отец пришел домой и лег спать. Вскоре я услышала крик и поспешила в его комнату. Он лежал с широко открытыми глазами и, тяжело дыша, сжимал руками грудь. Так продолжалось не более минуты. Мастер Жеронимо умер.

XIX

Деоклесио взял на себя хлопоты по похоронам мастера Жеронимо. Его положили в гроб, купленный в Такарату на деньги Апарисио. Провожало его много народу, у гроба горели свечи. Явился даже надзиратель поговорить об Алисе:

— Девушка осталась без отца и матери, она не может жить одна, — начал он. Но тут вмешался Деоклесио:

— Сеу надзиратель, девушка помолвлена, и, если я не ошибаюсь, она уже в том возрасте, когда может сама располагать собой.

До начала погребальной процессии появился капитан в странном наряде: весь в черном, в одном сапоге, больная нога была завернута в ткань. Он подошел к собравшимся и спросил:

— Это Кларинда хоронят? Да, конечно, его. Он умер от черной оспы, я знаю об этом. Я говорил ему: «Кларинда, не ходи в Жатоба. На улице Палья — черная оспа», — он не послушался меня, и вот результат. Мосинья тоже уговаривала его не ходить...

Старик говорил без умолку. Он был не в состоянии держаться на ногах и, присев под жуазейро, продолжал:

— Когда здесь был святой Ибиапина, он дал моему отцу красную ленту шириной в палец, чтобы повязать ногу. Он был чудотворцем и умел исцелять любую немощь. И вот, когда край поразила лихорадка бобон — мой отец жил тогда в Гараньуисе, — он повязал лентой ногу, и лихорадка не коснулась его. Вот так-то. А этот Кларинда не хотел меня слушать, хотя я и предупреждал его, что в городе черная оспа. И вот теперь он мертв.

Негритянка Доната, издали следившая за стариком, подозвала Бенто:

— Сынок, именем нашего господа бога прошу вас, не допускайте, чтобы старик стал посмешищем. Сейчас он будто говорит мирно, а через минуту может натворить бед,

ведь он взял с собой кинжал. Я пришла сюда только, чтобы присмотреть за ним.

Когда похоронная процессия тронулась в путь, все было сделано для того, чтобы заставить капитана вернуться домой. С ним остался вакейро Фелипе, чтобы вместе с Донатой увести старика. Но и вдвоем они еле справились с ним.

Алисе забилась в угол комнаты и не замечала негритянок, оставшихся в доме после выхода процессии. Сестры из домика у водопада, не успев отереть слез, уже судачили о случившемся:

— Я шла по дороге, — вспоминала одна из сестер, — и вдруг услышала, кто-то плачет. Это мастер бил дочь. А теперь вот взял и умер.

— Может, он и умер от злости, — сказала другая. — Он не хотел, чтобы дочь вышла замуж за Бенто. Парень белый, но мастер был слишком гордый.

— Он что, хотел принца себе в зятья? Эти брежонцы— пречванливый народ. Вот и сейчас, ты разве не видишь? Чужие люди в доме, а она спряталась, только бы не говорить с нами. Гордость дьявольская, и больше ничего!

— Она выйдет замуж за парня; только вот не знаю, как их обвенчают, разве что в миссии. В городе нужно, чтобы отец получил разрешение священника.

— Повенчают в миссии братства. Туда достаточно только явиться, и все будет в порядке.

— Но, моя негритяночка, ведь этот парень в дружбе с певцом. А ты встречала среди них хотя бы одного порядочного человека? То-то и оно-то!.. Только и знают, что волочатся за женщинами. Не знаю, но чувствую, что эта девчонка погубит себя. Не зря мастер не хотел выдавать ее за парня.

— Я видела, как она плакала. Может, тут замешан этот певец?!

На площадке собрались женщины и громко разговаривали. Капитан с негритянкой и вакейро шли по дороге.

— Капитан совсем рехнулся.

— Да, видно, так. Он давно уже не в своем уме, с тех пор как погиб его сын. Теперь за ним смотрит негритянка Доната. Его отец тоже к концу жизни совсем спятил. Я помню, как он ходил в длинной рубахе кающегося грешника.

— Капитан — хороший человек. После смерти жены все тоскует.

— Дочка выйдет замуж и уйдет из Рокейры; парень не хочет оставаться здесь.

— Хороший дом, кума Шика.

— Хороший, но я бы не хотела в нем жить. Ты помнишь арендатора, жившего в этом доме раньше? Дочка утонула во время купания в реке, жену ужалила змея. А мастер Жеронимо сколько намучился в этом доме?

— Не знаю, кума, но эти брежонцы являются сюда только тогда, когда в чем-либо повинятся. Я слышала, что он ушел из Брежо, спасаясь от суда...

С дороги донесся голос женщины, она пела псалом.

— Наверно, бедняжка, родившая от Апарисио.

И в самом деле это была безумная, о которой рассказывал Бенто Домисио. Ее грязные распущенные волосы растрепались, платье было в лохмотьях, ноги перепачканы землей. Не задерживаясь, ни на кого не глядя, она шла уверенно, будто знала, за кем идет.

— Бедняжка, после того как отец ушел к солдатам, за ней и присмотреть некому. Тетка, правда, бегает повсюду за ней и не может догнать. Несчастная девочка родила, и говорят, что ребенок — вылитый Апарисио. А отец ее действительно теперь с солдатами?

— Говорят, как будто нет, просто где-то убили.

Издали, со стороны дороги, доносилось грустное пение. Негритянки ушли, и, когда дом опустел, Алисе вышла из комнаты подумать обо всем на свободе.

С момента возвращения отца у нее не было ни минуты, чтобы обдумать свое положение. Она почувствовала, что осталась совсем одна на белом свете. Как ей вырваться из этого ужасного мира, который ее окружает? Она вспомнила отца, выражение ненависти и злобы в его глазах — такой злобы ей никогда, ни у кого не приходилось видеть. Отец избил ее только за то, что она пыталась не подчиниться его бессмысленному приказу. Даже страшная смерть не могла стереть из ее памяти выражение злобы на лице отца, которого она так любила, но который за последнее время так изменился. Почему им овладела эта нечеловеческая ненависть? Что он мог узнать о Бенто? И Алисе задрожала. Что он мог узнать о Бенто? Неужели только из-за Апарисио? А если он узнал что-нибудь другое и это привело его в бешенство? Она была одна, но ей не было страшно. Умерли отец и мать, но она не боялась смерти.

Алисе подошла к двери, и взгляд ее упал на старый

розовый куст. Он поник, почти увял. Она пошла за кувшином, набрала воды и начала поливать сухую землю. Земля жадно впитывала влагу. Она вылила еще один кувшин, и земля вволю напилась. Кроваво-красные цветы — туфельки пречистой Девы — сверкали под лучами солнца. Она вдруг почувствовала, что не одна в этом свете, и обрадовалась. Но ей тотчас стало стыдно своей радости. «Ведь в доме еще не остыли следы отца, смерть еще витала в стенах дома, пахло еще жжеными листьями камару», — упрекала себя Алисе. И правда, в доме еще сохранились следы смерти, и она осталась под жуазейро. Алисе посмотрела на дом, и он показался ей живым существом, которое она когда-то очень любила, но которое навсегда уходит из ее жизни. Теперь он казался ей чужим, и ничего не говорил ее сердцу. Отца больше не было. Он умер, и ей показалось, что это случилось давно — много, много лет назад.

Вдруг Алисе послышалось пение. Вначале она не поняла, что это. Но пение слышалось все явственнее, и наконец она увидела безумную, остановившуюся у дома. Казалось, что она ищет кого-то. Алисе стало страшно. Женщина стояла перед ней с распущенными волосами, в изорванной одежде, ноги ее были все в земле, как у грешницы, странствующей по миру и вымаливающей у бога прощение. Алисе вспомнила такую же странницу в Брежо де Арейя, ноги ее кровоточили, вся она была изранена шипами, та тоже вымаливала прощение у господа.

Безумная подошла совсем близко. Ее большие глаза горели, как угли. Алисе хотела убежать в дом, запереться, но не успела.

— Это не ты молодая вдова? Да, конечно, это ты. Я иду из дому, ушла от отца. Он преследует моего мужа. Ты знаешь, кто мой муж? Апарисио, молодая вдова. Я родила от Апарисио, и мальчишка весь смуглый, и волосы у него длиннее моих.

Голос безумной смягчился, и она опять запела. Потом села на землю, обнажив свое грязное тело.

— Молодая вдова, ты знаешь, кто такой Апарисио? Ты никогда его не видела? Он меня всю съел, — и опять запела.

Мало-помалу у Алисе прошел страх, проснулось любопытство и захотелось поговорить с несчастной женщиной. Но безумная не отвечала на ее вопросы и говорила сама:

— Молодая вдова, это твоего мужа сегодня хоронили?

И, не дожидаясь ответа, продолжала:

— Мой муж умирал дважды и дважды воскресал, как наш господь Иисус Христос. Мой муж не смертен, как другие люди.

Ее глаза сверкали в тени жуазейры, и вдруг она поднялась, охватила своими худыми руками живот и со злобой выкрикнула:

— Я чувствую его здесь, внутри себя. Но мой отец не хотел Апарисио. Кто твой муж, женщина? У тебя нет мужа? А у меня есть, и я его никому не отдам. Слышишь?

Все ее тело содрогалось; казалось, что электрический ток проходит через него.

— Почему ты хочешь отнять у меня мужа? — Она нагнулась и подняла с земли камень. — Почему ты хочешь отнять у меня мужа? Никто не отнимет у меня Апарисио, он здесь, в моем чреве! — кричала безумная.

И, медленно отступая, она опять запела свою печальную песню, звучавшую в тиши, как погребальное пение. Алисе укрылась за стволом пальмы.

Безумная была уже на дороге, она пела, а в поднятой руке держала камень. Голос ее стал пронзительным, это был скорее визг. Вокруг метались испуганные птицы. В это время издали донеслось щелканье кнута, и вскоре показался караван. Испугавшись, безумная бросилась бежать.

К дому подошел вожак каравана.

— Девушка, скажи, это не дом покойного мастера Жеронимо? Я узнал о его смерти в лавке Лейтана.

— Да, сеньор, это его дом.

— А отчего скончался покойный, девушка?

— Что-то заболело с левой стороны, он и умер.

— А, точно так, как мой покойный отец. Караван идет из Жатоба, там мы узнали об аресте старого Кустодио. Говорят, он совсем помешался. Значит, ты осталась теперь здесь совсем одна? Послушай, девушка, будь осторожна: по этой дороге скоро пройдут злые люди, они никого не пощадят.

Алисе испугалась слов проезжего. Но, взяв себя в руки, спокойно ответила:

— На днях я выхожу замуж, и мы уйдем отсюда.

— Это хорошо. Сертан — неподходящее место для порядочной женщины. В Пан-де-Асукар Апарисио обесчестил жену сборщика податей. И не только кангасейро, так же

поступают и солдаты. Хорошо, девушка, да благословит тебя бог, мы идем в Такарату.

Издали все еще доносилось пение безумной. Алисе стало страшно, и она не решалась войти в дом. Почувствовала себя одинокой и, не желая того, вспомнила, как обидел ее отец. Она понимала, что старик очень страдал и минутная вспышка злобы не могла не иметь серьезных оснований. Почему он запретил ей выйти замуж за Бентиньо? Почему он сопротивлялся ее замужеству, ведь оно ему было так по душе? Отец всегда хвалил Бенто. Может быть, он узнал о нем что-нибудь плохое и хотел скрыть это от нее?

Смеркалось. Только веселое щебетание птиц боролось с разливавшейся вокруг печалью. Алисе всей душой любила парня, это была ее первая любовь. Ничего лучше этого она не знала в своей жизни. Она была уверена, что и Бенто жил только ею. Неужели отец что-то узнал о Бенто? Нет, это только из-за Апарисио. Несчастье, случившееся с Зе Луизом, усилило отвращение старика к кангасо. Нет, Бенто ни в чем не виноват. Алисе задумалась. А если она не сможет рассчитывать на Бенто? От этой мысли она почувствовала себя на краю пропасти и инстинктивно поспешила укрыться в доме. Теперь она твердо знала: лишившись любви Бенто, она потеряет все. Куда пойдет? Как убежит из сертана с его опасностями? Без отца и матери любой может ее обидеть, никто не защитит бедную девушку, никто не приголубит.

У дверей хлопнули в ладоши, и она вышла посмотреть, кто зовет ее. Это был хозяин лавки с женой.

— Дочка, пришла я домой, подумала-подумала и сказала мужу: «Лейтан, а девочка ведь осталась там, у проезжей дороги, одна...» У меня самой дома дочь, и я знаю, что значит оставаться девчонке, как ты, без отца и матери. И я сказала тогда: «Пойду в дом покойного мастера Жеронимо и предложу его дочери свою помощь». Так вот, девочка, хочешь ты или нет, а я останусь здесь с тобой на ночь, если ты, конечно, не предпочтешь пойти сейчас же ко мне в дом. Ты одна в этом глухом месте. А в сертане полно бродяг. Прослышат, что ты осталась одна без матери и отца, и сейчас явятся со злым умыслом. Нет, дочка, я знала твою мать, правда, она была неразговорчива, не любила здешних людей, но в своем доме она была хорошей хозяйкой.

— Дона Северина, большое спасибо вам.

Алисе не могла продолжать и горько заплакала. Женщина обняла ее и, гладя по голове, сказала:

— Так вот, дочка, ты можешь рассчитывать на мой скромный дом. Завтра то же может случиться с моей девочкой, и дай бог, чтобы нашелся человек, который присмотрел бы за ней. Ты нездешняя, пришла из Брежо, теперь осиротела, куда тебе деваться?

Успокоившись немного, Алисе ответила:

— Дона Северина, Бенто женится на мне.

— Мне это известно, но до того, как это произойдет, ты не можешь оставаться здесь одна. Нет, я не допущу этого. Сегодня я переночую здесь, а завтра ты перейдешь ко мне. Этот парень, если хочет жениться на тебе, пусть женится с благословения церкви.

Дона Северина осталась и начала приводить дом в порядок. Зажгла светильник в комнате, поставила варить кофе; Алисе сразу почувствовала себя птенчиком в теплом гнезде. Теперь ей был не страшен ни холод, ни ливень. Взяв ведро, она принялась за уборку. Потом они сели пить кофе.

— Девочка, я не люблю вмешиваться в чужие дела и пришла сюда только потому, что так подсказала мне моя совесть. У каждого человека есть долг, пусть даже это касается не его самого. Какой-то голос шептал мне, когда еще твой покойный отец лежал в комнате: «А как же девочка? Что будет с этой девочкой?» Мне стало тяжело на душе, и, вернувшись с похорон, я всплакнула. А Лейтан меня и спрашивает: «Что с тобой?» Я сказала ему: «Лейтан, а как же дочка мастера Жеронимо? Останется совсем одна!..» Он сначала ничего мне не ответил, а потом и говорит: «Жена, поступай, как тебе сердце подсказывает; приведи девочку сюда в дом, у нас только одна дочь, и еще один рот не объест нас». Вот я и пришла.

Алисе опустила голову, у нее не хватило сил даже поблагодарить. Так сидели они в тишине, не произнося ни слова, и вдруг услышали вблизи голоса. Дона Северина поднялась посмотреть на дорогу: это Бенто и Деоклесио возвращались из Такарату. Девушка встала, чтобы поговорить с женихом, но Деоклесио опередил ее:

— Теперь нужно условиться о дне свадьбы. В Сан-Жозе есть миссия Фрай Мартиньо.

Дона Северина прервала его:

— Миссия-то есть, это правда, но девушка выйдет замуж с благословения церкви. Я пришла, чтобы сказать это; у девочки нет ни отца, ни матери, но мы сделаем нужные оглашения в церкви как можно раньше. Мы небогатые люди, но на это хватит.

Алисе не произнесла ни слова, а Деоклесио, переглянувшись с Бенто, ответил:

— Сеньора совершенно права. Человеку радостно слышать такие слова.

Все уселись за стол пить кофе, и опять в комнате воцарилось молчание. Дона Северина встала, чтобы убрать посуду. Алисе взглянула на Бенто, как бы спрашивая его мнение о словах доны Северины, и просияла. Она опасалась, что вмешательство доны Северины не понравится жениху.

— Завтра Алисе перейдет к нам в дом, сеу Бенто, и все останется так, как было при отце. Сеньор — жених, и мы займемся подготовкой документов у священника. Лейтан позаботится обо всем этом.

— Но сеньора не должна оставаться здесь одна, — сказал Бенто. — Если позволите, мы переночуем здесь в амбаре.

— Это было бы неплохо. Ночь скоро пройдет, а завтра, если сеньор пожелает, он может помочь нам при переезде.

Не успели они выйти из дому, как Деоклесио сказал Бенто:

— Послушай, парень, скажу тебе без обиняков: я не останусь здесь дольше. Вижу, что нам всем грозит большая беда.

Когда они подошли к Рокейре, Бенто уже поджидал Рассеченная Губа. Оказывается, как только Апарисио узнал об аресте капитана, он тотчас прислал своего лазутчика к брату. Он предлагал Бенто немедля уйти в фазенду Педра-Бранка, к капитану Шико Инасио, или, если он захочет — здесь Рассеченная Губа понизил голос, — может присоединиться к отряду. Оставаться в Рокейре больше нельзя. Рассеченная Губа рассказал об атаке на Пан-де-Асукар, о перестрелке на берегу реки с солдатами капитана Алвиньо. Апарисио пришел к переправе, а лодочника не было на месте. Он заподозрил засаду. Так оно и оказалось. Капитан Алвиньо засел в овраге, но, к счастью кангасейро, ружье у одного из макак случайно выстрелило, и Апарисио обо всем догадался. Парни укрылись в каатинге

и избежали окружения. Апарисио сообразил, как сманеврировать, ускользнул от огня противника и укрылся за камни. После этого негр Висенте с шестью парнями спустился к реке и зашел солдатам в тыл. Капитан испугался окружения, а Апарисио усилил натиск. Перестрелка длилась два часа. Потом Апарисио прекратил это смертоубийство, и все кончилось: капитан Алвиньо с тремя солдатами убрался на тот свет, а Апарисио спокойно переправился через реку.

— Я встретился с ним в «Лажедо», у полковника Фелисио. Негр Висенте потерял одного человека, и двое в отряде были ранены, один опасно. Там же капитан поручил передать тебе: «Скажи мальчику, пусть идет в фазенду полковника Шико, Рокейре пришел конец». И еще добавил: «Скажи ему, что брату Апарисио нельзя попадаться в руки полицейских собак. А если он захочет, пусть идет к нам».

Бенто молча выслушал лазутчика брата, потом пошел к Деоклесио, рассказал ему все и стал ждать его совета. Певец внимательно слушал его рассказ и сказал откровенно:

— Парень, у тебя не хватает духу развязаться с братом. Но у тебя есть девушка. Ты что, раздумал жениться? Пойми, у кангасо кровь буйная, а у тебя парень — спокойная. Ответь человеку прямо, что не пойдешь с ним.

Их разговор прервал крик Кустодио: услышав о приезде посланца от Апарисио, он явился, чтобы узнать, кто приехал.

— Я услышал топот коня и подумал, не Зека ли это вернулся из Жатоба. Флорентино, возьми коня у этого человека и отведи на конюшню. Да не забудь задать ему корма. Я знаю, зачем пришел этот человек. Скажи Касуса Леутерио, что я не буду голосовать за него. В этой Рокейре хозяин я. К черту Касуса Леутерио и всю его банду!

Он приблизился к Рассеченной Губе.

— Слышишь?

Тут появилась негритянка Доната и стала уговаривать старика:

— Капитан, пойдите отдохните...

Рассеченная Губа пошел за своей лошадью, а старик все еще говорил:

— Эти собаки думают, что я их боюсь. Голосовал и буду голосовать за либералов. Так поступал всю жизнь мой отец. Зека должен вернуться. Наверно, он где-нибудь там, как заботливый пастух...

И, рассмеявшись, он обратился к Деоклесио:

— Сахара нет, урожай плохой. Хватит только кофе подсластить.

И вышел. Деоклесио, волнуясь, стал уговаривать Бенто:

— Послушай, парень, еще раз повторяю тебе: уйдем поскорее с девушкой во Флоресту, и там ты обвенчаешься. Явилась эта женщина, и все переменилось. Ты знаешь, что девушка была согласна. Женщины сами не знают, чего хотят. Я здесь не останусь ни одной минуты больше. Не знаю, что и будет тут. Майор Лусена свирепствует после смерти друга, он выместит свою злобу на сертанцах. Я могу поручиться, что Рокейре осталось существовать считанные часы. Знаю, как это бывает. Помню случай со старым Флоринесом в Брежо. Солдаты схватили даже ребенка, как будто он мог быть в чем-нибудь виноват, и утащили его в тюрьму Бом-Консельо. Его так избивали, что мальчонка отдал богу душу. А ты ведь не кто-нибудь, а брат Апарисио. Дождешься, сынок, схватят тебя и повезут показывать повсюду, как диковинного зверя.

Бенто ничего ему не ответил, и певец принял его молчание за недоверие к своим словам.

— Хорошо, я здесь не для того, чтобы надо мной смеялись. Говорю тебе дело, а ты думаешь, что я трушу.

— Нет, сеу Деоклесио,— стал успокаивать его Бенто,— я понимаю, что все, что вы говорите, — правда, но сеньор ведь знает: у меня на руках Алисе. И я не оставлю ее, нет, не оставлю. Если она согласится пойти, то пойду и я. А если она скажет — нет, я не уйду отсюда, останусь, пока не обвенчаемся.

Деоклесио немного подумал, потом сказал:

— Ну, так вот. Прости мне эти слова, но я вижу, что все погибнет, за себя, я уже говорил тебе, мне нечего бояться, ведь у меня, кроме этой гитары, ничего нет.

Он поник головой и прерывающимся от нахлынувших чувств голосом сказал:

— Привязался я к тебе, парень, и горько мне, ведь знаю я, какая беда грозит здесь всем вам!

XX

На следующее утро певец Деоклесио все еще не ушел из Рокейры. Бенто спешил повидать Алисе, он был уверен, что все так и будет, как советовал им друг. Они повен-

чаются в миссии Фрай Мартиньо и оттуда пойдут дальше. Денег у них на первое время хватит. Но, когда он пришел к Алисе, оказалось, что она все еще не решилась и начала уговаривать его послушаться совета доны Северины:

— Бенто, разве дона Северина не говорила нам, что лучше венчаться в церкви? Я не сомневаюсь в тебе, но я знаю, что матери не понравилось бы, что я, как какая-нибудь девка, венчаюсь не в церкви.

Они помолчали. Потом Алисе добавила:

— Но, если ты хочешь, я пойду с тобой. Я обещала, что пойду, значит пойду.

Вошла дона Северина и обратилась к парню:

— Сеу Бенто, Лейтан считает, что вы должны сходить в Такарату поговорить с викарием о документах.

Бенто обещал, но, оставшись с невестой наедине, стал объяснять ей:

— Алисе, ты ведь знаешь мое положение. Священнику нужно назвать имя отца и матери, место рождения. Вот почему в миссии будет легче.

— Правда, я об этом не подумала. Ты ведь брат Апарисио. Я не могу сказать этого доне Северине. Она плохо подумает о нас, но другого выхода нет. Я ничего ей не скажу.

Возвратившись к себе, Бенто решительно заявил певцу:

— Выход один — бежать. Алисе согласна.

— Вернись и скажи ей, чтобы она приготовилась. Ночью выйдем.

Деоклесио взял гитару и, лежа в гамаке, запел под ее аккомпанемент, но голос сорвался — что-то угнетало его.

— Я не в силах вырвать из сердца то, что вросло в него. Это мой конец, парень. Не знаю почему, но этот заброшенный угол на краю света терзает мне душу. Иди, поговори с девушкой. Потом соберем все и уйдем, здесь я и дня больше не останусь! О, этот несчастный заброшенный угол в горах!

— О дьявол, у того соловья из Тейшера голос сильнее, чем у старого Инасио Катингейры. Я думал, что это только разговоры, но я сам слышал этого черта на ярмарке в Крато и скажу тебе, я не разбил тогда свою гитару только потому, что человек не может убить родную мать. Парень, я слышал, как он играл галоп, и, чтобы не сказать больше, испугался. Нет, это не земной человек. Что я по

сравнению с ним, — ничто. Так оно и есть; я сложил АВС о Бем-те-ви и думал, что это чудо, а оказалось, что это — просто вранье. Твой брат Апарисио не из тех людей, которые вдохновляют певца. Он и мизинца не стоит Жезуино Брильянте. Видно, пришел конец этому сертану. — Певец сборвал мелодию.

— Ты должен поговорить с девушкой. Я остался здесь только для того, чтобы помочь тебе. Время идет.

Бенто ушел к водоему. Настал решительный час, час бегства из тюрьмы, в которой он столько времени томился. Хотелось подумать о Домисио, но на ум приходили только припадки безумной матери, ее ненависть к своим сыновьям. Перед глазами проходили Педра-Бонита, убийство паломников, расстрел, земля, пропитанная кровью невинных, печальный, сострадательный взгляд умирающего крестного, священника Амансио. Нет, в моих жилах и вправду не течет кровь кангасейро. Я не способен убивать и грабить. Совесть не позволяет, решил Бенто. А как же Домисио? Ведь брат был хорошим, любящим человеком, и у него тоже когда-то было мягкое сердце, а теперь он скрывается в каатинге и убивает, как Апарисио.

Наступил вечер. Бенто почувствовал себя наконец в силах порвать со своей семьей навсегда. Спустившись немного, он подошел к покрытой кувшинками воде. Повыше устроила себе гнездо утка. Мать заботливо прикрывала своими крыльями пискливых птенцов. Он осторожно, чтобы не вспугнуть утку, обошел гнездо и поднялся выше. Навстречу ему шел вакейро Фелипе.

— Сеу Бенто, я пришел поговорить с капитаном, а он ушел от меня. Нужно подумать, что делать со скотиной, он рассказывает мне старые истории, и я не знаю, к кому обратиться. Скот гибнет. Синья Доната велела поговорить с вами.

— Но я уезжаю, сеу Фелипе. Жаль оставлять капитана, но что поделаешь? Вы должны помочь старику, пока он не закроет глаза.

— Правда, сеу Бенто, я родился и вырос здесь, но каждый человек должен иметь свой угол. Время капитана прошло. Скоро свеча догорит, явится сюда судья и начнутся разговоры об инвентаре. Я должен признаться вам, что майор Леокадио зовет меня к себе. Придется согласиться перейти к нему. Жаль старика, но прежде всего я должен думать о своей семье.

Бенто знал, что негр бесстыдно грабит остатки имущества капитана. Бенто хотелось обругать вора, но он сдержался. Ему нельзя было вмешиваться в это дело.

— Делайте, как знаете, сеу Фелипе, я уезжаю.

Когда Бенто поднялся к дому, его ожидала там Доната.

— Сеу Бенто, вакейро Фелипе сказал мне, что гибнет скотина. Подлая он собака. Несчастный капитан при смерти, за него даже некому вступиться.

На порог вышел Кустодио и обратился к служанке.

— Доната, позови Зеку ужинать.

У Бенто сжалось сердце. Старик при свете угасающего дня, с грязной бородой, голый по пояс, в кальсонах, был одновременно и жалок и страшен. Такой он видел свою мать: растрепанной, с безумным взглядом, помутившимся разумом. Она так же без умолку говорила и была далека от мира, в котором жила. Нет, ему нельзя оставаться здесь, слишком тяжелы воспоминания. Нужно изменить жизнь, уйти далеко и навсегда от злой судьбы всеми гонимой семьи. Какое счастье, что явился Деоклесио и помогает ему спастись!

Старый Кустодио стоял, опершись на толстую палку, и смотрел вдаль. Бенто стало страшно. Когда он ушел от капитана, на сердце у него было тяжело, на глазах выступили слезы. Певец сразу заметил его состояние и сказал:

— Нужно, чтобы твое сердце стало каменным, парень. Я слышал, что тебе говорила негритянка, но ты не можешь и не должен больше оставаться здесь. Нужно подумать и о себе.

— Сеу Деоклесио, я так и сделаю. Когда в Ассу умирал мой крестный, я оставил его и побежал к своей семье, чтобы предупредить ее о налете солдат. Хотел спасти несчастных и никого не спас. За то, что я оставил моего покровителя в его смертный час, бог покарал меня. Так было. А сейчас я уйду, не останусь с братьями. Пойду собираться.

Сложив вещи, Бенто поспешил предупредить девушку и, подойдя к дому, встретил дону Северину в дверях.

— Вернулись, сеу Бенто?

— Да, дона Северина, пришел поговорить с Алисе.

— Она пошла к реке за водой.

Бенто спустился к реке и увидел там Алисе. Она сидела на камне и даже не заметила его прихода. Увидев жениха, она вздрогнула.

— Ты зачем здесь?

— Пришел предупредить тебя. Нужно уходить сегодня же ночью. Сюда идут солдаты. Капитана Кустодио отпустили, но это так не останется. Солдаты не щадят коитеро. Единственный выход — бежать отсюда. В Сан-Жозе, у Флоресты, есть миссия. Сегодня же к девяти часам я приду с Деоклесио. Какой же это хороший человек, в жизни не встречал такого.

Алисе встала и молча подняла кувшин на голову, но Бенто не дал ей уйти.

— А ты как думаешь, Алисе?

Под ингасейро было сухо и тенисто. Дул тихий ветерок, поднимая рябь в стоячей воде колодца. Бенто подошел ближе к невесте, и девушка вся затрепетала. У нее были холодные руки, губы дрожали. Девушка прильнула к жениху, и они поцеловались.

— Будь осторожнее с доной Севериной, — предупредил Бенто.

Алисе еще теснее прижалась к любимому, и слезы потекли из ее черных глаз.

— Ты прав, я буду тебя ждать. Дона Северина скажет, что я неблагодарная, но я буду ждать тебя в назначенный час.

Она подняла кувшин и медленно пошла к дому, а Бенто поспешил к Деоклесио, чтобы окончательно обо всем договориться. По дороге, там, где начинался подъем в гору, двигался караван. Бенто узнал скупщика сахара Шико Антана, тот остановился.

— Добрый вечер, сынок. Значит, бог призвал к себе мастера Жеронимо? А я шел к нему с поручением от доктора Кунья Лима из Брежо де Арейя. Доктор сказал мне: «Шико, встретишь моего кума Жеронимо, скажи ему, чтобы он возвращался. Он нужен мне». Доктор — опять большой человек в политике и теперь «раздает рекомендательные письма» в Брежо. Мастер всегда послушно выполнял приказы доктора. А как дочка Жеронимо?

— Живет у сеу Лейтана, лавочника.

— В Бом-Консельо ходят слухи, что капитан Алвиньо арестовал старика из этой энженьоки, правда это?

Бенто рассказал ему все как было.

— Знаешь, попадешь к солдатам, уж не вырвешься из их рук. Если бы я жил здесь, я бы поскорее ушел отсюда. У майора Лусена из Алагоаса неограниченные полномочия.

Этому офицеру дано право суда. Если бы я был здесь, я не остался бы ни одной минуты больше. Будь мне столько лет, сколько тебе, я бы, не задумываясь, ушел куда глаза глядят.

Шико Антан простился, и вскоре на дороге защелкал его кнут. Бенто быстро поднялся на откос. Что-то подсказывало ему, что нельзя терять ни минуты. Наверху он застал певца хорошо отдохнувшим. Бенто, рассказывая Деоклесио о своем разговоре с Алисе, не мог скрыть сквозившее в каждом его движении нетерпение.

— Парень, зачем так суетиться? Все сделано, как нужно. К утру мы будем далеко отсюда, а пройдем еще немного, окажемся во Флоресте. В миссии служба идет утром и ночью. Обвенчаешься и пойдешь искать где получше. Я буду с вами и оставлю вас только тогда, когда вы будете в безопасности...

Не успел Деоклесио кончить, как прибежала негритянка Доната за помощью.

— Старика лихорадит, у него приступ эриэипелы, а вокруг ни живой души, некому помочь. Я вошла в комнату капитана, а он лежит, вытянувшись в гамаке и закрыв глаза, весь красный, как кумач, и дрожит. Вот уже с месяц, как у него не было приступов, а сегодня он окунулся в водоеме, и вот что получилось...

— Синья Доната, нужно подождать, это пройдет, — успокаивал негритянку Бенто.

— Сынок, я боюсь, что старик сегодня скончается...

— Ничего, синья Доната, вы же знаете, что у него эти приступы проходят, — утешал Бенто старуху, а в душе был уверен, что старик действительно умирает. Опухшая нога потеряла чувствительность. Негритянка наломала веток мастикового дерева, чтобы расстелить их в гамаке. Деоклесио отозвал Бенто и сказал:

— И все же мы не можем оставаться здесь. Старик помрет, и тогда придется задержаться здесь еще на пару дней. А солдаты ни с чем не посчитаются.

Кто-то постучал у калитки. Это был негр Фелипе. Он весь дрожал. По каатинге прошел какой-то вооруженный отряд. Но это не были солдаты и не отряд Апарисио. По словам Фелипе, это был отряд негра Сабино. Он напал на караван перевозчиков спирта.

— Боюсь, как бы они не налетели на сеньора Лейтана, лавочника, — опасался Фелипе.

Деоклесио отозвал Бенто.

— Парень, несчастный этот сертан. То солдаты, то кангасейро, а бедняга сертанец должен все это выносить.

Деоклесио снял гамак и стал связывать свой узелок. Увидев эти приготовления, негр Фелипе спросил Бенто:

— Значит, собираешься уходить, сынок?

— Да, сеу Фелипе, ухожу. . .

— Подумать только, капитан умрет, и кто тогда позаботится о Рокейре? Сеу Жука Наполеон хотел бы купить эту фазенду, но от старика в таком состоянии ничего не добьешься. Я не останусь в этом несчастном месте. Но мне жаль, ведь я здесь родился и вырос. — Опустив голову, он добавил:

— Эта чертова земля привязывает к себе человека, и тяжело уходить отсюда. Так-то!

Надвигалась ночь. В водоеме, нарушая мертвую тишину вечера, заквакали лягушки. Бенто огляделся вокруг. Эту землю он больше никогда не увидит. И опять явственно предстал перед его глазами образ безумной Жозефины. Он видел мать совсем близко, в двух шагах. Она была растрепанной, в глазах горела злоба. Бенто вспомнил, как она бродила по дорогам, проклиная все и всех. И это была его мать — раньше такая сердечная и сильная в горе. Она потеряла разум. Ненавидела свое чрево, родившее чудовище. Бедняжка не вынесла, согнулась под непосильной тяжестью вины поколений Виейра.

— Сеу Деоклесио, — обратился он к певцу, — мне стыдно сознаться вам, но мне страшно.

— Страшно чего, парень?

— Не знаю.

Он снова остановился, чтобы взглянуть на Рокейру, окутанную сумраком надвигавшейся ночи.

— Люди скажут: покинули умирающего капитана и даже не подождали, чтобы вложить ему свечу в руки.

И опять на ум пришел его крестный отец Амансио: так же он поступил и с ним. Его послали за священником в приход Глориа, а он оставил умирающего без последнего напутствия, ушел к семье. А теперь вот оставляет капитана.

— Ну что ж, парень, умереть — дело нетрудное, вот жить чертовски трудно,— говорил Деоклесио.— А этот помешанный старик давно уже мертв, а если останемся и нагрянут солдаты, что тогда? Ведь ты сам слышал от Фелипе,

что появились парни Сабино? Значит, и солдаты скоро будут здесь, набросятся на Рокейру, и никого уже не останется, чтобы рассказать эту страшную историю. Таков уж этот сертан.

Не успели они дойти до поворота дороги, как услышали доносящийся издалека шум голосов. Деоклесио остановился и потянул Бенто за рукав.

— Ложись.

Они подползли к умбу и прилегли на сухие листья; тотчас же показалось человек десять вооруженных. Притаившись, они слышали стук альпаргат о камни. Когда они прошли, Деоклесио прошептал Бенто на ухо:

— Это — солдаты. Нужно уходить в каатингу. Нам повезло, вовремя ушли, парень.

И они поползли меж кустов, темная ночь укрыла их, на небе еле мерцали звезды. Деоклесио давал шепотом указания:

— Спустись вниз за девушкой, как условились. Пойдем в направлении Флоресты, придется идти весь остаток ночи. . .

— Сеу Деоклесио, деньги я зашил в подкладку штанов.

— Обвенчайся, а потом уже будет видно, что делать. Черт, только бы девушка не струсила.

Они остановились вблизи лавки Лейтана. Залаяла собака. В ночной тишине слышно было малейшее движение тварей, шуршавших в сухих листьях под деревом. Потом раздались выстрелы.

— Слышишь? Это солдаты. Ручаюсь, это стреляют там, наверху, у старика.

Стрельба продолжалась, и Деоклесио, прислушавшись, усомнился:

— Парень, а стреляют-то как будто не на горе, нет. Верно, стычка с молодцами Сабино.

И опять все смолкло в ночи. Вскоре из-за густой чащи деревьев выплыла большая красная луна и стала медленно подниматься.

— Парень, осталось мало времени, скоро встретим девушку.

Они спустились к берегу реки. Ветвистые ингасейро купались в мягком лунном свете, среди песка ясно выделялось белое ложе реки. Бенто волновался:

— Сеу Деоклесио, уже время.

— Если ты условился на девять, то она уже, наверно, там.

Они стали потихоньку подыматься на дорогу. Дом лавочника находился у самого поворота на Такарату.

Алисе должна была ждать неподалеку от дома, под жуазейро. Но, когда они подошли, девушки там не оказалось. На сердце парня стало тревожно. Минуты тянулись медленно.

— Что-нибудь случилось с ней?

Деоклесио прошел еще немного и увидел, что в доме все огни погашены.

— Спят.

Обманутый светом луны, запел петух. Бенто всего трясло. Даже в те дни, когда он мчался на коне, чтобы предупредить своих о грозящем нападении солдат, сердце не билось в груди так, как сейчас. «А если Алисе раздумала, — мелькнуло у Бенто. Сейчас решается вопрос всей моей жизни. Ухожу навсегда от всех мук своей семьи, проклятой еще во времена деда. Сам бог, видно, послал мне Деоклесио».

Опять послышались голоса, и они снова укрылись в придорожной поросли.

Мерным шагом прошли в направлении Такарату солдаты с винтовками наперевес, позади, на некотором расстоянии, шел офицер. Вскоре у дома лавочника мелькнула закутанная фигура. Луна осветила женщину. Оглядываясь по сторонам, она что-то искала.

— Это Алисе, беги к ней.

Когда они встретились, Бенто увлек ее к месту, где их ждал Деоклесио, и они спустились к реке. Алисе вся дрожала и судорожно всхлипывала.

Приветствуя зорю, снова запел петух. Алисе присела, чтобы сдержать сильное биение сердца. Она перестала плакать. Бенто, успокоившись, сказал:

— Сеу Деоклесио, сам бог послал вас нам в помощь.

— Не стоит об этом говорить, парень. Нам еще предстоит идти до утра. Фрай Мартиньо венчает странников во время ранней обедни.

Луна серебрила каатингу, в ее мягком свете тонули шипы кордейро и эспиньо. Певец уводил Бенто и Алисе из этой жестокой, страшной земли.

— Парень, какая ночь, песни бы петь под гитару!

Шли молча. А к утру подошли к фазенде старого Геркулано Котиа и увидели еще дымившиеся развалины казагранде; в загоне валялась побитая скотина. Вероятно, здесь недавно прошел Сабино со своим отрядом.

— Видите? — сказал Деоклесио. — Нужно уходить, и поскорее. Не то подойдут солдаты, и тогда мы пропали. Это сертан, парень. Придем во Флоресту, надо будет постричься, а то у меня вид кающегося грешника. Пошли...

Жозе Линс ду Регу

КАНГАСЕЙРО

Художественный редактор *В. Я. Быкова*
Технический редактор *А. Г. Резоухова*
Корректор *Толкушкин А. А.*
Сдано в производство 8/X-1959 г.
Подписано к печати 12/XII-1959 г.
Бумага 84 × 108 1/32 = 4,6 бум. л.
15,2 печ. л. Уч.-изд. л. 15,9. Изд. № 12/4975
Цена 9 р. 45 к. Зак. 651

•

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва, Ново-Алексеевская, 52

•

2-я фабрика детской книги Детгиза
Министерства просвещения РСФСР
Ленинград, 2-я Советская, 7.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Выходит в свет

Долорес Медио, **Государственный служащий**, роман, перевод с испанского.

Роман «Государственный служащий» — широкое, правдивое описание жизни современной Испании. Перед читателем Мадрид с его дороговизной жизни, обрекающей на голод, на бездомное существование огромное большинство своих жителей, Мадрид, потерявший веру в лживые обещания социальных реформ, равнодушно относящийся ко всему, кроме футбола и рождественской лотереи. Центральный персонаж книги — маленький человек Испании наших дней, чиновник телеграфного ведомства. Скупо, но очень выразительно писательница говорит о том, как рушатся надежды этих людей, как тяжела их жизнь, каким безысходным и безнадежным предстает перед ними будущее.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Готовится к печати

Эрнесто Кастро, **Вспаханное поле,** роман, перевод с испанского.

Роман посвящен сильным, мужественным и отважным людям. Он рассказывает о суровой борьбе аргентинских «гаучо» за право на клочок земли. Три поколения семьи Сория трудились, обрабатывая скупую каменистую землю, поливая ее своим потом. Однако власти, придравшись к какой-то неточности в документах, изгоняют Сорию с его участка. Но не удалось сломить дух этих свободолюбивых людей. Они переселяются на новые земли и снова начинают трудиться, упорно и терпеливо. Они не желают покоряться судьбе, которая несет им одни несчастья. С большой любовью говорит автор о своих героях. Особенно удачны в романе женские образы: женщины из семьи Сория способны не только на беззаветную любовь, но и на борьбу за счастье.

Larisa_F